

Март' 2023

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Наталья РАЗУВАКИНА. В корабельных прожекторах. <i>Стихи</i>	3
Лев УСЫСКИН. Жена. <i>Повесть</i>	9
Марина РОГОВА. Огонь в твоём окне... <i>Стихи</i>	44
Евгений ЕГОРОВ. Еженедельный статус. <i>Рассказы</i>	49
Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ. С выдохом в небо... <i>Стихи</i>	65
Вадим ВОЛОБУЕВ. Новая Атлантида. <i>Роман (окончание)</i>	67
Исмаил МУСТАПАЕВ. Мелодия шла... <i>Стихи</i>	150
Юлия МЕДНИКОВА. Два рассказа	156
Богдан БЕЙК. Из цикла «Узел снега». <i>Стихи</i>	162
Михаил ОКУНЬ. Февраль-2020. <i>Рассказ-дневник</i>	166

ДЕТСКАЯ

Сергей Ив. ИВАНОВ. Энцефалоид Серёгина, или Как мы спасли планету. <i>Повесть</i>	174
---	-----

АРХИВ

Рукопись, найденная в Нижнем Тагиле. Валентин ЛУКЬЯНИН. История тагильской находки. Б.Д. УДИНЦЕВ. Д.Н. Мамин-Сибиряк об уральских железных дорогах и Ирбитской ярмарке. Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК. Из Екатеринбурга. <i>Публикация И.В. Югова и В.П. Лукьянина</i>	207
---	-----

Екатеринбург

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТОЛСТЯКИ НА УРАЛЕ: ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА

- Станислав СЕКРЕТОВ.** Это про нас...
Николай Крышук. Сохранить в облаке. — «Звезда», 2022, № 9 221
- Кирилл ЯМЩИКОВ.** Говорение, находчивость, интуиция.
Андрей Лебедев. Шестьдесят двенадцать парижских мест. — «Новый мир», 2022, № 8 222
- Елена САФРОНОВА.** Каждый сам по себе.
Игорь Шумейко. Неконтактные племена. — «Нева», 2022, № 8 224
- Александр РЯЗАНЦЕВ.** Кровь, огонь и красный смех.
Дарья Жданова. Сын. «Новый мир», 2022, № 11 227

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

- Сергей СИРОТИН.** Змеи, пожирающие друг друга.
Юкико Мотоя. Брак с другими видами 229

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

- С.В.С.** После катастрофы.
Эра выживания. Реж. Кристина Буожите, Бруно Сампер (2022), Франция, Литва, Бельгия 232

СЛОВО И КУЛЬТУРА

- Павел ПРОСКУРЯКОВ** и **Андрей ИЛЬЕНКОВ** отвечают
на вопросы рубрики 235

Наталья Разувакина

В корабельных прожекторах

Надо же что-то там преодолеть,
Надо же чем-то там переболеть,
Мир цифровой ощутить как большую клеть,
Выйти из клетки.
Надо писать «Всё слава богу, мам!» —
Солнышко-смайл желательно по утрам.
Надо похерить инсту и телеграм,
Мы же не дети.

Надо на шею что-то — шелка, бамбук...
Надо нашедшим Шиву убавить звук.
Надо забрать котёнка из добрых рук
Хоть до субботы.
Надо уметь тихонько, едва урча.
Надо забыть про лечащего врача.
Видеть, где Вилли Винки, где саранча
Сумрачной роты.

Надо ещё мотнуть головой вот так.
Что там с моста и как там опять с листа
Или из пулемёта та-та-та-та —
Вечные гонки
Бабочек в корабельных прожекторах,
Баночек молодильных «Ещё не крах»,
Только одно, пожалуй, увы и ах —
Жалко котёнка.

Наталья Разувакина — родилась в Хабаровске, долгое время жила на Урале, работала на городском радио Екатеринбурга, в различных СМИ. Публиковалась в литературных журналах «Новый мир», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Плавучий мост», «Кольцо А», «Дальний Восток» и др. В 2018 г. стала абсолютным победителем в международном конкурсе русскоязычной поэзии «45 калибр», в 2020-м в московском издательстве «Арт Хаус медиа» вышла книга «Быстрая Синева». Живёт в Переславле-Залесском.

Чёрный кот на подоконнике,
Чёрный ворон за окном.
Всё бы кортики да котики,
Столько лет всё об одном.

Золотые одуванчики,
Парус, брошенный в траве.
Все мы девочки да мальчики,
Если честно на просвет.

Осень скалится да пенится.
Ворон — острые крыла.
Я уже ничья не пленница,
Я не Золушка — зола

По миру, по небу — россыпью,
Пылью, семенем, росой,
Подростковыми вопросами,
Самолётной полосой,

Росчерком в конце скитания,
И ресничкой меж страниц,
И касанием летания
Снизу вверх да сверху вниз

В одуванчиковы венчики,
В переключку на заре
Удивлённых человечиков
В ноябре.

Виртуозно в воздух метать ножи,
Имена, названия, этажи,
Ну, ещё про лапы-хвосты скажи,
Паспорта и СНИЛСы,
Я же всё спалила, стопой сложив,
Серебристым пёрышком откружив.
Мне важней, чтоб Ромка остался жив —
Вам же и не снилось.

Я бесшумный поезд, который ждут.
Я молочный сон, медицинский жгут,
Я шумелка мышь, и шуршалка кот,
И ледовый лучик.
Мальчик встанет, сморщится и пойдёт.
Далеко пойдёт, высоко взойдёт —
Говорили маме и в три, и в год —
Он же самый лучший.

За окошком дождик, а может — снег.
Подставляй ладони, лови во сне
Их, которых толком не ждали, не
Пойми как зачали, —
Обречённых жить осторожно-зло,
Пережав картинку, в картон — стекло.
В колыбельной девочке повезло —
Брат сестру качает.

А в жизни оно ж не в книжке, оно грубей.
Не убей, не убий — да ладно, поди убей.
Или просто поди уже что-нибудь да реши!
Ну а ты ни с места, ты точишь карандаши.
Ничего важнее, как в детстве, — «пап, почини!...».
Почини мне белый и белый, как эти дни,
Ни луча, ни блика, ни кряквы, ни снегиря,
Ни еловой темени в поступи января,
Ничего цветного, откуда родится боль,
Я их все догрызла, я смех превратила в соль,
Соле миа — солнце, жёлтый совсем исчез,
Я ж им раньше — дом, и ветер, и сон, и лес,
И ещё зелёным и рыжим во всю-то дурь...
И ещё — не стыдно, но первой ушла — лазурь.
Соль и снег, два белых, хватит и одного.
Ты смеёшься, а я дышу твоим рукавом,
Молоком — куда там, порохом-табаком,
И мелькают буквы, снежинки, бабочки, в горле ком —
Я нечаянно, пап, зачем, ну оставь себе-то —
Ты забыл, тебе ж ещё ух какое лето
Рисовать во всю ширь небес, в колокольный рост!..
А в ответ — перезвон снегов, переливы звёзд.
Потому что отец — он как Пушкин, как Дед Мороз.

Это, верно, горелая гречка.
Это, верно, плохой интернет.
Реферат о влиянье наречий
На осмысленность внешних примет,
Почерк девичий, глупая встреча —
Я в наивных листочках жила...
Это в нашем приречье-заречье
Выгорают миры добела,
Прилипает ко дну — основное,
Лай собачий, чумная сума...
Наречёшься немислимым Ноем —
И ковчегом укроет зима.

Вот он приходит к ней со своей весной —
Бедных потомок дней, утонувший Ной,
След от саней, огарочек, перегнутой —
Если взглядеться.
Я, говорит, Пегас — но смещение плит,
Я бы в бега, священник и Гераклит,
Вся недолга — долгать бы, но вот болит
Вечное детство.

Ты разгляди, узнала же — улыбнись.
Много ли, мало — яблоком только вниз.
Ты же летала — да из-под звёздных риз
Под одеяло.
Под полотенце голову — что-то на-
помнит, когда стою, а за мной — стена.
Выжжена степь, страна, перестон-струна
Отгоревала.

Ты же моя.
Ну как ты могла тогда.
Сани бежали, высились города.
Да — и вперёд, а прочее — ерунда,
Кто чего скажет...
Вот он приходит к ней и копытом бьёт.
И всё ясней, веснее который год —
Даже во сне достанет и достаёт —
Крыльями машет.

Господи, дай мне быть быстрой и лёгкой —
Линией тайною, мышкой-полёвкой,
Вьющейся прядью у злого виска,
Узкой дорожкой — стремглав в облака,
Промельком мысли, дыханьем шмеля,
Лужицей первой среди февраля,
Чтоб под Твоею плескаться пятой,
В книге Твоей — проходной запятой,
Или слезой на щеке старика —
Не отпускай меня, не отпускай!
И в темноте не высвечивай путь,
Дай мне споткнуться, не дай мне уснуть,
Если надломлена — переломи,
Крепко сожми и с собою возьми.
Если курюсь на ветру — угаси,
Сунь меж губами, с собой унеси.
Это же просто — обугленный край...
Хочется раю? Ну, вот тебе рай.

Людей так много. Все люди разные.
По большей части мы все прекрасные.
И каждый рвётся со дна колодца,
Как Жучка — помнишь? — не расколоться,
Не пасть, не согнуть, не захлебнуться...
Какие песни над нами вьются!
Какие звёзды со дна смеются!
И люди рвутся, и люди бьются...

Хотелось — звёздочкой. Так знакомо.
Но я же Тёма. Тот самый Тёма.

Ну вот и всё: благодари за ветер,
За честное движенье февраля,
За предвоспоминания о лете,
За то, что в рифму просится земля —
Бездомное святилище бездомных,
За музыку седеющих небес,
За недругов и незвуков укромных,
Благодарю чушь болтающих тебе
По памяти, по злости, в интернете, —
Любимые, любимые насквозь
Собезвременники, сорочьи дети —
Навзрыд, навскидку, напрочь, на авось...

В этом домике — только болеть,
Под простынку тихо белеть —
Тлеть.
В том же доме — да только курить,
Говорить, говорить, говорить —
Рыть.
А теперь — ни окна, ни шиша,
Ни обложки и ни шалаша —
Ша.
А теперь — ни кола, ни угла,
Я нагая ногами пришла —
Жгла.
Я же чуяла — ты меня ждёшь
В этой сказке про солнечный дождь.
Ложь,
Растворяясь, уносит сама
Все былые дома-терема —
Тьма.
Я лучинка, и я горяча,
Кровь и кровля, рычаг и очаг —
Наг,
Как же светишься ты в темноте!

Мы давно улета... улете...
Стены-тени-тенеты-молва,
Кружка-ложка, смешки в рукава,
И снежки, и стежками — трава,
Прорасти-прораста, дважды два —
Голова ты моя, голова,
Вся-то жизнь улетела в слова.
Просыпаюсь — и снова жива
Я.

Великий пост и третья мировая.
В учебниках напишут с «Т» большой.
Кто слёзы, кто чернила проливая,
застыл, а кто своё — «не будь лапшой»...

Ни макарон, ни сахара — и хрен с ним.
Вода-водяра в жилах — вот беда.
Так выжми нас, мы Твой огонь, и кремний,
и блудных чад ленивые стада.

Даруй свободу горечи и цели
и привкус крови истинной во рту,
чтоб сыновья на торжище не пели
и дочери не рожали в темноту.

Ну, всё. Ну, всё, ну, всё. Киным-кино.
Не можешь ты — я не могу тем паче
Смотреть в экран, вовне, в себя, в окно:
Всё то же — мальчик поседелый плачет.

Ты мне сказал: «Ну, у тебя и крест!...»
У нас — кресты. У каждого — по мерке.
Люблю смотреть, как мой мужчина ест.
И сумерки люблю, и взгляды-сверки...

Свершается — про нас и больше нас.
Второй петух пропел для всякой твари.
И мальчиком нерукотворный Спас
Глядит, вдыхая общий запах гари.

Лев Усыскин

Жена

Повесть

Вы возьмите жены, это самая модная материя! очень добротная! из нее все теперь шьют себе сюртуки.

Н.В. Гоголь. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»

1

Кажется, он утратил благоразумие. Среди провисшей лохмотьями обыденности, среди оскомины привычек, дребезга навязанных ему ритуалов, упругих улыбок и обесцвеченных слов. Будто бы выручавшая всегда способность обретать себя в пространстве почему-то вдруг дала сбой, и то, что прежде всякий раз проходило для ума безучастно, теперь заставляет поминутно останавливаться, порождая вопросы на каждом шагу.

В среду, в половине седьмого, Евгений возвращался домой мучеником недавнего снегопада, наполовину парализовавшего улицы, — машины, неловко пытаясь припарковаться во дворе, тыкались в сугробы словно слепые котята, едва не задевая одна другую и даже огрызаясь порой короткими, хрипловатыми гудками.

На работе не ладилось вот уже несколько дней — хитросплетения этих досадных проблем не отпускали всю дорогу и лишь на подъезде к дому все-таки уступили обыкновенным упованиям вечера, тихим и приятным в своей извечной простоте: снять пальто, вымыть лицо и руки теплой водой, потом сесть за стол и съесть ужин — право, что может быть вождеднее в этой зимней рутине!

Он поздоровался с прилипшей к телевизору консьержкой, провернув почти игрушечный ключик, изъяс содержимое почтового ящика (рекламная газета, счет за газ), вызвал лифт и, пока отисовский металлический шкаф возносил его на шестой этаж, по обыкновению разглядывал себя в ростовом зеркале — неосознанно стремясь отыскать на лице задержавшиеся там следы поганных дневных эмоций.

На площадке этажа пахло каким-то дурным моющим средством — Евгений поморщился, скоро шагнул направо, к своей двери, и, преодолев всегдашнюю секундную паузу (позвонить? открыть ключом?), все же потянулся к звонку.

Лев Усыскин — родился в Ленинграде. Окончил Московский физико-технический институт. Печатался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Урал» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Санкт-Петербурге.

Потом он не раз и не два будет вспоминать эти несколько бесцветных мгновений — крохотный и ничем, казалось бы, не примечательный временной промежуток, затесавшийся между легким нажатием подушечкой пальца круглой латунной кнопочки и чаемым мигом, когда щелкнула собачка замка. Полминуты привычного, ничем не окрашенного ожидания — и в общем-то все. Но вспоминать их Евгений станет вновь и вновь, словно давнее счастье, мучительно восстанавливая одну за одной свои тогдашние мысли, извлекая, вернее, пытаясь извлечь их из недр памяти для того, чтоб разложить потом на части, перетасовать и воссоединить опять, уже в измененном порядке, — в тщетном уповании, что этот-то новый порядок сможет открыть ему что-то, дать наконец требуемое объяснение, определить причину того, что случилось дальше. Словно бы тогда, смиренно стоя под собственной дверью, он, незаметно для себя, совершил какой-то важный поступок — сам того не поняв и не придав ему значения.

2

Оторопь всевластна. Когда она завладела душой? В какой момент? Вот он переступил порог и, привычно подняв глаза, увидел... нет, не увидел... но скорее обрел на сетчатке образ... В общем, это была не его жена, нет... Это была другая какая-то женщина, однако в такой же, как у Натальи, свободной бирюзовой кофточке и таких же, как у нее, пегих домашних легинсах, одного с ней роста и сложения, — она молча стояла перед ним теперь, глядела выжидающе.

Впрочем, чуть коренастее, шире в плечах. Волосы более длинные, на пробор, а не остриженные в челку...

Все это проступило единым пятном в мозг... не разделяясь на части.

Сперва же был длинный, отчаянный, тягучий и трепетный миг, когда потерявший опору разум все еще цепляется за соломинку здравого смысла, отчаянную соломинку, в другом случае показавшуюся бы лишней и смешной донельзя.

Ну, право же, о чем он подумал тогда? Как водится, о малосвязных вещах. О Натальиной младшей сестре, Еленке, которая, конечно же, могла приехать и без предупреждения. О том, что это все-таки не она, — и это не может быть она, иначе он вспомнил бы ее лицо. О том, что, конечно, могла случиться какая-нибудь беда, и незнакомый человек пришел на помощь, не спросив, — и тогда следует задать вопрос, какой-нибудь правильный вопрос, который задают обычно и который разом все разрешит. Всего один вопрос — и все встанет на подходящие места!

И да, конечно же, он подумал о жареной картошке с луком, запах которой пробивался с кухни, дразнил, вызывая прилив желудочного сока, — словно бы ничего необычного и не случилось вовсе.

— Что-то... у нас... а Наталья... где?..

Он едва заставил себя пошевелить языком — вдруг словно бы налившимся свинцом и прилипшим к небу, как в детстве, во время тяжелой болезни с изматывающим кашлем и температурой под сорок... Нечаянным, неловким взмахом руки, промахнувшейся мимо края вешалки, Евгений тут же выдал эту немочь — и это, конечно же, означало капитуляцию, проигрыш не начавшегося сражения. Теперь, как от века надлежит проигравшему, он должен был покориться, подчиниться во всем.

— Ну, раздевайся... что ты смотришь... я картошку пожарила... идем ужинать...

Она обернулась кругом и ушла на кухню — так, словно бы ничего не случилось и она проделывала подобное тысячи раз. Именно здесь, в этом доме. В его доме.

Оставшись один, Евгений снял пальто, отправил сперва его, а затем, вдогонку, и шапку с длинным плетеным шарфом в узкий встроенный шкаф, за-

тем разулся и прямо так, в носках, поспешил к себе в комнату — переоблачиться в домашнее.

Плотно закрыл за собой дверь.

Перевел дух.

Конечно же... конечно же — все это сейчас пройдет, не может не пройти. Какой-то случайный, минутный сбой сознания — он ведь где-то читал, что мозг подобен компьютеру, — ну вот, программа забарахлила, такое бывает. Такое случается, но это, конечно же, поправимо, и это обычно поправляется само, без особых усилий и чьей-то помощи, встроенным механизмом самозащиты, невидимыми верными работниками, трудолюбиво устранивающими мусор и восстанавливающими верный ход. Достаточно закрыть и вновь открыть дверь. Да, этого, по всей видимости, будет достаточно...

И все же смятение давало о себе знать — переодевшись, Евгений присел на край кровати и затем полминуты успокаивал дыхание, пытаясь выскрести из памяти что-то, слышанное бог весть когда, про дыхательную гимнастику йогов. Ничего, однако, не вышло и из этого тоже — обрывки воспоминаний скакали в голове, словно ингредиенты какого-то коктейля во чреве шейкера: сталкиваясь, размазываясь друг о друга, превращаясь в однородную неразличимую массу. Не давая себя ни разглядеть, ни остановить. Отчаявшись, он мысленно махнул на все рукой, поднялся и пошел на кухню.

3

Картошка была пожарена не так, как это делала обычно Наталья, — мелкими ровными кубиками, а не широкими, косо настриженными шматинами разной толщины. Да и сама степень прожарки отличалась — была основательнее, что ли, до перемены цвета в более темную сторону. Аккуратно нарезанная лодочками (так Наталья тоже не делала никогда) пунцовая помидорка покоилась на краю тарелки, пообок от густой лужицы гуляша. Впрочем, гуляш был вчерашним, приготовленным давеча женой, — Евгений помнил его вкус и, узнав его теперь, почему-то воспринял это как добрый знак.

— Кушай!

Он послушно взял вилку, не посмеяв ничего сказать и стараясь не глядеть через стол на это чужое лицо. Разумеется, он трусил — и, ведомый трусостью, откладывал, как мог, неизбежное — необходимость задавать вопросы, выяснить все наконец, рассеять туман, сколь бы неприглядной ни оказалась скрываемая в нем действительность.

— Хорошо прожарилась?

Он кивнул, не переставая жевать, даже промычал что-то.

— Перцы хочешь?

Евгений и в самом деле любил маринованный перец, початая наполовину пластиковая банка стояла сейчас в холодильнике — жена не преминула бы выставить ее на стол.

— Сейчас достану тебе.

Женщина поднялась со своего места, шагнула к холодильнику, уверенно, едва взглянув, достала оттуда банку и, открыв, водрузила перед его тарелкой.

— На.

Евгений привычно потянулся вилкой, подцепил зеленый стручок, сгрузил его себе на тарелку.

— Послушай... те...

Он с трудом собрался, просеял слова, выстроив их в корявый, но все же осмысленный ряд перед тем, как произнести, — но произнести их ему опять не дали:

— Что на работе? На тебе лица нет...

Евгений поперхнулся кусочком перца.

— На работе? При чем тут работа...

Дальше не хватило дыхания, он потянулся за чаем, отхлебнул глоток остывающего напитка...

— Ты с понедельника такой... каждый вечер приходишь, словно бы тебя через шредер пропустили, я не знаю...

Он с шумом брякнул вилкой об стол.

— Хватит!

— Ты что-о? — в голосе женщины слышалось неподдельное удивление, даже легкий испуг — Женечка... Чего кричишь-то? Что не так?

Он вновь брякнул вилкой — на этот раз получилось как-то нелепо, будто на репетиции в любительском театре.

— Да кто вы... кто вы такая... черт возьми? Что вы здесь... делаете... наконец... и где моя жена?

Он вновь поперхнулся и вдруг замолчал, выжидательно и смущенно, — словно ребенок, употребивший в разговоре со старшими взрослое, не вполне понятное ему слово и тут же заметивший в глазах собеседников вызванную этим насмешку. Женщина, впрочем, тоже молчала, однако глядела теперь ему в глаза, не отрываясь, в упор. Евгению показалось даже, что она при этом еще и слегка улыбалась.

— Че-воо? — подперев ладонью подбородок, она еле заметно качнула головой, — Не понимаю, это ты так шутишь или что? Какая тебе ЕЩЕ жена?

С шумом отодвинулась от стола, тяжело поднялась и, повернувшись к нему спиной, принялась что-то делать с посудомоечной машиной — тем самым завершив неначатый разговор и оставив Евгения наедине с остатками его ужина.

Смешно сказать: среди вороха чувств, захвативших Евгения в этот момент, присутствовало и некое странное облегчение — как будто бы что-то тяжелое свалилось у него с плеч, не слишком ловко, но все же освободив его от этого непонятного ему самому бремени. Евгений доел картошку, встал из-за стола и, не проронив ни слова, покинул кухню.

4

Вот он в своей комнате, вот он снова один — все здесь так же, как прежде, так же, да не так: словно бы перемена, случившаяся там, за дверью, снаружи, изменила сам смысл вещей — обычных, повседневных, неподвижных, неживых вещей — дивана с парой подушек, письменного стола, книжного стеллажа, горшка с фикусом бенджамина возле окна.

Евгений упал в кресло, вытянул ноги, утопив в ладонях колени. Все же надо собраться с мыслями. Собраться и решить... принять решение... ведь все это не случайно. Все это не зря, не просто так — что-то случилось. Случилось, но где? В нем ли самом случилось или же, напротив, вне его, снаружи? Если так, то в первом случае надо... нет, надо идти к врачу... или к кому-то еще, кто способен... кто может разгадать... увидеть все со стороны и сообщить ему, Евгению, правду, какой бы она ни оказалась! Последнее как раз очень важно, ведь что толку, если этот кто-то, поняв все правильно, все же не захочет при этом его растраивать или даже того хуже — замыслит, сохранив от него в тайне свои наблюдения, сообщить о них не ему, а кому-то другому? И в свете этого... В свете этого как оценить сказанное таким человеком? Будет ли оно правдой? Допустим, он примется меня успокаивать, утешать, скажет, что все на самом деле нормально, нехорошее лишь померещилось мне... нужен отдых и только... или что это такая шутка... Поверить ли? Или оставить сомнения? Хорошо же, и что тогда? Обратиться к кому-то новому? Но это еще полбеды — легкие нервные расстройства — а его возможное нервное расстройство, несомненно, из разряда легких, поскольку только легкое может возникнуть посреди

полного благополучия, тогда как тяжелое появляется на фоне легкого, — так вот, легкие расстройства сейчас лечат успешно. Пропишут таблетки... в худшем, да, ну в самом худшем случае придется принимать их пожизненно небольшими дозами, курсами по несколько месяцев кряду. Но да, это ведь действительно полбеды, — иное дело, коли сам он окажется вполне здоров, — вот же в чем парадокс! Здесь хуже оказаться здоровым, чем больным, поскольку здоровье моего рассудка равно сейчас наличию форменного заговора против меня... Какой-то чужой, неизвестной мне силы, что-то замыслившей и что-то уже осуществившей, могущественной и непонятной, — забравшей куда-то Наталью и подменившей ее этой... неведомо какой... неизвестной женщиной!

Евгений слотнул слюну. Определенно это заговор, никак иначе, именно заговор, тщательно и давно спланированное действие нескольких или даже многих людей. Но что же они все задумали? Чего добиваются? Ради чего запущен этот неумелый цирк? Пожалуй, именно это и должно стать для него, Евгения, первостепенной задачей — выяснение цели этих людей, их окончательных намерений.

Он с силою сжал колени, почувствовал, как пульсирует какая-то жилка под суставом. Хорошо же, но как мне себя вести? Как мне держаться сейчас? Как разговаривать с этой женщиной? О чем? Да, о чем?

Евгений ощутил, как покрылись потом его ладони, — так, впрочем, бывало всякий раз, когда ему приходилось мучительно и трудно принимать решение — не важно, какого рода.

Так что же делать? Как быть? Едва ли стоит теперь задавать этой женщине прямые вопросы — если и последует на них ответ, то, очевидно, он будет неискренним и уклончивым. И подловить на противоречии в этом случае тоже вряд ли удастся — у них ведь наверняка заготовлены... заготовлены и отрепетированы... определены заранее ответы на то, что первым делом приходит в голову спросить. Право же, иначе бы они не рискнули... Это было бы просто глупо. А они умны и расчетливы... Они умны, а значит, следует принять... то есть следует притвориться... сделать вид, что принимаешь их игру, — да, прикинуться простачком, полагающим, что ничего не случилось, — и при этом внимательно следить за всем, подмечать все странности, новые для него особенности, огрехи несоответствия. Подмечать и фиксировать. И, накопив их в достаточном количестве, — обратиться за помощью... к надежным людям. Но прежде следует найти этих надежных людей, выбрать подходящие кандидатуры, проверить их, сколь это возможно... и после — открыться им в полной мере.

Да, именно так и следует себя держать — не подавая виду, что изумлен, озадачен, испуган. Пусть они думают, что все идет в полном согласии с их планом, — тем быстрее они допустят какой-либо значимый прокол, обнаружив свою уязвимость.

Евгений поднялся с кресла. Он все еще чувствовал словно бы легкий жар во всем теле — будто энергия давешней оторопи, не найдя иного выхода, обратилась в тепло, — но самой оторопи больше не было, взамен возникла какая-то странная, необъяснимая решимость, и, за неимением лучшего, этой решимостью Евгений воспользовался как путеводной звездой...

5

Лже-Наталья смотрела по телевизору какой-то сериал и в этом, следует признать, никак не отличалась от Натальи настоящей. На появление Евгения в гостиной почти не отреагировала — слегка повернула голову и, поняв, откуда шум, вновь уперлась глазами в экран.

— Завтра на работу с утра?

— Да, как обычно.

Евгений встал в дверях, прислонившись к косяку.

— А тебе?

— Мне к часу, в клинике Мамедова полсмены.

Он поневоле вздрогнул: все так, Наталья действительно подрабатывала в клинике Мамедова на полставки пародонтологом.

— Но я встану с тобой, сварю тебе кофе, так и быть. Хочешь нормальный кофе, не из машины?

— Да, хорошо. Свари.

Какое-то время Лже-Наталья молча смотрела в телеэкран, тогда как Евгений столь же молча — в ее затылок.

— Наташа...

Он произнес, вернее, выдал из себя это имя и осекся: давешний страх вернулся на миг, вернулся и воцарился — но, по счастью, это продолжалось совсем недолго. Нет, получилось ничуть не фальшиво — и, без сомнений, будет несложно повторить, если понадобится вновь.

— Что, Женя?

Она вдруг обернулась и посмотрела на него сквозь свои широкие очки «для телевизора», в немодной массивной оправе.

— Да что с тобой сегодня, а? Что-то на работе поганое? Я ж говорю, на тебе лица просто нет, — вот, ей-богу, встретила бы на улице — не узнала!

Он постарался успокоить дыхание.

— Я... ну, да... засада с этими ростверками... и вообще... голова раскалывается с обеда...

— Съешь нурофен.

Все это было сказано с ровной, даже равнодушной интонацией — как всегда в подобных случаях, — однако же Евгений и здесь смог отметить несоответствие: нурофен, хоть и имелся в домашней аптечке, Наташиной благосклонностью никогда не пользовался, — полагая, что он как-то особо вреден для печени, она предпочитала по нужде глушить головную боль анальгином и уж точно не стала бы советовать нурофен мужу.

— Ладно, я пойду к себе.

Он вернулся в свою комнату, упал на диван, вперился глазами в потолок. Что ж — пока ему вполне удастся контролировать ситуацию, надо полагать, он справится и дальше, — главное, дожить до завтрашнего дня, а там... а там он непременно найдет помощь где-нибудь! Не может быть, чтобы не нашел!

В начале одиннадцатого Лже-Наталья вновь позвала его на кухню — выпить чаю. Евгений сперва думал отговориться, но затем решил не перечить: он как будто уже освоил странную роль разведчика в собственном доме и в связи с этим постановил для себя, что стоит поднакопить наблюдений, куда есть такая возможность.

Надо сказать, что ожидания его до некоторой степени оправдались: женщина, как видно, неплохо знала его привычки и, накрыв на стол, не забыла положить в его любимую кружку ломтик лимона. Однако пристрастия самой Натальи были ей, похоже, известны в меньшей степени — или же она их просто проигнорировала. Как бы то ни было, она налила себе крепкого чаю — чего Наталья не практиковала никогда, и положила туда три, а не одну ложку сахара. Говорили — как обычно за вечерним чаем — про Наташин сериал, Евгений довольно бессвязно отпускал реплики — впрочем, он такое и раньше делал часто. Позже, перед тем, как встать из-за стола, он решил сказать ей, что постелет у себя в комнате и ляжет там — дескать, плохо себя чувствует и боится досадить ей беспокойным сном. Лже-Наталья пожалала плечами и ничего не ответила — не задала никаких вопросов, никак не обнаружила своего отношения к услышанному. Евгений встал, с шумом отодвинул стул, вытер руки кухонным полотенцем и двинулся прочь.

Не прошло и получаса, как он уже лежал в темноте на своем диване, укрывшись одеялом по подбородок, — лежал и дрожал. Дрожь была самая обыкновенная, озноб, как при начинающемся гриппе или там ангине, — и вместе с тем Евгений знал точно, что температура тела у него в норме, а горло не болит. Какой-то выход нервного напряжения, не иначе, — соматический сбой, мешающий сосредоточиться, привести в порядок мысли перед сном, повторить еще раз планы на завтрашний день — с таким трудом составленные планы, которые должны стать опорой... основанием покоя... объяснения в дальнейшем...

Все образуется... завтра с утра... завтра сразу же поеду... обращусь за помощью, и мне помогут, конечно же, не могут не помочь... мир так устроен, что всегда есть надежда...

Он вдруг услышал шум: мягко, с еле слышным сверхкоротким подзвоном, шаркнула собачка замка — привычными к темноте глазами он увидел, как дверь медленно открылась до половины, — женщина вошла в его комнату осторожно, остановилась, дожидаясь прихода аккомодации, затем шагнула к нему. Кажется, она была босиком, одета в короткую Натальину ночнушку, едва прикрывавшую бедра. Евгений спустил одеяло, подобрался и сел, облокотившись на подушку.

— Ты не спишь еще, а, Женя?

Она влезла на диван у него в ногах, нащупала и обхватила обеими руками его лодыжки.

— Слушай, я, знаешь... хочу сейчас. Ага, вот прямо сейчас. Даже не понимаю, что такое, но жуть как тебя хочу, прямо вот.

Отпустила его ноги, принялась через голову снимать ночнушку. Его глаза хорошо различили белые, не загоревшие подвижные треугольники с темными овальчиками сосков и еще один, внизу, разделенный надвое неровным пятном. Да, тело было смуглым, как и у Натальи, но все же другим, другим, — и это Евгений почувствовал сразу же, как только женщина прильнула к нему, — что-то было явно иное, даже не в пластике движений, не в ласках, их характерной манере, а в самой фактуре плоти, что ли, в том, как его пальцы чувствовали ее кожу, как отзывалась эта плоть изнутри при легком нажатии ладонью. Но даже и без этого... даже и без этого всего — иным был запах! Тот самый запах, который не слышен на расстоянии, а только если коснуться носом кожных складок в суставах или волосистой поросли на лобке, — и это сейчас было чуждым, чужим, незнакомым, но чем-то все-таки близким к Натальиному, словно бы родственным, как бы отчасти взятым у нее займы или же неаккуратно, с явными ошибками скопированным. Господи, да где же она, где, как же все это утомительно без нее, как же он устал, бог ты мой!..

...Ласки, однако, были настойчивы, и Евгений отозвался на них по всегдашнему своему обыкновению, и, отозвавшись, ненадолго забыл про все на свете, с наслаждением окунувшись в мутное подвижное варево своих мальчишеских фантазий.

6

Утро пришло, будто испачканным молоком в оконном проеме. Евгений оделся, привел себя в порядок, ветреная надежда, что все вчерашние беды исчезнут с началом нового дня, лишь кольнула едва ощутимо и тут же рассеялась, словно бы и не было ее вовсе: нет-нет, все остается в силе, ничто никуда не пропадает и не пропадет теперь само собой. Прежде чем он что-то предпримет.

Лже-Наталья уже возилась на кухне, слегка помятая и в то же время опухшая со сна. Варила ему обещанный кофе в медной, привезенной когда-то из Египта джезве — предвещающий этому грохот электрической кофемолки он услышал еще из своей комнаты.

— Не выспался?

Он кивнул согласно.

— Но голова хоть не болит теперь?

Кивнул вновь.

— Бутерброд с рыбой будешь? Там есть кижуч копченый. Кофе готов. Запахи еды дразнили примирительно.

— Да. Буду.

— Хорошо. Все на столе. Я пойду еще посплю часок.

Ушла. Евгений налил кофе, сел за стол и с жадностью принялся за бутерброды — поедая их один за одним — три или четыре штуки, раза в два больше, чем обычно. Он словно бы торопился насытиться про запас — должно быть, готовя себя к возможным переменам неопределенного толка.

Сорок минут спустя он уже был на улице. Лениво смахнул со стекол скупо падавший за ночь снег, завел мотор. Надо было ехать.

Надо было ехать, и он вдруг обнаружил в себе настоящую готовность следовать привычным маршрутом на работу, в офис, — готовность едва ли не физиологическую, спасительную, возникающую вопреки решению разума и в разуме почти не нуждающуюся, и, более того, словно бы зашитую даже и в самом металлическом теле автомобиля, стоит лишь включить зажигание, — Евгений почти насильно перевел свои мысли на другие рельсы, забил в навигатор адрес и, глубоко вздохнув, двинулся со двора.

7

«Что?.. Да, привет, Женька. Ну, привет, привет. Конечно. Да, я дома, Женя, конечно, я дома в такую рань. Где же еще мне быть, черт возьми? А?.. Ко мне? Ну, в принципе, да-а, но-о... Что? Прямо сейчас? Как? Не, ну не сейчас же. Не, не, я и не готов совсем, я только встал. Нет, ну что ты. Да? Серьезно, что ли? Бывает. Приходи, конечно, я тебе всегда рад. И без этих проблем даже. Ну да, но не сейчас же. Если б ты хотя бы вчера позвонил... с вечера... А что случилось, собственно? Что?.. Нет, ну что? Что-то очень срочное? О, боже... Ну, если очень срочное... мда... тогда конечно... тут уж ничего не поделаешь... но да, ты правда взволнован, я по голосу чувствую. Ладно, давай вали ко мне. Ты где сейчас? Внизу-у? Что, уже внизу? Ну, сейчас, дай я хоть трусы натяну. Что? (Смеется.) Нет, это важно, очень важно, ты просто не понимаешь».

...Яркий желтый свет из-за открывшейся двери — не ударил, но словно бы обессиленной плетью хлестнул по лицу — как отметился.

Дверь еще больше отворилась. Костя стоял в проходе — в ворсистом халате кремового цвета, босой, сложив на груди руки. Он все же улыбался, потом отступил назад, приглашая его войти. Евгений послушался и, шагнув в квартиру, тут же почувствовал себя крайне нелепо — одетым в застегнутое наглухо зимнее пальто в этом мирном, теплом утреннем жилище. Да, сразу же стало жарко — как бывает жарко больному или утомленному тяжелой физической работой. Евгений поспешил снять с себя верхнюю одежду, швырнул ее куда-то на табурет, разулся и пошел вслед за Костей. Уже у самой двери в комнату Костя, однако, остановился и, повернув голову куда-то в глубь коридора, прислушался. Оттуда в самом деле доносились звуки, нечленораздельные голоса.

— А? — громко, едва ли не криком, произнес Костя. — Что? Нет, это не курьер, Маша, это ко мне. Да, по работе.

Голос из волшебного далёка замолчал. Костя удовлетворенно кивнул, вошел в комнату, прошел ее наискосок и тут же плюхнулся в кресло-качалку, запахнув полами халата обнажившиеся волосатые ноги.

Евгений сел напротив в кресло, обитое неприятной на ощупь голубоватосерой кожей.

— Ну, вот, привет, привет, мой дорогой. Так что же у тебя стряслось в такую рань? Валяй уж, рассказывай...

Да, он, конечно же, не лукавил сейчас. Кажется, и впрямь готов был выслушать, не притворялся ничуть.

— Так что же у тебя случилось этой ночью? Пропала потенция? Ушла жена?

Евгений тотчас вздрогнул. Совпадение? Нет-нет, тут все-таки не стоит спешить с оценками, все не столь однозначно — а ну как и он с ними, или же это вовсе не он, а... так же подменен, как и Наталья... специально выставлен на его пути — ведь, право же, не так сложно вычислить, предугадать, куда и к кому он обратится в первую очередь за помощью. Надо осторожно... очень...

Евгений натужно улыбнулся, затем провел ладонями по бедрам туда-сюда, словно бы поглаживая, затем взглянул на эти ладони, слегка поморщился, после чего поднял взгляд на своего друга:

— Я похож на психа, Костя?

Он постарался улыбнуться — старательной, взыскующей соболезнования улыбкой.

— Ты?

— Я, я... вот взгляни на меня... похож или нет?

Костя слегка пошевелил туловищем, кресло под ним чуть скрипнуло, качнувшись.

— Видишь ли... психами не становятся в одночасье... во всяком случае, я ничего странного не вижу... кроме того, что ты взволнован... ну, так и это бывает... со всяким... а вообще — я сам похож на психа... во всяком случае, иногда...

Евгений вновь виновато улыбнулся.

— Видишь ли... видишь ли, Костя... у меня случилось... у меня такое случилось... и я не могу объяснить... даже близко не могу.

Константин слегка подался вперед. Качалка опять скрипнула.

— Да что, что у тебя случилось?

— Видишь ли... у меня дома... другая женщина...

Костя прыснул было хохотом, но тут же задал его в себе — увидав, как изменилось лицо его собеседника.

— Ты не понял... да, это звучит смешно... но это совсем не то... просто... просто вместо моей Натальи... почему-то другая женщина...

— Постой, — Костя поморщился и тряхнул головой. — В смысле, ты ее не приводил...

— Да!.. Именно!.. Я не знаю, кто это. И где Наталья, я не знаю тоже!

Константин вновь тряхнул головой, словно бы пытаясь избавиться от морока.

— Погоди, погоди... как не знаешь? а откуда она взялась в твоём доме?

— Так вот это и неясно. Совсем. Словно бы кто-то... словно бы зачем-то... подменили...

Константин выгнул брови:

— Ну, а задать вопрос напрямую?.. Ты пробовал? Что она ответила?

Евгений мотнул головой:

— Пробовал... и не пробовал... но, в общем, ведет себя... в общем, говорит... Как если бы это и в самом деле была Наталья!

Костя коротко рассмеялся.

— Да ну, что ты... а говоришь — подменили... такого не может быть... ты же понимаешь... я думаю, все нормально на самом деле... Проблема скорее в тебе... усталость там, нервы... у тебя все на работе в порядке?

— Ну, так...

— Вот видишь! Это бывает, бывает с людьми, я, кажется, слышал о таком... кто-то в старой конторе...

— Ну, да. И что же мне делать, по-твоему?

— Ничего. Ничего не делать. Уйди сегодня из офиса пораньше, поужинай где-нибудь в приятном месте... или сходи куда-нибудь. Потом возвращайся домой. Вот увидишь, все...

— Послушай, — Евгений прервал собеседника. — Ну, да, предположим, это так, как ты говоришь, и это временный сбой... моих мозгов... и все пройдет сегодня же вечером... хорошо... Но вот что, если нет? Что, если не пройдет? Как в этом случае? А? Можно я тогда... тогда попрошу тебя зайти... словно бы просто так... невзначай... зайти и взглянуть... своими глазами... что это не Наталья... или наоборот, это Наталья, а я — не я...

Он замолчал и по-собачьи впился глазами в чужие глаза.

— Я ведь о малом прошу... это не займет много времени... это ведь совсем не сложно...

Константин поднялся со своего места.

— Конечно! — Он шагнул к Евгению, положил ему ладонь на плечо. — Разумеется, я заеду, говно вопрос. Сварить тебе сейчас кофе?

Евгений мотнул головой, затем тоже встал, сбросив с себя чужую руку.

— Нет, спасибо. Мне надо ехать. Попробую сделать, как ты сказал... очень хотелось бы... чтобы ты сейчас оказался прав... да, очень хотелось бы!

Он шагнул прочь из комнаты.

8

В конторе, кажется, не заметили, что он припозднился. Все было буднично и тягостно, окутано удушливой атмосферой подгорающих сроков, вспотевших от суеты людей, нервных ожиданий и мелких спорадических конфликтов, искрящихся то там, то тут. Евгений включил компьютер, попытался проверить почту, однако сразу же поймал себя на том, что это рутинное в другое время занятие сейчас потребовало от него много большей, едва ли не предельной концентрации. Слова, из которых состояли служебные письма, словно бы ожили, как оживают слова на иностранном языке — выпадая из общего смысла текста и вступая с тобою в самостоятельный диалог, побуждая обратиться к словарям или еще куда-то за уточнениями значений. Они как бы стали вдруг выпуклыми, трехмерными, егозливыми, их приходилось читать по складам, иногда по нескольку раз даже — теряя строку и возвращаясь к началу фразы. Лоб Евгения покрылся испариной, однако, прежде чем он одолел последнее из писем (стоит признать, что с утра их насыпало изрядное количество — как, впрочем, и всегда в это время года), к нему потянулись один за одним подчиненные каждый со своими вопросами. Евгений принялся обсуждать с ними эти вопросы, кажется, сумел увлечься и на время забыть обо всем прочем — хотя некоторое странноватое ощущение его все же не покидало, — какой-то бесенок лени, словно бы склонившийся над ухом и знай себе повторяющий никому не слышным шепотом: «все это ерунда, ерунда, ерунда...».

Потом подчиненные его оставили. Еще какое-то время он ковырялся в бумагах, затем принялся было писать некое заключение, нависавшее над ним уже неделю, но вдруг оставил это занятие, рывком откатил от стола кресло, поднялся и вышел вон из стеклянного аквариума — положенного ему по должности кабинета с прозрачными перегородками-стенами.

— Свободен?.. — кинул он секретарше, кивнув на дверь в оберегаемое ею святилище. — Или кто-то у него?

— Да, там этот... из «Севмонтажпроекта»...

— Надолго?

Поморщила носик.

— Не думаю. Посидите здесь, Евгений Павлович, я думаю, Арсений Александрович скоро освободится.

Евгений обвалился в неудобное расшатанное кресло и принялся ждать. Директорская секретарша Лариса вернулась к своим занятиям — что-то, прищурясь, сверяла в переломленной с угла подборке бумажных листов и на экране компьютера. Она словно бы забыла о нем. Или делал вид, что забыла. Или уже знала, о чем он станет говорить с Листвинским, как знал об этом и сам Листвинский, и еще другие люди — несомненно, погруженные заранее в случившийся с ним заговор. Однако же виду подавать было нельзя, и Евгений по-прежнему сидел с нарочито скучающим лицом, неуклюже задрал фалды пиджака, сидел и даже позволил себе думать о вполне случайных вещах — о том, что уже не помнит, как давно у них работает эта Лариса: три года или больше. И что двух лет вполне достаточно, чтобы сотрудник воспринимался как работавший в своей должности всегда, вечно, — и в этом, конечно же, содержится глубокий смысл, доказывающий взаимную несоизмеримость служебной должности и каких-то частных, косвенных особенностей человеческой судьбы.

Тем временем дверь в священные чертоги открылась, и оттуда показался их хозяин вместе со своим посетителем. Посетитель держал перед собой какие-то бумаги, оба подошли к Ларисину столу, и Листвинский, посмеиваясь и что-то показывая рукой, принялся объяснять секретарше новое задание. Евгения он как бы не замечал, по крайней мере не поздоровался, хотя на миг скользнул взглядом в его сторону.

Наконец он закончил наставлять секретаршу, распрощался с визитером и, дождавшись, когда тот выйдет, резко повернувшись к Евгению, взял его за плечо.

— Привет. Пойдем.

Они вошли в кабинет.

— Присаживайся. Что у нас стряслось? Опять по «Аркадии» что-то?

Евгений мотнул головой.

— Нет. Личное.

— Личное? — Листвинский чуть склонил голову, — Ну, ты нашел время, честно говоря... Ну, ладно, валяй. Что там у тебя личное?

Евгений набрал воздуха в легкие.

— У меня, кажется, кукуха съехала, Арсений.

— У меня тоже. Это не новость. У всех сейчас так. С этим не стоило и...

— Я серьезно, Арсений.

— Что серьезно?

— Серьезно проблемы. С головой.

— У тебя?

— У меня, да. А у кого же.

— Не можешь работать?

Евгений пожал плечами.

— Тебя только работа... и колышет...

Листвинский выпрямился и внимательно взглянул на Евгения.

— Да что случилось-то?

Сбивчиво, как мог, не подымая глаз и поминутно промокая потеющие ладони, Евгений принялся рассказывать обо всем — и наконец выдохся, резко замолчал, выжидательно вглядываясь в собеседника. От него не ускользнула полусекундная гримаска отвращения, проскочившая по лицу Листвинского и тут же, впрочем, сменившаяся вполне обычным для него выражением участливой озабоченности.

— И что же... ты собираешься делать... к кому обращаться? к врачу? в полицию?

— Хотел бы я знать! — Евгений улыбнулся нарочито фальшиво. — Попробую сегодня к врачу...

Листвинский встал со своего места, подошел к окну, некоторое время глядел в него на улицу вниз, поглощенную суетливым потоком...

— Ну, добро. Прости, я все-таки о своем: ты работать-то можешь или нет? Если надо — отпуск без проблем, конечно... но...

— Что «но»?

— Туго будет без тебя в эту пору... чего там... но, конечно, здоровье важнее... не вопрос... И да — я не поклонник конспирологии, думаю, что это всего лишь твой умственный сбой... поправимо... Может, даже уже все нормализовалось — ты просто сам не знаешь. Придешь домой, а там твоя ненаглядная во всей красе... с горячим супом...

Евгений усмехнулся.

— Твоими бы устами...

Он тоже поднялся со своего места.

— Я пойду? Если что — Володе все передам... но я постараюсь не исчезать...

— Угу.

Листвинский вдруг повернулся к нему.

— Послушай, Женя.

Евгений остановился.

— Послушай. Я, конечно, не доктор. И ничего в этих вещах не петрю. Но мне кажется... мне кажется, в любом случае... Тебе надо отнестись к этому... эээ... прагматически...

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, мне даже трудно сформулировать... ну, вот если тебе удастся все это устранить — будет, конечно, прекрасно...

— А если не удастся?

— ...то, в общем, тоже не беда: попробуй жить в новых условиях... В конце концов, все мы не молоды, и у меня тоже здоровье не как в восемнадцать лет... вон, печень...

Евгений невольно вздрогнул.

— Как это — в новых... условиях? Не понимаю тебя...

— Ну и ладно. Это я так сказал, экспромтом. — Листвинский примирительно улыбнулся, махнул рукой, — Не бери в голову. Езжай к врачу. Завтра если не появишься, позвони, как что...

— Да, да, конечно. Спасибо тебе, Арсений. В любом случае — спасибо!

9

Стало быть, и он — тоже. Или все-таки нет? Но почему же он так сказал? К чему он попытался меня склонить, еще не убедившись ни в чем в полной мере... и потом... Нет, не позволительно так думать — это путь в никуда, это тупик... Евгений с трудом вел автомобиль — нервное нетерпение проступало мышечным тремором, едва ли не судорогами. Город словно бы сердился на него — тормозил, как мог, светофорами, то и дело недовольно сигналил сзади, нарушая правила, заставлял пропускать другие машины на перекрестках даже там, где у него, Евгения, был законный приоритет.

Как будто кто-то всемогущий и шаловливый, не слишком желая, чтобы его автомобиль добрался до пункта назначения, все же постановил для себя не создавать абсолютных препятствий, а довериться в этом отношении случаю, лишь подтолкнув этот случай в нужную сторону.

Психиатр, к которому удалось записаться с условием немедленного приема, принимал где-то на дальних выселках, среди новостроек, заселенных сплошь тридцатилетними ипотечниками да нечаянно разбогатевшими бри-

гадирами узбекских строителей. Клиника или, точнее, кабинет располагался в первом этаже двадцатичетырехэтажного человеиника, зажатый между сервисным центром «Мегафона» и безымянной кафе-пекарней. Евгений с трудом нашел, куда поставить автомобиль, обходя неубранный снег, добрался до нужной двери, вошел и оказался в небольшом прямоугольном холле, три из четырех стен которого (у четвертой располагалась стойка администратора) украшали огромные плазменные панели, плоскости которых рассекали в хаотичном медленном движении разноцветные компьютерные рыбы. Еще один аквариум, шарообразный и совсем маленький, но зато настоящий, стоял прямо на столе администратора, на дальнем его краю. Администратором была девушка с какой-то удивительно гладкой и круглой, почти как тот аквариум, головой — короткие черные волосы лежали, будто нарисованные, сплошной, не разделенной на пряди шапкой.

— Я записан... к Беляевскому... на это время...

— К Станиславу Михайловичу? Посидите немножко, я ему сообщу...

Девушка выскользнула куда-то, минут пять ее не было, и Евгений разглядывал фланирующих компьютерных рыб. Наконец она вернулась, не спеша уселась на свое место, немного поерзала, устраивая ягодицы, и лишь после этого, подняв на Евгения глаза и делано улыгнувшись, произнесла:

— Проходите, пожалуйста, в кабинет. Станислав Михайлович вас ждет.

Внешне психиатр являл как бы полную противоположность своему администратору. Это был блондин, чуть ли не альбинос (светлая кожа, белые усы и брови), с почти треугольным лицом и высоким, скошенным слегка назад лбом. Коротко подстриженные волосы курчавились и стояли торчком.

Он предложил Евгению присесть, сам надел очки в тонкой золотистой оправе и несколько минут что-то набирал на компьютере. Затем снял очки, не спеша сложил дужки, привычным движением сунул в карман. Взял в одну руку средних размеров блокнот на кольцах и автоматический карандаш. Поднялся. Вышел из-за стола и, шагнув к Евгению, занял кресло напротив него.

— Ну-с, Евгений Павлович, что привело, так сказать? На что жалуетесь?

Евгений поморщился от звука голоса — он был неприятен.

— Видите ли... вчера...

— Простите, я вас сразу прерву... здесь очень важно расставлять реперные точки... именно вчера, не так ли? то, что вы мне сейчас расскажете, произошло вчера?

— Да...

— И до того никаких признаков подобного... не обнаруживалось, не так ли? Все это очень важно, подумайте об этом!

Психиатр говорил быстро, с нескрываемым напором. Евгений вконец смутился и замолчал.

— Ну, хорошо, хорошо, я замолкаю. Теперь рассказывайте... я не буду вас прерывать... не беспокойтесь...

Собравшись не без труда, Евгений начал — и, однако, вскоре обрел определенную уверенность, вырвав в своем рассказе на проторенную еще в кабинете Листвинского дорожку. Психиатр почти сдержал свое обещание — он ни разу не прервал Евгения, однако время от времени кивал головой, произносил под нос словосочетания типа «ну, конечно», «разумеется», «да, как обычно» и другие подобного рода. Порой он и в самом деле что-то помечал в своем блокноте — Евгений явственно слышал скрип карандаша.

Потом Евгений кончил и замолчал. Какое-то время оба смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

— Что же, все это любопытно. Очень любопытно...

— Но... скажите, это ведь не необычно для вас?

Психиатр снисходительно усмехнулся.

— Разумеется — нет. Впрочем, каждый пациент... он по-своему необычен... до определенной степени... не бывает двух одинаковых.

— И что же вы мне скажете... в этом случае?

— Не спешите. Я еще не все про вас узнал, чтобы давать содержательные рекомендации. В целом вы абсолютно правильно поступили, обратившись ко мне сразу... не дожидаясь... ухудшения ситуации. Исключительно правильный ход, да.

— Я...

— Погодите. Мне надо задать вам несколько вопросов... и тогда я вас отпущу...

Евгений сник. Сохранять концентрацию ему сейчас было донельзя тяжело.

— Скажите-ка мне, голубчик, вы ведь единственный сын у своих родителей?

Евгений кивнул. Психиатр что-то чиркнул в блокноте.

— Видите, как... ну, хорошо... Первая женщина у вас... наверное, еще в институте, так? В смысле, первый половой партнер...

— Да.

— Однако отношения были недолгими? Месяцев пять, я думаю.

— Да, чуть больше полугода, кажется.

— Вот видите...

— А?

— Нет, ничего. Продолжаем. Детей у вас... нет? Почему?

— Было два выкидыша... потом Наталье сказали... что больше уже не получится...

— Взять приемного?

— Нет, не хотели. Ни я, ни она. Никогда не хотели.

— Понятно. Скажите... Вот ваша жена... у нее были игрушки... ну, какие-нибудь куклы из детства... которые она принесла с собой, когда стала жить с вами?

— Нет. Не помню. Кажется, нет.

— А вы припомните, голубчик, хорошо припомните.

Евгений напрягся.

— Кажется, нет, все-таки. Ну, может, какой-то плюшевый щенок... в самом начале... потом делся куда-то...

— Вот!

— Что вот?

— Это очень важно. Да, это очень важно. А скажите мне... вот ваша жена, Наталья... она тоже выросла единственная в семье?

— Нет. У нее есть сестра. Младшая сестра. Но они мало общаются.

— Хорошо. Очень хорошо.

— Хорошо?

— Ну, да. Пока все, в общем, неплохо. Первичная линия... проступает... Надо продолжить.

— Что продолжить?

— Я расскажу.

Психиатр встал со своего места. Вернулся за свой стол, сел. Надел очки, опять, как в начале разговора, склонился к экрану компьютера, несколько раз стукнул по клавишам.

— Во вторник на следующей неделе?

— Как?

— В следующий вторник в это же время можете прийти на прием?

— А разве сейчас...

— А сейчас был только первый наш разговор. Предварительный. Этого

недостаточно. Не-до-статочно. Мы с вами должны еще пособировать материал. И о вас, и о вашей супруге. Я расскажу вам, как надо действовать...

— То есть вы сейчас не можете объяснить мне...

— Это невозможно, голубчик. Невозможно в принципе. За одну встречу такое не делается. Но я вам кое-что скажу, конечно. Во-первых — вы спокойно живете до вторника, наблюдаете за происходящим, не совершая резких поступков, не пытаетесь вызвать эту женщину на острый разговор. Никакой эскалации. Живете обычной жизнью и фиксируете все, что будет достойно фиксации. Можете записывать куда-нибудь — так даже лучше. Особенно я вас прошу обращать внимание на ваши собственные ощущения — испытываемые эмоции, страх, гнев, нежность, любви. Когда хочется что-то сделать, но вы себе не позволяете. Ну, вы меня понимаете. Ну и не стоит предпринимать ничего сверхординарного: нам с вами нужно спокойно дождаться, когда процесс проявит себя в заметной мере... а пока — мы с вами в разведке...

— Какой процесс?

— Процесс. Вот нам и предстоит разобраться в этом. Какой именно. В целом же я вам... скажу... (он поднял взор куда-то вверх) по моему опыту... в принципе, ничего страшного, но вам скорее всего... придется научиться... принимать себя в новой ситуации... примириться с тем, что вы не можете изменить... вряд ли вы сможете теперь найти дорогу назад... но в этом и нет необходимости!

Он поискал что-то на поверхности стола.

— А, вот вам памятка: так сказать, общего характера, как соблюдать психическую гигиену. От нас самих многое зависит. Ну и тут же, на обратной стороне, таблеточки успокоительные, в принципе, все это растительные препараты, нестрашные, без привыкания, так что... я обвел в кружок именно то, что вам сейчас рекомендую. Купите и попейте пару недель. Ничего опасно-го. Хуже не будет. А во вторник — ко мне, милости просим.

10

Листвинский, конечно, ошибся. Ничто не поменялось, ничто не пришло в норму. Лже-Наталья встретила его точно так же, как и днем раньше, — точнее говоря, не встретила, а пришла с работы часом позже него. Евгений в это время уже сидел за наспех собранным ужином.

Помня наставления психиатра, он постарался не подавать виду, что чем-то обеспокоен. В целом ему это удалось, — напротив, Лже-Наталья, присаживаясь к столу, отметила у него дурной цвет лица и мешки под глазами.

— Ты уже несколько дней... паршиво выглядишь, если честно... и вчера то, что было...

— Ну, так... да, что-то разладилось маленько...

— Может, записаться к врачу?

Это нечаянное замечание будто кольнуло Евгения — «к врачу!» Выходит, она знает, то есть они в курсе, что он был у врача. А из этого следует... из этого следует со всей убедительностью... что и психиатр с ними заодно. Или же, но только в лучшем, маловероятном, конечно, случае... они просто взяли его под контроль... тайным или явным образом... получив доступ к телефону или компьютеру...

Вечер прошел подобно предыдущему. Лже-Наталья отдала большую его часть своему сериалу — или даже двум, идущим друг за другом вслед (в промежутке успевая сделать что-то по хозяйству). Перед сном опять пили чай с незначашим разговором. Спать легли на этот раз вместе, Евгений быстро заснул, пока Лже-Наталья что-то читала в своем смартфоне. От нее по-прежнему пахло чужой, незнакомой и нежеланной женщиной.

Утром в пятницу завтракали вместе и вместе покинули дом. На прощанье Лже-Наталья наградила его кратким, скользящим поцелуем в щечку... чего, однако, настоящая Наталья не делала никогда. Впрочем, коллекция мелких несоответствий и без этого изрядно пополнилась — Евгений, вняв совету, завел для них специальный блокнотик, куда заносил эти случаи, шифруя их одному ему понятными аббревиатурами.

...Телефона Еленки, Натальиной сестры, он не знал. Зато хорошо помнил ее адрес — он вообще прекрасно запоминал все, что происходило на местности: адреса, маршруты, расположение домов и так далее. Гордился этим с детства. У Еленки они с Натальей бывали пару раз в гостях — уже довольно давно, но память и в этот раз услужливо восстановила путь: не прибегая к навигатору, Евгений пересек город, проскочил через северо-западную промзону с ее по-детски раскрашенными кубиками фасовочных производств и логистических комплексов — затем по обеим сторонам дороги настал черед хаоса авторемонтных боксов, дешевых кафе для водителей-дальнобойщиков, магазинчиков, в которых продаются вещи сомнительных достоинств и неведомых городским супермаркетам марок... миновал городок недостроенных (десять лет тому назад) краснокирпичных таунхаусов, похожих на гигантские гусеницы, свернул с шоссе вправо, на ухабистую местную дорогу, и еще минут через десять оказался в застроенном частными деревянными домами населенном пункте, лишь по недоразумению называвшемся деревней Разметаево: никакой сельской жизнью здесь, конечно, давно не пахло — фактически это был дальний, обособленный район города, заселенный потомками прежних деревенских обитателей и теми, кому дешевизна жилья предпочтительнее транспортных удобств.

Давно отвыкший приходить куда-либо без предварительного звонка, Евгений, кажется, сейчас не испытал по этому поводу дискомфорта — слишком уж силен был дискомфорт общий, изматывающая, не позволяющая ни на миг про себя забыть тревога. Он припарковался возле соседского забора, с трудом выбрался из машины, едва не соскользнув в придорожную канаву, виновато пискнул брелоком сигнализации и едва ли не трусцой (в самом деле, заметно похолодало) направился к Еленкиному дому.

Калитка была неплотно притворена к стойке ворот и кое-как зафиксирована там косо накинутым ржавым проволочным кольцом — Евгений приподнял его, вошел и аккуратно опустил за собою на прежнее место. К крыльцу вела узкая, халтурно расчищенная от снега дорожка — в то время как справа и слева от нее снег и вовсе лежал девственными, как кроличий пух, сугробами — видно было, что хозяйева, точнее хозяйка (Еленка, кажется, жила одиноко), в это время года не злоупотребляют прогулками по собственному палисаднику. Гадая, дома ли она, и если дома, то заметила ли его из окна, Евгений поднялся на крыльцо, несколько раз с силой притопнул, очищая обувь, после чего не слишком решительно постучал.

Ждать пришлось довольно долго — уже успел вновь напомнить о себе морозец, когда с той стороны послышалось какое-то неспешное шевеление, затем принялся ворочаться ключ во врезанном замке, и вдруг дверь подалась наружу — но лишь на чуть-чуть, тут же прихваченная сверкнувшей цепочкой. Открылась небольшая щель, зияние в темноту, откуда проступило лицо Еленки, — Евгений без труда узнал ее и даже успел машинально улыбнуться, полагая необходимым извиниться за неожиданное вторжение, — прежде чем дверь снова подтянулась вовнутрь, скрыв за собой хозяйку. Послышался шелест убираемой цепочки, и вот она распахнулась, но тоже не полностью, хотя и шире, чем прежде.

Войти, однако, было по-прежнему невозможно: женщина стояла на пороге, загораживая собою проем, и всем своим видом показывая, что никого впускать в дом не собирается.

— А, это ты?

Евгений поежился. При всей необычности ситуации он не ожидал подобного тона.

— Привет, Еленка. Я...

Она смерила его скучным, неприязненным взглядом с головы до ног.

— Чего тебе?

— А?

— Чего тебе надо, говорю, зачем приехал?

Евгений поперхнулся.

— Может, пустишь в дом для начала?

Женщина хмыкнула и вновь окинула его взглядом — на этот раз даже несколько насмешливым.

— Вот еще! Говори здесь. Чего надо?

— Холодно тут.

— Ну и что, что холодно? Терпи. Зима, потому и холодно. А ты тепла хотел, что ли? Погреться? Зачем приехал?

Евгений слотнул слюну.

— Скажи, где Наталья?

Женщина усмехнулась.

— Будто ты не знаешь! Вот же, мужики как есть — наглость прет без границ! Он еще спрашивает, где Наталья! Меня! После всего, что он с ней сделал! Приезжает сюда как ни в чем не бывало... словно беленький зайчик... и еще задает мне вопросы, подумать только!

— Да что я с ней сделал? Я ничего не пони...

— Не прикидывайся, а? Вот только не прикидывайся, прошу тебя. Что ты прикидываешься? Все ты понимаешь, и все тебе отлично известно. И о моей любимой сестре... которую ты... так... и потом...

Она словно бы задыхалась от внезапно вырвавшейся изнутри злобы.

— Мерзавец!

— Да объясни ж ты мне наконец...

— Да что еще тебе объяснить... какое унижение, прости господи!..

Евгению даже показалось, что он заметил на лице у Еленки нарождающиеся слезы.

— Подумать только! Человека, который доверился тебе... полностью... который любил тебя... самого доброжелательного... ранимого... господи, как это низко, подло!

Она закрыла лицо ладонями, но тут же отдернула их и впиалась в него ненавидящими, покрасневшими, полными слез глазами.

— Боже мой, Лена, прошу тебя, умоляю — да объясни мне наконец...

— Нечего тут объяснять, проваливай, короче. Не желаю тебя видеть больше. Слышишь меня? Как пришел, так и уходи. И дорогу сюда забудь! Проваливай...

Хлопнула дверь. Вновь из-за нее раздался шелест цепочки. Евгений поднял воротник, спустился с крыльца и, пнув подвернувшуюся под ногу ледышку, пошел к машине.

12

Надо было ехать на работу, ничего не оставалось. Евгений завел мотор, тронулся и, выбравшись из Разметаева, направился было обратно в город — однако тут же почувствовал, как какая-то мутная волна словно бы поднялась от желудка и захлестнула грудную клетку — и уже после этого без труда за-

владела всем его телом вплоть до кончиков пальцев. Управлять машиной в таком состоянии было трудно.

Понадеявшись, что приступ все-таки пройдет вскоре, Евгений съехал на обочину возле одной из неприметных забегаловок, разместившейся в почерневшем бревенчатом, когда-то наверняка жилом одноэтажном домишке и дерзавшей зазывать к себе проносящуюся мимо публику одной только лишенной подсветки консольной вывеской «Бистро», вполне потерявшей среди многоцветья зажавших ее ликующих собратьев: «Калориферы оптом», «Садовая мебель» и «Автозапчасти из Кореи».

Внутри никого не было, кроме узбечки, мывшей шваброй пол. Увидав Евгения, она как-то испуганно улыбнулась и тут же закричала куда-то в сторону: «Маша! Маша-а! Пойди сюда! Он пришла!»

Вскоре явилась и эта Маша — полная женщина лет сорока в кружевном фартуке.

— Покушать хотите?

Евгений мотнул головой.

— Кофе можете мне сварить?

— Да, конечно. Что-нибудь еще? К кофе? Выпечка там, бутерброды с рыбой? У нас есть палтус копченый. Свежий.

— Нет, спасибо. Ничего не хочу.

Женщина ушла за барную стойку, принялась там колдовать.

— Вам кофе крепкий или американо?

— Да, эспрессо.

Вскоре послышалось урчание кофемашины, чуть позже Маша принесла и поставила на столик, где разместился Евгений, непомерно большую для эспрессо чашку, сахарницу с дозатором и два микроскопических печеньица.

— Хозяин велит угощать всех этими штуками... а никто не ест... всегда потом выбрасываем.

Евгений поблагодарил, пригубил кофе, затем прислушался к себе — тот неприятный приступ, судя по всему, улегся полностью или же почти полностью — можно было бы ехать дальше, во всяком случае. Так и не польстившись на сахар, он допил кофе, покрутил в пальцах печеньице и, подумав, что его, быть может, уже крутили таким же образом пальцы прежних посетителей, вернул обратно на блюдце.

— Посчитайте мне...

Женщина вернулась к его столу, пододвинула к Евгению клавиатуру POS-терминала, сама села рядом. Пока он набирал пин-код, внимательно смотрела на него, подперев рукою подбородок.

— У вас, кажется, не задалось?..

— А? — Евгений встрепенулся. — Нет, все проходит... вот, смотрите...

— Не, я не про карточку. У вас в жизни, я гляжу, не задалось.

— С чего вы взяли?

— Да видно по вам... с чего, с чего... по вам все видно.

Евгений попытался улыбнуться.

— И что же вам видно?

— Что у вас неприятности. С женой, на работе. С соседями тоже.

— С какими соседями?

— Да почему я знаю. Но вы, кажется, всех обидели и теперь не знаете, куда себя деть.

— Я? Или меня?

Она замотала головой.

— Вы, вы. Натворили делов. И теперь пришла расплата.

— Расплата? Но откуда вам это известно...

— От верблюда. На вас взглянешь — и все сразу понятно. Не надо быть семи умов.

Евгений убрал карточку и, подняв голову, серьезно посмотрел в глаза женщине:

— Каким же образом?

В ответ Маша вновь замотала головой.

— Да не знаю я, как сказать... я ж не ученая... вот Людка у нас — она да, ходила на всякие эти... как их... треники... Вот там их учили... мужик такой, восточный... не помню, как звать... седой... он их учил, что надо смиряться... и кто с вопросами лезет, тот сам же все себе и портит...

— А что надо?

— Ничего. Все само. Как в песне, помнишь: надо только выучиться ждать...

— Вымучиться ждать... Ну, ладно, а если не дождешься?

— Значит, не твое это. На чужое полез, вот что это значит. И за это наказан.

Евгений усмехнулся.

— Да что ж не мое? Жил, как жил...

— Именно. И жену свою обижал, и всех. Вот иди сейчас и извинись. Извинись перед ней. Скажи, что зря ревновал. Зря подозревал во всем.

— Да в чем же я...

— Ты знаешь отлично. Знаешь! Иди.

Она приподнялась со своего места и положила ладонь ему на лоб. Ладонь была сухая и неприятно теплая.

— Ну, да, так и есть! Ну, что же ты сидишь раздумываешь... я же сказала... иди, езжай, повинись перед женой скорее...

Она встала, взяла терминал, повернулась к нему спиной и, не попрощавшись, поспешила прочь, вскоре исчезнув за дверью в служебные помещения.

...Хотелось отряхнуться, как это делает облитая водой собака — разом вся, — поскорее забыть этот странный разговор, выцедить напрочь мысль о подстроенности и этой встречи тоже, о мутных смыслах услышанных им слов, о том, как изменятся теперь его планы... какие, к черту, планы... какие могут быть планы, когда... да пошло оно все... к соленому бесу!

13

В конторе, против ожидания, стояла тишина. Все были на местах, но каждый на этот раз как бы сам по себе — за своим столом, среди своих бумаг и файлов. Никто ни к кому не ходил, никто ни с кем не пил чай, не пытался говорить вслух через голову своего непосредственного соседа. Евгений включил компьютер, принял почту, ответил на несколько сообщений и уже было собрался сосредоточиться на какой-то рутинной задаче, как вдруг увидел в дверях своего отсека Ларису.

— Евгений Павлович, вас... Арсений Александрович просит... к нему... прямо сейчас...

— Да, минутку. Сейчас подойду.

Девушка исчезла. Вообще говоря, Листвинский не имел такого обыкновения — приглашать к себе на разговор, посылая за приглашенным секретаршу. Обычно хватало мессенджера, в крайнем случае сообщение подкреплялось телефонным звонком. Так было проще и, как говорил он сам, «протокольнее». Стало быть, сейчас случилось что-то чрезвычайное, требовавшее особой предупредительности или же особенной строгости, — как знать. Евгений почему-то не удивился. Поспешно отправил путаное сообщение своему заместителю, закрыл один за другим рабочие файлы (он всегда был шепетилен по этой части) и, взяв после короткого раздумья с собой ежедневник, направился к начальнику.

В кабинете Листвинского почему-то пахло мятой. Словно бы кто-то только что разлил здесь крепкий мятный чай или даже капнул в нескольких местах какую-нибудь мятную автомобильную отдушку.

— Послушай, Женя. Так нельзя. Так нельзя, как ты делаешь.

Начальник стоял к Евгению спиной, сунув руки в карманы и глядя в окно.

— Ты вчера не отзвонил мне. В итоге мы не знали... Это неправильно!

— Но я...

— Не перебивай. Ты провинился. И ты должен это понять. Да, у тебя проблемы, я знаю. Возможно, серьезные проблемы. Возможно, даже очень серьезные. Ну, так и надо их решать, а не... А ты не решаешь их, не пытаешься даже, только суетишься и путаешься здесь у всех под ногами. Без цели и без толку. Множишь хаос. Которого и без тебя достаточно.

— Да что я...

— То. Зачем ты сейчас приехал, вот скажи? Вот зачем?

— Но ты сам говорил вчера...

— Что я говорил? Я говорил, что сочувствую тебе, — и только. Но я не говорил, что готов взять решение твоих проблем на...

— Арсений...

— Что Арсений? Сорок шесть лет уже Арсений. Послушай, Женя. Вот послушай меня. Мы ведь давно работаем вместе, хорошо изучили друг друга... какого черта ты мне пудришь мозги, вот скажи?

— Я? Да ты спя...

— Поверь, Женя, я очень тебе сочувствую. Очень. Но есть вещи... есть то, на что я повлиять не могу никак. Ну, никак. При всем желании.

Он принялся ходить по своему кабинету, по-прежнему не глядя на Евгения.

— Пойми же, это ты у себя — один. Ты и только ты. А у меня — вот все это. (Он остановился и обвел рукой большой круг в воздухе.) Все эти люди, а не только ты. И работа, будь она неладна. И не может все это ни на день остановиться, даже если очень хочется остановить, чтобы сделать то или се. Ты же сам начальник... должен понять...

— Так я...

— ...и в первую очередь на мне — оценка рисков. Я должен предвидеть риски и предотвратить... по мере возможности... да, заранее... это моя обязанность, а не что-нибудь... прямая служебная обязанность!

Он наконец повернулся к Евгению лицом. Тот как-то сжался, опал, словно бы из него выкачали воздух, — силы ушли, видать, и было-то их немного.

— Ты слышишь меня, Евгений?

— Да.

— Вот и отлично. Сейчас я прошу тебя — покинь офис. Уезжай. Домой, к врачу, куда хочешь. Но ты не должен здесь оставаться, пока у тебя... пока ты... пока все это не закончится, короче. И только когда закончится... тогда... ты мне позвони, и мы станем думать... как поступить. Ты понял меня? Евгений, ты понял меня? Ты услышал? Ну и прекрасно. Все, иди. Мне работать надо.

14

Куда же теперь? Евгений завел мотор, поневоле позавидовав его невозмутимому урчанию. Несколько секунд спустя включился тюнер, заиграл какую-то муть. Евгений убавил громкость почти до нуля, какое-то время без всякой мысли глядел на светящиеся индикаторы приборной панели, затем вновь протянул руку и провернул ключ зажигания в обратную сторону. Вновь стало тихо, и только снег за окном падал сказочно-крупными снежинками, казалось, даже с тихим шелестом — декорацией какого-то неведомого детского утренника.

Злость, да, пожалуй, именно злость сейчас владела им всем без остатка — бесхитростная желто-зеленая злость, — видать, настал наконец ее черед после оторопи, страха, недоумения, желания прийти к компромиссу, оправдаться и объясниться — и вот теперь осталась только ты, злость, бессмысленная и всесокрушающая. Вбирающая в себя все ресурсы, но в то же время согревающая готовностью действовать. Преобразующая — Евгений вспомнил это из школьного учебника — потенциальную энергию переживаний в кинетическую — замысла.

Он вновь решительным движением завел мотор и, резко вывернув руль, выехал со стоянки прямо через наметившийся сугроб — машина недовольно заверещала тенором, на миг застряв, но тут же преодолела ледяное препятствие и вот уже несет его в общем будничном потоке одуревшего от зимы города.

...Парковка перед домом, где размещался кабинет психиатра, сейчас была пуста на удивление — два или три автомобиля покоились в своем анабиозе на приличном расстоянии друг от друга — видимо, жильцы не вернулись еще с работы, несмотря на пятницу. Да ведь и впрямь было еще рано — самое начало четвертого, куда уж домой...

Евгений шагнул к знакомой двери, забыв про переговорное устройство, потянул на себя ручку и, убедившись, что дверь подалась сама собой, вошел.

В холле было пусто, плазменные панели теперь чернели безжизненно, хотя свет везде горел — как видно, ради одних только рыбок в аквариуме, сбившихся в маленькую малоподвижную стаю возле пузырящейся струи компрессора.

Не снимая пальто, он пересек холл и, остановившись перед кабинетом Беляевского, на миг задумался: постучать или нет? Все же приличия ради стукнул два раза костяшками пальцев и тут же бесцеремонно дернул дверь на себя.

Беляевского он застал стоящим над письменным столом уже в верхней одежде — как видно, тот собирался уходить, но, похоже, что-то забыл и вернулся ради этого к своему рабочему месту. Евгений успел разглядеть его ухо, прежде чем психиатр поднял голову и взглянул на него сперва раздраженно, а затем и просто с выражением досады на лице — досады того типа, которая вызывается неожиданными, но, по сути, неодушевленными препятствиями.

— Что же вы, Евгений Павлович, а? Что ж вы так себя ведете... нехорошо... нехорошо... очень нехорошо...

Евгений непроизвольно вздрогнул.

— Мы же с вами как договорились? Как? На вторник. А вы когда пришли? В пятницу.

Качая головой, он взял что-то со стола, положил в портфель, затем направился к двери.

— Что же вы все сами испортили... своими руками, можно сказать... без какой-либо причины...

— Что я испортил, Станислав Михайлович?

— Все. Все, что мы с вами выстраивали. Вся мою работу, можно сказать, коту под хвост... Единым махом.

— Но я только... думал посоветоваться... приехал наудачу... я не настаивал ни в коем случае... если только у вас было бы время...

— Пойдемте.

Беляевский слегка подтолкнул его за талию к выходу и одновременно другой рукой выключил свет в кабинете.

— Пойдемте отсюда. Времени... времени, голубчик, у меня и нету... и никогда нету другого времени... кроме того, что я вам назначил.

Они вышли в холл, психиатр принялся выключать все подряд: верхнее освещение, кондиционер, подсветку аквариума.

— Так вот, голубчик. Так вот. Только так.

— Хорошо, Станислав Михайлович, я приду во вторник, как записано.

Психиатр вдруг остановился, обернулся к Евгению и посмотрел на него словно бы с удивлением.

— Зачем же теперь во вторник? Вы все испортили, голубчик. Теперь во вторник не надо. Теперь приходиться сюда вообще не надо. Уже не надо. Вы сами этого добились, своими собственными руками.

Сказав это, он повернулся к Евгению спиной и принялся набирать код на панели сигнализации.

— Выходите, Евгений Павлович, выходите. Поспешите, пожалуйста. Мне надо поставить под охрану.

Евгений вышел на улицу, спустился с крыльца, дождался, когда Беляевский появится.

— И что же мне делать теперь?

— Вот уж не знаю, голубчик. Совершенно не знаю. Пойдемте.

Вместе они подошли к парковке, там психиатр, оставив Евгения, направился к своей Асуга-RDX и, уже открыв дверь автомобиля, обернулся, в последний раз взглянув на непутевого пациента:

— Я правда не знаю, что вам посоветовать, Евгений Павлович. Я искренне хотел вам помочь, но вы же сами все испортили. Никто вас к этому не принуждал. Все сами. Здесь я бессилён. Абсолютно.

Мягко хлопнула дверь. Психиатр исчез в премиальном японском железном чреве.

15

По пути домой он набрал Константина. Против ожидания, тот довольно живо откликнулся на звонок, поинтересовался, решил ли Евгений свои проблемы, — в общем, как будто бы не знал ничего о последних его неудачах и настроен был доброжелательно — чем до некоторой степени Евгения успокоил.

— Послушай, Костя... вот помнишь... да, мы говорили... и ты сказал... ну, я вчера еще попросил тебя... что?.. ну, да, именно... короче, не мог бы ты завтра... зайти ко мне домой... ненадолго совсем...

— В какое время? — ответил Константин после недлинной паузы. — У меня вечер занят... а так могу, конечно...

— Не вопрос.

— Так когда прийти? (Проступили нотки мрачноватой решимости.)

Евгений на миг задумался.

— Знаешь, хорошо бы... ну, где-то к полудню... будто бы по делам... ну, попьём чаю, посмотришь на эту... женщину... а потом мне расскажешь... хорошо?.. И я наконец пойму, куда же мне идти все-таки: в психушку или в полицию.

Он делано засмеялся.

— На тебя последняя надежда... вот как скажешь, так я и поступлю. Кроме тебя, никого у меня нет. Ну, так все складывается!

Константин пробурчал в ответ что-то не слишком членораздельное, но все же окрашенное примирительными интонациями.

— Ну, вот и ладушки. Жду с нетерпением.

Не хотелось возвращаться домой раньше обычного. Петля от пробки к пробке, Евгений как-то процедил себя через сито городских улиц и, не придумав ничего лучше, встал на парковке перед торговым центром «Кама» — уже довольно плотно забитой в этот золотой час предвыходного шопинга. Какое-то время он просто сидел в машине, выключив зажигание, словно бы

спал наяву, — но, почувствовав, что становится холодно, все же выбрался наружу и, не застегивая пальто, направился ко входу в это недавно отстроенное святилище Меркурия.

Сделанная из стеклоподобного пластика движущаяся лестница подобрала его и двумя разнесенными маршами выпихнула на второй этаж, к фудкорту. Есть, однако, не хотелось совсем, и Евгений без какой-либо мысли присел на коричневую рейчатую скамеечку, обставленную с обоих боков тумбами с кустистыми искусственными шеффлерами.

Вокруг клубилась жизнь — обыденная, непримечательная, бестолковая. Какая-то молодая парочка — едва ли не подростки еще — прошмыгнула было мимо, но вдруг остановилась на ходу, и девица с косыми анимешными прядями, вильнув задиком, неожиданно уселась рядом с Евгением. И тут же, ссутулившись, уткнулась в свой смартфон.

— Ну, так ты будешь или нет?

Ее долговязый и узкоплечий, будто вытянутый в фотошопе, спутник, склонившись над ней, уперся кулаками в ее колени.

— Пойдем уже.

— Сейчас. У них такое же, смотри.

Показала ему экран.

— Да и хрен с ними.

— Чего... ты с дуба рухнул...

— Сама ты... ладно, пойдем...

— Подожди... я не хочу...

— Чего, вот скажи, чего ты не хочешь... и чего хочешь...

— Ты ёжик вонючий...

— Все, пойдем...

Он схватил ее за руки, рывком поставил на ноги и, приобняв за талию, повел куда-то прочь.

Какое-то время Евгений оставался один. Затем на дальний от него край присел среднего возраста мужик в сбившемся пальто песочного цвета, весь груженный пакетами и коробками размером примерно в четверть обувных. Он стал нервно проверять что-то, по нескольку раз заглядывая вовнутрь своих пакетов, попробовал открыть одну из коробок, не снискав в этом удачи, оставил затею и принялся запихивать ее в самый большой пакет. Впрочем, это у него тоже не получилось. Тогда мужик взгромоздил покупки на скамейку между собою и Евгением, образовав неустойчивую пирамиду, достал из портмоне какую-то пластинку чуть больше банковской карточки и минут пять, наверное, внимательно ее разглядывал — будто бы стараясь прочесть в ней что-то, для себя новое. Потом покачал головой, аккуратно убрал картонку назад в портмоне и после этого как-то долго, очень долго устраивал его во внутреннем кармане своего пальто. Еще минут пять или десять он сидел просто так, без дела, время от времени вздыхая и хмыкая, затем все-таки поднялся, устало собрал свое барахло и неуклюжей походкой направился к эскалатору.

Опять Евгений — один. Вот еще пара, на этот раз взрослая, прошла мимо. Женщина держит своего спутника под руку — скорее всего, это муж и жена. Или те, кто хочет выгладеть, словно они муж и жена. Люди, давно и прочно живущие вместе. Вне всяких сомнений и подозрений с чьей-либо стороны. Без малейших вопросов, да. Проходя мимо, женщина на миг обернулась, посмотрела на Евгения, затем что-то сказала своему спутнику. Тот ответил, не оборачиваясь, и ускорил шаг.

Чуть позже на освобожденное мучеником пакетов и коробок место присел еще более странный субъект: неопределенного возраста мужчина в старой стеганой куртке с растрескавшимися и местами облезшими вставками из светлой кожи. На лице его, обрамленном неаккуратно подстриженной черной с проседью бородкой, застыло характерное для алкоголиков выраже-

ние охотничьего азарта пополам с охотничьей же быстротечной доброжелательностью. Его словно бы что-то теребило изнутри — он то закидывал ногу на ногу, то, напротив, выпрастывал обе вперед, подбирая при этом носки.

Кажется, он даже спросил разрешения присесть рядом.

— Экую они построили... гигамотину... правда ведь?

Он посмотрел на Евгения и, не дождавшись его реакции, продолжил, глядя в сторону фудкорта:

— А раньше что здесь было, помнишь?.. Не помнишь?.. А я, представь, помню. Здесь завод был, вот что. Люди работали. Спозаранку. По металлу хреначили. Во как. Кормили свои семьи. А сейчас что? А сейчас вот это вот. Порнография. Чудо заморское. С позволения, так сказать.

Он покачал головой, отвернулся от Евгения и принялся, вытягивая голову, разглядывать издали какую-то витрину.

Кажется, еще немного, и он вновь попытается завязать разговор, — Евгений не стал дожидаться, поднялся и двинулся прочь.

16

Домой он все-таки приехал первым. Кажется, Лже-Наталья говорила перед уходом что-то про вечернюю смену — Евгений вспомнил, словно бы сквозь пелену, утренний эфемерный обмен репликами: в тот момент его занимали другие вещи и услышанное осело где-то на периферии сознания. Но точно ведь говорила, да, говорила, что придет поздно, — именно так. Ну, и тем лучше. Значит, есть еще пара часов одиночества, по крайней мере. А то и все три, как знать!

Евгений переоделся, проглотил на ногах поспешно сооруженный бутерброд, запил его выдохшейся минералкой и, кинув пустой стакан в раковину, ушел из кухни.

Замысел созрел как-то нечаянно, сам собою, неведомо, в какой момент. Естественный в своей простоте, как то же самое чувство голода или, допустим, потребность в ночном сне, — он словно бы выжидал подходящего времени и, дождавшись, заявил о себе, ничем не стесняясь больше. Уверенным шагом Евгений направился в спальню, служившую одновременно комнатой Натальи, открыл створку шкафа с ее вещами и выдвинул ящик, в котором она, как он знал, содержала всяческую свою чепуху: нужные и ненужные документы, мелкие безделицы, что-то еще. Это было в полной мере интимное место — такое же, как ящики рабочего стола в его собственной комнате. Оно не запиралось на ключ, но Евгений никогда не позволял себе в него заглядывать. Вернее сказать, у него и не возникало подобного желания, но где-то в глубине сознания жила своей жизнью особая уверенность, что в этот ящик он, во всяком случае, соваться не должен, он даже не должен спрашивать на это у жены разрешения — и так же точно, по той же самой причине, она никогда не сунет свой нос в его стол, что бы ни произошло.

Теперь же все переменялось. Евгений принялся перебирать содержимое ящика, отодвигая в сторону какие-то латунные ключики от давно утраченных замков, механические дамские часы с застывшими на половине восьмого стрелками, другие часики, тоже дамские, но электронные, с ослепшим после батарейкиной смерти индикатором; следом — привезенные с турецкого курорта стеклянные четки с порванной нитью, сломанного нефритового носорожку, невесть откуда взявшуюся косметическую тушечницу фасона девяностых годов, какими тогда торговали в киосках на каждом углу, щербатый пластиковый гребень, монетку в 20 болгарских левов, еще миллион подобного рода сокровищ — все это он бесцеремонно разгреб ладонями прежде, чем достал со дна стопку бумаг разного формата, перехваченных большой канцелярской клипсой.

Тут тоже было все вперемешку: какие-то давние коммунальные счета, пожелтевший врачебный рецепт с треугольной печатью, выданный откуда-то кусочек картона с неровными краями и нацарапанным простым карандашом бог знает чьим телефоном... и вот, среди всех этих следов сентиментального мусора Евгений углядел вдруг сувенирный почтовый конверт или даже, скорее, конвертик — форматом на треть меньше обычного английского по каждой стороне, но при этом сделанный из дорогой плотной бумаги и покрытый сплошь новогодним орнаментом — какие-то там снежинки, мишура и разноцветные сверкающие шарики... На клапане, глубоко продавливая непослушный глянец синей шариковой ручкой, незнакомым Евгению размашистым почерком было выведено крупно два слова: «Той, которая...» Конверт, как видно, был тщательно заклеен отправителем и вскрыт затем получателем, то бишь Натальей, через боковой надрез с короткой стороны — точнее говоря, через надрыв или даже серию надрывов, как видно, торопливых и непослушных.

Слегка сжав конвертик с боков и превратив его тем самым в почти правильную трубочку, Евгений сперва одним глазом заглянул внутрь, затем пальцем извлек оттуда небольшой, полностью исписанный блокнотный листок с нарушенной, истрепавшейся в бахрому перфорацией... расправил его... хмыкнул... принялся читать...

«Милая моя Наташа... — кажется, этих трех слов хватило вполне, чтобы он опознал автора. — Милая моя Наташенька, ты хотела, чтобы у тебя был след моей руки на бумаге... ну, так вот он — для тебя специально, и я надеюсь, что он не попадет на глаза... твоему дураку...» Это, конечно же, писал Павлик, ну да, кто ж еще, — определенно он, как бы давний приятель, что называется, входящий в их дом. Два или три года назад он уехал работать за границу, успев перед этим надоесть Евгению своими частыми визитами и уныло-бесконечными разговорами о международной политике. Павлик был робким занудой, блеклым, как спитой чай, вообразить его роман со своей женой Евгению бы в голову никогда не пришло. «Дорогой мой, самый дорогой мой человек, как же плохо мне будет теперь одному, без возможности видеть тебя, без редких встреч, когда наконец удастся целовать тебя, ласкать твои плечи, говорить с тобой о любви...»

Читать было противно. Евгений дважды сложил записку пополам, прогладил сгиб ногтем, затем, превозмогая отвращение, вернул ее в конверт. Кинул его и все прочее — обратно в ящик, даже не пытаясь скрыть следы обыска...

Лже-Наталья пришла к половине одиннадцатого, сильно уставшая и не склонная к общению, — что было только на руку Евгению. Обмениваясь незначущими фразами, они выпили перед сном чаю, потом вместе посмотрели хвост какой-то молодежной телевизионной дряни (душераздирающие подростковые драмы среди пальм и коралловых пляжей), потом ушли в спальню, какое-то время читали оба и затем, погасив свет, заснули, так и не приронувшись друг к другу.

Утром, пробудившись около восьми, Евгений заметил на тумбочке возле Лже-Натальи пузырек с корвалолом. Значит, она проснулась и не могла больше заснуть, вставала, принимала капли. Он же спал так крепко, что не заметил этой возни. Или же заметил, но к утру забылось начисто, — зато сейчас она не реагирует ни на что, лишь слегка посапывает, утонув в подушке. Чужое некрасивое лицо.

Евгений хмыкнул, спустил ноги на пол, нащупал тапочки, поднялся. Лже-Наталья слегка зашевелилась, не открывая глаз, поправила подушку.

— Я еще посплю. Всю ночь не могла...

Повернулась к нему затылком и почти сразу же засопела, как прежде.

Евгений вымылся, довольно плотно позавтракал, затем, оставив обедки и грязную посуду на столе, шаркая тапками, ушел к себе в комнату. Там он плюхнулся в кресло и, сложив на груди руки, довольно долго сидел без какой-либо содержательной мысли. Причудливые обрывки давних воспоминаний всплывали в мозгу, будто кусочки овощей в кипящем борще, и тут же вновь тонули в его адской гуще — всякий раз не позволяя зацепиться, выскальзывая прочь, лишая возможности восстановить прошедшую жизнь хоть в малой ее части, связать как-то с другими ее частями.

Впрочем, эти неудачи не обескураживали, а, напротив, слегка раззадоривали, забавляя. По всему, это напоминало расчесывание ранки в детстве — мелкой, нестрашной, затянувшейся без чьей-либо помощи, без слез и зеленки.

Так можно было сидеть долго, но все же надо было, наверное, что-то делать, совершать какие-то движения, перемещать себя куда-то с какой-то целью... Евгений встал, шагнул к окну и, опершись о подоконник, стал смотреть на улицу. Там падал снег, оседал массой мелких стеклянных кристалликов, неразличимых по отдельности в недостаточном утреннем свете. Подобно их подветренному пролету, и безалаберное верчение мыслей Евгения теперь сменилось каким-то более или менее ламинарным их движением, быстрым, вовлекающим в себя прежде, чем ему удавалось как следует рассмотреть эти мысли внутренним своим взором, опознать, хоть как-то классифицировать.

Он оделся, спустился во двор. Как положено во время снегопада, потеплело в сравнении со вчерашним днем, снег уже не был морозно-колючим, но и не стал еще противно-мягким, талым — счастливо застряв на какой-то очень тонкой грани смежных агрегатных состояний.

Евгений запрокинул голову, придерживая шапку рукой, закрыл глаза. Приятно было так стоять, чувствовать легкое покалывание от невидимых опускавшихся на лицо снежинок, — и тут же вспомнилось детство, вот так же, задрав голову и закрыв глаза (а то и высунув язык), он стоял где-то, не думая ни о чем, и чей-то голос (мама? отец?) звал его, он слышал, но не слушался, пытаясь продлить и продлить приятную истому...

Впервые за эти дни Евгению стало хорошо, он зачем-то расстегнул пальто, но даже не почувствовал холода. Он словно бы вновь вообразил себя мальчиком — намеренно пропустившим мимо ушей указания старших, строгие правильные слова, произносимые для его же блага, для его здоровья, его безопасности, для того, чтобы он стал как все, стал незаметен.

Евгений вдруг улыбнулся — тоже впервые за эти дни, — непроизвольно обвел языком пересохшие губы, поправил пальто. В голове опять изменилось что-то. Мысли теперь тянулись, как старое густое варенье, — нехотя и упруго, цепляясь ко всему встречному на своем пути.

Все как-то... К двенадцати придет Костя, если, конечно, не обманет, — но времени еще полно, и надо его куда-то девать. Можно вернуться домой... там сейчас просыпается, встает... эта женщина... и что? Ведь надо сказать ей что-то, предупредить о том, что придет Костя... А, плевать! На все плевать!

Он пошел к машине, достал с заднего сиденья щетку и принялся зачем-то счищать снег: сперва со стекол, затем с прочих поверхностей — старательно и медленно, как никогда не делал, отправляясь на работу или куда-то еще. Потом, закончив, сел за руль, какое-то время глядел, как новые ледяные метеориты падают на переднее стекло, оставляя по себе лишь рябь бесформенных капелек, — и вот их стало много, очень много, они заполнили собой поле зрения, и Евгений принужден был включить дворники (пока еще в самом ленивом из трех доступных режимов).

Он замер, вжавшись в спинку сиденья. Было тихо, и только короткий двойной плач электромоторов каждый раз, вслед за щелчком реле, отме-

чал безнадежную попытку одолеть падающий снег — сохранить, вопреки всему, девственную прозрачность ветрового стекла.

В двенадцать зачем-то придет Костя... Достав телефон, Евгений отыскал его имя в списке недавних звонков, ткнул пальцем, затем ткнул еще раз и, убедившись, что пошел набор, поднес к уху.

Ждать пришлось долго, слушая длинные гудки, — Евгений даже подумал, что его друг спит еще, пользуясь субботним выходным, и, устыдившись, уже хотел дать отбой, когда в трубке наконец что-то шелкнуло, и следом раздался знакомый Костин голос — сухой со сна, но в целом бодрый, какой обыкновенно бывает у человека, желающего показать, что его не застали врасплох.

«Алло... ты... нет, уже встал... но ты любитель, гляжу, звонить по утрам... что?.. нет... еще девять часов только... ну, девять двадцать, да... всего-то... да нет, ничего... не разбудил же... ну, я понимаю, что ты волнуешься... а ты не волнуйся... держи ушки на макушке... что?.. ну да... что замыслы?.. какие еще замыслы?.. нет, ничего... да, к тебе собираюсь, собираюсь... как обещал... позавтракаю, приведу себя в порядок и потихоньку поеду... что?.. не надо уже?.. как не надо?.. ты же хотел... что, решилось де... не решилось?.. тогда поче... другое?.. ну ладно, как знаешь... точно не надо?.. или, может, ты вдруг застеснялся?.. если застеснялся, то... не застеснялся?.. ну, ладно, ладно, дело хозяйское... было бы предложено... слушай, ну, а как вообще, нащупал выход-то какой-нибудь... ну, из этой твоей... ситуации... что?.. наметилось что-то?.. ну, слава богу... ладно, я пойду приводить себя в порядок... но так-то вообще надо будет повидаться все равно... даже вне связи с твоей этой... да, да, конечно... да когда угодно, только предупреди... хорошо... да... пока...»

Евгений дал отбой. Убрал телефон в карман. Включил зажигание. Мотор ровно задышал своим тихим, ритмичным дыханием, словно охотничья собака, покорно ожидающая команды хозяина. Наконец кондиционер сделал свое дело, и в машине стало тепло, Евгений взялся за руль и, повернув колеса, как бы нехотя высунулся из ряда припаркованных на ночь автомобилей. Фары тут же выхватили узбека в зеленом светоотражающем жилете, вышедшего на неравный бой со снегом и испуганно шарахнувшегося в сторону, затем какую-то пожилую женщину, выгуливающую беспородную лохматую собаку средних размеров, — старушка подняла голову на шум и, забыв на миг про своего питомца, проводила машину Евгения каким-то полным странного недоумения взглядом. Минуту спустя он уже ехал по улице в общем потоке, недавнее ощущение внутреннего покоя теперь исчезло, но чувство страха, дергающего гнойного страха, как он теперь понял, не покидавшего его все эти дни, все же не вернулось на освободившееся место — по крайней мере пока. Евгений ехал и ехал, и хотелось так ехать долго, бесконечно долго, всегда.

17

Знакомые очертания северо-западных предместий уже вышли из утренних сумерек и теперь мелькали перед взором Евгения, словно страницы много раз прочитанной книги. Субботним утром всюду было пустынно, еще горели бессмысленные ночные фонари, редкие дорожные машины счищали по обочинам снег. Евгений проехал кафе, где в пятницу разговаривал с официанткой, — вывеску с трудом удалось опознать, теперь она была обмотана черным шуршащим полиэтиленом и перевязана поверх изолентой — видимо, кафе спешно закрылось по какой-то неожиданной причине, или же саму вывеску кто-то повредил, и хозяева решили не позориться.

У поворота на Разметаево какой-то мужик справлял малую нужду, не таясь, прямо под дорожным знаком. Вынужденный притормозить, Евгений едва ли не торжественно объехал его с двух сторон, удостоившись даже короткого поворота головы удивленного страдальца, не ожидавшего, как видно, сейчас никого на этой пустынной дороге.

...Припарковавшись на том же месте, что и накануне, Евгений вновь попытался расслабиться — распахнул дверцу автомобиля, выключил радио, постарался реже и глубже дышать. Было тихо, снег все так же падал на ветровое стекло, дворники все так же ритмично стирали возникающие при этом водяные вороночки, но взгляду уже не удавалось уцепиться за это неизбежное и повторяющееся движение — что-то внутри Евгения теперь требовало от него активного действия, подзуживало его, напрягало мышцы... Он вышел из машины, хлопнув дверцей чуть сильнее, чем обычно, застегнул пальто на одну пуговицу и решительно зашагал по проторенной накануне дорожке.

Тропинку от калитки к крыльцу изрядно подзанесло снегом — Евгению пришлось протаптывать ее едва ли не заново, натываясь то и дело на свои же пятничные следы. Возле крыльца, однако, он заметил несколько свежих окурков, лежащих живописной стайкой, — значит, к Еленке все-таки приходил кто-то. Или же она сама высовывалась покурить на свежий воздух, кто знает. Он тут же попытался вспомнить, курит ли Еленка вообще, — но с ходу не смог и, ленись всерьез теревить мозг, тут же оставил это дело.

На этот раз он постучал в дверь со всей решительностью — торцом кулака, а не костяшками пальцев. Видимо, это возымело свое действие, и ждать почти не пришлось — уже секунд через десять послышалось шевеление ключа, и затем повторился давешний ритуал: сперва дверь слегка подалась вперед, удерживаемая цепочкой, хозяйка выглянула равнодушно из темноты и, вновь приняв дверь на себя, вынула цепочку из запирающего гнезда. Затем приоткрыла дверь опять. Но на этом прежняя канва дала сбой: Евгений, не произнося ни слова, вдруг дернул дверь, распахнув ее полностью. Не ожидавшая подобного Еленка осталась сиротливо стоять в проходе, не пытаясь ни перехватить дверь, ни как-то заслонить собою путь в дом.

Она явно была со сна, во всяком случае, с постели, — одета в какую-то ночнушку до щиколоток, поверх которой набросила, не продевая руки в рукава, короткую поношенную дубленку с рыжей оторочкой и линялым воротником.

— Ты, что ли?

Евгений шагнул вовнутрь.

— Пойдем.

Еленка чуть заметно покачала головой, однако тут же повернулась к нему спиной и, обняв себя за плечи, послушно двинулась вперед слегка раскачивающейся походкой — демонстрируя разом покорность с безразличием.

Они вошли в кухню — не очень чистую, с давней грязной посудой в мойке. Пахло не вытертой с вечера клеенкой, накрывавшей обеденный стол. Евгений огляделся, поморщился, сам не зная от чего.

— Она здесь? У тебя?

Еленка мотнула головой:

— Нет.

— Тогда где?

— Не знаю. Здесь нету ее. И не было. Можешь сам проверить.

Евгений, не спросясь, сел на один из стульев.

— Я это... пойду оденусь, что ли.

Она ушла в комнату, шумно закрыла за собой дверь. Евгений остался сидеть, наклонившись вперед и тяжело расставив ноги. Вдруг он словно бы встrepенулся, как от удара током, поспешно встал, скинул с себя пальто, не

глядя, свалил его за собой на освободившийся стул. Затем шагнул к двери, за которой скрылась Еленка, дернул на себя так, что зазвенели вставленные в нее крашенные белой краской стекла, вломился в комнату.

Женщина стояла перед ним, неловко прикрывая свою наготу зажатой в руках дубленкой, — точь-в-точь матадор, отделяющий себя плащом от бычьей ярости.

— Чего ты?

— Ничего. Так. Просто вошел сюда. За тобою следом.

Он потянулся вперед, с силой рванул к себе, выхватив из ее рук, дубленку и сразу же отбросил, не глядя, в сторону, как отбрасывают целлофановую упаковку новогоднего гостинца, вскрытого в нетерпении.

— Зачем... ну, так...

Оставшись теперь без прикрытия, Еленка машинально заслонила груди ладонями.

— Ну?

Евгений отвел ее руки, схватил за плечи, притянул к себе. Секунду или, может, две женщина сопротивлялась, отворачивала голову, но вот что-то словно бы переключилось в ней, она разом перестала уклоняться, пряча губы, и, напротив, жадно прильнула к нему в поцелуе — будто гидра или минога.

18

Час спустя они лежали оба голые на кровати: он — на спине, неподвижно глядя в оклеенный выцветшей бумагой и засиженный мухами потолок, она — на правом боку, прижав ладони щекой и полусогнув в коленях ноги. Лежали молча, не прикасаясь друг к другу. Евгений слышал, как снаружи дует ветер, бьется в окно снежной крошкой — не в силах, однако, нарушить это затхлое, тихое, неуютное, избыточное тепло, вытопленное с ночи печкой.

— Устал?

Он удивленно повернул голову.

— А?

— Устал, говорю?

Евгений сдвинул брови.

— Я? Устал? От чего? От чего мне было устать.

Женщина хмыкнула, усмехнувшись:

— Ну, от того... от чего все устают...

Она подняла голову, подперла щеку кулаком. Какое-то время молча смотрела на Евгения, но не в лицо, а ниже — на его грудь, живот, ноги.

— А ты волосатый, я люблю, когда... у меня мало мужиков волосатых было... зверики такие, лошадки мохноногие...

Она неловко погладила его по ноге и захихикала какими-то странными, не вполне естественными звуками, как если бы где-то понемногу переливалась вода.

Евгению не хотелось отвечать. Вообще не хотелось разговаривать самому, да и слышать чужую речь не хотелось тоже. И даже думать не хотелось ни о чем определенном — он бы предпочел так и лежать, вслушиваясь в тишину, — ловить эти звуки ветра там, на улице, вздрагивать от неожиданного шелчка, раздавшегося вдруг из неравномерно остывающей печки, или от скрипа неплотно прикрытой двери, самочинно откликающейся на никак иначе не ощутимое движение воздуха.

— Хочешь есть?

Евгений вздрогнул от неожиданности.

— Что?

— Есть, говорю, хочешь? Завтракал уже?

— А? Да. Я уже завтракал.

— Давно?

— Ну, рано утром, а что.

— Вот видишь, а я еще нет. Да и ты, небось, уже опять голодный... да?.. мужики, они как кролики, есть хотят постоянно...

Она соскочила на пол, встала, повернулась к нему спиной и принялась одеваться. Так, со спины, когда не видно лица, она и в самом деле была неотличима от Натальи, — Евгений поймал себя на том, что ему приятно ее разглядывать, что он испытывает от этого какое-то привычное, бездумное, тягостное удовольствие, которое испытывал всегда и на которое, однако, прежде никогда не обращал внимания.

Полчаса спустя она позвала его за стол. В тарелке лежали какие-то толстые обжаренные макароны, в рифму к ним — две изогнутые сардельки с лопнувшей кожей да коричневая каша маринованной фасоли.

— Хлеба хочешь?

Евгений кивнул.

Еленка поднялась со своей табуретки, ушла куда-то ненадолго, вернулась, держа в одной руке шмат черного хлеба и что-то завернутое в промасленную бумагу — в другой.

— Это сало. Будешь сало?

Евгений пожал плечами.

— Сейчас, подожди.

Она встала вновь, опять куда-то ушла и на этот раз вернулась с початой бутылкой водки и двумя маленькими гранеными стаканчиками.

— Давай уж отметим, раз встретились. Как люди.

— Утро же вроде...

— Так и что? Подумаешь... Не маленькие. Да и не утро уже — считай, полдень.

Она разлила водку, взяла свой стакан тремя пальцами, подняла его:

— Не держи зла. Подумаешь — заплутал! Только-то и всего. Бывает. Все в жизни всегда идет, куда не надо...

Водка показалась Евгению какой-то безвкусной, словно вода. Она упала на дно желудка, даже не оставив во рту обычного омерзительного следа, — Еленка тут же наполнила его стакан по новой, пододвинула к нему и выразительно указала на стакан взглядом.

— Давай еще. Не останавливайся. За встречу.

Евгений послушно выпил еще раз, так и не успев закусить после первого стакана, — он, однако, словно бы не пьянел, точнее говоря, его состояние практически не менялось: он будто бы пьяным был, уже садясь за стол, и столь же пьяным, неадекватным был сейчас, после ста или ста пятидесяти граммов водки.

Еленка что-то говорила ему, он что-то отвечал, время от времени они наполняли стаканы водкой, наскоро выпивали налитое, закусывали салом. Потом она затопила печку, и в доме стало жарко. Евгений покраснел, вспотел, но по-прежнему ощущал себя словно бы в каком-то ватном облаке — из которого все видится ненастоящим, похожим на кино. А настоящего и нету совсем.

Так прошло несколько часов — иногда они вставали из-за стола, желая размять ноги, шли куда-то — на крыльцо или в комнату, — по пути наткнулись друг на друга, падая в спасительные объятия. Еленка включила радио — жаркий, обедненный кислородом воздух наполнился стуком электронной колотушки с наложенными на него надрывными голосами восторженных вагинострадалиц. Евгений, в другое время всячески старавшийся избегать подобных звуков, на этот раз даже не поморщился, воспринимая все как должное.

В какой-то момент он почувствовал усталость и, что-то пробурчав себе под нос, ушел в комнату, где, ничуть не стесняясь, прямо как был, повалился на кровать навзничь. Перед глазами поплыли бурые и коричневые круги. Евгений прищурился, оттеснив круги на периферию зрения, затем растер пальцами оба виска и, почувствовав облегчение, сомкнул веки. Кажется, он заснул и даже проспал какое-то недолгое время, прежде чем вновь открыл глаза с каким-то невольным испугом. Что-то произошло нехорошее — ах, да, вот оно опять: этот стук с улицы, настойчивый, деревянный, громкий, хорошо слышимый через две распахнутые двери — из прихожей в кухню и из кухни сюда, в комнату. Евгений рывком поднялся (аж кольнуло в затылке) и, шагнув на кухню, успел увидеть, как Еленка пошла открывать.

Он услышал, как хлопнула дверь, потом наперебой загалдели, перемежаясь смехом, громкие голоса — женский знакомый Еленкин и незнакомые мужские, — потом послышались шаги, кажется, какая-то возня, и вот на кухню ввалились все трое: хозяйка и двое шумных мужчин.

Первый из них, пониже ростом, был одет в старого фасона теплую куртку, когда-то синего, а теперь — едва ли не серого цвета. На голове красовалась утепленная мехом шапка с козырьком и круглой тульей — тоже поношенная, во многом утратившая форму. Сам вошедший представлял собою типаж такого вневозрастного живчика с бегающими глазками — ему явно было уже за сорок, но выглядел он, да и всегда будет выглядеть как бы на «потрепанные тридцать». Лицо его украшала короткая бородка, спускавшаяся от висков и скрывавшая слишком острый подбородок.

— Это Витя, — представила его Еленка, панибратски хлопнув по плечу. — Мой друган закадычный.

Второй из пришедших, представленный Еленой как Никитушка, был не только выше своего товарища, но и превосходил его в остальных измерениях: он казался ощутимо шире в плечах, а изрядный живот не могла скрыть даже длинная, как кавалерийская шинель, латаная дубленка цвета кофе с молоком. Головным убором ему служил какой-то сложной формы киргизский малахай из меха непонятной принадлежности. Тщательно выбритое лицо Никитушки казалось слегка опухшим, с узкими щелочками глазниц.

Еленка прислонила голову к плечу Евгения.

— Это мой зять.

— Зять? — Витя сделал большие глаза, — У тебя разве есть дочь?

— Ну, Наташкин муж. Прошу любить и жаловать...

Оба пожали Евгению руку, плотоядно улыбнувшись.

— Отдыхаете тут?

Еленка рассмеялась.

— Отдыхаем. Давайте присоединяйтесь.

— А мы и не пустые пришли... вот!.. — Никитушка вынул откуда-то из кармана дубленки плоскую бутылочку чего-то коричневого. — От нашего стола вашему столу!

Он обернулся к своему товарищу и сделал ему какой-то беззвучный знак. В ответ Витя кивнул и также полез в карманы, откуда извлек еще две такие же бутылочки.

— Кладовщик из Веселого с нами расплатился, сучонок. Еще в ангаре пол-ящика осталось!

Еленка вновь расхохоталась:

— Ну, раз пришли с добычей... того... давайте за стол, что ж сделаешь...

Все уселись, разлили коньяк. Вновь потянулось вязкое, баюкающее застолье. Евгений теперь словно бы себе не принадлежал — он пил и закусывал вместе со всеми, отвечал на вопросы, когда к нему обращались, качал головой, слушая разговоры, — неприхотливые, как тот же дешевый коньяк. И лишь когда Еленка, Никитушка и Витя выходили курить на крыльцо (на

кухне, несмотря на попытки вновь пришедших, это занятие было пресечено хозяйкой со всей решительностью), он ненадолго оставался один, бессиленно свешивал голову на грудь и слушал собственное дыхание — раз почему-то вспомнилось при этом, как, школьником, так же тяжело дышал он, пробежав впервые на физкультурном уроке километровую дистанцию... в каком это классе было? а, черт, не важно...

Долго ли, коротко ли — но вот Еленка вдруг поднялась со своего места, шагнула прочь от стола и, заложив руки за спину, произнесла тем тоном, которыми объявляют номера на самодеятельных концертах.

— Что ж, дорогие гости, устала я от вас от всех, спать хочу...

— Ну, вооот!.. — Витя изобразил картинное разочарование. — А мы-то как же... Считай, только во вкус вошли... правда, Никитушка?

И он потрепал своего товарища по плечу. Тот, нанизывая на вилочку кусок колбасы и отправляя его затем в и без того полный рот, только покачал, как мог, головой.

— А, Никитушка? Ну, вот скажи. Как ты считаешь?

Никитушка принялся торопливо жевать, потом поспешно, с видимым усилием проглотил пережеванное и, освободив рот, повернулся к Вите.

— Чего? Ну, это неоспоримое... право хозяйки... чего там.

— Право-то право, — не унимался Витя, — Но мы, считай, только пить начали...

Никитушка засмеялся коротким, словно бы извиняющимся смешком:

— Ну, уж и начали — бутылки пустые уже...

— Дак чё... ну, пустые... ну, пойдём тогда к нам в ангар... там полные...

— Вот и пойдём.

Никитушка посмотрел на Еленку с каким-то вопросительным выражением на лице.

— Пойдём, что ли?

Еленка шагнула к столу, наклонилась, опершись обеими руками:

— Вот и идите... хорошо... давайте-ка... идите, идите все втроем... мне еще прибраться тут надо хоть чуть-чуть...

Она взяла Витю за плечо.

— Давай-ка... а то сами тут заснете...

Витя поднял голову, затем с шумом отодвинулся от стола, поднялся на ноги, потянулся.

— Ну и ладно... и пойдём... Эй, Никитушка, хорош жрать... подымайся...

Он перевел взгляд на Евгения.

— И ты... пойдём с нами... как тебя... Евжений... пошли, бедолажка.

19

На улице уже стемнело. Снегопад, кажется, прекратился совсем, ветер тоже стих — Евгений брел следом за своими нечаянными собутыльниками, то и дело проваливаясь в сугробы и вздрагивая, когда частицы снега холодными уколами пробирались в обувь. Почему-то опять вспомнилась школа, лыжные занятия на физкультуре, нелепый бег по кругу на неудобных казенных лыжах — пародией на неспешную воскресную прогулку с родителями по зимнему лесу, когда припорошенная белым пухом лыжня то огибает разлапистые елки, то ныряет на дно небольшого оврага веселой горкой и затем выбирается вновь наверх по пологому склону...

...Показалось, что брели они как-то очень долго, петляя, останавливаясь, прихлебывая по очереди из бутылочки, как оказалось, заначенной Никитушкой во внутреннем кармане своей дубленки... наконец, кажется, добрались до цели — ею оказался почерневший бревенчатый авторемонтный бокс, из-

рядно засыпанный снегом, — Витя открыл ключом встроенную в ворота узкую дверь, юркнул внутрь, через несколько мгновений из бокса сквозь щель, оставленную прикрытой им за собой дверью, вырвался густой полосой неприветливый желтый свет.

— Заходите, гости дорогие... вечер в хату...

Бокс был довольно просторным и в некотором смысле заброшенным — во всяком случае, никто в него не заезжал чиниться уже долгое время. Евгений это определил сразу, несмотря на обилие раскиданных тут и там всевозможных артефактов авторемонта. Валялись разного рода погнутые корпусные детали, почерневшие от нагара и смазки части двигателей, еще какие-то непонятные Евгению, но явно — автомобильного происхождения железяки. Тут же на полу располагалось несколько рядком выставленных аккумуляторов, соединенных позеленевшими медными проводами, то ли для одновременной зарядки, то ли наоборот — ради более мощной отдачи. Ржавый подъемник застыл посреди бокса, испуганно подняв в крайнее верхнее положение свои лапки...

И все же было ясно, что авторемонтом здесь не пробавлялись давно: это как-то чувствовалось, что ли, не знаю, каким образом, возможно, еще и по запаху, тому особому, который мы почти не замечаем в обычное время и который наполняет собой любой гараж или мастерскую, когда там оказывается теплый, заправленный бензином автомобиль, — и потом сохраняется некоторое время, но не очень долго.

Все же какая-то деятельность в этом боксе велась — никак не связанная с автомобилями, но в определенном смысле тоже производственная. На нее указывали прислоненные к стене штабеля одинаковых обувных коробок без опознавательных знаков, какие-то переплетенные скотчем пачки бумаги и тут же, на низкой лавочке, стояла банка с коричневым клеем, каким пользуются на почте, — из банки торчала вымазанная этим клеем кисть.

...Витя рукавом смахнул мусор с белого пластикового столика и водрузил несколько нетронутых бутылочек давешнего бренди. В качестве закуски к ним пошла свистнутая у Еленки по-тихому буханка черного хлеба, а также здоровенный шмат дешевой брынзы, извлеченный перед этим из какого-то загашника. Затем все трое расселись вокруг: Никитушка и Витя — на такие же, как столик, белопластиковые штампованные кресла, Евгению, как гостю, уступили сиденье посолиднее — кресло, добытое не иначе, как с какой-то свалки, но при этом сохранившее еще следы былой обивки и до сих пор обнаруживающее потуги на дизайнерскую прихотливость своих создателей. Словно бы живое, оно отзывалось скрипом на каждое, даже самое слабое движение.

Впрочем, Евгений почти и не шевелился. Неконтролируемый поток мыслей вновь захлестнул его, полностью оторвавшись от бытования его же тела. Опять вспомнилось детство, зима, и как ехали куда-то поездом, и в грязное толстое, пахнущее углем вагонное окно он смотрел и смотрел на проплывающие мимо бесконечные и однообразные еловые леса — и лишь промельк телеграфных столбов насильно задавал в этой ровной бесконечности абсолютно ненужный ей ритм.

— Ну, вот мы и дома, так сказать, — Витя, разлив коньяк, окинул взглядом бокс. — Мы тут с Никитушкой... считай, большую часть жизни... проводим...

— Лучшую. Лучшую... часть... — вторил ему Никитушка. — Ты пей, пей, Евгений... не стесняйся.

Евгений выпил. Потом механически выпил еще и еще, как-то отвечая на обращенные к нему малосвязные реплики собутыльников или делая вид, что слушает, когда говорил кто-то другой.

— Ты вот скажи, Евжений... ты ведь того, образованный, да? Ты кто по образованию?

— А? — Евгений почему-то не понял вопроса. — Где учился, что ли?

— Ну, да, где учился.

— Строительный окончил. Строитель я. Мосты и тоннели.

— Мосты-ыи! — Никитушка затынул с уважением. — Вот оно как!.. А я знал одного... тоже мосты строил... потом его Отдел-К принял... на семь лет закрыли...

Витя и Никитушка засмеялись.

— Ты нам скажи, Евжений, вот что... (Никитушка словно бы на миг задумался.) Ты эта... Ты зачем к Ленке пришел?

— Чего?

— Ну, как... Никогда тебя у нее дома не было... ни разу не встречали... а тут нарисовался...

— Я? Да нет, я бывал у нее...

— Брешешь!

— Да точно. Был. И она к нам приезжала.

— Куда?

— Ну, к нам домой. Ко мне и к Наташке.

— Это сестра ееная, что ли? — Витя, нахмурившись, обратился к Никитушке. — Которая ему жена?

— Ну да, ево жена. А ее сестра. Она же говорила.

— А-а!

Витя покачал головой.

— А сейчас она где?

— Кто? — не понял Евгений.

— Жена твоя. Где она сейчас?

Евгений встряхнулся, глубоко вдохнул, а затем медленно выпустил воздух.

— Понятия не имею.

Витя недоверчиво засмеялся, чуть погодя к его смеху присоединился и Никитушка.

— Ну, ты артист! Ну, ты артист, я скажу! Прямо артист вообще! Твоя же жена.

— Моя, — Евгений кивнул. — Была моя.

— Ну вот. А говоришь, понятия не имею.

— Так и есть.

— Да брешешь! Все ты знаешь, твоя же жена.

— Говорю же... нет...

Никитушка придвинулся к Евгению, наклонился, взял его за локоть.

— Посмотри мне в глаза!

Евгений послушно поднял голову.

— Смотри, смотри... не отворачивайся...

Он принялся разглядывать Евгения, словно бы окулист своего пациента или, может, лор-врач.

— Странный ты парень, я тебе скажу... ой странный!.. чудной какой-то... не наш...

Евгению надоело смотреть на Никитушку, он отвернулся, закрыл лицо ладонями. Опять вспомнилось из детства зимнее — совсем раннее, по всему. Как он катится на санках с горки возле дома, где жил с родителями. Катится, катится, спуск затяжной, катится и знает, что в конце его санки наверняка перевернутся, но ему не страшно совсем, хотя и неприятно думать о том, как снег коснется его лица, обязательно попадет под одежду и в обувь, и дома потом нехотя отругают, заставят снять с себя все и повесят сушиться...

— Да ты не спи... чего лицо закрываешь?..

Никитушка даже попытался отнять ладони Евгения от лица — впрочем, не слишком настойчиво и, как результат, — безуспешно.

— Ишь ты... а вот не прячься, не прячься...

Что до Вити, то он теперь сидел, понуро свесив голову и слегка раскачиваясь, разглядывая что-то у себя на пузе. Потом вдруг поднялся со своего места, словно бы нечаянно разбуженный, осмотрелся как-то удивленно, неловко повернулся, едва не потеряв устойчивость, умудрился уронить свое кресло — затем, не пытаясь его поднять, широкими пьяными шагами отвалил куда-то в сторону, туда, где вдоль стены располагались рядом крашенные металлические стеллажи с инструментами.

Евгений, будучи спиной к этим шкафам, его теперь видеть не мог при всем желании — даже если бы и не закрывал лица ладонями. Да он и не интересовался происходящим, будучи по-прежнему весь в своих детских видениях, — вспомнились почему-то вдруг гроздь белых гладких ягод на декоративных кустах в парке — стоило нажать двумя пальцами, и из ягодки выскакивало скользкое семечко, выскакивало и летело по параболе, как пуля. А были еще и другие белые ягодки, тоже в парке, тоже зимой, но на других кустах, — эти неправильной формы и довольно разные размерами, словно бы слипшиеся кусочки снега, — вот они, помнится, издавали смешной хлопок, когда наступаешь ботинком...

Витя между тем добрался-таки до стеллажей, постоял там недолго в задумчивости, затем принялся что-то с шумом перебирать. Поморщившись от раздавшихся звуков, Никитушка бросил на него беспокойный взгляд, затем махнул рукой, еле слышно крикнул что-то себе под нос и вернулся к прежнему своему занятию — разглядыванию этого диковинного собутыльника, прячущегося в собственные ладони.

— Вот ты нос от нас воротишь, Евжений... а зря!.. зря, я тебе скажу...

...Тем временем Витя снял с полки какой-то тяжелый металлический патрубок сантиметров семидесяти, наверное, в длину, с шестиугольным раструбом на конце. Взвесил его на руке и, оставшись доволен, двинулся обратно к столу все той же рышущей, нетрезвой походкой, останавливаясь после каждого шага. Приблизившись к Евгению со спины, он остановился в очередной раз, качнулся в одну, другую сторону, затем размахнулся и что есть сил ударил его по голове. Евгений, однако, остался сидеть, как сидел, — словно бы ничего не произошло. И только когда Витя ударил его снова, старательно, а затем в третий и в четвертый раз наотмашь, — Евгений наконец повалился на бок. Лужица темной крови образовалась вокруг его головы тоже не сразу — уже в момент агонии.

— Зачем ты его? — Никитушка поднялся со своего места. — Чё ты такое делаешь...

Витя откинул ненужный теперь патрубок в сторону. Тот покатился по полу с каким-то странным дребезжащим звоном.

— Ну а чего он, скажи? Вообще душный какой-то... с Ленкой опять же замутил... ну его на хрен!

— Ладно, как знаешь.

Никитушка разлил бренди по стаканам.

— На вот, выпей. Угомонись.

Марина Рогова

Огонь в твоём окне...

Вдогонку Пушкинскому дню

Я тоже
помню чудное мгновенье:
вот знаменитый
памятник стоит.
На бронзовых кудрях его сидит
Упитанная птица городская.
Да нет,
какой там ворон!
Nevermore
в широтах наших
слышится насмешкой.
Обычный голубь.
Он поэту друг.
Единственный, возможно.
Знак участия
он оставляет на его плече,
как запятую
посреди строки,
и новости воркует в завиток
позеленевший уха.

Когда в ноябрьской тьме
засветится огонь в твоём окне,
прошу, пожалуйста,
не приходи ко мне.
Я это поле перейду одна,
и ты — один.
Позволь мне зиму не делить,
как мандарин.

Марина Рогова — родилась в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Работает в библиотеке № 9 МУК «ЦБС г. Саратова». Ведет интернет-проекты «Привет, поэт!» и «Разговор у книжной полки». Первая публикация в «Урале».

Плыви среди зимы,
сюжет ломая,
чтоб вынырнуть слепым
в начале мая,
то выздоравливая,
то прозревая,
летая.

Дачное

1

Ветер змеевиком
В яблоне у сарая
Выгнулся и застыл,
Будто ветра и нет.
Сжигаем черновики,
Яблоки собираем,
Падающие слова
Перегоняя в свет.

2

Я больна, и все больны
Светлым палевом луны,
Веществом ее творожным
И вращеньем осторожным.
Все больны, и я больна —
Отравила ночь луна
Нерождёнными стихами,
Мороком над лопухами.

3

Печалью пчёл
был полон сад,
где в сумерках
плоды висят:
им далеко до ос, вооружённых зреньем.
Из темноты
и слепоты
всплывают
спелые плоды,
сад наполняя золотым свеченьем.
Но ночь
пришла
и привела
смычковый разнобой цикад на смену стройному гуденью.

Реки

1

С дедом ходили туда,
где угольная вода
безымянного родника
медлит из-под земли,
потом на зубах болит.
Из неё не родится река,
её не налить в стакан —
можно только в ладонь.
Шёлковый темный огонь —
обжигающая вода,
лимфа земных глубин,
не умеющая любить.

2

волга волга
поймай мое тело
прими мои руки
обвей мои ноги
качнись пред глазами
играй волосами
волга волга
промой мою душу
отдай обратно

День уронил тишину
в подставленные ладони.
Ветер качнул волну.
Лодка медленно тонет.
Сонные облака
неподвижно замерли аркой.
Мы ещё здесь пока.
.....

1

Скажи: зима.
Скажи: напрасно.
И станет холодно и ясно,
что лету наконец конец
и эмигрирует скворец.
Скажи: люблю.
Скажи: больница.
И замелькают чьи-то лица
вокруг любимого лица.
И осень длится без конца.

2

Подстригающий кончики сигарет
никогда не поёт,
потому что поэт.
Собирающий жёлуди
и каштаны на площадях
держит будущие деревья
в своих карманах.
Начинающий утро тем,
что закрыл глаза,
может очень многое вам рассказать.
Но не считает нужным
и нажимает delete.
И совсем ничего у него не болит.

всюду оставляю
недопитые чашки
недочитанные книги
недосказанные речи
недописанные сказки
неоконченные тексты
нерасставленные точки
следы пребывания
в этом мире

город где падают стены
но ни разу не иерихон
как про тебя но точно
не прозой и не стихом
белым песком в ладонях
волгой водой волной
красным огнем в тумане
дождиком в выходной
алыми кирпичами
охрой старых домов
деревьями где кричали
грачи не хватает слов
тьмой твоих подворотен
светом твоих огней
который настолько плотен
что мёдом течёт с ветвей
и не сказать словами
и не пролить слезу
хочешь обратно к маме
в люберцы увезу

1 января 2022

эта зима
к дворникам была милосердна
до декабря
снега не выпало вовсе
а под праздник
будто распороли перину
ахнуло всё
и цвет на белый сменило
и человек лицом
на смугло-зелёную дыню похожий
с раннего утра
вдохновенно машет лопатой
расчищая россию
чтобы её было хотя бы видно
с новым годом дорогие земляне
с кем совпали во времени и в пространстве
пусть не сдержат слова дед мороз и путин
но звезда над вифлеемом загорится к сроку

Ты учился в Сорбонне
затем, чтобы в лагере умереть,
чтоб без страха встретить тот час,
когда девочка с тёмными косами — твоя смерть
нашла тебя
на пересыльном пункте и показала,
как именно устроен
небосвода смеющийся хрусталь,
если смотреть не из зала,
и за руку повела
в ночь, где течёт Енисей,
где хрусталь небосвода не виден,
но можно потрогать руками,
и чтобы о нем рассказать —
пусть даже стихами —
ни жизни не хватит, ни смерти не хватит всей.

Евгений Егоров
Еженедельный статус
Рассказы

1937

Черный автомобиль проехал по Аничковому мосту, повернул на набережную и, скрипнув тормозами, остановился у серого четырехэтажного дома.

— Точно двадцать третий дом, Борис Никитич? — спросил водитель, заглушив мотор.

— Да, Николай, — ответил Ленцов, сорокалетний мужчина с продолговатым породистым лицом.

Одернув китель, он обернулся к заднему сиденью, посмотрел на двух молчаливых темноволосых молодых людей и негромко произнес:

— Иванов, Комков, пора.

Двери автомобиля открылись, и трое мужчин ступили на потемневший от ночного дождя асфальт.

— Жди здесь, — сказал Ленцов водителю.

Иванов посмотрел на дом, ярко освещенный уличными фонарями, и поправил фуражку.

— А хорошо, гад, устроился, Борис Никитич! — возмущенно заметил он, глядя на эркеры, украшенные каменными атлантами.

— Ему и дом, и водителя, и дачу, — с ненавистью добавил Комков и крепко сжал в руках чёрную кожаную папку.

— Спокойно, ребята, — успокаивающе поднял ладонь Ленцов. — Действуем по плану.

Они подошли к парадному и, с усилием открыв резную дубовую дверь, зашли внутрь.

— Красота, — восхищенно протянул Комков, рассматривая лепные узоры на стенах и потолке.

— Не отвлекаемся, — строго произнёс Ленцов.

Громко стуча каблуками по полу, выложенному красной метлахской плиткой, троица подошла к будке, в которой сидел, поблёскивая стеклышками пенсне, пожилой консьерж.

— Г-господа, вы к-к-кому? — заикаясь, спросил тот, с ужасом глядя на синие тульи фуражек.

— К Дроздову, — усмехнулся Ленцов. — Где он проживает?

— С-семнадцатая к-квартира, т-третий этаж.

— Благодарю за содействие.

Евгений Егоров (1993) — родился в Екатеринбурге. Окончил физико-технический факультет Уральского федерального университета. Работает IT-консультантом. Живет в Москве. В журнале «Урал» печатается впервые.

По ковровой дорожке широкой лестницы они поднялись на третий этаж. Ленцов посмотрел на часы.

— Десять минут пятого, — тихо сказал он. — Как договаривались, мы с Евгением заходим первыми. Ты, Виктор, следом с понятыми. Можешь взять соседей и консьержа.

— А много их там? — прошептал Иванов, кивнув на высокую дверь с табличкой «Дроздов Г.А.».

— Трое. Он, жена и сын пятилетний.

— Вооружён?

Ленцов пожал плечами.

— Сложно сказать. С Гражданской мог сберечь наган. Так что не расслабляемся. Ну, за дело.

Нажав на кнопку дверного звонка, он ударил кулаком в дверь и громко произнёс.

— Открывайте немедленно.

Через несколько минут за дверью послышалось движение, раздался звук открываемого замка.

— Отлично, — прошептал Ленцов. — Виктор, можешь идти за понятыми.

Дверь открылась. На пороге стоял невысокий полноватый мужчина лет пятидесяти, одетый в длинный шелковый халат. На его заспанном лице застыло выражение недоверия и страха.

— Дроздов Георгий Алексеевич? — спросил Ленцов.

— Да. А что, собственно...

— У нас ордер на ваш арест, — перебил его Ленцов и показал удостоверение. — Вы позволите войти?

— Да, конечно, — пробормотал Дроздов.

Посторонившись, он пропустил Ленцова и Иванова в прихожую.

— Не закрывайте дверь, — предупредил Ленцов, усаживаясь в ближайшее кресло. — Сейчас придут понятые, и начнём обыск.

Из глубины квартиры донеслись сдавленные рыдания.

— В чем меня обвиняют? — спокойно спросил Дроздов, скрестив руки на груди.

— Георгий Алексеевич, — улыбнулся Ленцов, глядя на него снизу вверх, — не валяйте дурака. Лучше соберите всех проживающих на данной жилплощади.

Глаза Дроздова на мгновение сверкнули огнём. Но затем он как-то обмяк, съёжился и тихим, полным боли голосом позвал:

— Люда, возьми, пожалуйста, Серёжу и приходите сюда.

Через минуту в прихожую вышла заплаканная девушка в ночной сорочке. На ее полных белых руках сидел мальчик в светло-голубой пижаме.

Девушка подошла к Дроздову и уткнулась ему в плечо. Мальчик испуганно вращал головой, щурясь от света.

Через несколько минут в прихожую зашёл Комков вместе с двумя понятыми: консьержем и пожилой женщиной в плаще, накинутом поверх сорочки.

— Спешу уведомить вас, — Ленцов встал с кресла, — что гражданин Дроздов, проживающий в этой квартире, арестован. Поэтому мы просим вас присутствовать при обыске. Начнем с кабинета. Следуйте за мной.

Пройдя по узкому коридору, они свернули в ближайшую дверь и оказались в просторной комнате, обставленной строгой темной мебелью.

— Виктор, располагайся, — Ленцов кивнул на письменный стол, стоявший возле окна.

Комков сел за стол, вытащил из папки несколько пустых бланков, чернильницу, перо и принялся вполголоса опрашивать понятых.

Ленцов задумчиво посмотрел на Дроздова и подошел к длинному, во всю стену, книжному шкафу.

— Может, сами покажете? — спросил он у Дроздова.

Дроздов молчал, рассеяно поглаживая по волосам плачущую жену.

Немного подождав, Ленцов повернулся к Иванову:

— Евгений, приступай.

Иванов кивнул, подошел к шкафу и, открыв резные дверцы, принялся быстро просматривать книги. Проверив книгу, он тут же кидал ее на пол.

Ленцов внимательно наблюдал за ним.

— Есть! — вдруг произнес Иванов.

Достав из глубины шкафа тонкую книгу в мягком переплете, он передал ее Ленцову.

— Отлично, — улыбнулся тот и, показав книгу понятым, повернулся к Комкову, усердно скрипевшему пером: — Виктор, записывай. «Л.Д. Троцкий. Наши политические задачи».

Иванов тем временем продолжал осматривать содержимое шкафа. Добравшись до верхней полки, он достал первую книгу, посмотрел на обложку и, присвистнув, отдал Ленцову.

— Джон Рид, — прочитал тот. — «Десять дней, которые потрясли мир».

Закончив осмотр шкафа, Иванов тщательно простучал паркет, внимательно осмотрел плинтусы. Затем подошел к столу.

— Можно? — спросил он у Комкова, проверявшего протокол.

— Да, — ответил Комков и, забрав бумаги, отошел к шкафу.

Иванов осмотрел стол.

— Чисто, — проговорил он.

Ленцов удовлетворенно кивнул и посмотрел на Дроздова.

— Георгий Алексеевич, — задумчиво произнес он. — Может, не будете тянуть время? Мы же все равно найдем все, что вы прячете. Лучше скажите сразу. Это вам зачтется. А если будете упорствовать, то мы поговорим с вашей женой. Может, это как-то вас взбодрит.

Лицо Дроздова дрогнуло.

— Нет больше ничего, — сухо ответил он. — Слово коммуниста.

— Ну, раз слово коммуниста, — осклабился Ленцов, — то, значит, действительно больше ничего нет. Виктор, у тебя все готово?

— Да, — отозвался Комков.

— Тогда прошу понятых подписать протокол обыска, — торжественно произнес Ленцов. — Только сначала покинем комнату, она будет опечатана.

В коридоре Комков передал понятым исписанный бланк.

— Расписываемся в правом нижнем углу, — деловито сказал он.

Понятые расписались.

— Благодарим за содействие, — сказал Ленцов, закончив опечатывать дверь кабинета. — Не смеем вас больше задерживать.

Когда за понятыми закрылась дверь, он посмотрел на Дроздова, замершего возле большого платяного шкафа.

— Собирайтесь, Георгий Алексеевич.

Дроздов отрешенно кивнул. Медленными, заторможенными движениями он открыл шкаф, достал брюки, рубашку и начал переодеваться.

Жена осторожно поставила мальчика на пол и ушла в соседнюю комнату. Через несколько минут она вернулась, держа в руках небольшой узелок.

— Собрала, — всхлипнула девушка и отдала узелок мужу.

— Это правильно, — одобрил Ленцов. — Папиросы не забыли положить?

Девушка молча покачала головой.

— Вот и хорошо, — хлопнул в ладоши Ленцов и посмотрел на Дроздова, зашнуровывающего лакированные уличные туфли. — Георгий Алексеевич, пора прощаться.

Выпрямившись, Дроздов дернул кадыком, наклонил седеющую голову.

— До свидания, мои дорогие Люда и Сережа, — сдавленным голосом проговорил он. — Я вас очень люблю. Сережа, слушайся и береги маму. Люда, если не будет конфискации, постарайся продать вещи и вместе с Сережей уезжай к сестре в Москву. Если потребуют отречься — подписывай все, не раздумывая: мне ты вряд ли сможешь помочь, а себя и Сережу защитишь. Берегите себя, мои родные, мои самые...

Не договорив, Дроздов подошел к жене и поцеловал ее в мокрые от слез губы. Затем наклонился к сыну, обнял, ласково потрепал по кудрявой головке.

— Закончили? — равнодушно спросил Ленцов. — Накиньте что-нибудь, там прохладно.

Дроздов снял с вешалки длинное английской шерсти пальто, надел, застегнул темные роговые пуговицы, в последний раз посмотрел на семью и вышел из квартиры, сопровождаемый тремя мужчинами в синих фуражках.

Спустившись по лестнице, они быстро прошли парадную и вышли на улицу.

На набережной Фонтанки было безлюдно. Мелкий дождь накрапывал всё сильнее, с севера дул холодный балтийский ветер.

Ленцов подошел к автомобилю, открыл заднюю дверь.

— Садитесь, Георгий Алексеевич, — кивнул он в сторону сиденья.

Морщась от ледяных капель, попадающих за воротник пальто, Дроздов сел в автомобиль. Следом за ним погрузились Иванов и Комков.

Ленцов сел на переднее сиденье, захлопнул дверь, коротко бросил водителю:

— На Фурштатскую.

Водитель завел мотор, развернулся и вырулил на Невский проспект. Проехал по мосту, выехал на Литейный проспект, разогнался, свернул на Фурштатскую улицу и остановился у рустованного фасада дома № 40.

— Выходим, — произнес Ленцов, посмотрев в зеркало заднего вида.

Первыми вышли Иванов и Комков, следом за ними Дроздов и последним — Ленцов.

Водитель заглушил мотор, откинул переднее сиденье и, сдвинув кепку на глаза, задремал.

Взглянув на него, Ленцов улыбнулся. Затем повернулся к Дроздову.

— Следуйте за нами, — скомандовал он.

По каменным ступеням они поднялись на крыльцо, где стоял часовой, вооруженный трехлинейкой, вошли в просторный вестибюль и направились к проходной, у которой застыли еще двое часовых.

Ленцов показал удостоверение дежурному и, кивнув на Дроздова, пояснил:

— Доставляем арестованного.

Поднявшись на второй этаж, они пересекли широкий коридор и подошли к темно-зелёной металлической двери допросной.

Вытащив из кармана связку ключей, Ленцов отыскал нужный, вставил в замок, несколько раз повернул и открыл дверь.

Допросная представляла собой небольшую комнату с темно-серыми стенами, зарешеченным окном, двумя столами, на одном из которых разместился телефонный аппарат, и стоявшим посередине одиноким стулом для допрашиваемого.

— Обыщите его, — приказал Ленцов, сев за стол с телефонным аппаратом.

— Раздевайтесь — проговорил Иванов, злобно взглянув на Дроздова.

Дроздов снял пальто, аккуратно повесил его на спинку стула для допрашиваемого и вопросительно посмотрел на Иванова.

— Надо раздеться полностью, — покачал головой тот.

— То есть как это? — не понял Дроздов.

— Догола, — объяснил Комков.

Подойдя к стулу, он взял пальто и швырнул его на пол.

— Что вы делаете? — возмутился Дроздов.

— Георгий Алексеевич, — насмешливо заметил Ленцов. — Не ухудшайте своё положение.

Пожав плечами, Дроздов принялся раздеваться. Он расшнуровал и снял туфли, снял носки, брюки, рубашку, кальсоны и бросил их рядом с пальто.

Иванов склонился над кучей одежды.

Ежась от холода, Дроздов смотрел, как он вытаскивает шнурки из туфель, прощупывает швы, проверяет карманы и стельки.

Закончив осматривать одежду, Иванов подошел к Дроздову и отрывисто произнёс:

— Откройте рот.

Осмотрев рот, он оттянул сначала одну щеку, потом другую, удостоверился, что там ничего не спрятано, проверил уши, подмышки. Затем осмотрел член, анус, подколенные сгибы и щиколотки.

Закончив осмотр, Иванов посмотрел на Ленцова и отчеканил:

— Обыск закончен. Тайников на теле и одежде не обнаружено.

— Отлично, — кивнул Ленцов и повернулся к Дроздову. — Георгий Алексеевич, можете одеваться.

Сняв телефонную трубку, он набрал номер и, дождавшись ответа, весело проговорил:

— Аркадий Николаевич, доставили. Нет, все в порядке, даже слово коммуниста давал. Можете подходить.

Через несколько минут в допросную вошли двое человек — мужчина лет пятидесяти, одетый в светло-серый костюм, и молодой стенографист в форме.

— Вы свободны, — сказал мужчина вытянувшимся по струнке Ленцову, Иванову и Комкову.

Дождавшись, когда за ними закроется дверь, он обратился к Дроздову, сидевшему на стуле для подследственного:

— Здравствуйте, Георгий Алексеевич!

Дроздов внимательно посмотрел на него. Это был худощавый мужчина среднего роста с тёмными, подёрнутыми сединой волосами, разделёнными на пробор. На утончённом аристократическом лице выделялись слегка прищуренные, с ироническим блеском, голубые глаза. Правую скулу пересекал длинный тонкий шрам.

Что-то неуловимо знакомое было в его облике, и Дроздов прищурился.

— Здравствуйте, — проговорил он, пытаясь вспомнить, где он мог видеть этого человека.

— Судя по вашему лицу, вы пытаетесь вспомнить, откуда вы меня знаете, — усмехнулся мужчина и сел за стол с телефонным аппаратом. — Но об этом позже. Давайте для начала познакомимся. Ваше имя мне известно, поэтому представляюсь я. Меня зовут Аркадий Николаевич Суходольский.

Дроздов вздрогнул.

— Вижу, что начинаете припоминать, — улыбнулся Аркадий Николаевич. — Но вновь-таки вынужден вернуть разговор в деловое русло. Перед началом нашей беседы мне придётся задать вам несколько формальных вопросов. Тимофей, ты готов? — спросил он у стенографиста, расположившегося за соседним столом.

— Да, Аркадий Николаевич, — ответил тот.

— Чудно. Тогда начнём. Ваши фамилия, имя, отчество?

— Дроздов Георгий Алексеевич.

- Год рождения?
- 1885-й.
- Место рождения?
- Город Симбирск.
- Места обучения?
- Симбирская гимназия, физико-математический факультет Петербургского университета.
- Место работы и должность?
- Заместитель директора Балтийского завода.
- Фамилии, имена, годы и место рождения ваших родителей?
- Дроздова Мария Александровна, 1862-й, Симбирск. Дроздов Алексей Михайлович, 1860-й, Симбирск.
- Девичья фамилия матери?
- Разумовская.
- Семейное положение?
- Женат.
- Имя и девичья фамилия жены?
- Людмила Макарова.
- У вас есть дети?
- Да, сын.
- Имя, год рождения?
- Сергей, 1932-й.

Аркадий Николаевич достал из кармана портсигар, вытащил папиросу, закурил, посмотрел на Дроздова и произнёс:

— Теперь перейдём к более интересным вопросам. С какого года являетесь членом РСДРП?

Дроздов промолчал. Опустив глаза в пол, он рассматривал блестящие носки своих туфель.

— Ну же, Георгий Алексеевич, — поторопил его Аркадий Николаевич. — Не ломайте комедию. Вы же прекрасно понимаете, что у нас есть архивы. И показания ваших товарищей у нас тоже есть. И потом, вы же сами признались Борису Никитичу, дав слово коммуниста. Не вынуждайте прибегать к крайним мерам.

Дроздов с ненавистью посмотрел на него и тихо произнёс:

— С 1904-го.

— Отлично, — обрадовался Аркадий Николаевич. — Продолжаем. Участвовали ли вы, — он слегка усмехнулся, — в империалистической войне?

— Да.

— Звание? Подразделение? Фронт?

— Подпоручик, 11-я армия, Юго-Западный фронт.

— Участвовали ли в Гражданской войне?

— Да.

— На чьей стороне?

— На стороне Красной Армии, — нехотя ответил Дроздов.

— Очень хорошо, — осклабился Аркадий Николаевич. — Где служили?

— Героическая 1-я Конная армия, Южный фронт, — с гордостью произнёс Дроздов.

Лицо Аркадия Николаевича изменилось.

— В каких сражениях участвовали? — бесцветным голосом спросил он,

— Царицын, Донбасс, Кавказ, Львов, Польша, — начал перечислять Дроздов. — Ну и конечно, — добавил он, глядя прямо в глаза Аркадию Николаевичу, — Перекоп.

Аркадий Николаевич стиснул зубы.

— По имеющимся у нас сведениям, — мрачно произнес он, — после отступления русской армии из Крыма вы осуществляли политику красного

террора на полуострове в отношении лиц «буржуазного происхождения», оставшихся военнослужащих, а также, — голос Аркадия Николаевича дрогнул, — их семей.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — быстро ответил Дроздов.

Лицо Аркадия Николаевича пошло красными пятнами. Сняв телефонную трубку, он набрал номер.

— Приведите сюда венгра, — бросил он в трубку.

Через несколько минут в допросную зашли два жандарма. Под руки они вели окровавленного, полубессознательного мужчину в изорванном костюме синего цвета.

— Подследственный Кун — обратился к нему Аркадий Николаевич. — Вам знаком этот человек?

Дроздов присмотрелся к избитому, заплывшему лицу и обмер. Прямо ему в глаза смотрел Бела Кун, венгерский коммунист, бывший председатель Крымского ревкома.

— Да, — прохрипел Кун, с трудом разлепив распухшие губы. — Это товарищ Дроздов.

— А вы знаете этого человека? — обратился Аркадий Николаевич к Дроздову.

— Нет, — пробормотал тот, не сводя глаз с обезображенного лица Куна.

— Кун, — равнодушно продолжил Аркадий Николаевич. — При каких обстоятельствах вы познакомились с человеком, представленным вам к опознанию.

— Товарищ Дроздов служил под моим началом в Реввоенсовете Южного Фронта.

— Чем занимался Дроздов после взятия Крыма?

— Был назначен в военно-революционный комитет Феодосийского уезда.

— Что можете добавить к этим показаниям?

— То, что товарищ Дроздов принимал активное участие в обезвреживании и ликвидации контрреволюционных элементов в Феодосии.

— Спасибо, Кун, — мягко сказал Аркадий Николаевич и повернулся к Дроздову: — Отрицаете?

Дроздов молчал, глядя на свои руки.

— Уведите, — приказал Аркадий Николаевич жандармам, кивнув на Куна.

Проводив взглядом их широкие, обтянутые ремнями спины, он с раздражением спросил у Дроздова:

— Георгий Алексеевич, зачем отрицать очевидное? Мы можем пригласить еще одного свидетеля. Вы, конечно, помните госпожу Землячку. Вернее, — скривился Аркадий Николаевич, — товарища Землячку.

— Что вы от меня хотите? — не выдержал Дроздов.

— В первую очередь, — жестко ответил Аркадий Николаевич, — чтобы вы признались в преступлениях, совершенных вами против гражданских и военных лиц, к которым относился, — он провел рукой по правой скуле, — и ваш покорный слуга.

— То есть чтобы я сам себе подписал смертный приговор, — грустно улыбнулся Дроздов.

— Георгий Алексеевич, — усмехнулся Аркадий Николаевич, — вы же понимаете, что смертный приговор вы подписали себе давно. Вопрос лишь в том, будет ли он приведен в исполнение. А это зависит от того, насколько сговорчивым вы будете. Поверьте, нам нет никакой выгоды казнить вас. Живым вы нам гораздо полезнее. Но если вы и дальше будете продолжать запыраться, то никакой ценности для нас вы представлять не будете и ваше пребывание на этом свете не затянется. Так что я повторяю свой вопрос: будучи членом военно-революционного комитета Феодосийского уезда, вы

осуществляли политику красного террора в отношении лиц буржуазного происхождения, военнослужащих русской армии и их семей?

— Да, — тихо ответил Дроздов.

— В чем заключались ваши обязанности в военно-революционном комитете?

— Я занимался выявлением и учетом неблагонадежных лиц.

— Участвовали ли вы в... — Аркадий Николаевич запнулся, подбирая подходящее слово, — карательных акциях?

— Два раза, как наблюдатель от военно-революционного комитета, — ответил Дроздов.

— И не жалко вам было всех этих людей? — поинтересовался Аркадий Николаевич. — Ведь большинство из них были обычными мирными жителями, которые никогда не держали в руках оружие.

— Жалко. Но это классовая борьба, и она порой принимает самые ужасные...

— Довольно, — прервал его Аркадий Николаевич, судорожно сжав кулаки.

Схватив со стола портсигар, он торопливо вытащил папиросу, закурил и, собравшись, проговорил:

— Даже расстрелять как следует не смогли.

— Да, — согласился Дроздов, рассматривая шрам на правой скуле Аркадия Николаевича. — Пуля прошла по касательной?

— Именно, — кивнул Аркадий Николаевич. — Но только вторая. А первая угодила в плечо. Потом я долго выбирался из ямы, карабкаясь по еще теплым телам своих однополчан. Но все это дела прошлые. Давайте лучше поговорим про настоящее время. Собственно, ради этого мы и забрали вас из вашей квартиры на набережной и так поспешно доставили в это помещение, минуя все наши обычные процедуры, которым мы подвергаем подозреваемых. Если говорить коротко, то нам стало известно, что через две недели состоится массированная стачка, в которой примут участие рабочие Руссо-Балтийского, Путиловского, Обуховского, Сестрорецкого, Адмиралтейского и Балтийского заводов.

— Правда? — удивился Дроздов. — Ничего про это не слышал.

— Иного ответа от вас я и не ожидал. Но тем не менее стачка состоится и перетечет в масштабное восстание, в ходе которого вы попытаетесь повторить ваш успех октября семнадцатого. И, как вы понимаете, допустить этого мы не можем. По имеющейся у нас информации, вы являетесь одним из руководителей планирующегося восстания. Поэтому мы и доставили вас сюда. Вы должны как можно скорее сообщить нам о плане восстания и его ключевых фигурах.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — спокойно ответил Дроздов.

— Знаете, Георгий Алексеевич, — задумчиво произнес Аркадий Николаевич. — Меня всегда удивляло, почему люди вроде вас присоединялись к большевикам. С жидами все понятно. Зоны оседлости, погромы — у них были свои счеты с царем и Россией, и у них были резоны менять существовавший порядок. Но вы? Вы же чистейший великоросс, ваши родители из старинных дворянских фамилий, которые служили царям начиная с Петра Великого. Зачем вам вся эта грязь? Не понимаю.

— И не поймете, — улыбнулся Дроздов.

— Возможно. Но неужели вы не понимаете, что вашими забастовками, стачками, демонстрациями вы попросту лишаете Россию шанса на лучшую жизнь.

— У России был шанс на лучшую жизнь, — сухо ответил Дроздов. — Тот, который она получила двадцать лет назад. Но вы с вашими дружками-интервентами его благополучно угробили.

— Помилуйте, голубчик, о каком шансе вы говорите, — поморщился Аркадий Николаевич. — О шансе быть ограбленным и убитым вашей бандой? Или, может быть, о шансе потерять все те русские земли, которые столетиями завоевывали наши отцы и деды, щедро омывая их кровью и слезами? И к чему бы пришла Россия с такими шансами? Только к пропасти, и ни к чему другому.

— Это не так, — покачал головой Дроздов.

— Вы отрицаете очевидное, — возразил Аркадий Николаевич. — Даже ваш Ульянов это понимал. Иначе он не перешел бы к новой экономической политике.

— Нэп был лишь временной мерой, подготовительным этапом для перехода к индустриализации, — заметил Дроздов.

— И за чей счет вы бы ее осуществили? — иронически спросил Аркадий Николаевич. — Кого вы бы ограбили на этот раз? Будет вам, Георгий Алексеевич. Если бы мы не высадились в двадцать девятом году в Крыму при поддержке наших друзей из Антанты, то Россию ждала бы незавидная участь. Думаю, досталось бы даже вам.

— О чем вы? — удивленно поднял брови Дроздов.

— *Il est a craindre que la revolution, comme Saturne, ne devore successivement tous ses enfants*, — значительно произнес Аркадий Николаевич. — Находясь на нелегальном положении в Крыму, я подробно изучил историю французской революции. Вы же, конечно, помните, что стало с ее вождями. Робеспьер, Дантон, Сен-Жюст — все они окончили свои жизни на гильотине. А про их сторонников и говорить нечего. Так что если бы не мы, то, скорее всего, сейчас вас вместе с Куном допрашивали бы ваши товарищи чекисты.

— И за что бы меня арестовали мои товарищи? — улыбнулся Дроздов.

— Например, за дворянское происхождение. Или за какой-нибудь несуществующий заговор. Это, в сущности, неважно. Важно то, что вас бы уничтожили свои же. Что может быть хуже этого?

— Интересная гипотеза, — хмыкнул Дроздов. — Но не очень убедительная.

— Может быть, — пожал плечами Аркадий Николаевич. — На Руси издревле любили рассуждать о том, что могло бы произойти, если бы не то и не другое. Но какой в этом смысл? Смысл имеет только то, что происходит здесь и сейчас. В нашем с вами случае, Георгий Алексеевич, это планирующееся восстание, информацию о котором мы с нетерпением ждем от вас.

— Я ничего не знаю ни о каком восстании, — покачал головой Дроздов.

— Знаете, Георгий Алексеевич, и знаете достаточно. Но и мы кое-что знаем. Так что вы нас недооценили. Семнадцатый год многому нас научил. Как вы успели заметить, мы значительно увеличили численность сотрудников политического сыска. Не говоря уже о разветвленной сети агентуры в рабочем движении.

— Вам это не поможет, — усмехнулся Дроздов. — Рано или поздно вы все предстанете перед революционным судом. И будьте уверены — в этот раз мы не промахнемся.

— Охотно верю, — кивнул Аркадий Николаевич. — Но в ваших построениях вы упускаете один момент.

— Какой же? — спросил Дроздов.

— Вы лишены дара исторической перспективы. Посмотрите, в каком положении сейчас находится Россия. Мы с трудом пытаемся восстановить боеспособную армию, наладить промышленность, которую вы пытаетесь развалить вашими стачками и забастовками. А представьте, что начнется, если ваше восстание увенчается успехом? Новая гражданская война. Такая же жестокая и кровопролитная. Покуда мы будем убивать друг друга, страна окажется беззащитной перед лицом внешней угрозы. А такая угроза есть,

и вы, Георгий Алексеевич, ее знаете. Ваши немецкие друзья должны были рассказать вам про Гитлера. Вы же видите, как он поступает с евреями и коммунистами. Видите, как он вооружает Германию. Вы же умный человек, Георгий Алексеевич, и понимаете, к чему все идет.

Дроздов задумчиво наклонил голову.

— Будет новая война, — горячась, продолжил Аркадий Николаевич. — И это будет война на уничтожение России. Не будет ни белых, ни красных. Только немецкие Übermenschen. И мы не сможем их остановить, если будем рвать друг дружку глотки. Они пройдут как смерч и уничтожат все — меня, вас. Вашу жену и сына. Такого светлого будущего вы хотите для них?

Дроздов закрыл глаза. По его правой щеке скатилась слеза.

— Георгий Алексеевич, — проговорил Аркадий Николаевич, с состраданием глядя на Дроздова. — Вы можете все изменить. Расскажите о готовящемся восстании. И тогда мы сможем остановить немцев.

Дроздов покачал головой. Затем открыл глаза, вытер их ладонью, с ненавистью посмотрел на Аркадия Николаевича и громко произнес:

— Нет никаких немцев и русских. Есть пролетарии и эксплуататоры. Ничего я вам не скажу, сволочи. Да здравствует мировая революция!

Аркадий Николаевич разочарованно вздохнул.

— Как вам будет угодно, — с сожалением сказал он. — Вы сами выбрали свой путь.

Сняв телефонную трубку, Аркадий Николаевич набрал номер и проговорил:

— Группу Терентьева сюда. Да, пусть возьмут.

Через пять минут в допросную вошли пятеро жандармов. В руках они держали деревянные тиски, киянку и небольшой кожаный футляр, в которых врачи обычно хранят медицинские инструменты.

— Приступайте, господа, — кивнул Аркадий Николаевич.

Дроздов заговорил на третьи сутки непрерывного допроса.

— Звено Петрова должно захватить телеграф, — хрипел он, выплевывая сгустки крови на изорванную рубашку. — Звено Никифорова должно блокировать дом градоначальника...

...Двенадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать седьмого года газеты опубликовали бюллетень Верховного военного суда Российской республики, в котором сообщалось, что организаторы «красного заговора» приговорены к смертной казни.

Ниже приводился список фамилий, в числе которых была и фамилия Дроздова.

...Когда ему, стоящему на эшафоте с петлей на шее, предложили произнести последнее слово, то он звучным баритоном зашел:

Вставай, проклятьем клейменный...

— Довольно, — с отвращением произнес руководивший казнью высокий черноусый штабс-капитан и повернулся к палачу: — Привести приговор в исполнение.

Кивнув, палач нажал на рычаг, и тело Дроздова в предсмертных конвульсиях задергалось в петле.

Штабс-капитан брезгливо отвернулся.

Еженедельный статус

Встреча началась ровно в 12:00.

— Всем привет, — объявил руководитель группы разработки, высокий, худощавый тридцатилетний мужчина, зайдя в переговорную. — Вижу, все в сборе, поэтому давайте начинать. Адженда нашего сегодняшнего статуса — фронтэнд посадочной страницы. От наших коллег-тестировщиков мы получили негативный фидбэк, а поскольку скоро дедлайн, то мы пригласили их, а также коллег из диджитал на эту встречу. Леша, тогда расскажешь вкратце, что вы обнаружили?

— Да, Сережа, — кивнул Алексей, руководитель группы тестирования. Внешне он выглядел полной противоположностью руководителю группы разработки — коренастый, полноватый, с большими залысинами, блестящими от пота. — Я поручил ребятам посмотреть тот релиз, который вы выкатили вчера. Консолидировал замечания, сейчас расшарю.

Найдя на рабочем столе стоящего перед ним ноутбука нужный файл, он навел на него курсор, несколько раз кликнул мышкой и вывел презентацию на большой проекционный экран, висевший на стене.

— Начнем по порядку, — продолжил Алексей, посмотрев на слайд. — Первое. Нечитабельный шрифт. Вы используете Calibri, 15-й кегль. На разрешении 1920×1080 становится ничего не понятно.

— Пруфы, — возмутился Иван, старший программист, слегка дерганый двадцатилетний парень с наголо бритой головой.

— На следующем слайде, — спокойно ответил Алексей и кликнул мышкой.

По переговорной прокатился возмущенный шепот.

— Но мы же смотрели, — Иван растерянно посмотрел на руководителя группы разработки. — С Саней прогоняли все кейсы.

— Иван, мы это позже обсудим, — вкрадчиво проговорил руководитель группы разработки и повернулся к молоденькой блондинке лет восемнадцати, сидевшей позади всех: — Оля, ты записываешь?

— Да, — очень тихо, почти шепотом ответила Оля.

— Отлично, — кивнул руководитель группы разработки. — После окончания встречи подготовь, пожалуйста, мемо и вышли всем участникам. И Семену Геннадьевичу, на встрече его сегодня нет, он курирует проект со стороны заказчика. У тебя есть его мыло?

— Нет, — еще тише ответила Оля.

— Чекни портал, там должно быть. А мы давайте вернемся к обсуждению. — Руководитель группы разработки повернулся к остальным участникам встречи. — По первому пункту все понятно. Давайте дальше.

Алексей переключил слайд.

— Второе, — сообщил он. — Дизайн кнопок. Явно не юзер-френдли. Ну, вот видите, серый цвет, прямые края. Абсолютно, если можно так выразиться, маскулиная история. Я даже показал специальной фокус-группе...

— Вы понимаете, — перебил его Иван, — что закругленные края не соответствуют общей концепции сайта?

— Иван, — прикрикнул на него руководитель группы разработки и обратился к Алексею: — Леша, а это требование точно фиксировалось? Я что-то не припоминаю такого.

— Ну а как же, — удивился Алексей. — Был же список требований заказчика. И одним из них было как раз оформление кнопок.

— Я хорошо помню этот список, — уверенно проговорил руководитель группы разработки. — В нем точно не было требования к оформлению кнопок. Скорее всего, оно было озвучено на отдельной встрече с заказчиком и зафиксировано как дополнительное.

— Ну, может быть, — согласился Алексей.

— В любом случае надо заапрувить итоговый список требований у заказчика, — заметил Алексей. — Так что это пока открытый вопрос. Оля, не забудь зафиксировать.

— Хорошо, — пропищала Оля, торопливо барабанила по клавиатуре.

— Следующее замечание, — продолжил Алексей. — Многочисленные баги при работе со страницей. Вот, например.

Он открыл браузер, ввел адрес сайта и нажал на клавишу «Enter». Дождавшись, когда сайт загрузится, Алексей одновременно нажал на левую и правую кнопки мышки и плавным движением начал перемещать ее в левую сторону.

Страница сайта дрогнула и покрылась набором непонятных символов.

— Вот видите, — развел руками Алексей.

— Бэкэнды, — с ненавистью прошептал Иван и громко спросил: — Скажите, а зачем вообще пытаться двигать страницу, одновременно зажав две кнопки на мышке. Это же булшит.

— Не знаю, — улыбнулся Алексей. — Просто такой кейс.

— Какие у вас еще есть кейсы? — ядовито спросил Иван. — Задэдосить весь сайт?

— Слушайте, — заметил Алексей. — Ну не должна появляться кракозябра. Ни при каких сценариях. Это же очевидная вещь. Сережа, как ты считаешь?

— Конечно, не должна, — ответил руководитель группы разработки, метнув на Ивана испепеляющий взгляд. — Мы пофиксим. Только пришлите полный список всех багов.

— Хорошо, — кивнул Алексей и переключил слайд. — Последнее замечание — контент. Я понимаю, что вопрос скорее к коллегам из диджитала, но тем не менее. Насколько я помню, мы обсуждали совсем другое наполнение.

— Начнем с того, — хмуро произнес руководитель группы разработки, — что наполнение для посадочной страницы Светлана Вячеславовна прислала только вчера вечером. До этого мои ребята пушили ее всю неделю. И только когда я вмешался, она соизволила-таки отправить. Естественно, у нас не было времени, чтобы...

— Извини, конечно, Сережа, — возмущенно заговорила Светлана Вячеславовна, строгая женщина лет сорока в сером брючном костюме. — Но у меня каждый день по пятнадцать брифов. Я свои-то задачи не успеваю выполнить, а про запросы от коллег из смежных подразделений и говорить нечего. До твоего письма я добралась только к вечеру. Допускаю, что я могла профакапиться с наполнением, потому что этих файлов у меня — вагон и маленькая тележка.

— Интересный у нас скрам получается, — насмешливо протянул Иван.

Руководитель группы разработки спрятал улыбку.

— Вы понимаете, — спросил он у Светланы Вячеславовны, — что вы срываете работы по спринту? Дедлайн же в конце следующей недели.

— Да я понимаю, Сережа, — вздохнула Светлана Вячеславовна. — Но и ты меня пойми. Людей не хватает. У меня десять джунов. Им же надо все объяснять, показывать. Поэтому приходится работать в режиме ручного менеджмента.

— По поводу людей согласен, — задумчиво наклонил голову руководитель группы разработки. — У самого такая же проблема. Из всех разработчиков только Иван более-менее соображает. А остальные... Как говорится, не отличают Джава от Джаваскрипт. На следующей встрече с руководством обязательно подниму этот вопрос.

— Вот видишь, — обрадовалась Светлана Вячеславовна. — Так что сам понимаешь, такая работа. А наполнение вышло в понедельник. Как раз успею подраграть свои завалы.

— Ладно, — кивнул руководитель группы разработки. — С этим понятно. Леша, больше замечаний нет?

— Нет, — ответил Алексей.

— Тогда предлагаю остановиться вот на чем, — сказал руководитель группы разработки. — За остаток сегодняшнего дня, выходные и понедельник мы попробуем отработать все замечания и следующую встречу проведем во вторник.

— Во вторник я не могу, — заметил Алексей. — У меня дэй-офф.

— Ты серьезно? — скривился руководитель группы разработки. — На последней неделе спринта?

— От нас будет присутствовать Вова, — успокаивающе сказал Алексей. — Он в курсе.

— Надеюсь, — проворчал руководитель группы разработки. — Тогда если вопросов больше нет, предлагаю закругляться. Оля, не забудь выслать мемо с зафиксированными замечаниями всем участникам статуса. Только не забудь сперва его мне показать. Ну, все, всем спасибо, пока.

И руководитель группы разработки легким, стремительным шагом вышел из переговорной.

За дверью его ждали двое рослых парней в форме с небесно-голубыми погонами и белыми сержантскими лычками.

— Следуйте за нами, — произнесли они ленивыми баритонами и, не дожидаясь ответа, зашагали вперед по коридору, устланному красной ковровой дорожкой.

Руководитель группы разработки заискивающе улыбнулся и, слегка вздрогнув узкими плечами, поплелся за ними.

Коридор был длинен и просторен. Руководитель группы разработки вместе с двумя сержантами проходили мимо высоких стеклянных стен, за которыми, не сводя глаз с мерцающих мониторов, сосредоточенно трудились программисты, аналитики и дизайнеры; мимо плотно затворенных дверей переговорных комнат, в которых проходили бесконечные совещания; мимо редких уборных с незатейливыми силуэтами мужчины и женщины на дверных табличках; мимо кулеров с большими светло-синими бутылками, в которых время от времени загадочно побулькивала вода.

На стенах висели большие глянцевые плакаты: на одном — молодой черноволосый суроволицый программист, сидящий за компьютером; внизу плаката надпись «От жаркой работы тает твой срок».

На следующем плакате с названием «Окно перековки» была изображена целая миниатюра в четырех картинках: на первой — два человека, худой парень с длинным носом, курящий сигарету, и мужественный мускулистый программист; на второй — программист держит парня за ноги вниз головой, на третьей — программист усаживает парня за компьютер; на четвертой — парень работает за компьютером; внизу плаката надпись: «Ударник, пора за лодыря взяться. Заставь работать этого тунеядца». На третьем плакате — мужчина в темно-синем костюме, с широко распростертыми объятиями, к нему бегут жена и дочь, внизу плаката надпись: «Честный труд и примерное поведение ускорят твое освобождение».

В самом конце коридора располагалась небольшая кухня с прозрачной дверью, украшенной изображением перекрещенных вилки и ножа.

На кухне на высоких барных стульях пили кофе и негромко о чем-то беседовали двое молодых людей в одинаковых черных водолазках.

Увидев их, сержанты остановились.

— Совсем охренели, — вполголоса сказал один из сержантов.

Открыв дверь, он заглянул на кухню и рывкнул:

— Обеденный перерыв закончился пять минут назад. В карцер захотели, суки?

— Извините, пожалуйста... забыли... больше не повторится, — пролепетали насмерть перепуганные зэки и выбежали из кухни, оставив чашки с недопитым кофе на столе.

— Ишь, припустили, — захохотал второй сержант, глядя им вслед.

— Аки сайгаки, — ухмыльнулся первый сержант и, повернувшись к руководителю группы разработки, добавил: — Ну, чего встал, пошли.

Они свернули за угол и подошли к сверкающим металлическим дверям лифта. Первый сержант нажал на кнопку вызова.

Двери лифта распахнулись с почти неслышным шорохом.

— После вас, — с издевательской улыбкой произнес второй сержант и похлопал руководителя группы разработки по плечу.

Тот робко зашел в лифт и уставился на серебристую панель с кнопками этажей.

«Только бы не третий этаж, — думал руководитель группы разработки, с замиранием сердца глядя на никелированную поверхность кнопки с цифрой «3». — Только бы не третий этаж».

В лифт зашли оба сержанта. Внимательно посмотрев на руководителя группы разработки, первый сержант с усмешкой произнес:

— Повезло тебе сегодня.

Палец с длинным нечистым ногтем нажал на кнопку с цифрой «74».

«Значит, к борову», — с облегчением подумал руководитель группы разработки, вытирая выступивший на лбу пот.

Через тридцать секунд лифт остановился, двери открылись, и руководитель группы разработки вместе с сержантами вышли в широкий коридор, обитый ореховыми панелями.

По красной ковровой дорожке они подошли к толстой двухстворчатой двери, на черной кожаной обивке которой висела пластмассовая табличка: «Начальник спецтюрьмы № 70 полковник Яхонтов А.Н.».

Первый сержант уверенно открыл дверь и махнул рукой, приглашая за собой руководителя группы разработки и второго сержанта.

В приемной за небольшим прозрачным столиком сидела вольная секретарша и раскладывала пасьянс на компьютере.

— У себя? — спросил первый сержант, кивнув на дверь главного кабинета.

Секретарша, величавая, полногрудая дама, подняла аккуратно очерченные темные брови.

— Вы по какому вопросу? — спросила она высоким, хорошо поставленным голосом.

— Доставили заключенного Шухова, — ответил второй сержант, не сводя глаз с ее раздобревшего тела.

— А-а, — равнодушно протянула секретарша. — Пусть заходит. Антон Николаевич у себя.

Руководитель группы разработки вопросительно посмотрел на первого сержанта.

— Дальше без нас, — усмехнулся первый сержант и сел на диван для посетителей, стоявший напротив стола секретарши.

С шумом выдохнув воздух, руководитель группы разработки робко постучал в дверь.

— Войдите! — послышался рокочущий голос.

Руководитель группы разработки еще раз вздохнул и открыл дверь.

Кабинет начальника спецтюрьмы № 70 Антона Николаевича Яхонтова представлял собой просторное помещение с высоким подвесным потолком и огромным панорамным окном, из которого открывался завораживающий вид на Воробьевы горы. Правую часть кабинета занимал овальный лакированный стол для переговоров, окруженный десятком кожаных кресел. Чуть поодаль на черной пластмассовой треноге стоял проекционный экран.

В левой части кабинета разместился дубовый письменный стол, позади которого висел большой пятиметровый портрет худого лысеющего мужчины в сером костюме на фоне трех державных цветов.

За письменным столом сидел хозяин кабинета. Это был человек необъятных размеров, в расстегнутом кителе, с приспущенным форменным галстуком. Его тяжелая, массивная голова сразу переходила в туловище, без каких-либо намеков на шею, а землистое лицо чем-то напоминало клубень картофеля. Грудь, обтянутая светло-синей тканью рубашки, тяжело вздымалась, словно внутри работал какой-то сложный, многоступенчатый механизм. На вид ему было не меньше шестидесяти лет.

Увидев руководителя группы разработки, Яхонтов нахмурил густые брови.

— Шухов, — услужливо подсказал руководитель группы разработки, пытаясь унять дрожь.

— Да знаю я, кто ты, — махнул рукой Яхонтов. — Докладывай.

— Работы по спринту идут полным ходом, Антон Николаевич, — фальшиво-бодрым тоном ответил Шухов.

Лицо Яхонтова налилось кровью.

— Ты мне эту парашу брось, — злобно прохрипел он. — Спринт, х...нт. Просто скажи, к десятому числу этот ваш сайт заработает? Сам же ждет. — И Яхонтов качнул головой в сторону портрета серого мужчины за своей спиной.

Шухов побледнел.

— Понимаете, Антон Николаевич, — заговорил он, тщательно подбирая слова. — Там складывается такая ситуация, что сроки сдачи, скорее всего, придется сдвинуть...

— Из-за чего задержка? — перебил его Яхонтов. — Кто виновник?

— Понимаете, Антон Николаевич, — принялся объяснять Шухов. — Тут не все так просто. Это же проект, сами понимаете, очень много факторов, и конкретные люди тут ни при чем...

— Ты совсем о...ел, чушкарь? — ударил пудовым кулаком по столу Яхонтов. — Ты считаешь, что я совсем фуфло? Ну, сейчас мы поглядим, кто тут фуфло.

С этими словами он нажал на маленькую красную кнопку, расположенную под крышкой стола.

Дверь распахнулась, и в кабинет зашли сержанты.

— Берите этого козла, — с презрением произнес Яхонтов, кивнув на Шухова. — И тащите на третий этаж. Я думаю, что двух часов будет вполне достаточно. А потом...

— Стойте, — истошно закричал Шухов. — Только не третий этаж. Я все расскажу.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно улыбнулся Яхонтов и повернулся к сержантам: — Пока подождите снаружи.

— Есть! — откозыряли сержанты и, щелкнув каблуками, вышли из кабинета.

— Ну, так что там у вас происходит? — спросил Яхонтов, как только дверь кабинета закрылась. — Только по делу говори, без твоей пурги.

Шухов поправил рубашку, насквозь мокрую от пота.

— Неправильный контент, — проговорил он и осекся, увидев выражение лица Яхонтова. — То есть я хотел сказать, неправильный текст для сайта.

— Понятно, — кивнул Яхонтов. — И кто виноват?

— Светлана Вячеславовна Колтышевская — чуть помедлив, ответил Шухов.

— Вот это по-нашему, — обрадовался Яхонтов и достал из внутреннего кармана кителя маленькую записную книжку, заложенную огрызком карандаша. — Как говоришь, Колтышевская?

И, слегка послунявив грифель, Яхонтов быстро записал фамилию аккуратным бисерным почерком.

— Хорошо, — кивнул он и посмотрел на Шухова. — А еще?
— Алексей Ильичев, — мрачно произнес тот. — Его сотрудники плохо проверяют сайт. Тоже срывает сроки.

Черный кончик грифеля заскользил по бумаге.

— Отлично, — улыбнулся Яхонтов, записав фамилию. — Просто превосходно. Кто еще?

— Больше нет, — ответил Шухов. — На сегодняшней встрече были только эти два подразделения.

— Как это только два? — удивился Яхонтов. — А твое?

— В смысле? — не понял Шухов.

— Ну, твое же подразделение участвовало во встрече, — заметил Яхонтов. — Значит, тоже виновато. Вот я и спрашиваю: кто?

Лицо Шухова помертвело.

— Ну же, — поторопил его Яхонтов. — Или ты хочешь взять вину на себя?

— Сомов, — тихо ответил Шухов. — Иван Сомов. Старший программист.

— Вот видишь, — усмехнулся Яхонтов, записав фамилию. — А говорил, что больше нет. Интересный ты человек, Шухов. Думал, я поверю, что все зашкварились, а твои чистенькие остались? Как думаешь, бывает такое?

Шухов молчал, опустив глаза в пол.

— Вот и я думаю, что не бывает — согласился Яхонтов, убирая записную книжку в карман. — Ну, не вешай нос. Ты правильно поступил. Не себе служим, а делу. А с этими туфточками мы на третьем этаже потолкуем. Глядишь, и в срок сдать успеем. Ну а не успеем — придется новых искать.

Шухов поднял голову.

— Антон Николаевич, как раз хотел узнать, — осторожно спросил он. — Когда планируется пополнение? А то нас тут пять человек, работать некому. Яхонтов насуплено сдвинул брови.

— Ну а ты как хотел, — проворчал он. — Такой уж ваш брат программист. На митинги не ходит, статейки не строчит, бомбы самодельные не бросает. За что же его арестовывать-то?

— Да я понимаю, — вздохнул Шухов. — Тяжело просто без помощи.

— Тяжело... — хмыкнул Яхонтов. — А кому сейчас легко? Да погоди ты, — добавил он, увидев выражение лица Шухова. — Мне тут сообщили, что новое антикоррупционное дело раскручивается. Подрядчика одного будут закрывать, у него как раз куча программистов. Они вместе с ним пойдут, за соучастие. Глядишь, смогу десяток себе вытребовать. Вот тебе и подспорье будет.

— Правда? — просиял Шухов.

— Х...вда, — усмехнулся Яхонтов, но тут же нахмурился. — Только я тебе этого не говорил. Если скажешь кому, сам знаешь...

— Конечно, Антон Николаевич, — заверил Шухов.

— Смотри у меня... — погрозил пальцем Яхонтов и посмотрел на часы, висевшие над дверью. — Эх, заболтался я что-то с тобой, Шухов, а дел у меня по горло. Вали-ка обратно в свою хату. И по поводу сроков: ты точно усек? Чтобы к десятому все было. Иначе...

— Усек... все будет... не подведем, — бормотал Шухов, пятясь к выходу. Нащупав спиной дверь, он подобострастно улыбнулся и вышел.

Откинувшись в кресле, Яхонтов посмотрел на дверь и с отвращением покачал головой. Затем достал из кармана записную книжку и открыл последнюю страницу.

На пожелтевшей клетчатой бумаге все тем же бисерным почерком был записан перечень фамилий с инициалами.

Взяв огрызок карандаша со стола, Яхонтов быстро написал под последней фамилией: «Шухов С.А. 09.26»

И, немного подумав, дописал справа большой вопросительный знак.

Дмитрий Терентьев

С выдохом в небо...

Не течёт, не плещет, не искрится
медленная жизнь в глухой деревне,
проплывая облаком над полем.
В нём нельзя увидеть тот корабль,
лестницу к которому приставишь,
заберёшься, борт рукой обнимешь,
кинешь взгляд на маленькую землю
и проголосишь: «Земля, прощай!»
От Ковернино до этой бухты
песни две с последнего альбома,
их просил включить хозяин места —
сын чужой, но мне хороший друг.
У резных дверей встречает кошка —
хитрая лесная Клеопатра,
но, упав на протяжённость досок,
вижу — у неё твои глаза —
ядовитые, зелёной страстью,
превосходством, гордостью, свободой,
радостью, спокойствием, печалью,
теплотой и холодом полны.
Из динамиков поёт Джон Леннон:
ада нет, не существует рая.
Где тогда я, мать твою, летаю...
Чуть проклятой рифмой не замкнул.
Возвращаясь к обжитому дому,
слышу дух заговорённой бани,
что преданьем к лесу улетает,
нарушая сон речных наяд.
Нам в обиду местные сказали:
«Троица. А вы секли березу.
В этот праздник ветви королевы,
как ладони Господа Христа!»

Дмитрий Терентьев (1987) — родился в Горьком. Окончил Нижегородское речное училище им. И.П. Кулибина, юридический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Стихи и проза печатались в журналах «Нижний Новгород», «Наш современник», «Север», «Бельские просторы», альманахах и др. изданиях. Живет в Нижнем Новгороде.

Если так, то в пламенной парилке
сам Господь меня рукой касался.
И кто знает, может быть, страшнее
это, чем оливковая ветвь.
И ещё сказали: «Нагрели, так оставьте
веники без солнца, чтобы не желтели,
чтобы долго сохраняли благодать в себе!»
Я ушёл домой, зарылся в небо,
что себе на целый век оставил.
И сидит у раскладушки кошка...
Знаешь, у неё твои глаза.

Ночь-полночь за полем прогремела.
Мне приснилось — забивали гроб.
Старой половицей ньюло тело.
Сука скорбно выла у ворот.

Завтра я проснусь и заболую
сердцем или повернусь умом.
Матушка на утренний молебен
побредёт под окнами с сумой.

На міру и этот грех замолим,
дай-то бог, чтоб сил хватило ей.
Как и тем, кто за гречишным полем
молится за грешных сыновей.

В клетке бетонной с окошками в никуда,
с выходом в небо (табло на двери балкона)
слушаю молча, как с крыши текут года,
капает жизнь покорно.

В оттепель таю.
Очками ловлю лучи,
облако выдуваю,
дрожу, как снегирь на ветке.
Жив потому лишь, что слышу — ещё стучит
певчее сердце в клетке.

Белой скуфьёй издали
надвое время расколет
храм Покрова на Нерли.
...Вечное русское поле.

Поле паломников — суть
общая к вере дорога,
каждый в отдельности путь
от человека до Бога.

Вадим Волобуев

Новая Атлантида

Роман

1943 год

В эвакуацию Марину с Гошкой отправили в Ситники под Горьким. Но там была не жизнь, а мучение — паек давали только на одного, да еще пришлось делить жилплощадь с Глазковыми, прежними соседями по смоленской коммуналке. Хорошо еще, баба Рая потерялась по дороге, пропала где-то в Тамбове, когда меняли состав, иначе было бы совсем невмоготу. Марина написала об этом мужу, немного скрасив обстоятельства — якобы баба Рая ушла, когда все спали, а потом некогда было ее искать, иначе поезд бы ушел. Авдеев в ответ долго молчал, потом незадолго перед Новым годом сообщил, что воюет теперь в пехоте. И никаких больше подробностей. Марина не знала, радоваться или огорчаться. С одной стороны, хорошо, что муж живой, с другой — из НКВД в пехоту просто так не переводят. Значит, в чем-то провинился. Но написать, в чем, он, конечно, не мог — военная тайна.

В Ситниках она работала бонификатором: семьсот рублей плюс паек. Поговаривали, что под Москвой условия лучше, но какой дурак туда поедет? Немцы же рядом. Марина, однако, помывкалась-помывкалась и решила рискнуть. Телеграфировала в облплан и горфо, получила подтверждение, что Мытищинскому леспромхозу нужны работники. Долго собиралась с духом, сомневалась (здесь снимешься с пайка, а там не факт, что его дадут), в середине ноября все же отправилась в путь. Больше всего возни было с игрушечным грузовичком, который сын прихватил из Смоленска и ни за что не хотел с ним расставаться. В чемодане для него места не было, а руки были заняты. Так что пришлось повесить грузовичок на шею сыну наподобие бляхи, так и поехали.

В Мытищи она прибыла за три недели до Нового года. Стояла лютая стужа. Директор леспромхоза ее принял с распростертыми объятиями. «Назначу вас заведующей смолокуренно-скипидарным производством. Тысяча и паек. Вам прививки не делали? Надо сделать. А то, знаете, у нас тут сыпной тиф гуляет и даже малярия. Трудоустроим вас задним числом, чтобы поликлиника не артачилась. Будут требовать деньги за лекарства, хинин там, акрихин, ничего не давайте, звоните мне. Жилье предоставим, а баня — три рубля. В дровах, к счастью, недостатка не имеем. А вот керосин — за свой счет. Все понятно?» Все понятно.

В апреле сорок третьего Марина получила долгожданную весточку от мужа. Он писал, что лежит в ржевском госпитале после ранения в живот и, видимо, задержится там надолго. У Марины словно перещелкнуло что-то в голове. Она вспомнила, как намедни в очереди за пшенкой женщины дели-

лись сведениями об отцах, мужьях и сыновьях, а одна возьми и всхлипни: «У Катьки Ялмышевой муж сидит. Счастливая же баба!» И все согласно закивали — да, счастливая, повезло ей! Еще там стояла женщина с двумя маленькими детьми. Продавец, увидев ее, воскликнул простодушно: «Всех мужей поубивали, а дети все рождаются и рождаются!» И в этой его фразе не было никакой иронии или, упаси боже, злобы — просто изумился такому феномену.

Вспомнив все это, Марина твердо решила: ехать! На следующий день прямо с утра она явилась к директору.

— Никифор Кузьмич, дайте неоплачиваемый отпуск на две недели.

Директор уставился на нее как на сумасшедшую.

— Марина, брось шутковать! В Пицунду, что ль, собралась? Или в Крым? Там стреляют, я чаю.

— Мужа хочу забрать. Он в Ржеве лежит. Тяжелый.

— Мало ли кто у кого где лежит, — постучал директор толстым пальцем по вороху бумаг на столе. — У нас план.

Он был еще не старый, но весь седой, с гнусавым голосом. Чернильная душонка.

— И еще мне надо, чтобы за сыном кто-то присмотрел, — продолжила Марина, точно не слышала его слов.

А чтобы он не подумал, будто она и впрямь шутит, Марина села сбоку от его стола на стул и выпрямилась, глядя директору в глаза.

— До Ржева двести километров, — отчеканила она. — А вам еще один работник будет. Мужик.

Это был хороший аргумент. Из мужиков в леспромхозе остались только директор и сторож. Весь тяжелый труд свалился на баб и школьников.

— Да он же раненый... — начал было директор, но тут же замотал головой, опомнившись: — Не уговаривай, Марина! Смешно это, ей-богу.

— Что мне сделать, чтобы получить пропуск?

Директор протер очки.

— Ты о чем?

— Мне нужен пропуск, — с расстановкой произнесла Марина. — Что мне сделать? Я все выполню.

— К-как? — растерялся начальник.

— Сделаю, что скажете, — твердо заявила Марина.

Директор откинулся к спинке стула, с интересом разглядывая ее.

— Да ну?

— Ну да.

Короче, пропуск она получила, хотя на душе и было мерзко. Лишь бы Сергей не узнал.

До Волоколамска добралась на поезде (как раз полотно восстановили), дальше — на попутке по изрытой воронками и гусеницами танков дороге. Больше всего Марина опасалась, что на подъезде к городу ее остановит патруль. Но обошлось.

— А фронт сейчас далеко отъехал, — объяснил ей молодой улыбчивый шофер, который вез в Ржев почту для солдат и взялся подбросить Марину. — Два года фрицы тут держались, а сейчас взяли и ушли.

Три часа грузовик трясся по колдобинам, то обгоняя двигавшиеся войска, то пропуская их. Особенно долго приходилось ждать на переправах, где иной раз проезжала колонна из сотни машин, танков и самоходок с пушками на прицепе. Оглушительно ревели двигатели, гомонили солдаты, командиры ругались друг с другом и орали на подчиненных, кто-то играл на гармонии, а еще мимо неслышно шныряли легковушки с какими-то военными чинами внутри. Марина пока не научилась разбирать новые знаки отличия и вообще с удивлением взирала на людей в погонах — они ей казались вынырнувшими из прошлого белогвардейцами. Иногда с гулом проносились самолеты, и

Марина рефлекторно вздрагивала, всматриваясь в небо. Шофер успокаивал ее: «Вы, гражданочка, не нервничайте. Это наши. Теперича все небо наше!»

— А если боязно, шепчите молитву ангелу-хранителю, — продолжал он. — Мне завсегда помогает, иначе б не дожил.

— Да какие молитвы? — отмахнулась Марина. — Мы ж коммунисты.

— Будто коммунисты из другого теста слеплены! Вот, послушайте: «Ангел Божий, хранитель мой святой, на соблюдение мне от Бога с небес данный! Прилежно молю тебя: ты меня сегодня от всякого зла сохрани, ко благому деянию наставь и на путь спасения направь, аминь». Хуже-то не будет!

— Хуже не будет, — согласилась Марина.

Шофер был рад соседству женщины. Он развлекал Марину армейскими байками, а однажды спел песню на мотив «Катюши».

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой,
Это наша русская «Катюша»
Немчуре поет «За упокой».

Марину все это напускное веселье быстро утомило. Она думала о муже, а этот жизнерадостный дурачок со своими глупыми шутками только раздражал ее. Окружающая обстановка тоже не радовала глаз: обугленные остатки изб, сожженная техника, груды обломков с торчащими из них остатками кирпичных стен, осыпавшиеся и заросшие травой окопы, а еще кладбища с висевшими на воткнутых в землю палках дырявыми касками и полуистлевшими ремнями.

— Неужели и в Смоленске так? — вырвалось у нее.

— Теперь везде так, — отозвался водитель. — А вы из Смоленска будете? Вот удача-то!

— А вы тоже из Смоленска?

— Из Рославля. Давненько там не был.

— Надо же! У вас там остался кто-нибудь?

— Я давно в родных местах не был. Никого не осталось. Раскулачили нас, — добавил водитель, помедлив. И тут же торопливо добавил: — Я сам не враг, но сын врага народа. Это сути не меняет. В лесотехнический меня не приняли. Зато на войну для защиты отечества, советской власти очень даже взяли. Уголовники кровью вину искупают, судимость у них отбирают, а для меня вот эта дверца закрыта. Враг навечно. Вот и живу с этим грузом. Очень это трудная ноша, гражданочка! Даже на поведении отражается. Каждый шаг выверяю, все время как бы не в своей тарелке, только и жду, что скажут: «Ты сын врага народа, и не по пути тебе с нами... Нельзя тебе это поручить». Автомат мне дали, а вдруг и его отымут? Хотя не должны. Начальство там, в бригаде, знает, кто я. В анкетах об этом написано, и органы вслед все передают, куда б меня ни перекинули. Вот и вы знаете обо мне. Только хотел бы, чтоб об этом осталось между нами. Добро?

Марина кивнула.

— Хочется очень ранение получить, — признался шофер, помолчав. — Может, тогда стану вровень с советскими людьми. Как пострадавший при защите родины.

— Дети за родителей не отвечают, — неуверенно произнесла Марина. — У вас же на лбу не написано, что вы из раскулаченных.

— Так-то оно так, а только я будто меченый. В техникум не приняли. В другие места тем более не возьмут. Останется ли пятно после войны? Вообще очень трудно так жить. Дружить с кем-то не могу. Не всякий захочет общаться с сыном кулака, а если утаить и это потом вскроется, тем паче мне не простят — может, карьеру кому испорчу. А если случайно что натворю?

Другому все сойдет, а мои шаги под увеличительным стеклом рассматривать будут. Вот и приходится на каждое действие оглядываться, за каждым словом следить. Будто ущербный какой.

Так и доехали. Подъезжая к городу, шофер опять повеселел и, высаживая Марину возле госпиталя, быстро начиркал что-то карандашом на листке, вырванном из блокнота.

— Вы это, дамочка... если муж ваш того, помрет, вы напишите мне, вот номер пээс и части.

Марина аж подавилась. А шофер, нисколько не смутившись, подмигнул ей и был таков.

Госпиталь — опаленная кирпичная коробка в два этажа с зияющими дырами окон, из которых торчали дымящие трубы печей-голландок. На углу — цементный столб без проводов, испещренный выщербинами от пуль, а чуть дальше — изрядно покореженные выстрелами железные ворота, когда-то закрывавшие вход во двор. Вдоль ворот тянулся полужасыпанный окоп. Улица была пустынна, только метрах в трехстах от госпиталя стояла окутанная паром полевая кухня, рядом с которой толкалось с десятков бойцов.

Начальник госпиталя — налысо выбритый кавказец в гимнастерке с тремя большими звездами на погонах — сидел в большой зеленой палатке, поставленной на задах госпиталя, посреди руин небольшого, почти совсем разрушенного строения. На столе у него стояло два телефона, лежали какие-то папки, а в центре палатки торчала холодная «буржуйка».

— Это — полевой госпиталь, гражданка, — произнес он с акцентом, вежливо глянув на Марину. — Тяжелораненых давно отправили в тыл. Когда, говорите, ваш муж к нам поступил? Месяц назад? Так он умереть уже мог. А если жив, в Волоколамске отлеживается.

— Да я ж только оттуда! — с досадой сказала Марина.

— Вот и возвращайтесь. Документы покажите свои, — вдруг потребовал он.

Проверив паспорт Марины и пропуск, начальник вроде бы смягчился и спросил:

— А если он не ходячий? Как собирались его транспортировать?

Марина пожала плечами.

— Сообразила бы что-нибудь.

— Эх, женщины, женщины! — Начальник порылся в папках, открыл одну. — Как, говорите, его имя? Авдеев Сергей Дмитриевич? — Он прошелся пальцем по списку, перевернул страницу. — Здесь нет. — Он открыл еще одну папку и повторил свои действия. — И здесь нет. Значит, не умер. — Подняв глаза на Марину, сообщил: — Мы завтра везем партию раненых в Волоколамск, подбросим вас. Но не задаром. Согласны поработать на нужды фронта?

— А что надо делать?

— Перевязочные пакеты вязать. Но перед тем надо вас через вошебойку пропустить. Бог его знает, какая дрянь на вас налипла по дороге.

Они вышли из палатки, и начальник повел Марину в глубь бывшего двора, петляя меж руин и каких-то невысоких продолговатых холмиков, насыпанных параллельными рядами.

— Это что, могилы? — спросила его Марина.

— Бог с вами. Огород.

— Огород? И кто ж это собирать будет? — удивилась Марина. — Не навечно ж вы тут.

Доктор иронично покосился на нее.

— Посидели бы вы с мое под Ржевом, не задавали бы таких вопросов. Вот чего у нас совсем мало — это соли. Вечно ее не хватает. У вас нет случайно?

— Нет.

Врач увидел вдалеке идущую девушку и замахал ей.

— Юля! Подойди!

Девушка приблизилась. Она была невысокая, миловидная, с круглым лицом и большими глазами. Тоненькая фигурка терялась в накиннутой на плечи шинели. В левой руке девушка держала ведро с потухшими углями.

— Вот, покажи Марине Прохоровне, где у нас вошебойка. Зачисляю ее до завтра в наш штат. Будете вместе лепить ипэпэ. Накорми, не забудь указать отхожее место. Переночевать у вас есть где? Завтра повезешь ее в Волоколамск.

— Да у нас же муравейник, Омар Ибрагимович, — тонким голоском возмущилась девушка. — Если только у соседей разместить.

— Значит, у соседей. Марина Прохоровна, оставляю вас на попечение Юлии Владимировны. И пожалуйста, — добавил он внушительно, — держитесь подальше от бойцов. Народ тут разный, к тому же с фронта, у многих мозги набекрень. А вы — женщина. Сами понимаете.

Вечером раненым показывали американский фильм про трех мушкетеров. На пустыре между госпиталем и огородом развернули экран и расставили койки. Тех, кто не мог ходить, прямо на кроватях вынесли на свежий воздух. Пришли и врачи. Медсестрам зрелища не досталось, они крутили индивидуальные перевязочные пакеты. И это было ужасно обидно! В двухстах шагах от них гремели разудалые голоса и играла веселая музыка, а Марина и три медсестры при свете огня из артиллерийских гильз, заправленных соляжкой, заворачивали ватно-марлевые подушечки с бинтом в газетную бумагу, перевязывали их ниткой и стерилизовали в немецкой бочке, приспособленной под автоклав. Вечера были еще холодные, и Марина мелко дрожала во влажной после вошебойки одежде. Девчонки поставили ей примус с кипятком, чтобы согрелась.

— К большим делам мы готовы, а вот к мелким, как выяснилось, — нет, — делилась с ней Юля. — Вот, к примеру, примус. Недостатка их в частях нет, зато горелки, капсулы и даже иголки днем с огнем не сыщешь. Или вот индивидуальные пакеты. Вата, марля, бинты — все в наличии. А во что все это заворачивать? Бумаги-то нет. Приходится использовать газеты. Или вот конская упряжь...

На вид ей было лет двадцать, а по разговору — все тридцать пять. Воевала чуть не с первого дня войны («Накинула годик, чтобы взяли в санитарки»), пережила окружение, потерю отца и учебу в авиашколе, битком набитой бывшими беспризорниками и детьми заключенных.

Две другие девушки (их звали Рахиль и Фая) были постарше и оказались в армии не столь извилистым путем, но тоже насмотрелись всякого. Марина чувствовала себя рядом с ними неопытной девчонкой. Что у нее было за плечами? Эвакуация, работа на торфяниках и в леспромхозе. А эти девчонки в свои двадцать с небольшим прошли через такое, что свист пуль их пугал не больше, чем шум ветра. От войны загрубели — говорили развязно, как солдаты, да еще с матерком. Марину это коробило — стыдно должно быть молодым девчонкам так выражаться, — но она не чувствовала себя вправе делать им замечания. Они тут защищали родину, а она кто такая?

Они работали, сидя на кирпичях возле «кровавого домика» — чудом уцелевшего кирпичного сарайчика со свежепорубленными окнами, в котором

жили начальник госпиталя и одна из медсестер, молчаливая темно-рыжая еврейка Рахиль с точеным остроносом лицом. Марина из интереса заглянула туда и оторопела от невероятной чистоты. Будто попала в царство Спящей красавицы. На стенах и в окнах висели марлевые занавески, в углах большой светлой комнаты стояли градусники. Широкие полки также были закрыты марлевыми пологами, на полках под ватным одеялом лежали флаконы с кровью, плазмой и противошоковой жидкостью. На некоторых флаконах красовались послания от доноров: «Здравствуйте, дорогой защитник Родины! Я посылаю вам свою кровь, чтобы вернуть вам здоровье»; «Дорогой боец, если моя кровь поможет вам выздороветь, то прошу ответить мне скромной записочкой. С приветом, Катя»; «Дорогой боец-братик! Я вправе называть вас так, потому что моя кровь смешалась с вашей»; «Я как донор буду счастлива, если моя кровь поможет вам».

— Кровь — вещь капризная, живет не дольше двадцати одного дня, — пояснила ей Рахиль. — Не переносит холод и жару. Надо вставать ночью несколько раз, чтобы проверить температуру в комнате. Возни много, а работа не видна.

У нее был вечно недовольный вид, и в разговоре она почти не участвовала. «Ну да, она ж с начальником, — подумала Марина. — А тот ее вместо фильма засадил с остальными повязки делать. Вот и дуется». Лишь на следующий день, едуци в Волоколамск, Марина узнала от Юли, что вся большая семья Рахили осталась в Минске. Увидеть ее Рахиль не чаяла и по мере приближения к городу все более ожесточалась.

Сначала, пока Марина и медсестры присматривались друг к другу, разговор шел о вещах отвлеченных — о втором фронте, например. Затем пошли более приземленные темы. Девчонок больше всего интересовало, как там жизнь в тылу. В письмах, которые им слали родственники, все подробности вымарывались цензурой. Об истинном положении дел оставалось догадываться по оговоркам и намекам.

— Тут одному из третьей палаты пришло письмо на березовой коре... — поделилась Юля. — Это что же, совсем в тылу дело швах? Мы-то привыкли, что у нас бумаги нет. А ее и у вас нет, выходит.

— Про бумагу не знаю, — сказала Марина. — В первой эвакуации тяжело было, сейчас получше. Питаюсь в столовой по второму разряду, плюс зарплата тысяча. На Восьмое марта дали допнаек: конфет двести грамм, сахару сто, помидоры, огурцы, капуста. На рынках много чего есть, но цены неподъемные. Картошка тридцать — тридцать пять рублей кило. Керосин — шестьдесят рублей литр. Хлеб — сто рублей кило. Огурцы — два пятьдесят — три за штуку. Капуста и морковь — по двадцать. Скоро, наверно, все подешевеет с этими огородами. У нас даже директор на грядках теперь копается. Недавно видела объявление о замене зубов. Знаете, сколько? Две пятьсот!

— А у нас тоже свой огород теперь есть... — весело отозвалась Юля. — Видели?

— Конечно. Не пойму только, зачем. Уж армию-то, наверно, кормят по высшей категории.

— Ну да, по высшей, держи карман шире, — хмуро сказала Фая. — Восемьсот грамм хлеба в день. Еще восемьдесят крупы и двадцать сахара. И то не всегда. Транспорт не хватает... из штаба бригады не всегда вовремя выделяют. Обычно на попутках все привозят.

— На довольствие ставят в роте управления, — пояснила Марине Юля. — Должны готовить и на раненых, но никто ж не знает, сколько их будет, заранее точную заявку дать нельзя. При большом потоке некогда писать заявки, да и отправить не с кем. Бывает, привозят много пищи, а раненые уже отправлены. Чаще наоборот. Вот вчера остались вообще без ужина — отдали раненым. А деньги нам тут ни к чему. Что на них купишь? Я вон триста

шестьдесят рублей отдала в пользу армии, все равно без надобности. Ни бумаги не достанешь, ни соли...

— Что вы все о жратве да о жратве? — хмуро спросила Рахиль. — Давайте о чем-нибудь другом.

Раненые, смотревшие фильм, в очередной раз грянули смехом, и Марина спросила:

— Часто вам здесь кино показывают?

— Раз в месяц. Иногда в две недели, — ответила Юля. — Последний раз что у нас было, девочки?

— «Остров сокровищ», — ответила Рахиль. — А до того — «В старом Чикаго», американский.

— Мне больше наши нравятся, — сказала Фая. — «Свинарка и пастух» — такой веселый фильм! И песни какие красивые! От них жить хочется!.. Еще помню «Маскарад». С Мордвиновым и Макаровой. Прелестное кино! А про фашистов, сволочей, не люблю. Я их и так много вижу, чтоб еще в фильмах смотреть. Да и фильмы такие трагические, хоть на стенку лезь. «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок»... Не люблю.

— А помните «Хожу Насреддина в Бухаре»? — спросила Юля. — Я же книгу читала — «Возмутитель спокойствия». И так она мне запала в сердце, даже стихи начала сочинять. А тут смотрю и глазам не верю — в точности как в книге!

— А я тоже про Среднюю Азию читала, — сказала Фая. — «Человек меняет кожу». Как строили канал в Таджикистане, и как враги пытались этому помешать. Очень интересно! Я ж до войны книг в руки не брала, разве что учебники. А здесь как-то подседа... Тоскливо же, хочется отвлечься. Когда Модзелевскому посылка с книжками пришла, он там половину на папиросы сдал, а я из этой половины «Виринею» выцепила. Чудная вещь!..

— Не ценит, значит, Модзелевский Лидию Сейфуллину, — усмехнулась Юля.

— Ему Дюма интересней. И Пушкин.

— А вы знаете, девочки, что Степаняну из дома армянские газеты шлют? — сказала Юля. — А он их другим раненым читает за еду. Вот же куркуль!

— Я до фронта с одним начала переписываться, — сказала Фая. — Отправила подарок к Седьмому ноября и вложила записку. Наугад. А посылку получил какой-то деревенский парень, который едва-едва писать умел... И вот он в первом письме пожимал мне руку, во втором — другую руку, в третьем попросил фотокарточку, а в четвертом написал, что крепко целует. Каков нахал, а? Ну, я решила, что больше писать не буду. Нужны мне его поцелуи как собаке здравствуйте! А сейчас живу от письма до письма и вспоминаю того мальчишку. Жалко его до слез. Может, он и погиб уже...

— А я вот забыть не могу, как лейтенанта чуть не угробила, — сказала Юля. — Только-только прибыла на фронт, пошла к военврачу. И тут — минометный обстрел. Я ж до того в бою никогда не была, перепугалась до смерти, но иду по траншее, не сгибаясь, как идиотка. А траншея-то до пояса. И вот вижу: ползет впереди какой-то боец, и вдруг у него кишки лезут на снег. Меня так и зашатало. Ну, думаю, сейчас упаду. А лейтенант, который меня вел, орет: «Баба, ляжешь ты когда-нибудь, дура?» И тут до меня доходит, что он бы сам давно лег, если б не я. И смех и грех... — Юля осклабилась, смущенно поглядев на всех, а Фая с Мариной рассмеялись.

— А ваш-то муж тоже в живот ранен? — спросила вдруг Фая Марину.

— Да, — ответила та, мгновенно посерьезнев. — Это очень опасно, да?

— Хорошего мало. Но если до сих пор выжил, наверно, будет жить. «Животы» вообще тяжелые. Да и оперируют часто без анестезии. Помню, в Воронеже к нам на медпункт заглянул вестовой из соседнего полка и грохнулся

в обморок. Говорит: «Мне так ни в одном бою страшно не было, как у вас, девушки».

Фая и Юля опять рассмеялись, а суровая Рахиль лишь криво усмехнулась.

— Хуже всего зимой, — сказала Юля. — Помните, девочки, к нам танкисты шли потоком? Каждый второй — с ожогами. У них и без того одежда въелась в кожу, так еще на улице минус тридцать. Надо бы раздеть, чтоб перевязать, а как? Накладывали повязки поверх комбинезонов. Уж как они индevelи, несчастные! Больно смотреть было. Шинель и полушубок уже не натянешь, так их пришлось в одних комбинезонах грузить. А до полевого госпиталя — два часа. Танкистам тяжелее всего.

— Мы из-за этого даже с Мишкой поссорились, — сообщила Фая. — Захожу к связистам, а у них — благодать: печь-каменка и буржуйка. Мишка что-то орет по радио на немецком, потом меня увидел и говорит: «Люблю фрицев, даже не знаю за что». А я-то — прямо с погрузки. Ну и высказала ему, дубине. Чтобы думал, прежде чем ляпать незнамо что.

— А я тебе всегда говорила, что Мишка твой — дурак, — заявила Юля.

— Твой-то снайпер лучше, что ль? За год в армии не научился по-русски нормально говорить.

— А где бы он научился, если все время сидит в лесу и выслеживает немцев? Зато человек хороший. А улыбка какая у него открытая! Ничего ты не понимаешь в настоящем счастье, Фая!

— Ну да, куда уж мне! Вот родится у вас ребенок, на каком языке будете с ним разговаривать?

— До этого еще дожить надо. Я так далеко не загадываю.

Скоро закончился фильм, и раненые, весело гомоня, повалили в госпиталь. Некоторые, заметив в колышущемся свете медсестер, повернули к ним и принялись обстреливать их двусмысленными шутками. Кто-то предложил медсестрам помощь, Юля замотала головой.

— Идите, товарищи бойцы. Без вас управимся.

Естественно, наибольшее внимание было приковано к Марине.

— А это что ж, новая? А не зайдете к нам, барышня, на огонек? Мы вас повидлом угостим.

— Шагайте, шагайте, — ответила вместо нее Фая. — А то швы разойдутся, будем вас тут по кускам сшивать.

Марина поморщилась, едва сдержавшись, чтобы не послать этих ходяков куда подальше. Остановило уважение к их подвигу.

— А ну отставить приставания к женскому полу, товарищи бойцы! — раздался чей-то властный голос. — Шагом марш по палатам!

Раненые нехотя разошлись. Из темноты выплыл офицер в распахнутой шинели и фуражке.

— Марина Прохоровна? — спросил он. — Я — здешний военфельдшер. Модзелевский моя фамилия. Вас уже разместили?

— Да.

— У меня есть место, если желаете. Могу и накормить. Есть кофе, ржаные лепешки, селедка.

Сказано это было до того вежливо, что Марина едва не купилась. Хорошо, что встряла Юля:

— Омар Ибрагимович уже распорядился насчет размещения, Аркадий Вацлавич. Вы опоздали.

— Не беда. Полагаю, он не рассердится, если Марина Прохоровна поменяет дислокацию.

— Право слово, это ни к чему, — глухо сказала Марина.

— Ну, надумаете — приходите. Моя палатка рядом с палаткой начальника госпиталя.

— Спасибо!

Марина посидела немного в молчании. Отчего-то вспомнилось потное и мерзкое лицо директора леспромхоза, его липкие руки, мокрое дыхание над ухом. А еще подумалось: неужто и Сергей — такой же? Вот же свинство!

— У вас всегда так или это в честь моего приезда? — спросила она у Юли.

— Всегда, — усмехнулась та. — Да мы уже привыкли, не обращаем внимания. Если только руки не начинают распускать. Тогда, конечно, приходится давать от ворот поворот.

На ночь Марину разместили в подвале близлежащего дома, где уютилась семья местных жителей: дед семидесяти семи лет, его жена и два внука — двенадцати и шести лет. Тот, что постарше, был инвалид, подволакивал ногу и не мог разогнуть кисть правой руки, которая у него скрючилась, как птичий клюв. А младший был очень слаб, почти не слезал с лежанки и каждые тридцать минут поднимал вой.

Марину встретили неприветливо. Но она вручила деду сто пятьдесят рублей и два куса сахара, которые среди прочих гостинцев везла мужу (по десять рублей на базаре), и тот мгновенно оттаял, даже притащил откуда-то сломанные носилки. Положив их вдоль прохода, накрыл издырявленной немецкой шинелью и сказал:

— Сегодня так подремлю. А ты, трясогузка, вон на топчан ложись.

Освещался подвал «летучей мышью», окна были закрыты ломаным кирпичом, недалеко от входа стояла железная печурка, топившаяся по-черному.

— Как же вы выжили? — поразилась Марина, увидев столь непритязательный быт.

Дед охотно рассказал. Сын его, измотанный голодовками, умер от ерундовой простуды, невестку в прошлом году угнали в Германию, а через два месяца от бомбежек и обстрелов рухнул дом. Младшего внука кормили размоченным в воде хлебом из желудевой муки и свекольным мармеладом, потому он такой слабый. Старшего внука исколотили немцы, потому он такой колченогий.

— А раньше ловкач был! Спиллил у немцев под носом елочку на Новый год!

Как ни странно, невзирая на все эти мытарства, на русских дед сердился куда больше, чем на захватчиков.

— Немцы на нас и внимания не обращали, мы для них как уличные собаки были. А вот полицаи — это отребье, сволота, нечисть. Все отбирали подчистую, а попробуешь что утаить — волокут в гестапо.

Местных жителей регулярно гоняли на всякие работы, не разбирая пола и возраста. Деду и окопы приходилось рыть, и могилы, и дрова для немцев колоть. В квартире у них проживал немецкий майор, бабы его обстирывали, а он иногда угощал их хлебом и даже консервами.

— Хороший человек был. Меня еще в сорок первом ранило в голень, болело — страсть. Так он германского врача привел, тот мне ногу надрезал и омертвение прекратил. Кабы не это, не разговоривал бы я с тобой нынче. Зато комендант ну просто образцовая скотина. Величал нас всех меншами. Любил рукояткой пистолета по затылкам лупить. Когда наши в город первый раз вошли, выгнал всех, кто здесь оставался, на постройку баррикад. Даже мордovorотов из управы, хе-хе, хотя у них освобождение было. А у меня с бескормицы колотун в сердце, я два кирпича поднял и уже сдох. Так эта паскуда возле меня двух полицаев поставила. Только остановлюсь дух перевести, те сразу кулаками по мордасам, да с прибауткой. Нравилось им, вишь, надо мной куражиться, ублюдкам. Как тогда выжил, сам не пойму. Вечером еле дополз, потом два дня отлеживался. А соседки наши, Агаповы, мать с двумя дочерьми, кинулись из города куда глаза глядят, ну и нарвались на не-

мецкий пост. Те им орут издали: «Хальт! Ложись!» Они залегли посреди улицы, два часа лежали, головы боялись поднять, а на дворе-то — не май месяц! Ну и вышло — сначала одна дочь поднялась, ей сразу пулю промеж глаз. Потом другая не выдержала — ей тоже. А мать до темноты лежала между них, глотала землю. Потом к нам пришла, рожа вся в грязи, и глаза бешеные. Мы ей: «Ты откуда такая? Где дочерей потеряла?» Она начала рассказывать. Спокойно так, только щека дергается. Я ей говорю: «Девчонок жаль, но ты баба молодая, после войны еще замуж выйдешь. У меня тоже сын помер. Живу же». Ну, она покивала, а потом шмыг к окошку и вниз. Я-то бревном тогда лежал, только охал. Думал, хуже уж ничего не увижу. Да вот надоумил черт этого шалопаю, — кивнул дед в сторону старшего внука — гранату в немцев кинуть. Подобрал где-то на улице и швырнул. Те его поймали и отдубасили как следует. Весь день по нему топтались, будто масло взбивали.

— А ко мне соседка прибегает, — вступила в разговор его жена, сухая остроносая старуха с горящим взглядом. — Кричит: «Анна Петровна, там вашего Леньку убивают». Я было кинулась, да вернулась. Потому как если б увидела, что с ним эти сволочи творят, разве сердце бы выдержало? Бухнулась на колени перед образом Николы Угодника и давай молиться. Тут старый помирает, там Леньку лупцуют. Ну, вечером Ленька до нас по стеночке дошел. Весь перекореженный, точно по нему грузовик ездил. С тех пор такой и остался.

Они рассказывали об этих ужасах на удивление спокойно, будто передавали сюжет прочитанной книги. Чувствовалось, что все в них выгорело, не осталось сил ни на рыдания, ни на ярость.

— Когда сын помирал, все лежал на кровати с открытыми глазами и молчал, — продолжил дед. — Я ему говорю: «Тебе бы покреститься, Федя, авось полегчает». А он только глаза скосил и ничего не сказал. За сынков очень переживал, сам не ел, отдавал им все, что по карточкам получал. Младший блевал и животом мучился, потому что не детская же это пища. Хорошо, соседи у нас евреи были. Немцы когда их вывезли, у них там барахлишко кой-какое оставалось. Ну, мы эти вещички-то быстро на базар, чтоб на еду поменять. Здесь базары знаешь какие бойкие были! А как деньги вышли, пришлось зубы на полку класть.

— У Любимовичей, которые от нас слева жили, тоже в семье были жидки, — вступила старуха, зло поглядывая на деда. — Одно только слово, что белорусы. Самые натуральные евреи! Если б их тоже вывезли, Федька сейчас живой был бы.

— Ну, опять завелась, карга старая! — проворчал дед. — Любимович мне снасти давал. Как я его заложить мог?

— А все равно все под бомбой сгинули.

— Ну, кто ж знал!..

Главврач волоколамского эвакогоспиталя, услышав фамилию Авдеева, расплылся в улыбке.

— А, наш Пинкертон! Как же, как же! Так что вы хотите, Марина Прохорова?

— Так он здесь? — спросила Марина, и сердце ее заколотилось. — Я... я могу с ним встретиться?.. И почему Пинкертон? — насторожилась она.

— Ребята такое прозвище дали... Да вы у него спросите. В третьей палате обитает.

— Боже мой, — выдохнула Марина, не веря своему счастью. — Живой! А как он, товарищ доктор? Скоро оклемается? Хотя не говорите, сама увижу. Можно я к нему побегу?

— Это пожалуйста. — И врач закрылся от Марины разворотом «Правды» с жирной надписью: «Против польских сообщников Гитлера».

Марина вылетела из кабинета и понеслась по коридору, бросая взгляды на двери палат. Номер десять, девять, восемь... Где же третья? На втором этаже, что ли? Поднялась туда и почти в конце коридора отыскала нужную дверь.

— Сережа! — крикнула она, врываясь внутрь.

В палате было десять коек. Сергей сидел на второй слева и резался в карты с двумя товарищами. Услыхав Маринкин голос, поднял глаза и замер с открытым ртом.

— Маринка! Ты, что ли?

Он был исхудавший, небритый, стриженный почти под ноль, вдобавок в какой-то штопаной-перештопаной пижаме серого цвета. Да и голос изменился — осип, загрубел.

— Сережа, Сереженька мой! — закричала Марина, кидаясь к нему.

Остальные выздоравливающие, как по команде, торжествующе взревели и захлопали.

— Задушишь, Маринка, отпусти, — захрипел Сергей, улыбаясь. — Я теперь слабый, соплей перешибить можно.

Она зарыдала, уткнувшись ему в плечо.

— Ну-ну, не плачь, — засмутился он. — Перед ребятами неудобно. Пойдем, что ли, в коридор. Кривчук, будь другом, подай костыли.

— У тебя что же, ноги не ходят? — перепугалась Марина.

— Говорю же, слаб я. Приходится вот так.

Она бросилась помочь ему, но он отстранил ее и довольно ловко встал на костыли. Так они и вышли: он — переставляя костыли, она — ласково положив ему руку на плечо, будто опасаясь, что муж развалится. В коридоре прогуливалось несколько раненых в таких же застиранных пижамах и носилась туда-сюда медсестры, зыряка в сторону Маринки. Та не замечала их, возбужденно рассказывая мужу о своей эпопее, и перебивала сама себя вопросами: хорошо ли его тут кормят? как соседи? не бомбят ли город? что говорят доктора?

Сергей, присев на подоконник, усмехнулся.

— Ты, Маринка, сама бомбишь вопросами не хуже немцев. Боевая ж ты женщина! Не ожидал. Вот совсем! А Гога как же? Один, что ль?

— Да я ему карточки все оставила, не пропадет. Ты-то как? Почему тебя тут Пинкертоном прозвали?

Сергей с досадой покачал головой.

— Уже донесли? Языком метут, что помелом. — Он усмехнулся. — Меня пленный фриц подстрелил. Баба местная укрывала его в погребе, шинель мою для него умыкнула. Новую! Хорошо, пацан ейный заложил. Я пошел к этому погребу, а фриц возьми и пальни. Прямо мне в пузо. Вот и мыкаюсь теперь по госпиталям. Зато из штрафников изъяли! Искупил вино перед родной! Так что теперь я чист.

— Она что ж, дура — немца прятать? — не поверила Марина.

— А спроси у нее! Теперь с особистами где-то объясняется.

Марина опять обняла его, погладила по колючему затылку.

— Что ж ты такой непутевый, Сережа? Рана-то неглубокая?

— Куда там — неглубокая! Полбрюха разворотило. Чуть кровью не истек.

— Ну, слава богу, что не истек, — выдохнула Марина. — Я чего приехала-то? Забрать тебя хочу. Чтоб дома выздоравливал. А вернее, в Мытищах. Мы же сейчас там обретаемся. Поехали, а?

— Дельная мысль, только кто ж меня отпустит? Я боец Красной армии, как-никак. Это дезертирство будет. И трибунал. А с меня уже погоны сняли. За редицив, значит, шлепнут без долгих слов.

— Неужто ничего нельзя сделать?

— Не знаю... Потолкуй с главврачом. Может, отпустит. Им тоже нет резона меня здесь держать, бинты с лекарствами тратить.

— Ну, я схожу тогда, а ты угощайся гостиницами, — заторопилась Марина. — Я у тебя там на кровати узелок оставила.

— Это ты зря. Парни, небось, уже все распределили. У нас такое не заживается.

Марина всплеснула руками, но муж лишь беззаботно отмахнулся.

— У нас тут все общее. Ты курева случаем не привезла? Курить охота — сил нет.

— Как-то не подумала. Ну, я побегу. А ты меня в палате обожди.

Сергей кивнул и заковылял обратно в палату.

Главврач ожидаемо изумился просьбе, но упираться не стал.

— Забирайте, если так невтерпёж. Освободите нам койко-место. Только имейте в виду: больше девяноста дней он лечиться не должен. Потом — либо обратно в войска, либо комиссовать. Первый месяц он уже отмотал. Значит... — главврач обернулся к отрывному календарю на стене, — не позже двадцать седьмого июня ему следует явиться сюда за справкой о выписке. А там уже по состоянию здоровья будем смотреть.

— Да ему же все брюхо разнесло, — сказала Марина. — Какие войска? Может, вы его прямо сейчас комиссуете, товарищ врач?

— Не имею права, гражданка. И имейте в виду: если до двадцать седьмого июня включительно ваш супруг не появится в этом кабинете, сообщим куда следует.

Марина чуть не расцеловала его. Полная счастья, она полетела на второй этаж.

До вокзала их подбросили на больничной полуторке. «Заодно керосину возьмешь», — напутствовал главврач водителя. Тот уже в кабине объяснил Марине: «Там базар недалеко. Меняют керосин и соль на хлеб и картошку. Мы иногда затариваемся, если снабженцы подводят».

На площади из мегафонов гремела песня:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!

Марина, радостная от своей удачи, смотрела на мужа и целовала его в заросшую жестким волосом щеку.

— Сережа, как же хорошо!

— Маринка, — сказал он ей, и в глазах его стояли слезы, — такую, как ты, бабу да во всем мире не сыщешь!

Они прошли в полуразрушенное здание вокзала: зал ожидания лежал в руинах, в помещении для касс отсутствовала половина стены. Сергей, которому тяжело было стоять, присел на бордюр у края дороги, Марина встала в очередь за билетами. Пока ждала, наслушалась всякого.

Прямо перед ней два мужика рабочего вида обсуждали цены и пайки.

— Давали обувь по спискам. Нас там нет, конечно. Ну что за хрень? Да еще матери пришлось отправить два бревна для топки. Дочка больше всего по сахару скучает. Извелась уже. Я ей говорю: «Зубы здоровее будут».

— А у меня шуринок прикреплен к магазину Совнаркома. Ежемесячно получает пять кило муки белой, три кило мяса, три кило масла коровьего, три

кило селедок, кило сахара и конфет, кило сыру, колбасы, чай, капусту, пряников кило, — перечислял мужик, жадно блестя глазами. — И все задешево, по твердым ценам. Сеструха говорит, они на базаре ничего не берут, только с закрытого питания. Хлеба хватает. Она сама получает полкило масла и два кило мяса. Ну и муж со своего предприятия тоже приносит кости, ноги и головы. Я к ним забрел как-то на ужин. Селедка, фасоль, борщ, мясо, пюре и кутя. Так-то вот. У одних щи пустые, у других жемчуг мелкий. Путевку еще достали бесплатную. Тока на расходы и еду пришлось собрать тыщу. Загнали свое шмотье за восемьсот — очень даже зажиточно живут. И еще жалуются — мол, заняли триста, чтобы дочери купить балетки.

— Нам дня четыре тому пришло письмо от тетки. Просит выслать посылку вещевую и продовольственную. Говорит, уже доходит, весит три с половиной пуда. Так у меня и Людка не больше пяти пудов весит. Для заключенных вроде как посылки должны приниматься, у них там некоторые получают, даже из Москвы. Я сунулся на почту, там говорят, посылки сейчас никому не принимаются. — Мужик достал из нагрудного кармана самокрутку и уныло зажал ее уголком рта. — Людка тут дошивала шубу за девятьсот рублей, но не докончила — сил нет и времени. А самое-то паршивое — здешние готовы тебя в ложке утопить. Только и слышишь: вот понаехали, опивают, обедают. Вчера ходил в кубовую за кипятком — не дала старуха!

— Я с фронтовым комбатом на той неделе пообщался. Сопровождал эшелон на доформирование. Дак он причитал, мол, пережил поволжский голод, отца с братом схоронил, в окружении был и не боялся умереть, а сейчас будто душу переломили. Семья в оккупированной зоне. На годовщину свадьбы, говорит, справили шкаф, хоть не совсем хороший, но все ж таки шкаф, а тут война. Теперь вот не знает, где жена, дети. Потом выпил, и пошли шутки: «Буду искать новую жену. Одна пишет: „Ни шагу назад“, — значит, не хочет, дрянь, чтобы я приехал в Москву». Говорит, в поездах третий и четвертый вагоны, где должны военные ехать, битком набиты инвалидами-спекулянтами. Он и сам купил у них сушеного гороха, свез его куда-то не очень далеко и продал почти за двойную цену. А других за сто рублей на десять лет пакуют.

— А у нас соседи — мать с маленьким сыном. Бежали из гетто, были в партизанском отряде. Потом выбрались, а отец уже по новой женился. Так вот бывает.

Марина, скучая, скользнула взглядом по площади. Со стороны крытого ряда, торопливо обедая куриную лапу, медленно шел нестарый еще мужчина в странном одеянии: на голове его торчала хорошая когда-то шляпа, но остальная одежда представляла собой невообразимое рванье. Его догнала сублинная, гладко зачесанная женщина и с криком «отдай!» ухватила за плечо. Тот остановился как во сне, даже не подумав убежать или сопротивляться. Женщина вырвала у него лапу и несильно толкнула, сопроводив это крепким словечком. Мужик упал на колени и, прижав руки к груди, задрожал, а женщина осыпала его такими ругательствами, что позавидовала бы и подзаборная шпана. Самое удивительно, что мужик так и стоял на коленях, не поднимая глаз, — видно, настолько оголодал, что просто не осталось сил. Поорав немного, женщина плюнула ему в макушку и ушла, мужик же тяжело поднялся и побрел куда-то, приволакивая ноги. И никому не было до него никакого дела, словно такие вещи давно стали тут обыденностью.

Наконец дошла очередь до Марины брать билет. Ей несказанно повезло: пригородный отходил уже через час. Следующего пришлось бы ждать до утра — пути были забиты военными эшелонами. Радостная, Марина поспешила к сидевшему на бордюре мужу.

— Скоро будем дома, Сережа! Даже не верится. Видишь, как быстро обернулись. Я-то отпуск на две недели взяла. Думала, мыкаться придется долго. А вот поди ж ты!

— Намыкались, значит. Исчерпали лимит, — усмехнулся Сергей. — Слушай, тут нигде папиросы не продают?

— Не видела.

К ним подошла полная женщина в обтерханном плаще, разбитых туфлях и застрявшем в волосах черном берете. Поставив на асфальт пузатый чемодан, спросила:

— Мужчина, а вы не военный? Не с фронта?

— Из госпиталя, — торопливо ответила Марина, опередив мужа. — А вам чего?

— Мужа, небось, домой везете? — искательно улыбнувшись, сказала женщина. — Счастливая вы, дама! Я вот тоже из госпиталя еду. Сына не могу отыскать. Всех спрашиваю, может, видел кто? Амоев Даниил Бексолтанович. Вы не встречали?

Марина вопросительно посмотрела на Сергея. Тот покачал головой.

— Никто о таком не слышал! — чуть не плача, воскликнула женщина. — Будто и не было человека. Как послал весточку из Волоколамска, так словно сквозь землю провалился.

Марина с сочувствием посмотрела на нее. Из какой дали она приехала?

— Ну, может, в других госпиталях есть, — сказала Марина. — Вы не падайте духом.

— Да уж все обошла... — вздохнула женщина и села на чемодан, вытерев пот со лба. — Двоих уж схоронила. Теперь только об одном думаю: пускай хоть немец придет, лишь бы все закончилось. Может, хоть младший с войны вернется. А вот нет его. Нигде нет. — У женщины потекли слезы. Она быстро смахивала их, стараясь не разрыдаться, и озиралась вокруг, выматривая каждого прохожего.

У Марины комок к горлу подкатил. Что нужно пережить, чтобы дойти до таких мыслей! Ей хотелось возмутиться, но куда там!

— Человек — не иголка, найдется! — горячо заговорила она. — Может, он в плену или контужен. Даже после похоронок, бывает, живыми возвращаются! У нас вот случай был...

И она рассказала женщине подслушанную в поезде историю про то, как один боец год провоевал под другим именем, потому что частично лишился памяти. Женщина благодарно кивала и продолжала смахивать набегавшие слезы.

— Спасибо тебе, родная! — выдохнула она, поднимаясь с чемодана. — Ох, спасибо! Отдохнула, пойду. Не теряйте друг друга, милые!

— Табак тут продается, гражданка? — спросил ее Сергей. — Вы тут, поди, все исходили, знаете.

— Вон там базар есть, спросите, — показала женщина и ушла, шаркая расхлябанными туфлями.

— Сходим, Маринка? — спросил Сергей. — Или тут посидишь?

— Нет, я теперь без тебя никуда, — ответила Маринка, и они пошли на базар.

Тот был на удивление пустынен. Вернее, продавцов хватало, а вот покупателей — раз-два, и обчелся. Возле входа стоял балаган. Его стены украшали изображения розовощекой и полной женщины, от головы которой в разные стороны расходились паучьи лапки. «Новое оптическое обозрение, — гласила надпись над головой женщины. — Живая женщина-паук! Спешите видеть!» Сбоку от головы бились приписки со множеством восклицательных знаков: «Живая!!!! Живая!!!!» Изнутри слышались звуки баяна. В дверях стоял, громко звеня колокольчиком, длиннородый еврей в сапогах времен батьки Махно. Позвонив с полминуты, он обращался к пустой улице с быстрыми картавыми словами:

— Граждане, спешите видеть! Новое оптическое обозрение — женщина-паук. Очень интересно. Вход свободен. Женщина-паук. Живая женщина-паук!

Марина и Сергей не стали задерживаться возле балагана и поспешили дальше. Цены их не порадовали. Пока ходили вдоль прилавков в поисках табака или махорки, прошло добрых полчаса. Наконец Сергей углядел недорогие папиросы и встал в очередь. Марина отошла, чтобы купить в дорогу консервов. Вернувшись с двумя банками тушенки, она с ужасом увидела, что ее милого как мяч швыряют меж собой какой-то офицер и штатский в темно-синей рубашке и черных брюках. Офицер, узколобый и толстощекий, схватил Сергея за ворот шинели и заорал:

— Сейчас же отдай мне честь! Ну! Руки по швам!

Сергей, болтаясь на костылях, угрюмо держал руки в карманах. Офицер стал силой вытаскивать его ладони, лицо Сергея налилось кровью, и он покачнулся.

— Ты бандит, — прохрипел он. — С тебя надо и эту звездочку снять, а болтаешь о какой-то чести.

— Ах ты гнида тыловая, — процедил офицер и врезал Сергею по уху.

— Что вы делаете! — завизжала Марина, кидаясь к упавшему мужу.

— А вы, значит, жена будете этому дезертиру? — спросил ее штатский.

— Он не дезертир! Я его везу из госпиталя.

— Значит, дезертир, — с наслаждением произнес офицер и снова врезал Сергею, едва тот начал подниматься.

— Караул! — завопила Марина. — Помогите! Люди, что же вы смотрите?

Но никто не отозвался. Все, кто видел это, взирали на происходящее с интересом и опаской, точно на рискованную аттракцион.

— Вот мы сейчас в НКВД посмотрим, что вы за типы, — сказал офицер. — Пойдем-ка! — И, взяв Сергея за шиворот, он поволок его прочь с базара — тот едва успел схватить костыли.

— Да что ж это творится! — запричитала Марина, бросаясь следом. — Я жаловаться буду.

— С вами, гражданка, мы тоже побеседуем, — сказал ей второй. — Выясним, кто вы есть на самом деле.

НКВД находился неподалеку, за углом ближайшего дома.

— Вот, — объявил офицер дежурному. — Дезертира вам доставили, подделку под марку инвалида. Ты же не прочь попасть в выздоравливающие, да? — осведомился он у Сергея, который, тяжело дыша, навалился на стойку.

— Документы, — устало произнес дежурный.

Офицер и штатский предъявили свои удостоверения и ушли, причем штатский, явно красуясь, удалился строевым шагом.

Марина в бессильной ярости топнула ногой.

— Что за произвол! Мы ничего не сделали!

— Знаю я этих субъектов, — произнес вдруг милиционер, сидевший возле дежурного. — Почти каждый день к нам попадают. То за дебош, то за спекуляцию. Надоели всем уже.

— Вы про нас? — сверкнула глазами Марина.

— Про тех, что вас привели. Известное хулиганье.

— Почему же сидите сложа руки?

— Это не наше дело. Пусть комендант разбирается, — равнодушно ответил милиционер.

В НКВД их муржили недолго. Проверив документы, тут же отпустили, но на поезд они опоздали. Марина заплакала от обиды и унижения.

— Зачем ты с ними сцепилась?! — набросилась она на мужа. — Как мы теперь доедем? Мне же билеты купить теперь не на что. Да и поезд только завтра.

— Они без очереди лезли, — хмуро ответил Сергей. — Видал я такие хари, разъелись на ташкентском фронте...

Они долго сидели рядом с вокзалом, приходя в себя. Марина понемногу успокоилась и стала думать, что делать дальше.

— Может, в госпитале денег занять? Соседи по палате могут помочь? Или на перекладных доберемся. Мир не без добрых людей. Тут ехать-то...

Сергей молчал, кивая. Затем криво усмехнулся:

— Вот все сторицей-то и вернулось.

— Ты о чем?

Он сокрушенно покачал головой.

— Я почему в штрафники-то угодил? Сметаной врача в клинском госпитале вымазал. Он, зараза, меня симулянтном обозвал, ну и, в общем, за дело. Я туда с легкой контузией попал, а изображал, будто тяжелая. Хотел себе на пару недель отпуск устроить. Не мог больше. Ты бы видела, Маринка, что на фронте творилось... Умом можно было тронуться. Кругом червивые трупы, и мы среди них. А эта сволочь белохалатная — сам никогда под огнем не был, а гонору, что твой пан. Ну и пришлось ему втолковать, кто он есть. — Он посмотрел на жену и усмехнулся. — Негодяй я?

Маринка погладила его по худой щеке.

— Дурак ты. — Она вздохнула. — Я тут вот что подумала. Может, тебе пока в госпиталь вернуться, а я за деньгами домой съезжу. А?

Сергей опять покачал головой.

— Там мое место уже занято.

Они опять замолчали, приуныв. Марина вспомнила водителя, который рассказывал ей про ангела-хранителя. Как там было? «Святой ангел мой, данный мне от бога! Направь меня, и сохрани, и помоги! Аминь!» Нет, не так, совсем не так. По-другому было. Но как?

Она стала напряженно вспоминать, прикрыв глаза, и вдруг рядом раздался знакомый голос:

— Здравствуйте, Марина Прохоровна! Помните меня?

Марина распахнула глаза. Перед ней, весело лыбясь, стоял давешний шофер почтовой машины.

— Вот и опять свиделись. Мир-то узкий! А это муж ваш? Очень приятно. Подвозил вашу супругу с Волоколамска до Ржева. — Он обменялся рукопожатием с Сергеем. — А здесь какими судьбами? Поезд ждете?

— Опоздали мы на поезд, — ответила Марина. — Да и денег нет. А вы куда? — спросила она со слабой надеждой.

— Не могу сказать. Военная тайна, — осклабился шофер.

Ну, все понятно, подумала Марина. Увидел мужа и в сторону.

— Вам куда ехать-то? — спросил шофер.

— В Мытищи, — ответила Марина, глядя в сторону.

Шофер вздохнул и тоже окинул взглядом площадь.

— Подвезти вас? — спросил он, помолчав.

— В Мытищи? — скептически спросила Марина.

— Ага.

— Ну, если вам по дороге...

Шофер закивал.

— По дороге. Довезу с ветерком.

И Марине как-то сразу стало ясно, что Мытищи ему совсем не по дороге, и вообще он страшно рискует, тратя казенный бензин, но он им поможет, потому что хороший парень. И он довез. Доставил прямо к леспромхозу и пожелал удачи. И больше они не виделись. И писать ему Марина не стала, потому что зачем? И даже имени его не запомнила. Петя? Коля? Но зато теперь она знала, что где-то есть парень, который спас ее и Сергея. А может, уже и нет его. Может, убило где-нибудь в Белоруссии или в Польше. Или начальство отправило в штрафбат за нецелевую трату бензина. Зато она запомнила его слова, сказанные на прощанье:

— Значит, бог так захотел, чтоб мы встретились. Ангел-хранитель у вас, должно, очень голосистый, раз до бога докричался.

Дома, когда Сергей, уже помытый и переодевшийся в свою старую, висевшую на нем теперь мешком одежду, заснул на кровати, не дождавшись ужина, им вдруг нанес визит директор. Марина не пустила его на порог, вышла поговорить в коридор.

— Чего вам? — спросила она, скрестив руки на груди.

«Теперь не отделаешься от него, — подумала она со злостью. — Так и будет слепнем кружить».

— Я слышал, тебя можно поздравить? — осторожно начал он. — Не зря съездила?

— Не зря.

— Как там муж?

— Ранен в живот.

Директор потоптался и сказал:

— Ты на меня волчицей не смотри. Слаб человек! Что сделано, то сделано. Я там выписал тебе допнаек. Зайди завтра на склад. Там для тебя масла немного, сала, фасоли, мяса. — Он вдруг осекся и быстро договорил: — Ну ладно, счастливо оставаться! Мужу здоровья и наш трудовой привет!

Марина остолбенела и не нашлась, что ответить. Молча проводила его взглядом, вернулась в комнату и закрыла дверь.

1961 год

Когда Витька и Машка, наигравшись во дворе, вернулись в дом, на кухне заливался соловьем дядя Илья:

— Возникает вопрос: для чего же надо было исследовать на радиоактивность окружающую обстановку и золу из отдельных слоев деревьев, если заведомо известно, что даже при ядерных взрывах такой радиоактивности не бывает?

— Мама, мы пришли! — крикнул Витька.

Надя вышла в сени, начала раздевать Машку.

— Ну что, набегались?

— Мама, я пушку нашел! — сказал Витька. — А у деда еще таких игрушек нету?

— Не знаю. Спроси у него.

Торопливо скинув ботинки, Витька бросился на кухню.

— Деда, я пушку нашел!

— Ну, ты прям сыскарь! — усмехнулся дед. — Хочешь с нами посидеть?

Витька в сомнении оглядел следы пиршества: початые бутылки, остатки еды в тарелках, винные лужи на клеенчатой скатерти.

— Не, пойду поиграю.

— Ну вот! — расстроился дед. — А баба Марина ради тебя расстаралась. Попробуй хоть яички в майонезе. Или вот конфетки...

— Оленину попробуй! — встрял отец. — Такого уж точно нигде не увидишь.

Витьке сунули под нос тарелку, быстро накидали туда всякой всячины и стали умильно любоваться, как он ест. Поставив пушку между своей тарелкой и белым фарфоровым чайником, Витька уныло отрезал себе вилок кусок холодца.

— Слышал про Тунгусский метеорит, сын? — спросил его отец.

— Слышал, — ответил он, медленно жуя холодец.

— Вот еще горчички возьми, — подсказала баба Марина. — В горчичке-то самый вкус!

— Дядя Илья его искать собрался.

Витька недоверчиво поглядел на геолога.

— Да?

Дядя Илья кивнул, задумчиво ковыряя в зубах.

— А там правда были инопланетяне? — жадно спросил Витька.

— В некотором роде, — серьезно кивнул дядя Илья. — Если ты про разумных осьминогов, то их мы, конечно, не найдем. Но что-то инопланетное там есть. Такие шарики, похожие на икру, только немного меньше. На долю миллиметра. Никто пока не знает, что это. Может, яйца насекомых из космоса. Чем черт не шутит? — усмехнулся он. И, обращаясь уже ко всем, продолжил: — Позавчера был в Горном институте. Поговорил там с обогатителем. Он мне сказал, что задача ему ясна, но его интересует, как я подхожу к вопросу — платонически или по-деловому. Платоническая постановка его, мол, не интересует, а что касается деловой, то она определяется фразой: «Деньги, деньги, деньги», как завещал нам Отто фон Бисмарк. Понятно? Я ему в ответ: «Этой тенденции придерживался Остап Бендер». Он мне: «Ничего не имею против». Короче, схема обогащения встанет нам примерно в пять-шесть тысяч рублей.

— А я вот слышал, — сказал Витька, — что этот метеорит до сих пор не нашли, потому что это был инопланетный корабль и он самоуничтожился.

— Если б все было так просто, Витек! — вздохнул дядя Илья, плеснув себе водки. — Обломков нет, ничего нет. Не мог же он самоуничтожиться до последнего винтика.

— Почему?

— Ну, не бывает такого.

— А может, у инопланетян бывает!

Дядя Илья рассмеялся.

— Казанцева, что ль, начитался?

Витька недоуменно посмотрел на него.

— Ты что, «Пылающий остров» не читал? — удивился дядя Илья. — Ну, это ты зря! Что ж ты, Егор, от ребенка такую книжку утаил? Он у тебя Тунгусским метеоритом интересуется, а «Пылающего острова» не знает.

— Папа, купи мне «Пылающий остров»! — загорелся Витька.

— В библиотеку запишись да возьми, — невозмутимо ответил отец.

— А про летающие тарелки вы знаете? — снова повернулся Витька к дяде Илье.

— Слышал.

— Может быть, Тунгусский метеорит — это катастрофа тарелки?

— Если б мы знали, что такое эти тарелки, то могли бы ответить. Но ведь ничего ж не знаем! У нас их, Витек, пытаются представить в упрощенном виде. Дескать, досужий вымысел. В точности как с кибернетикой было и с генами. Никто не понимает, что это такое, вот и пытаются отмахнуться. Я как-то пересекся через общих знакомых с одним подводником. Он такого порассказал — глаза на лоб! Короче, явление загадочное. Надо разбираться.

— Батя, а ты веришь в инопланетян? — смеясь, спросил отец деда Сережу.

— Гога, какие инопланетяне? Марсиане, что ль? Нам бы на земле разобратся.

— А я когда-то любила фантастику читать, — сказала баба Марина. — «Аэлиту», Жюль Верна, Беляева, Грина. Наверно, все мы по молодости — романтики.

— Коммунист обязан быть романтиком! — воскликнул дядя Илья. — Как иначе? Я потому в геологи и пошел. Тайга, бескрайние просторы, звездное небо над головой, а вечером — песни у костра. Кто много странствует, тот неизбежно становится романтиком. Слишком много впечатлений, приземленный человек их не переварит. Кто у нас нынче ходит в главных мечтателях? Те, кто много путешествует. Казанцев тот же, палеонтолог Ефремов. Не

читали его «Туманность Андромеды»? Замечательная вещь! Или вот Визбор, мой коллега. Знаете Визбора?

— Слышал, — одобрительно кивнул отец.

— Удивительные песни пишет. Я спою одну, не против?

— Жги! — хлопнул его по плечу отец.

Дядя Илья сходил за гитарой, устроился поудобнее на стуле и пробежал пальцами по струнам.

— Ой, а где там Надежда запропастилась? — всполошилась вдруг баба Марина. — Илья, вы ее видели?

— Она в комнате с дочкой играет.

— Ну, слава богу!

Дядя Илья глубоко вдохнул и запел, глядя куда-то в потолок:

Кончен день морозный,
свет зари погас.
За соседним озером
ждет ночевка нас.

Дали карельских озер
будут нам часто сниться.
Юности нашей простор
в даях этих озер.

Не грусти дорогою,
что далек твой дом,
ты узнаешь многое
на пути своем.

— Вот как-то так, — сказал он, допев песню и поставив гитару на пол.

— Витька, хочешь геологом стать? — спросил отец. — Будешь есть деликатесы, как дядя Илья.

— Не знаю, — пожал плечами Витька.

— Да дело ж не в деликатесах, — засмеялся дядя Илья. — Дело в душевном горении. В мечте. Вот идешь ты по горам и долам и грезишь, что под ногами у тебя плещется нефтяное море. Откроешь его и дашь человечеству новый источник энергии. А энергия — это и полеты в космос, и научные открытия, и новые технологии. Аж мурашки по коже! Хотя приятно, конечно, иногда получить геологический заказ, спору нет, — ослабил он. И, с чувством потянувшись, вдруг воскликнул: — В счастливое время живем! Вот вы, старшее поколение, победили фашизм, а мы, ваши дети, построим коммунизм! Не можем не построить! Давно пора! Голова кружится от предвкушения!

— Тебе бы с трибуны выступать, — хмыкнул отец. — Дела у нас идут хорошо. Жить стало лучше, жить стало веселее.

— А мне нравится ваш оптимизм, Илья, — сказала баба Марина. — Действительно, зачем без конца жаловаться? Наша судьба в наших руках. Надо верить в лучшее!

— Делами надо заниматься, а не мечтать, — проворчал дед Сережа. — Для меня что бог, что эти ваши инопланетяне — одного поля ягоды.

— Может, бог — это инопланетянин и есть, — со смехом предположил отец. — Иначе как Христос воскрес?

Дед Сергей махнул рукой и разлил всем водки.

— За что пьем-то? — спросил он.

— За будущее! — ответил отец.

Все выпили, и дядя Илья опять схватил гитару.

Мы немало, товарищ, с тобою
Штурмовали суровых преград,
И опять на лесах новостроек
Наши песни сегодня звучат!

Это мы
Пробуждаем просторы земли!
Это мы
В небе новые звезды зажгли!
Слышишь голос гудков,
Слышишь шелест колосьев,
Слышишь песню станков?
Это мы!

— Ну, дай бог, дай бог, — произнес дед Сережа, вдруг как-то подобрев. — Может, и впрямь dokonчите, что мы не успели.

— А касательно Тунгусского метеорита вот что вспомнил, — сказал дядя Илья. — У Казанцева в том же «Пылающем острове» есть шаманка, пришедшая с неба. Я когда это прочел, меня как обухом ударило. Мне ж Смирнова, наш старший геолог, рассказывала, как лет двадцать назад в Туринском районе наткнулась на эвенкийский некрополь. Это такое поселение из чумов с мертвыми аборигенами. У них проводником эвенк был, ну и он строго запретил туда ходить. Вообще недоволен был, что они этот некрополь увидели. Эвенки же эти места тщательно скрывают даже от своей молодежи. С чего бы такая секретность, а? Может, и впрямь там кто-нибудь обитает? В Сибири вообще много удивительного. Территория-то огромная. Витек, слышал про лабынкырское чудовище?

— Нет, — замотал головой Витька. — Расскажите!

— Есть в Якутии такое озеро — Лабынкыр. Там обитает какое-то чудюдо. Якуты называют его чертом. По форме похоже на рыбу. Один рыбак, который видел его с плота, говорил, что расстояние между глаз у него метра два. Его часто видят охотники и геологи. Твердохлебов, например, целый отчет составил. Однажды это чудюдо даже собаку проглотило, которая погналась за уткой. Говорят, рыбаки как-то наткнулись на челюсть такого размера, что через нее мог проехать всадник. А еще был случай, когда во льду обнаружили рог странного вида. Но когда его начали доставать, лед с шумом обвалился, и все упали в воду. Никто пока это чудюдо целиком не наблюдал. Но оно есть! Там все озеро зимой в проталинах, через которые этот зверь дышит. Может, это последний динозавр или вообще неизвестное науке существо?

Витька слушал, раскрыв рот. Дядя Илья казался ему гостем из какого-то чудесного мира, полного загадок и удивительных вещей. А еще он пел такие песни, каких Витька никогда не слышал. Например, про Мадагаскар. Или про туристов. Или про снег. От них на душе становилось радостно и светло.

Часов в одиннадцать пришла мама и потребовала расходиться — Машке пора было спать. К тому времени на кухне остались трое: Витька, отец и дядя Илья. Дед Сережа и бабушка Марина ушли кормить скотину.

Витька заснул мгновенно. Ему снилось, что он пел песни дяди Ильи для одноклассников, а потом пришел отец и радостно воскликнул: «Витька, нашли Тунгусский метеорит! Ты был прав!»

Проснулся он от радостного вопля отца:

— Подъем, Витька! Наши в космосе!

Витька вскочил и очумело уставился на приплясывающего похмельного отца. Мама крикнула с другой кровати:

— Тихо ты! Машку разбудишь. Ну вот, разбудил...

Сестра, спавшая вместе с мамой, приподнялась на локте, хлопая глазами.

— Какой сон! Вставайте! Наш человек в космосе! — гремел отец, бегая по комнате.

— У тебя белая горячка, что ли? — крикнула мама.

— По радио передали, — задыхаясь от восторга, крикнул отец. — В десять будет экстренное сообщение.

— Господи, будить-то зачем? — простила мама. — Иди вон на кухню радуйся. Дай детям поспать.

— Эх, Надя, как ты не понимаешь! Это же такое событие! Такое событие!

— Все я понимаю. Дай поспать!

Отец с досадой махнул рукой и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Витька вскочил, кинулся в сени, сполоснул лицо из рукомойника и протопал на кухню. Отец пил чай с дедом Сережей и бабой Мариной. Вчерашнее пиршество так и стояло на столе, накрытое большим полотенцем. Пустые бутылки выстроили в ряд вдоль стены. По радио звенели народные песни.

— Доброе утро! — сказал Витька.

— Доброе утро! — улыбаясь, ответили ему старики.

— Что, разбудил тебя отец? — ласково спросила баба Марина.

Витька кивнул.

— Что ж ты, Гога, творишь-то? — сказала баба Марина отцу.

Тот вскочил со стула, подбежал к Витьке, взъерошил ему голову.

— Ты этот день всю жизнь вспоминать будешь, сын!

Глаза у него были красные, изо рта дурно пахло. Витька отшатнулся.

— А может, о чем другом сообщат, Гога? — спросил дед. — Может, война?

— Да какая война, батя...

— А где дядя Илья? — спросил Витька, подсаживаясь к столу.

— Уехал уже, — ответила баба Марина. — Завтракать будешь?

Витька кивнул. Баба Марина сорвала полотенце и открыла Витькиному взору две тарелки с наваленными на них остатками селедки и кусками мяса.

— Накладывай себе что хочешь. Или тебе положить? Вон тарелки над раковиной.

— Сам справится, — буркнул отец, барабанив пальцами по столу. — Не маленький уже.

Витька взял эмалированную белую тарелку, положил себе несколько кусков непонятно чего (то ли рыбы, то ли мяса) и начал есть, запивая чаем. Взрослые заговорили о своих скучных делах, и Витька ушел в себя, вспоминая вчерашние рассказы дяди Ильи. Вот же интересная жизнь у человека! Прямо как в книжках Жюль Верна.

— Папа, — сказал он. — Я тоже хочу быть геологом.

— Хочешь быть геологом — будь им! — радостно откликнулся отец.

Через час пришли завтракать мама и Машка. Старики сразу куда-то заторопились, а Витька воспользовался случаем, чтобы улизнуть в комнату, где его ждали найденные вчера грузовик и пушка. Он попросил у мамы тряпку, чтобы оттереть их от грязи. Дело затянулось. Увлечшись, Витька и не заметил, что прошел час. И когда ровно в десять раздался голос Левитана: «Внимание, говорит Москва!» — он вздрогнул и замер над бочкой с ледяной водой, боясь пропустить хоть слово.

— Витька, беги сюда скорее! — крикнул отец.

Кинув недомытые игрушки рядом с бочкой, Витька метнулся на кухню.

Левитан говорил всего минуты две. А затем началось нечто невообразимое: торжествующий вопль отца, звон стаканов, объятия появившихся откуда-то стариков, улыбка мамы и недоуменный вид Машки, не понимавшей, отчего все пошло с ума. Витька тоже прыгал и орал, радуясь великой победе советского народа. Человек в космосе! Вот это да! И как все

удивительно совпало: вчерашние рассказы дяди Ильи и полет первого космонавта! «Какой отличный день! — думал Витька. — Самый лучший день в моей жизни! Жаль, что Ленин до этого не дожил».

Глава двадцать третья

Утром перед уроками во всех классах объявили, что в понедельник привезут гуманитарную помощь из Америки и ФРГ. Все, кто хочет, смогут взять у завхоза. Под запись. Девки сразу стали выяснять, есть ли там косметика. А Сиверцев авторитетно сообщил, что в эфэргэшных упаковках раздают натовские консервы. Будто бы директриса об этом говорила с завучихой.

На осенних каникулах он слетал в Египет и теперь поражал всех коричневой кожей. В Москве была непроглядная серость, то и дело в окно барабанил дождь со снегом, под ногами чавкала слякоть, а этот путешественник шелушился от загара. Ну не гад ли? Понятно, что не Сиверцев был в этом виноват, у него отец — коммерс, замутил турфирму с турками, вот и при деньгах, — но другим-то не легче. Молчал бы уж, и так всех бесит своим отдохнувшим видом.

Учитель географии — практикант из педвуза — так проникся его экзотической внешностью, что вместо проверки домашнего задания предложил ему выйти к доске и рассказать о путешествии. Игорь вышел и рассказал. Одноклассники мрачно слушали, не задавая вопросов. Володьке вспомнился его собственный провал с Болгарией, и он сжал кулаки.

Иногда он прямо ненавидел Сиверцева. Когда-то они сошлись на любви к книжкам, но затем разругались, потому что папана Игоря заподозрил Володькиного отца в причастности к гибели его брата, с которым отец хотел делать кооператив по поставке компьютеров. Когда Игорь озвучил Володьке эту версию, тот ему чуть не врезал. Но рыжий был не боец, хоть и крикун изрядный, связываться с ним было запахло. И вообще не в том дело. Просто Игорь не хотел отдавать проспоренные деньги, отмазывался, гад, вот и все. Володька сказал ему об этом, но Игорь, конечно, изошел говном.

И вот теперь, слушая, как рыжий распинается о своей замечательной поездке, Володька наливался злостью. Бывают же такие придурки, которым просто везет по жизни!

Наконец учитель остановил его.

— Так какое у тебя общее впечатление от Египта? — спросил он, глянув на часы.

— Думаю, лет через двадцать это будет процветающая страна, — радостно отрапортовал Сиверцев.

— Хорошо. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов не последовало. Сиверцев, улыбаясь, прошагал на свое место.

Следующей шла история. Ольга Михайловна вывесила на доске большой лист ватмана с каким-то графиком, похожим на горные пики. Снизу вверх, словно обозначая уровни, график пересекали загадочные фразы: «Неспособность удовлетворить вождения», «Неспособность регулировать вождения», «Жизнь тихого обывателя, адаптированного к биоценозу» — и так далее вплоть до «Жертвенности» на самом вершине. Еще там были какие-то непонятные цифры и английские буквы, как в уравнениях, а понизу красовалась графа «фазы этногенеза» и следовали названия: «подъем», «акматическая», «надлом», «инерционная» и самое непонятное — «обскурация».

— Ребята, сегодня я расскажу вам о великом ученом Льве Николаевиче Гумилеве! — начала учительница с придыханием, прямо как та тетка, что вещала в Якутии про Порфирия Иванова. — Лев Николаевич был сыном великих поэтов Серебряного века Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Его

долгое время преследовали за взгляды и за родителей. Может быть, вы слышали: Николая Гумилева расстреляли большевики! А Лев Николаевич трижды сидел в лагере! Но эти испытания не сломили его. После смерти Сталина он начал писать труды о развитии этносов. Его теорию долгое время не признавали, над ним смеялись, но Лев Николаевич продолжал работать, и вот теперь благодаря перестройке его книги стали издаваться, а сам он выступает по телевидению. Наверно, вы видели его лекции по ленинградской программе. Если не видели, обязательно посмотрите! Они совсем не скучные. Лев Николаевич открыл, что историю двигают энергичные люди. То есть люди, которые думают не только о том, как бы поесть и поспать, но и о чем-то высшем. О дальних странствиях, о завоеваниях, о научных открытиях, о шедеврах в искусстве. Их всегда очень мало. Он назвал их пассионариями. И вся его теория получила название пассионарной. Когда таких пассионариев становится много, рождается новый народ. Этот народ проходит определенные фазы в своем развитии — вот они, на графике. Постепенно число пассионариев снижается, и тогда народ умирает. Мы сейчас как раз находимся в фазе, когда пассионариев становится все меньше и меньше...

— То есть мы умираем? — спросил Володька со страхом.

— Да, — удрученно подтвердила Ольга Михайловна. — И это неизбежный процесс. Да вы сами можете убедиться. Где наши пассионарии? Когда-то наши предки покорили Сибирь и победили в войне. А теперь чем мы заняты? Вот, например, в вашем классе отсутствуют сразу пять учеников. Где они? Им даже лень прийти сегодня в школу!..

— Они деньги зарабатывают, — сообщил Игорь.

— Тем более! Все мысли — о деньгах! Кто из вас ставит большие цели? Вот вы, девушки, — о чем вы мечтаете, кроме удачного замужества?

Володька ожидал, что девки начнут перечислять, но нет! К его изумлению, они молчали, причем с таким видом, будто им вообще было невдомек, о чем еще можно мечтать. Тупые курицы! Неудивительно, что страна рушится.

— А Союз распадется? — вдруг спросил Сиверцев.

— Так он уже распался, — ответила Ольга Михайловна. — Разве не видишь?

— И что будет дальше?

— Поживем — увидим.

— А вы верите, что КПСС будут судить? — спросила белобрысая Илюхина.

— Надеюсь, — жестко ответила Ольга Михайловна. — Давно пора.

Ученики оживились, обрадованные, что вместо урока можно просто поболтать. «А вы за Ельцина или за Горбачева?», «А где вы были девятнадцатого августа?», «Вы верите, что Талькова убил охранник Азизы?», «Нам теперь в республики по визам придется ездить?», «А вы слышали про предсказания Эдгара Кейси?», «А правду говорят, что СПИД придумали американцы?»

После урока Ольга Михайловна подозвала Володьку и сказала:

— Я думаю, тебе будет полезно вот это прочесть. Но с возвратом. — Она протянула ему книжку в голубой обложке.

«Конец и вновь начало», — прочел Володька. Над заголовком красовалось имя автора — Л.Н. Гумилев.

— Спасибо! А здесь говорится о пассионариях?

— Разумеется. Потому и даю тебе эту книгу.

— Спасибо, Ольга Михайловна!

Суббота — сокращенный день, поэтому домой Володька вернулся уже к двенадцати. Тетя Нина пекла в духовке лепешки. С хлебом в последнее время было туго, зато мука имелась всегда — как и гречка, пшено и другие крупы, стоявшие в шкафу возле раковины.

— Ну, как занятия прошли? — спросила тетя Нина, вытирая со лба белую полосу от муки. И сразу же, без перехода: — Ты голодный? Там суп в холодильнике.

— Угу, — ответил Володька, открывая холодильник. — Послезавтра нам гуманитарную помощь привезут. Мне брать?

— Спрашиваешь! А что за помощь? От кого?

— Американская и немецкая.

— И что там будет?

— Не знаю. Сиверцев говорит, что фээргешные. Армейские. А еще Ольга Михайловна, историчка, книжку мне дала. Про развитие народов.

— О как! Уважает она тебя! Слушай, Володя, отец ушел в универсам, а я совсем забыла его попросить в булочную зайти. Вдруг хлеб завезли? Можешь сбежать?

Володька, и без того злой, совсем остервенился.

— А обязательно сейчас? — нервно сказал он. — Мы что, день не проживем без хлеба?

Тетя Нина вздохнула.

— Ну, не иди, раз устал.

Володька сразу потух.

— Ладно, схожу. Только там сейчас перерыв на обед.

— А ты к концу перерыва подойди. Но там, наверно, очередь будет.

— Будет, — согласился Володька.

В последнее время булочную приходилось брать приступом. Как ликероводочные недавно.

Из приоткрытой дверцы духовки сочился дымок. Тетя Нина, вся в муке, раскатывала тесто. Володька разогрел себе рассольник в кастрюле и налил в тарелку.

— Так что в школе-то было сегодня? — спросила тетя Нина.

— На географии Сиверцев рассказывал про отдых в Египте, — ответил Володька, осторожно ставя тарелку с горячим супом на стол. Тетя Нина помыла руки и села отдохнуть, облокотившись на книжку Ельцина «Исповедь на заданную тему», которая лежала на краю стола. Отцовское чтение.

— Ого! И чего рассказывал?

— Да так, всякое.

Он вкратце передал все, что запомнил из рассказа Игорька. Со своими комментариями.

— Да, — вздохнула тетя Нина. — Ну, ничего. Может, и мы куда-нибудь выберемся.

Володьке захотелось сказать, что, если бы отец не ухнул все деньги в кооператив и деревенский дом, они бы тоже могли кататься по Египтам, но он промолчал.

В таком настроении он отправился в булочную.

Во дворе лежали перевернутые мусорные баки. На один из них кто-то криво наклеил альбомный лист с красной эмблемой в виде серпа и молота, поверх которой шел текст черными чернилами: «Люди труда! Президенты-антисоветчики довели страну до неслыханного позора. Бешеные цены, голодуха, унижение в поисках пищи. Братоубийственная война — вот что принесла народу лжедемократия. Народ грабят. А ТВ твердит: альтернативы нет. Хватит терпеть ложь и издевательство!...»

Вокруг валялась всякая дрянь: поломанные доски, смятые железные банки, какое-то тряпье, а еще замызганная, порванная книжка «Материалы XXVII съезда КПСС». В мусоре деловито копались голуби.

Володька вышел к дороге и зашагал по тротуару вдоль шоссе. Тут и там, невзирая на обеденный перерыв, у магазинов стояли очереди. Володька миновал «Кондитерскую», «Овощи-фрукты», «Промышленные товары», привычно читая на стенах домов надписи, оставшиеся после путча: «Забил заряд я в тушку Пуго», «Кошмар! На улице Язов!» и тому подобные. А вот надпись в честь погибших — «Ребята, мы не забудем вас никогда!» — была

теперь закрыта рекламой какого-то ТОО «Интерсервис». На кабинке телефона-автомата кто-то вывел углем: «Не нервничай. Начальство не имеет права нервничать. В.И. Ленин». В жилом доме на нижнем этаже рабочие приваривали к окну решетки. На балконах громоздилась разная рухлядь: велосипеды, ящики, даже корыта. Раньше люди там ставили горшки с цветами или пили чай, а то и просто дымили сигаретами, поглядывая на суetyащихся внизу людишек. А теперь почему-то все резко начали использовать балконы под склады. С чего вдруг?

Булочная находилась в торце жилой девятиэтажки. До конца перерыва оставалось пятнадцать минут. У стеклянной двери, точно детеныши возле материнского соска, сгрудилось человек тридцать, в основном мужиков. Никакой очереди никто не соблюдал, да ее и не было. В последний раз, когда Володька брал хлеб, ему даже не удалось прорваться к кассе — оттеснил какой-то наглый тип, вставший впереди. Володька тогда так обиделся, что просто взял с полки два батона и ушел. Никто этого и не заметил.

Протиснуться ко входу было уже нереально, поэтому Володька встал за двумя мужиками, один из которых, смоля папиросу, хрипло жаловался другому:

— Уже до ячневой каши дошли. Как в войну! Ельцин, сволочь, ругал Павлова за повышение цен, говорил, что без этого обойдется, а сам? Одно вранье кругом.

— Читал, что в «Независимой» пишут? — отвечал ему другой, в сером пальто и вязаной синей шапке, грея руки в карманах. — В декабре, мол, будет переворот.

— Конечно! Гнать надо такую власть!

— А в универсаме видал? Отгородили отдел игрушек под коммерческие товары. Ходил тут с дочкой, обалдел. Машинки на батарейках — семьсот пятьдесят и девятьсот, кровать для заграничной куклы — две девятьсот. Я сначала глазами не поверил, думал, зрение подводит. Катька разнылась, купи да купи. Ну, я выгреб у себя семь с полтиной, а продавщица мне: «Эта вещь по три тыщи идет». Чуть не пришиб ее там. Хоть на Кремль иди с булыжником.

Стоявшая впереди женщина повернулась к ним:

— С нового года все будет по коммерческим ценам. И никаких карточек. Видели, почем на углу торгуют? Масло — сто рублей, сметана — двадцать восемь, творог — двадцать четыре. И так теперь все будет стоить!

— И ведь берут же, берут! — подивился куривший.

В этот момент открылись стеклянные двери, и толпа селевым потоком начала втягиваться внутрь. Перед Володькой откуда ни возьмись появился какой-то дед в шинели, увешанной боевыми наградами.

— Ветерана пропустите! Пропустите ветерана!

Люди будто и не слышали. Расступаться никто не подумал. Тогда ветеран начал работать локтями, больно ткнул Володьку в бок. Володька, разъярившись, ответил тем же.

— Эй, молокосос! Смотри, куда прешь!

— Кому еще смотреть надо!

— Я за тебя, сопляка, воевал! — горько воскликнул дед.

У Володьки совсем помутилось в голове. Стиснутый со всех сторон, он рывкнул:

— За коммунистов вы воевали! Что они хорошего нам дали? Вот это, что ли?

Дед как-то сразу спекся.

— Ну-ну. Может, вы лучше сделаете. А мы все хотели побыстрей, чтоб вам хорошо стало. Видать, не вышло. Дай бог, чтобы у вас вышло...

— Надел свои цапки! Думает, самый крутой, — рычал Володька, не слушая его.

Никто не отреагировал на этот разговор. Народ, забыв обо всем, пер на запах хлеба.

Батоны лежали на открытом прилавке, их можно было уносить просто так, никто бы не почесался, но люди честно стояли в кассу, и Володька стоял тоже. Он же не вор!

Пока добрался до прилавка, пока заплатил, градус ярости в нем поднялся еще выше. По дороге домой, крепко сжимая пакет с батонами, злорадно вспоминал, как ловко отшил деда. Так ему и надо, козлу! Воевал он, видите ли. Нечего медальками бряцать.

На лестничной площадке опять выкрутили лампочку, и Володьке пришлось стучать в дверь, потому что звонок он так и не нащупал.

— Принес! — радостно выпалил он, триумфально потрясая добычей, когда тетя Нина открыла ему.

— Ну, слава богу! А отец курицу добыл. Живем! Ты не голодный еще?

— Не. Потом.

Раздевшись, Володька протопал на кухню, кивнул отцу, который хмуро хлебал рассольник.

— Привет!

— Привет, — мрачно ответил тот. — Достал хлеба?

— Достал, — сказал Володька, наливая себе чай.

Тетя Нина вернулась на кухню, села на стул и спросила, продолжая прерванный разговор:

— Ну, так что там?

— Земляникин вчера анекдот толкал в столовке про кагэбешников, — сказал отец. — Они же все в серых костюмах и коричневых ботинках ходят! И тут Брутян как заорет: «Ребята, я там на самой безобидной работе, в общем отделе состоял!» Мы и не поняли сначала. А потом смотрим: у него из-под серых брючин коричневые ботинки выглядывают. Вот так работаешь-работаешь с человеком...

— Да, — покачала головой тетя Нина. — Все тайное когда-нибудь становится явным.

Володька утопал в комнату и открыл книжку Ольги Михайловны. Краем уха услышал, как тетя Нина сказала отцу:

— У Володи в школе гуманитарку раздают. Вроде бы из ФРГ. Под подпись.

— Дожили. Кто кого победил, спрашивается.

— Да. — Она помолчала. — Ну, так что с налогом будем делать, Виктор? Мы ж не можем его «машуковками» платить. А еще Володе за карате тоже деньги нужны.

«Машуковками» назывались талоны, которые ей и отцу выдавали на работе, чтобы отоваривать их в ведомственном магазине. Живых денег не было, поэтому главный бухгалтер Машукова выписывала талоны и ставила на них свою подпись с печатью.

Отец закричал и выдал:

— Придется продавать дом. И из геологии уходить, судя по всему.

Володька наострил уши.

— Не отчаивайся, Виктор, — произнесла тетя Нина. — Мы же живы и здоровы. Это главное. Пока работают руки-ноги и соображает голова, все поправимо.

— Да что поправимо! Все коту под хвост! — воскликнул отец. — Одни беды нам от этого дома.

— Ну что уж теперь! Все ошибаются... Зато вот квартиру приватизировали.

— Мой грех — верил я Горбачеву, — горько произнес отец. — И Ельцину верил. А они там — одна банда.

— Если продашь дом, мы ведь можем какое-нибудь дело открыть. Сейчас это легко.

— Какое дело? Я уже с одним обжегся.

— Там не вышло, в другом месте выйдет.

— О чем ты говоришь, Нина? Все рушится, рушится!

— Ну, вон Жанка Ставинская с мужем пошивочный цех открыли. А чем мы хуже?

— Я уже ни во что не верю, Нина. Никому и ни во что.

— Давай не будем паниковать, — мягко произнесла тетя Нина. — Это не конец света.

— А что это, Нина? Что? — большим голосом выкрикнул отец. — Мне скоро на пенсию. Надеялся хоть дом свой занять. Ради чего я вкалывал всю жизнь? Чтобы все этим сволочам досталось? У меня уже нет времени менять свою жизнь. И сил нет, Нина. Никаких нет сил.

Они замолчали, Володька вздохнул и задумался. Ему было жаль отца. Того и так затюкали в милиции, пока велось следствие. За этот год отец постарел лет на десять. Мало того что потерял деньги, вложенные в кооператив, так еще и трясся за свою жизнь, боялся, что пристрелят, как Сиверцева. Сначала боялся в целом, потом запаниковал конкретно, узнав, что Сиверцева пристрелили из-за бывшей жены и не поделенного с ней ребенка. Ему стало мерещиться, что Володькина мама тоже так сделает: отыщет его и наймет бандитов. А может, уже наняла? «Виктор, ты слишком сгущаешь», — говорила ему тетя Нина. «Тебе-то легко говорить — за тобой не охотятся». Полный абзац.

На работе тоже складывалось хреново. Начальство гнобило, и зарплату не платили. Но отец сам был виноват — слишком размахнулся: и кооператив создал, и дом купил, и с работы уходить не хотел. Вот и остался у разбитого корыта. Володька однажды сказал ему это, того аж перекосило от злости. «Ишь ты, какой умный! Посмотрю я на тебя, когда сам решать начнешь».

А вообще Володька был рад, что с домом все накрылось. Не придется туда ездить. Тетя Нина права: руки-ноги есть, голова работает — прорвемся!

На кухне долго молчали. Потом раздался шум воды, бьющей из крана, — тетя Нина начала мыть посуду, а отец ушел в большую комнату. Володька услышал хруст газеты, затем как бы из пустоты родились голоса (отец включил радио).

— ...И это удивительное сочетание твердости и женственности — вот что подкупало в ее судьбе, — зарокотал чей-то баритон. — В одном из интервью она сказала: «Для меня смысл войны с фашизмом в защите материнства и женственности». Она ведь начинала с каких-то совершенно романтических виршей. И вот эта воздушная девочка по собственному желанию идет на фронт. Разумеется, в этом желании тоже, наверно, было много от романтических грез, но ведь война не сломала ее. А значит, где-то внутри уже сидел тот стержень, позволивший ей выстоять в испытаниях...

— Да-да, — подхватил другой голос, женский. — Суровая правда жизни как-то совмещалась в ней с лиричностью. Кроме нее наверно, только Окуджава так умел. Вспомним ее четверостишие, вошедшее во все сборники:

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

— Да, хрестоматийное стихотворение. Стоит отметить, что, несмотря на весь свой военный пафос, Юлия Владимировна не влилась в стройный хор обличителей перестройки, в котором было немало известных имен. Хотя бы

Распутина или Белова. Она переживала за происходящее, защищала ветеранов и память о войне...

— Белый дом защищала!

— Да. Ну и нельзя забывать, что ее мужем был Алексей Каплер, которого советская общественность знала как ведущего «Кинопанорамы», а ведь он дважды сидел в лагере! Согласитесь, это не могло не наложить отпечаток...

— Безусловно. И вот эта разорванность между двумя, я бы сказала, разнонаправленными традициями — патриотической, которая часто приводит к сталинизму, и правдоискательной, — она, очевидно, и саму Юлию Владимировну не отпускала до конца. До самого финала. Сначала — защита Белого дома, а спустя три месяца — трагическая гибель...

— Да. Напоминаю, что мы на «Эхе» обсуждаем жизнь и творчество поэтессы Юлии Друниной, ушедшей от нас позавчера...

— И это огромная, просто гигантская потеря! Я бы назвал ее оскалом истории. Женщина, пережившая войну, не смогла пережить перестройку.

— Скорее, крушения идеалов. Крушения страны. Что обращает на себя внимание — способ, каким она это сделала. Задохнуться в гараже выхлопными газами — кажется, ее в итоге настиг тот фашистский газенваген, от которого она спасала мир...

— Сволочи! — вдруг выкрикнул отец. — Какие же вы сволочи!

Глава двадцать четвертая

«Люда, твою посылку получила! Огромное тебе спасибо. Все дошло в сохранности. Только оливковое масло-то зачем? Я ж не знаю, как на нем готовить! Ты бы лучше растительного выслала, дочка.

Взяла такси, чтобы довезти все до дома, а проезд, оказывается, уже четыре рубля за километр. О чем думают? И раньше-то никто не ездил по таким ценам, а теперь и вовсе. Бутылки стали дороже кефира! Идут по три рубля. В буфете КАИ какие-то типы сотнями скупали бутылки с кефиром, а кефир выливали в канализацию, чтобы легче было нести. Дожили!

Как у тебя дела? Как Михаил? Слава богу, что у тебя все так устроилось! Все вспоминаю, как была у вас в Москве. Стеллочка такая кроха была. Эх, посмотреть бы, как она ходит!

Деньги мне не шли! Сейчас в ходу местные купоны, ими даже на базаре торгуют, по рублю за штуку. У меня этих купонов больше чем на 200 рублей. Правда, в хлебном уже второй раз их не спросили. Верят в деньги. А я по телевизору слышала, что Россия собирается выпускать свои банкноты. Признают их здесь или нет — неизвестно. В марте будет референдум. Хотят у нас сделать независимое государство. Как Казанское ханство. Татарскую программу телевидения уже невозможно смотреть — почти все передачи на татарском. Лишь бы не было войны! Тут по телевизору сказали, что в Нагорном Карабахе идут ожесточенные бои. Бои! Раньше так про Великую Отечественную говорили. Слава богу, хоть борьба за престол не будет. Сегодня передали, что от династии Романовых осталось еще человек 30, но в наследники престола никто не годится, в том числе и недавно умерший Владимир Кириллович, так как у всех у них морганатические браки.

А как тебе Украина? Кравчук совсем ополоумел, хочет забрать весь Черноморский флот. Флот создавался Россией, героями его были русские, а Крым стал украинским только по воле дурака Хрущева.

Помнишь, я олимпийские рубли собирала? Говорят, на них цены взлетят скоро. Вроде бы в Киргизии за 10–12 металлических рублей (обычных) уже дают спортивный костюм «Адидас», а за 200 — автомобиль.

А еще у нас швейная фабрика напротив Кремля сгорела. Оказывается, там был военный склад. А может, опять к фейерверку готовились. 6 января был большой салют — наверно, в честь Рождества. Пиротехнику девать некуда. Или следы замечают, как в Приморье. Сплошное воровство.

По первому каналу передали, что центральные газеты в Татарии теперь будут стоить от 5 до 7 рублей. Но в киосках их нет совсем. Продавица сказала, что из-за нехватки бумаги, 30 тысяч за тонну. Рассылают только подписчикам.

Была в гастрономе на Баумана. На весь магазин два вида мяса и два — колбасы. Сравнительно дешево: мясо 25 и 30 рублей, колбаса 35 и 40, но покупателей нет. Зато стерлядь из-за неразберихи с ценами стоит примерно одинаково везде — 25 рублей за килограмм.

Ладно, на этом заканчиваю. Какое-то сумбурное письмо у меня получилось. Ты там бог знает что подумаешь, наверно. На самом деле все не так плохо, пенсия приходит регулярно, и вообще пенсионеры сейчас в самом выгодном положении. В Москву не хочу ехать, не зови. Тут я у себя, все знакомое, всех соседей знаю, а там у вас что? Митинги и стрельба на улицах. Мне за тебя боязно, Люда. Пиши чаще! А лучше — звони! Целую, обнимаю тебя и Стеллочку!

*Мама.
27 февраля 92 года».*

Людмила, прочитав это письмо, с досадой покачала головой. Ну что за блажь — сидеть в Казани! «Тут у меня все знакомое». Глупость какая! У нее там все знакомое, а ты здесь с ума сходишь. А если они там и правда объявят суверенитет? Вон уже в Свердловске поговаривают о своей республике и даже деньги придумали — уральские франки. Дурдом!

Людмила убрала письмо в верхний выдвижной ящик комода и тихо прошла в детскую. Ирка сидела на полу рядом с кроваткой и читала про себя «Крестьянку». Людмила, облокотившись о косяк, с умилением посмотрела на спящую дочку. Худенькая, бледненькая, с пышной копной темно-русых волос — в кого она такая? Лишь бы не в отца! Вспоминать тот мимолетный эпизод в своей жизни Людмила не хотела. Хотя и с формальным отцом — Силантьевым — вышло немногим лучше. Ох, хоть бы с Хвостовским все получилось!

Ирка почувствовала ее взгляд и подняла глаза. Людмила улыбнулась и кивнула в сторону гостиной. Ирка отложила журнал.

— Ну как было вчера? — шепотом спросила она Людмилу, выходя из комнаты. — Вы обещали рассказать.

— Отвратительно было, — ответила Людмила, плюхаясь на диван. — Я все думаю-думаю... Этот Пошкус — мерзкий тип... будь добра, Ирочка, принеси семечки.

Ирка метнулась на кухню и вернулась с кульком семечек и блюдцем. Людмила взяла у нее кулек, осторожно положила его на журнальный столик. Плебейская привычка, как говорит Хвостовский. Ну и пусть. Должны же у нее быть какие-то слабости.

— Пошкус уже с новой. Типичная шлюшка. Куда моложе прежней. О чем только мужики думают? Красота пройдет, а ума-то не прибавится. А если еще и залетит от него, так вообще сможет деньги сосать до совершеннолетия ребенка.

— А почему мерзкий тип? Он вам делал какие-то намеки?

— Ох... вид у него... мерзкий.

Людмила мысленно вернулась во вчерашний день, когда муж свозил ее в театр «Эрмитаж», на презентацию какого-то страхового общества. Вульгарность происходящего шокировала даже ее, привыкшую уже ко всему. На

обочинах выстроились в ряд черные BMW и «мерседесы», половину гостей составляли сутуловатые личности с золотыми зубами и широкоплечие громилы в малиновых пиджаках, а на сцене плясали обнаженные девки с выстриженными в виде чубчиков лобками.

— Шоу «Горячие лошадки»! — захлебываясь от восторга, представил их ведущий.

Пошкус как-то неприлично быстро набрался и слюняво проорал стоявшему рядом Хвостовскому:

— А вот на празднике «СПИД-Инфо» на столе сидела баба с голыми сиськами и ела крендели в виде членов, га-га!

Потом его совсем развезло, и, когда все вышли на мороз смотреть салют, он вдруг начал отпускать Людмиле комплименты:

— Людмила Геннадиевна, вы прекрасно смотрите с Михаилом Анатольевичем. Прекрасно! Прежний ваш муж... запечатывал, как его зовут?... он был вам, простите, не пара, совсем не пара. Василиса Прекрасная и Кашей, хе-хе. Да еще с подмоченной репутацией. Мне было прямо-таки жаль на вас смотреть...

— Так не смотрели бы, — огрызнулась Людмила, — Его подмоченная репутация не мешала вам сотрудничать с ним, Юргис Йонасович.

Хвостовский поспешил обнять ее за талию.

— Кто старое помянет, тому глаз вон!

Но Пошкус уже обиделся.

— Очень лихо вы от него избавились, Людмила Геннадиевна. Я бы так не смог.

— Оставьте мою личную жизнь в покое, Юргис Йонасович, — холодно ответила Людмила, запахиваясь в накинутую на плечи песцовую шубу. — Я же в вашу не лезу.

— Еще бы вы лезли в мою личную жизнь!

— Юргис Йонасович, — вмешался Хвостовский, — давайте еще раз обсудим наше дело. Ты не против, дорогая? Мы отойдем на несколько минут. Не заскучаешь?

— Не заскучаю, — ответила Людмила и прошествовала обратно в театр.

— Он же вел дела с Олегом Максимовичем. Видимо, потерял большие деньги из-за его ареста, — предположила Ирка, выслушав Людмилу.

— Но я-то тут при чем? Это же не я упекла Силантьева.

— Он вообще очень мнителен. Разве забыли?

— Больной он, вот кто!

— А почему Михаил Анатольевич за него так держится?

— У Пошкуса есть канал для вывоза цветмета за границу.

Хвостовский захлеб рассказывал ей об этом по пути домой.

— С прибалтами еще нет границы, а значит, ни налогов тебе, ни пошлин, ни лицензий. Лепота! Пока калитка не захлопнулась, надо этим пользоваться. У меня есть выходы на ВПК, у Пошкуса — покупатели в Эстонии и Латвии. Он же сам оттуда. Вернее, из Литвы, но не суть. Все они там — одна банда, чухонь белобрысая. Толкаешь цветмет в Прибалтику, оттуда он идет в Европу. Наш титан в двенадцать раз дешевле японского. Соображаешь? Это такой навар, что мама не горюй. Время-то какое настало, Люда! Золотое время! Кто сейчас поднимется, тот потом за ниточки дергать будет. Удача сама в руки идет. Скоро приватизацию объявят, тогда капитал можно будет в производство пустить! Заводы, фабрики, нефтяные вышки — бери, сколько унесешь. Будешь женой миллионера, ха-ха! Это не сказки, Люда, а самая натуральная быль!

Людмила пыталась представить себе эту новую реальность, но не могла. Яхты, самолеты, собственные острова... Это все было где-то там, в западных фильмах и «Санта-Барбаре», а пока за окном «тойоты» пронеслись

киоски с импортной мелочью, наперсточники, развалы домашней дребедени на снегу, завлекательный импорт в витринах, фургоны со снедью, реклама вечерних ресторанов, бань и похоронных услуг, сеансов целителей и экстрасенсов. А еще — ругающиеся люди в очередях, столики беспроигрышных лотерей с бойкими девицами, размалеванными под барышень-крестьянок, лотки, заваленные книгами о мушкетерах, Анжелике и Тарзане, вертлявые цыганки с сигаретами, помадой и шубами, нескончаемые церковные службы. И яркие афиши повсюду: «Московская любовь», «Синьора была изнасилована», «Ангелочек мстит», «Сбрось маму с поезда»... Сплошная американизация. И никакой милиции. Одна большая пьяная ярмарка.

— Миша, будь добр, больше не бери меня на встречи с Пошкусом, — попросила Людмила. — Он мне неприятен.

— А ты думаешь, мне приятен? Из-за этих прибалтов Союз развалился. Ничего, скоро назад запросятся. Куда они без нас? И чухонцы, и хохлы с грузинами, и чечены. У тебя знакомых чеченов нет? Жаль. Они сейчас хороший бизнес делают. Ну как бизнес... Штампуют пачками авизо и обналичивают. Прикинь! Просто, как все гениальное. Был бы у меня среди них свой Пошкус, ох я бы развернулся! Главное ведь что? Тогда бы деньги в Россию возвращались. Я им, допустим, списанные пушки, а они мне — рубли. Взаимовыгодный обмен.

— Ты чеченцам готов оружие продавать?

Иногда муж ее пугал. Она все больше понимала, что его импозантность и манеры — это лишь красивая упаковка, а внутри скрывается выжига не хуже Силантьева, разве что без дворовой лексики. Зато у него была своя, которая корбила Людмилу не меньше: «велкам», «крутой мейнстрим», «башлять на лом», «закрыть проект», «доволен, как слон». Все эти странные выражения выводили ее из себя. Так и хотелось сказать ему: «Говори по-человечески!» Но она сдерживалась, поскольку не убедилась еще в силе его чувств. С Силантьевым у нее тоже сначала было все серьезно, а чем закончилось? Вот и здесь — пока не родила от него, язык лучше придержать.

— Да оно все равно устаревшее, — сказал Хвостовский про оружие. — По конверсии так или иначе на лом пойдет. А ты думала! Как нас в вузе учили? Эпоха первоначального накопления капитала. Вот так и делались все состояния.

Ирка внезапно поддержала в этом вопросе Хвостовского.

— Но это же так и есть, Людмила Геннадиевна. Уж лучше пусть эти деньги будут у Михаила Анатольевича, чем у бандитов. Он же ими зарплаты платит.

— Ну, может быть... — рассеянно отозвалась Людмила. — Я же тебе главного не рассказала! Знаешь, с кем пересеклась на этой презентации? С Гвоздецкой. Помнишь ее? Раньше она меня в упор не замечала, не по рангу я ей была, а вчера сама подошла, да еще такая радостная, точно мы с ней — старые подруги. Дрянь двуличная...

Гвоздецкая была в ярко-желтом твидовом пиджаке с широкими плечами и «дольчиками» в крупную полоску. Темно-рыжие вьющиеся волосы зачесала под героиню «Красотки». Черные лакированные туфли на узкой подошве очень гармонировали с колготками, но были совершенно не по погоде. Оно и понятно: водитель привез — водитель увез. По улице в таких зимой не ходишь. Людмила невольно позавидовала ее непосредственности. Сама она, учитывая сезон, напялила сапоги, да еще на высоком каблуке (для эффектности). А вот Гвоздецкая всегда словно заранее чувствовала, в чем прийти, — вкус у нее, что ни говори, был отменный.

— Люда, я так рада за вас с Мишей, — сказала она, белоснежно улыбаясь. — С Ларисой у него была не жизнь, а мучение. Мы с ним хорошие друзья, он много раз делился со мной проблемами. А что дети? Миша уже смирился с тем, что их оставили матери?

— Н-не могу вам сказать, не знаю, — пробормотала Людмила.

— Неужели Миша не говорил вам об этом? — продолжала щебетать Гвоздецкая. — Как же так?

Миша! Хм. Ну, учитывая возраст Гвоздецкой (лет на десять старше Людмилы), он вполне мог быть для нее Мишей. Но все равно — как-то несолидно. И провокационно.

— Со старшими он регулярно встречается, а младшего пока не видел. Но ему еще и года нет, это естественно, — сказала Людмила. — У меня у самой годовалая дочка.

— Да-да, я слышала! — откликнулась Гвоздецкая. — Такая прелесть! Ну и как вам живется всем вместе?

— Неплохо живется, — коротко ответила Людмила.

Втянувшись в этот разговор, она невольно вспомнила про Володьку и в очередной раз почувствовала стыд. Где-то он сейчас обретается? Она ведь совсем бросила искать его. Сначала отвлекла эпопея с переездом, потом тянулся развод Хвостовского, затем они сыграли свадьбу (в ресторане «Седьмое небо»!), а сейчас вот Хвостовский препирался с бывшей женой из-за Артурчика. Напоминать ему о Володьке было явно не ко времени. В одиночку же заниматься поисками сына Людмила не могла, потому что заботилась о Стеллке.

— Люда, а давайте будем на «ты», хорошо? — предложила Гвоздецкая. И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Ты не хочешь развлечься? Я планирую сходить на Гагарин-пати. Мне нужна компания.

— Ой, мне как-то не до развлечений. За дочкой надо присматривать.

— А разве у тебя нет няни? Да что я спрашиваю! Конечно, есть! Послушай, Гагарин-пати — самая модная вечеринка в Москве. Проходит в павильоне «Космос» на ВДНХ. Первая была в декабре, туда я не попала. Вторая намечена на апрель. Незабываемо! Это тебе не дискотека в ДК, а настоящая танцевальная ночь в европейском стиле.

— Да мне даже надеть туда нечего, — отбивалась Людмила. — Сто лет не была на танцах.

— Господи, надень, что нравится. Как будто там дресс-код! Ну, так что? Всю жизнь потом будешь вспоминать!

Вот же прицепилась!

— А в самом деле, — сказала Ирка, выслушав рассказ Людмилы. — Что плохого? Сходите, развеетесь...

— Ты не понимаешь, — сказала Людмила. — С чего вдруг она стала такой навязчивой?

— Потому что с вами теперь престижно дружить.

— Престижно?

— Конечно.

Людмиле не приходило это в голову.

— Миша, а ты откуда Гвоздецкую знаешь? — спросила она по дороге домой.

— Кто ж ее не знает! — хохотнул Хвостовский.

— И давно вы с ней на «ты»?

Хвостовский бросил на нее лукавый взгляд.

— Не помню. Давно пересекаемся на разных сборищах.

— А еще с кем ты пересекаешься? Из женщин, я имею в виду. Кроме Гуляевой, конечно.

Хвостовский еще раз натужно рассмеялся.

— Милая, это все неважно, поверь мне. Ты моя жена, и это главное.

— Ну да, ну да. А все-таки?

— Не помню. Тебе список составить?

Ответ Людмиле не удовлетворил, но развивать тему она не стала.

— А чего ты вдруг о Гвоздецкой вспомнила? — спросил Хвостовский.

— Она меня на дискотеку пригласила.

— А, ну, это как водится. Лариску тоже куда-то водила. Это у нее своего рода обряд посвящения в светскую жизнь.

В светскую жизнь! Какая еще светская жизнь в Москве, среди всех этих ларьков и сталинок? Это где-то там, в Париже или Нью-Йорке, ходят на рауты и устраивают балы. Она читала об этом у Сидни Шелдона. А здесь, в Москве? Что за ерунда?

— Еще она про Артура спрашивала, — сказала Людмила.

— И что спрашивала?

— Забил ты на него или еще борешься.

— И что ты ответила?

— Ответила, что ты на эту тему не распространяешься.

Хвостовский промолчал, но Людмила заметила, как сдвинулись его брови. Пожалуй, правильно она не стала напоминать ему о Володьке. Рано еще. Подождем.

Заплакала проснувшаяся Стеллочка. Ирка бросилась в комнату, и скоро оттуда зажурчал ее ласковый голос: «А это кто у нас проснулся? Это кто у нас сопельки распустил?» Людмила так и сидела в кресле, задумчиво барабаня пальцами по подлокотнику. Ирка вынесла запеленутую, припухшую со сна Стеллочку в комнату.

— Смотри-ка, кто у нас тут? Это твоя мама сидит! Давай помашем ей ручкой.

Людмила улыбнулась, встала с кресла, взяла дочь и немного покачала ее, заглядывая в глазенки. Стеллка удивленно поглядела на нее и опять ударилась в рев. Людмила вздохнула и вернула ее Ирке. Затем прошла в гардеробную, достала там с верхней полки подзабытый грузовичок, сдула с него пыль и нежно прижала к себе, как только что прижимала дочь. Покачала его, как дитя, перенесла в ванную, аккуратно вытерла влажной тряпкой от пыли, вернулась в гардеробную и поставила на прежнее место.

Глава двадцать пятая

Вход — десять долларов. Билеты продавали в будке возле арки с рабочим и колхозницей, там же их и проверяли.

— Уже забыла, когда была здесь в последний раз, — призналась Людмила, боязливо озираясь.

Освещенный прожекторами и разноцветными фонарями павильон «Космос» казался сказочным цирком, разбитым посреди темного леса, а стоявшая перед ним ракета выглядела звездолетом из фантастических фильмов. «Gagarin-party», — прочитала Людмила на афише возле павильона. Под надписью на зеленом фоне улыбался Гагарин в летном костюме.

— День космонавтики, — меланхолично заметила она.

— С добрым утром, подруга! — насмешливо отозвалась Гвоздецкая. — Береги карманы!

— Да у меня все в сумке.

— Тем более.

Гвоздецкая странно себя вела и еще более странно выглядела. Привыкнув к ее безупречному вкусу, Людмила была поражена, узрев спутницу в голубой болоньевой куртке, джинсовом полукомбинезоне и массивных черных ботинках. Вдобавок Гвоздецкая нацепила поясную сумку и сделала себе начес по молодежной моде. Уж не в притон ли она собралась?

Перед павильоном им пришлось немного потолкаться в говорливой, пропахшей сигаретами и одеколоном толпе, затем они просочились внутрь. Па-

вильон «Космос» бурлил. Среди спутников, космических станций и деталей ракет, под хаотично мельтешащими лучами прожекторов, в такт оглушительному буханию электронной музыки колыхалась толпа.

— Это что ж такое? — проорала Людмила.

— Это рейв, подруга! Музыка продвинутых людей, — ответила Гвоздецкая. Она небрежно скинула куртку в руки гардеробщику и танцующей походкой устремилась в зал.

На Людмиле была длинная облегающая блузка с поясом и свободная юбка до колен. Перед выходом она долго колебалась, что надеть, звонила Гвоздецкой, та ее успокаивала: «Да напяль что-нибудь. Лишь бы сидело свободно». Людмила злилась. Ну, кто так выходит в люди? «Напяль что-нибудь». Несерьезно даже. Но, оказавшись здесь, вдруг поняла, что Гвоздецкая не лукавила. Одеты и в самом деле были, кто во что горазд.

— Пойдем накатим для настроения, — предложила Ольга, дождавшись Людмилу возле какой-то большой круглой штуки с маленькими иллюминаторами. — Если будут угощать, не посылай сразу, присмотришь. Может, стоящий мужик, пригодится.

— Ты что такое говоришь? — ужаснулась Людмила. — Я же замужем.

Но Гвоздецкая лишь рассмеялась.

— Хорошая советская девочка, — иронично заметила она. — Смотри-ка, кто на вип-местах сидит. Не узнаешь? Это ж Леонов, космонавт. А рядом вроде бы Гречко. Чувствуешь, куда мы попали, Люда?

И пока Людмила проникалась этой мыслью, Гвоздецкая пролезла к стойке бара и спросила:

— Что у вас из коктейлей есть?

— Мартини-оранж, водка с соком, скрюдрайвер, — ответил бармен — молодой парень в зеленой футболке с рисунком, как на афише.

— А что так кисло? В лучших домах Филадельфии давно подают Б-52.

— Я не волшебник, я только учусь, — ответил бармен, смущенно разведя руками.

— Ну ладно, давай нам... Люда, ты что будешь?

— Ой, я не буду пить!

— Понятно. Дай нам два мартини-оранж, — крикнула Гвоздецкая бармену. — Без этого не расслабишься, — сказала она Людмиле. — Уж поверь мне.

— А ты часто в таких местах бываешь? — проорала ей на ухо Людмила.

— В таком — никогда. Да этот дискач и проводится всего второй раз. Круто, а?

Людмила ничего крутого не находила. Шум, свистоляска, обезьяньи кривляния, а глаза дикие-дикие, и лица такие перекошенные, будто в психушку попала. Зачем она сюда пришла?

— Как тебе мартини? — спросила Гвоздецкая.

Людмила пожала плечами. Мартини как мартини.

К ним подкатили какие-то мужики лет тридцати, завели разговор, но Гвоздецкая их отшила. Людмила была этому рада. Менее всего ей хотелось сейчас искать приключений на свою голову. Однако Гвоздецкая, как выяснилось, просто ждала кого-то помоложе. Когда спустя короткое время на смену мужикам явились юнцы с крашенными в кислотные цвета волосами, Гвоздецкая приняла их вполне благосклонно и разрешила заказать им с Людмилой еще по стакану мартини. Потом один из юнцов пригласил Людмилу потанцевать, и той пришлось согласиться, чтобы не мешать спутнице принимать ухаживания второго кавалера. Под звенящие звуки электроники, чувствуя уже легкое головокружение от выпитого, Людмила вышла на танцпол, и тут ее внезапно понесло. На нее накатила такая эйфория, что она захохотала. В самом деле, чего грустить? Она достигла всего, к чему стремилась:

завела семью и обеспечила себя до конца жизни. Не надо больше никуда карабкаться, к чему-то рваться, о чем-то грезить. Цель достигнута! Все позади. Авдеев, Жилка, Силантьев, Коростелев, Сиверцев — все это в прошлом. Она перешагнула их и забыла.

Людмила танцевала и танцевала, утратив чувство времени. Лишь когда дыхание начало сбиваться, она остановилась и шатающейся походкой вернулась к бару. Гвоздецкой и ее кавалера там не было. Юнец восхищенно проорал ей:

— Это было круто! Может, еще по одной?

— Чего? — непонимающе уставилась на него Людмила. — Нет, спасибо. Я хочу найти подругу.

— Они отошли. Скоро вернуться.

— Куда отошли?

Юнец недоуменно посмотрел на нее, и Людмила чуть не подавилась.

— Вам сколько лет, молодой человек? Забыла ваше имя, извините.

— Петр. Мне двадцать один.

— Разница в возрасте не смущает? Я на десять лет старше вас.

— Годы — значит, опыт, — бодро отозвался юнец. — Адреналином не хотите заправиться? У меня есть.

— Нет, пить меня больше не тянет.

— А я не про напитки.

Людмила прищурилась. Кавалер заговорщицки подмигнул и похлопал себя по карману широких трубообразных штанов. Людмила презрительно отвернулась.

— Я пойду еще потанцую, — сообщила она юнцу.

— И я с вами.

Когда они вернулись со второго раунда, Гвоздецкая со своим ухажером уже была на месте. Ольга стояла, опершись о барную стойку, и тянула через трубочку очередное пойло, весело двигая попой. Юнец как-то победно смотрел на нее и тоже хлебал какую-то бурду.

— О, вот вы где! — приветливо сказала Гвоздецкая. — Ну как, Люда, отпустило тебя?

— Балдеж! — ответила Людмила, покачиваясь. Она была мокрая, как после бани. Подозвав бармена, попросила газировки. Гвоздецкая, улыбаясь, полюбопытствовала, как она провела время.

— Давно так хорошо не было, — воскликнула Людмила, убирая со лба налипшую прядь. — Оля, не желаешь проветриться?

— Желаю, — милостиво согласилась Гвоздецкая. — Молодые люди, не скучайте без нас. Мы быстро.

— Ждем с нетерпением, — ответил кавалер Гвоздецкой, влажно лыбясь.

Они направились в туалет. У Людмилы подгибались гудящие ноги. «Дура, зачем каблуки надела», — отругала она себя. Полцарства за стул!

— Слушай, Ольга, что происходит? — строго спросила она, когда они пошли мыть руки. — Ты к чему меня толкаешь?

— О боже, бабушкины нравы! — закатила глаза Гвоздецкая. — Как скучно! Оглянись вокруг, Люда! Свобода! Возможности! Мы с тобой в высших сферах. Как космонавты. Торопись жить, пока не состарилась. Другой жизни не будет!

— Но так же нельзя! Это неправильно... неприлично! Ты же замужем! Да и я тоже. У нас дети, в конце концов.

Гвоздецкая ласково обняла ее.

— А что, мужикам можно, а нам нельзя, что ли? Думаешь, Хвостовский на стороне интрижки не крутит? Да у него баб знаешь сколько!

Людмила сердито оттолкнула ее.

— Ты пьяна. Я домой поеду.

— Ну, не обижайся. Я же так, по-доброму к тебе. Не хочешь мутить с этим мальчиком, не мутит. А я, пожалуй, не стану отказываться. Он такой свеженький, такой гладенький, даже не курит. Прелесть! Между прочим, хороший секс укрепляет нервы и омолаживает клетки.

— Противно слушать!

Людмила пошла было прочь, но Гвоздецкая догнала ее.

— Ну не будь такой серьезной, Люда! Посмотри, как здорово! Хорошо же, ну!

Они вернулись к своим юнцам, и Петр радостно сообщил:

— А мы вам по «отвертке» взяли.

Гвоздецкая покосилась на коктейли.

— Мальчики, дамы желают присесть. Найдите нам местечко. А то упадем без сил.

Мальчишек словно ветром сдуло. Гвоздецкая самодовольно посмотрела на Людмилу.

— Ну, разве не чудо? Такие наивные, такие предупредительные!

Людмила с отвращением хлебнула из стакана. Говорить ей не хотелось и идти никуда не хотелось. Да и танцевать тоже. Хотелось брякнуться на стул и расслабиться на полчаса. В ожидании парней они молча цедили свои коктейли. У Людмилы вдруг начало проясняться в загуманенном музыкой и алкоголем мозгу, а из тела стремительно уходила усталость. С чего бы?

Притопали юнцы.

— Там наверху можно сесть. Правда, без удобств.

— Да мне хоть как-нибудь, — простонала Людмила.

Расталкивая танцующих, они поднялись по железной лестнице на второй уровень. Оказалось, сесть можно было на низкий металлический заборчик, замкнутый поверху узкой грубой. И на том спасибо!

Разговаривать из-за грохота музыки было невозможно, и Людмила продолжала молча сосать «отвертку». Из головы не выходили слова Гвоздецкой: «Мы с тобой в высших сферах. Торопись жить, пока не состарилась. Другой жизни не будет!» Черт побери, а ведь она права!

Охваченная внезапным порывом, Людмила отдала пустой стакан Петру и ринулась вниз по лестнице. В толпу, к людям! Утонуть во всеобщем веселье!

В синем полумраке мелькали лица, руки, тела, разноцветно вспыхивали шары светомызыки, величественно сияли ракеты и межпланетные станции, в глаза били прожектора и лазерные лучи. Людмила вдруг завизжала от восторга. Все плохое в прошлом, в прошлом! А теперь она счастлива, просто счастлива! И дальше будет только лучше, и лучше, и лучше!

Она отсыпалась до вечера. Сквозь дрему слышала чьи-то шаги и голоса, иногда раздавался детский плач, то и дело кто-то включал телевизор. Людмиле хотелось крикнуть, чтобы сделали потише, но не было сил. Еще ей очень хотелось в туалет, периодически она даже туда срывалась, но потом понимала, что это лишь сон. Наконец часов в девять она смогла выкарабкаться из постели. Раскалывалась голова, ужасно мучила жажда, тело дрожало от слабости. «Никуда больше не пойду с Гвоздецкой, — подумала она. — Лучше дома сидеть, чем так мучиться».

Накинув халат, она вывалилась в коридор и сбегала в туалет. Выйдя оттуда, столкнулась с домработницей — приземистой и пухлой грузинкой Катей. Та, осклабясь, спросила с легким акцентом:

— Людмила Геннадиевна, вам что поставить? Завтрак или ужин?

— Ставь завтрак, — подумав, ответила Людмила.

— Хорошо.

Людмила сходилa в ванную, достала из аптечки таблетку от головы, прошла на кухню, налила воды и выпила всю кружку.

— Ставь здесь, — велела она хлопочущей домработнице. — Не хочу в столовой.

Та кивнула. Людмила пошла умываться. Из детской доносился размеренный Иркин голос:

Спать пора! Уснул бычок,
Лег в коробку на бочок.
Сонный мишка лег в кровать,
Только слон не хочет спать.
Головой качает слон,
Он слонихе шлет поклон.

Людмила приняла душ, почистила зубы, причесалась и, посвежевшая, направилась проведать дочь. Ирка уже закончила читать и теперь играла со Стеллкой в куклы.

— Смотри-ка, — говорила она. — Кен едет на красивой машине к Барби. А чем его встречает Барби? Что она ему приготовила? Ну-ка, давай посмотрим.

Стеллка — в розовом платье с распущенным белым бантом — держала в кулачке куклу Барби и стучала ею по ковру, изображая радостные прыжки. Людмила прислонилась боком к косяку, стала умиленно наблюдать за ребенком. Ирка заметила ее и улыбнулась.

— Слава богу, проснулись, Людмила Геннадиевна! Я уж думала, не случилось ли чего? Стеллочка, глянь — кто это к тебе пришел? Ну, посмотри!

Стеллка, раскрыв щербатый рот, уставилась на Людмилу.

— Неужели не узнаешь? — продолжала ласковым голосом Ирка. — Это же твоя мама! Не хочешь ее обнять?

Стеллке равнодушно отвела взгляд и опять принялась стучать куклой по полу. Людмила подбежала к ней, взяла на руки, обняла и расцеловала.

— Кровиночка моя! Любимая моя дочка! Чмок тебя! И сюда чмок! И сюда! Как же я тебя люблю!

Но Стеллка не оценила материнских чувств — заорала и попыталась вырваться.

— Она испугалась! — извиняющимся тоном объяснила Ирка, забирая у нее девочку. — Вы слишком резко ее схватили.

— А где Михаил Анатольевич? — спросила Людмила. — Он не звонил?

— Звонил часа четыре назад. Сказал, что задержится.

— Вот как? Что-то слишком часто он стал задерживаться.

Ирка смущенно пожала плечами.

Людмила ушла на кухню, где ее уже ждала тарелка американских овсяных хлопьев, залитых молоком. Рядом на блюдечке лежали два бутерброда с вареной колбасой и стояла кружка дымящегося кофе. Катя, опершись спиной о стену и скрестив руки, смотрела новости по телевизору.

— Я вам не мешаю, Людмила Геннадиевна? — осведомилась домработница. — Как потанцевали?

Людмила отмахнулась и села завтракать. Головная боль постепенно уходила, но зато нарастала тревога за мужа. Где же он шляется? Времена-то какие! Сплошные митинги и перестрелки.

— Катя, там ничего получше нет? — спросила она. — Поищи, будь добра.

Катя взяла пульт и переключила на вторую программу. Там были «Вести». Людмиле стало совсем не по себе.

— Давай дальше.

Катя переключила на петербургскую. Там показывали черно-белую комедию с Луи де Фюнесом.

— Вот это оставь!

Появилась Ирка. Встала в проеме входа и застенчиво произнесла:

— Людмила Геннадиевна, уже поздно. Мне надо ехать.

— Да-да, Ирочка, конечно! Ты знаешь что — такси себе вызови. А я денег дам. Сколько надо?

Ирка начала отнекиваться, но Людмила и слушать не стала — прошла в прихожую, открыла сумочку и извлекла несколько купюр.

— Хватит? Если нет, я еще дам.

— Ой, конечно, хватит, Людмила Геннадиевна! Спасибо!

Людмила вернулась на кухню и стала пить кофе, продолжая думать о муже. Черт побори, ну где же он ходит?

Такси приехало минут через двадцать. Ирка оделась, попрощалась с Людмилой и хотела было выйти, но тут в прихожую выбежала Стеллка и обняла ее ногу. Ирка погладила ее по голове.

— Мне надо идти, Стеллочка. Я завтра вернусь.

Девочка не отпускала. Людмила подошла к ней, начала мягко оттирать от Ирки.

— Дочка, тете Ире надо идти. Пусти ее.

Стеллка громко разревелась. Ирка, растерявшись, вежливо кивнула на прощанье и вышла. Людмила взяла дочь на руки, унесла в комнату, посадила на пол и стала совать под нос кукол, плюшевых медвежат, заводного Чебурашку, разноцветные мячики, но ничего не помогало. Стелла выла так безутешно, будто в глаза попало мыло. Прибежала Катя, начала танцевать перед ней, смешно тряся ладонями. Стеллка на несколько мгновений замерла, а затем продолжила рыдать.

— Ну, я уж не знаю, что сделать, — беспомощно произнесла Людмила. — Ей спать давно пора. Почему Ирка не уложила?

— Она днем долго спала.

— Эх, о чем только Ирка думала! Ребенок переспал, а нам теперь мучайся. Может, покормить ее? Она и заснет.

— Давайте попробуем.

Но и молоко Стеллка не захотела, заплевав себя и детский столик.

— Хоть Ирку возвращай, — обессиленно сказала Людмила. — Она умеет с ней обращаться.

Вернулся Хвостовский. Людмила, вся на нервах, выбежала в прихожую.

— Ты где был? — закричала она. — Я чуть с ума не сошла!

— Чего ты орешь? — опешил он, снимая ботинки. — С Лариской общался.

— С Лариской? Зачем?

— Чего это Стеллка надрывается? — прислушался Хвостовский. — Ей спать не пора?

Он протопал в гардеробную.

— Уложить не можем, раскапризничалась что-то, — сказала Людмила. — Так что Лариса?

— Хочет с меня содрать побольше. Адвокатом страдала. — Хвостовский вздохнул. — Ну, ничего, мы еще повоюем.

— Есть будешь?

— Нет. Налопался, пока с ней препирался.

Хвостовский сменил одежду и прошел в детскую. Катя уже извлекла Стеллку из-за стола и сняла с нее слюнявчик. Девочка осоловело уставилась на отчима.

— Ну, привет, девчуня! Чего орешь?

Услышав его голос, Стеллка подумала и опять ударилась в слезы.

— Слушай, ты ее уложи поскорее. Мне тоже спать надо, — сказал Хвостовский жене. — Устал как собака. Как там было на дискотеке?

— Великолпно, — хмуро ответила Людмила.

На следующий день позвонила Гвоздецкая.

— Ну что, Люда, отмокла? Как состояние? Тут еще одна вечеринка намечается. На велотреке в Крылатском. Говорят, даже масштабнее Гагарина. Под открытым небом! Ты как, готова к новым подвигам?

Если бы она звякнула вчера, Людмила послал бы ее на три буквы. Но сегодня она даже обрадовалась такому предложению, хотя для порядка пожурила Гвоздецкую:

— О господи, Оля, ну ты и тусовщица! Слушай, как думаешь, мне там в коктейль ничего не подмешали? Я вот сейчас вспоминаю и удивляюсь — меня же унесло капитально. Никогда со мной такого не было. Этот Петя мне показывал какую-то таблетку. Вот я и подумала...

— Это рейв, дорогая! Музыка сердец. А может, и подмешали, кто знает! Но ведь хуже не стало, верно?

— Не стало. Только лучше.

— Ну вот! — засмеялась Гвоздецкая. — Так я рассчитываю на тебя, да?

— Ну конечно!

Пати «Мобиле» (ох эти новые словечки!) проходило на олимпийском велотреке. На афишах красовался дискбол, он же был изображен на фирменных футболках, которыми торговали при входе. Танцпол находился внутри овала велодорожек, а посередине высилась квадратная сцена с колонками и прожекторами. По дорожкам, создавая настроение, с легким жужжанием проносились велосипедисты.

— Ты как, не виделась со своим кавалером? — спросила Гвоздецкая, выгадывая момент, чтобы перейти велотрек и не попасть под колеса.

— Да ты что! Он же мальчик! — залилась краской Людмила. — А ты что, виделась со своим?

— Нет. Сегодня и встретимся.

— Так он тоже здесь будет?

— И он, и его приятель. Как его? Петр?

— Ты с ума сошла, Оля! Если б я знала...

Гвоздецкая шагнула было вперед, но остановилась и внимательно посмотрела на Людмилу.

— То что? Люда, хватит носиться со своим пуританством! Коммунистов больше нет! Семья — больше не ячейка общества. Каждый волен жить, как ему хочется.

Они перебежали через велодорожки, и Людмила спросила:

— А ты точно знаешь, что у Хвостовского есть связи на стороне?

— Раньше были. Сейчас, может, и нет. Он же по уши в тебя влюблен! Даже смешно. Взрослый человек, а ведет себя...

— Как кто?

— Как юноша пылкий.

— Разве это плохо?

Гвоздецкая посмотрела на нее и покачала головой.

— Вы точно подходите друг другу.

Пока Людмила соображала, что бы это значило, их нашли давешние юнцы. Видимо, Гвоздецкая заранее условилась с ними о месте встречи.

Женщинам опять купили по коктейлю (на этот раз — водку с томатным соком), Людмила, перекрикивая музыку, спросила Петра:

— Слушай-ка, молодой человек, ты мне ничего не подбрасывал в стакан прошлый раз?

Тот радостно кивнул:

— Вштырило?

— Вот же прохиндей. Не делай так больше.

— Никогда! — пообещал Петр, весело щурясь.

Опять гремела оглушительная музыка, опять Людмила опрокидывала в себя один стакан за другим, опять танцевала до упаду. А когда ноги уже не держали, Петр проводил ее до трибуны.

— Ну что, закинемся для поднятия сил? — подмигнул он, похлопав себя по карману ярко-оранжевых шаровар.

Людмила осклабилась. Музыка вибрировала в ее теле, во вспышках света мелькали тела и лица, рядом сидел влюбленный мальчик, и она целовалась с ним, запрокидывая голову от счастья. Скоро она уже называла его Петюней, но наотрез отказалась дать свой телефон.

— Я сама тебе звякну, — сказала она. — Пиши номер.

На следующий день она опять отсыпалась до вечера, но встала почему-то в плохом настроении, хотя Стеллка в этот раз не капризничала. Вчерашние забавы, казавшиеся такими милыми, сегодня, на трезвую голову, ужаснули Людмилу. Господи, до чего она докатилась — замужняя женщина, с ребенком, а ведет себя как недотраханная нимфетка. Позор! А если Хвостовский узнает? Дура, дура! О чем она думала?

Не зная, на ком выместить злость, она набросилась на Ирку. Зайдя после душа в детскую и увидев няньку, возившуюся с ее дочерью, Людмила деловито спросила:

— Ирочка, ты сама-то когда рожать думаешь?

Та открыла рот, испуганно глядя на нее, потом выдавила:

— Да все как-то некогда, Людмила Геннадиевна. Да и не с кем...

— Смотри, годы пролетят незаметно.

— Пусть сначала Стелла подрастет, а там уж... пока-то когда мне?

— Так это моя дочь виновата, что ты не замужем? — притворно удивилась Людмила.

— Нет, что вы! Я так не говорила, — совсем растерялась Ирка.

— А как ты говорила?

— Ну, просто... недосуг сейчас. Да и кандидатов как-то нет.

— Тебе надо больше гулять и встречаться с людьми.

Ирка настороженно посмотрела на нее.

— Людмила Геннадиевна, вы хотите меня уволить?

— Ну что ты, дорогуша! Как тебе такое в голову-то пришло? Скажешь тоже!

Стеллка подбежала к няньке с надутым воздушным шариком на вытянутых руках. Ирка меланхолично взяла шарик, мягко кинула его за голову девочке. Та взвизгнула от восторга, вернулась к шарик и снова поднесла его няньке. Процесс повторился.

— Тебе не пора ли ехать домой, милая? — спросила Людмила.

— Да-да, конечно, Людмила Геннадиевна. Вы, конечно, правы.

А нечего было сережки свои разбрасывать где ни попадя!

Сплавив Ирку, Людмила принялась за домработницу. Сначала сделала ей внушение за пыль на шкафу, потом прошлась по слишком жидкому супу («Зачем овощи перетерла? Я же говорила не тереть!») и наконец прогнала из кухни присматривать за дочерью, а сама села ужинать (или завтракать? Черт его разберет).

Хвостовский опять задержался, хотя и не так сильно, как в прошлый раз. От скандала его это, однако, не уберегло.

— Слушай, когда мы уже сделаем ремонт? — накинулась на него Людмила, когда он вошел. — Сколько можно тебе напоминать?

— Прости, дорогая. Совсем вылетело из головы. Я с этим Пошкусом вконец завертелся.

— Два раза уже напоминала. Ты же на Новый год обещал, помнишь? Зачем я торопилась интерьер подобрать?

Хвостовский устало посмотрел на нее.

— Ты чего такая взвинченная? Случилось что? С Гвоздецкой полаялась? Я же не высказываю тебе претензий, что ты по дискотекам ходишь.

— Еще бы ты высказывал! Сам подсунул мне эту Гвоздецкую...

— Я подсунул? — изумился Хвостовский.

Людмила, дождавшись вожделенного скандала, азартно набирала ход.

— Скажи честно — может, ты не хочешь здесь ничего менять?

— Честно? Не хочу.

— Может, тебе и Лариска больше нравится? Это же она выбирала.

— Так ты к Лариске ревнуешь, что ли? — догадался Хвостовский.

— Вот еще! — гордо откликнулась Людмила.

Как он не понимал, дурак, что Людмиле просто некомфортно было жить в квартире, обустроенной Гуляевой? Людмила чувствовала себя здесь заводительницей, взявшей чужое. А ей хотелось иметь свое.

Но была и еще одна причина плохого настроения. Из головы не выходили вчерашние слова Гвоздецкой. А если у Хвостовского и правда интрижка на стороне? Может, потому он и приходит так поздно? Мужики везде одинаковы — от больших денег им сносит крышу.

Спрашивать его об этом она не стала. Зачем? Она поступила хитрее — съездила в знакомый офис на Савеловской. Ну как знакомый — расположение осталось прежним, а вот внутри все изменилось кардинально. Теперь вместо бритологовых ребят в трениках и кожанках там ходили какие-то мальчики в костюмах, в каждой комнате стояло по компьютеру, а в одной — еще и теле-тайп с факсом. Снаружи красовалась гордая вывеска: АООТ «Байкал». Единственное, что осталось неизменным, — охрана при входе и бронированная дверь. Но дверь покрасили в черный цвет, а охрана теперь была в бронежилетах, с кобурами на поясе и с бляхами какого-то ЧОП «Легионер». А еще Людмиле, как и при первом ее появлении, пришлось ждать Евгения, предвзвременно выдержав битву с охранниками, которые сначала и разговаривать с ней не хотели, монотонно твердя: «Прием по записи». Все же она уговорила их созвониться с начальством, а там уж ей милостиво позволили зайти внутрь.

Общение с Евгением оставило странное впечатление. Будто замкнулся круг. Опять они сидели на кухне, опять пили чай, опять Евгений задавал ей вкрадчивые вопросы. Только теперь чайник был электрический, чашки — фарфоровые, а сам Евгений был в изящных очках без оправы, бордовом пиджаке, черных джинсах и черной футболке, на фоне которой ярко выделялась золотая цепь на шее.

— Мне нужно последить... за одним человеком, — сказала Людмила. — Вы можете это сделать? За хорошую оплату.

— За Хвостовским, что ли?

— Да.

— Ну что ж, обычное дело. Мужья шпионят за женами, жены шпионят за мужьями. А иногда даже пытаются их завалить.

Людмила вспыхнула.

— Вы на Пошкуса намекаете? Это же совершенно иное дело! И не надо меня сравнивать с Викой, пожалуйста!

— Ну что вы, как можно!

В общем, сошлись на четырнадцать тысячах долларов за два месяца работы. Первую половину суммы Людмила обещала передать завтра Шестуну возле театра Вахтангова.

Возвращаясь домой на такси, Людмила вспомнила про номер Петюни, подумала немного и выдрала листок из блокнота, разорвав его в клочки. Хватит с нее этих походов. Так и до невроза недалеко.

День был жаркий, она приоткрыла окно и размышляла, как поступить, если Хвостовский и впрямь изменяет. Не разводиться же с ним! Надо так себя поставить, чтобы он сам понял свою ошибку и одумался.

— Где такое платье брали, девушка? — весело спросил водитель. Людмила посмотрела на него в зеркало заднего вида. Улыбчивый кавказец с усами — такой Мимино, только говорил без акцента.

— А вам зачем? — спросила она.

— Жене куплю, — ответил он.

— На дорогу смотрите, будьте добры. Вряд ли вам по карману такие траты.

— По-вашему, если таксист, то обязательно бедный?

— Были бы богатым, не занимались бы извозом. А платье у меня фирмы «Прада». Вам что-нибудь говорит это название?

— Нет.

— Ну, вот видите!

Кавказец почувствовал себя задетым.

— Думаете, я дикарь с гор? — сказал он. — Я сам из Абхазии, начальником спасательной станции работал. У меня высшее образование! К нам такие люди приезжали, вы бы видели! А потом там начали стрелять, и пришлось все бросить. У меня мама — грузинка, папа — русский, учился я в русской школе. Приехал с женой в Тбилиси, языка не знаю, на работу не берут. Перебрался сюда, а здесь все пальцем тычут — кавказец. Вот и получается, что в Абхазии я — грузин, в Грузии — русский, а здесь — лицо кавказской национальности.

Если он рассчитывал на сочувствие, то ошибся — Людмиле было наплевать на него. Она все думала о своем разговоре с Евгением, мимоходом удивляясь невероятному количеству ларьков, заполонивших улицы.

Подъезжая к дому Людмилы, таксист спросил:

— Может, дадите совет, что жене купить из одежды? У нее день рождения скоро.

— Не знаю. Для этого надо видеть вашу жену. Дайте ей денег — она сама выберет. Это будет лучший подарок, уверяю вас.

— Спасибо. — Таксист вытащил из бардачка визитку. — Вот, возьмите. Если надо будет куда-нибудь съездить, мигом примчусь.

— Благодарю, — вымолвила Людмила, изумившись внезапному прогрессу: московские таксисты обзавелись визитками! Конец света!

Едва она вошла в прихожую, из кухни вышла Катя и воскликнула, тряся губами:

— Людмила Геннадиевна, звонили из Казани! Просили сказать: ваша мама... — она сглотнула, — умерла.

Людмила вскрикнула и схватилась за стену.

Все здесь оставалось, как было: раздолбанные дороги, обшарпанные «хрущевки», ржавеющие голубятни. Темное небо, как и раньше, каждый вечер заливало оранжево-красное зарево от факелов заводских труб. В квартире тоже мало что изменилось — тот же ковер с узором в виде ромбов, лакированная стенка, телевизор «Электрон», диван под серым пледом.

— Ах, мама, мама! — вздохнула Людмила, пройдясь по комнатам.

Не укладывалось в голове, что мамы больше нет. Как же так? Всю жизнь была, и вдруг нет! Конечно, Людмила понимала, что мама не вечна, но не так рано же! Она ведь была совсем не старая. Ну да, болели суставы, шалило сердце, но чтобы вот так раз — и уйти? «Эх, мама, как ты меня подвела!»

Теперь Людмила кусала локти, вспоминая, что неделями не звонила ей и бесконечно откладывала поездку в Казань с дочкой («У Стелки режутся зубки. Куда ее сейчас везти?», «Грипп же гуляет. Ну, сама подумай», «Ой, у нее что-то с животом. Давай подождем, когда пройдет».) Так и не свозила, идиотка.

Надо было сходить в жэк и к нотариусу, договориться о похоронах, оформить кучу бумаг, но Людмила впала в апатию. Ей вспоминался последний разговор с матерью, и она теперь горько упрекала себя за холодность.

— Вы валерьянки попейте, — посоветовала ей соседка, которая первой узнала о смерти мамы. — А бумаги оформить наймите адвоката. Так будет лучше. А то агенты дерут втридорога, они же как коршуны, уж я-то знаю!

Она говорила и говорила, а Людмила слушала и слушала, благодарная, что хоть с кем-то можно отвести душу. Но потом соседка вспомнила про долг, который мама не успела заплатить, и Людмила поняла причину ее болтливости.

— Вот, держите, — сказал она, передав ей пятьсот рублей. — Сдачи не надо. Спасибо.

На следующий день она пошла в сберкассу закрыть мамин счет. Дело было плевое, Людмила надеялась уладить его за полчаса, а потом отправиться к нотариусу.

Странно это было — идти по улицам родного города, как в старые добрые времена. Вдвойне странно потому, что Людмила никогда не видела Казань такой. Вроде те же дворы, но заставленные гаражами-«ракушками». Те же дома, но испещренные рекламой, вывесками и объявлениями на цветной бумаге: «Срочный кредит», «Акция!», «Распродажа обуви», «Сумки из Италии», «Гадаю на картах Таро», «Покупаю Гербалайф», «Европейский секонд-хенд». Те же улицы, но без очередей, зато с выросшими тут и там магазинчиками неказистого вида. С витрин смотрели манекены в красивой одежде, блестела немецкая посуда из нержавеющей стали, чернели японские магнитофоны, и тут же, прямо на тротуаре, люди разных возрастов торговали ширпотребом, игрушками, книгами, поддельной косметикой и аудиокассетами, разложив все на полиэтилене. Как будто город превратился в огромный блошинный рынок. Людмила чувствовала себя западным туристом в Африке — хоть бери фотоаппарат и снимай.

В сберкассе пришлось отстоять сорокаминутную очередь. Отстоять в прямом смысле, потому что все сидячие места заняли пенсионеры, активно обсуждавшие свои невеселые дела:

— У Нины пенсия триста сорок два рубля, у Юры зарплата — четыреста пятьдесят, у Лени — не знаю сколько, но тоже мало. Всего чуть больше тысячи рублей на троих, то есть едва на одного человека хватает. Хотела тут детские валенки продать, которые в декабре за пятьдесят восемь рублей купила. Никто не взял даже за сто! Отличные валенки. Неношеные...

— Это Борька-алкаш довел страну. Сдал с потрохами американцам. Все обещал на рельсы лечь. И где его рельсы? А Гайдар? Говорят, ему в армии только унитаза драить доверяли.

— Да что вы все на американцев? Они нам добра желают. Что б мы делали без их помощи?

— А, вы тоже из этих? Променяли страну на «ножки Буша»!

— А вы слышали, что наш район продан? Доприватизировались! Теперь хозяйева, если захотят, переселят нас куда вздумается. Вот вы говорите, фрукты и овощи везде есть. Ну да, только кто их может купить, кроме «новых русских»? Клубника уже двадцать шесть рублей за шестьсот пятьдесят грамм, морковь — три пятьдесят, сыр двести двадцать грамм — тридцать восемь рублей. Как жить?

— Невзоров правильно говорит: надо спасать абхазов и осетин, пока их Шеварднадзе не вырезал. И Черноморский флот не отдавать. И Курилы тоже... Шиш японцам, а не Курилы! Если сами себя уважать не будем, кто нас станет уважать? Развратили молодежь вконец...

— Теперь все Сталина ругают. Разве при нем такое было? При Сталине рабочего человека уважали! Порядок был! Кто войну выиграл? Сталин! Кто

промышленность поднял? Сталин! Да если б не Сталин, нас бы немцы голыми руками взяли...

Людмила с невольной жалостью взирала на их потрепанную одежду, купленную тридцать лет назад, на морщинистые руки с коричневыми пятнами, на дряблые шеи и щербатые рты. Всю жизнь горбатиться — и ради чего? Ради всего этого? Вот она какая была, мамина жизнь! Вся в разговорах о ценах, политике и пенсиях, в постоянном поиске уцененки. Разве это жизнь? Давно надо было приехать и увезти ее отсюда, а не выслушивать бесконечные отговорки. Эх, мама, мама! Ну почему, почему она так боялась уехать из Казани?

Наконец дошла очередь до Людмила, и она выложила перед сухой строгой теткой за стеклом свой паспорт, свидетельство о рождении и свидетельство о маминой смерти. Тетка отошла к выдвижным ящикам с картотекой, долго там рылась, затем вернулась с какими-то бумажками. Минут пятнадцать что-то на них чиркала и ставила печати, потом сказала, подняв глаза на Людмилу:

— Я закрыла счет. Деньги с него вам переведут через шесть месяцев.

— Понятно. И много там?

— Сорок пять тысяч двести шестьдесят два рубля и пятнадцать копеек.

— Сколько? — округлила глаза Людмила.

Тетка повторила сумму. Секунд десять Людмила таращилась на нее, онемев от изумления.

— А вы... не ошиблись?

— Девушка, какие ошибки? Вы шутите, что ли?

Сорок пять тысяч! Пять «Жигулей» по старым ценам! Откуда у мамы такие деньги?

— У вас еще есть вопросы? — спросила тетка.

— Простите. Это как-то неожиданно, — вымолвила Людмила.

— Бывает.

— Извините, а сколько сейчас «Жигули» стоят?

Тетка посмотрела на нее как на блаженную. Потом медленно повернула голову к соседке.

— Свет, не знаешь, почему сейчас «Жигули» идут? У тебя Николай вроде покупать собирался.

— Ой, погоди, — ответила та, в задумчивости прикладывая ладонь ко лбу. — Мне Сухин говорил что-то. По-моему, «пятерка» и «семерка» — по двести тысяч, девяносто девятые — по триста.

— Это с завода?

— Ну да. А частники по миллиону просят.

— Ну как, удовлетворены? — спросила тетка, переводя взгляд обратно на Людмилу.

— Д-да, спасибо, — выдавила обалдевшая Людмила и отошла от стойки.

Ей вспомнился страдальческий голос матери по телефону: «Люда, дочка, у нас тут хлеб подорожал! А сосиски вообще исчезли». Что ж ты, мама, прибеднялась? И почему в валюту не перевела? Хотя насчет валюты — ладно. Какая валюта? Ты доллары в глаза не видела, привыкла доверять рублю и государству. А государство тебя взяло и надуло. Может, оттого у тебя, мама, сердце и не выдержало? Деньги-то всю жизнь копила. Такую сумму воспитательница детского сада и за десять лет не соберет.

Ай да мама! Ну, кто бы мог подумать! Теперь-то понятно, почему она не хотела переезжать. Счет не хотела переводить в другое отделение! Но почему, почему? Зачем скрываться от дочери? Какой в этом смысл? «Кажется, я совсем не знала маму», — удрученно подумала Людмила.

Она похоронила ее в Москве, на Донском кладбище. Справила поминки, организовав ресторан съехавшимся родственникам (сто лет их не видела и

еще бы столько не видеть), а на следующий день дала расчет Ирке, уговорив Хвостовского посадить ее на какую-нибудь должность в его компании.

— На ресепшене, что ли? — брякнул тот.

— Почему же на ресепшене? Посолиднее что-нибудь. У нее как-никак высшее образование.

— Да кому оно сейчас интересно? Была бы она экономистом или юристом, а так... Ладно, подыщу что-нибудь.

И подыскал. Устроил ее на странную должность «помощника секретаря». Людмила не стала выяснять, что это такое, главное — спланировала закладную подругу. Расстались они, впрочем, любезно, Людмила просила ее не исчезать с горизонта и регулярно звонить. «Надеюсь, выберемся с тобой куда-нибудь. Я только Стеллке сад присмотрю. Ребенку нужно общение! А здесь она закистет». — «Вы совершенно правы, Людмила Геннадиевна! Я и сама хотела это предложить, да боялась, что неправильно поймете». — «Ну, вот видишь, как удачно все сложилось!» Чмок-чмок. Уф-ф!

Глава двадцать шестая

Первое, что услышал Володька, придя домой из школы, был голос отца из большой комнаты:

— Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, вас стройматериалы не интересуют? Фирма «Дом под ключ» предлагает материалы от производителя... Нет? А может, оставить вам номер, если понадобятся?... Простите?..

— Я дома! — крикнул Володька.

Отец не отреагировал. Володька услышал, как он крутит диск телефона.

— Э... здравствуйте! Мы предлагаем стройматериалы от производителя. Фирма «Дом под ключ»... Что? Если желаете, могу оставить вам номер, и если... Хм.

Опять послышался быстрый треск крутящегося диска, и отец снова завел свою мантру. Это была теперь его работа — одна из двух, наряду с охраной парковки (режим два через два). Из геологии он ушел после того, как там совсем перестали давать зарплату. «Хорошо хоть не берут пока плату за вход», — злобно острил он перед увольнением.

Володька переоделся, заглянул к отцу, махнул ему в знак приветствия, потом разогрел вермишелевый суп на плите и пообедал. Вернувшись к себе с кружкой чая, полистал недавно купленного в книжном Саймака — «Все живое» и «Что может быть проще времени?». На полке еще стояли нечитанные «Заповедник гоблинов» и сборник Дика. Интересных книг стало так много, что Володька не успевал их читать. А вроде совсем недавно мусолил «Винни-Пуха» за неимением ничего другого. Наконец дохлебал чай и сел за уроки.

Через час вернулась с работы тетя Нина.

— Виктор, глянь, извещение с почты пришло, — сказала она. — Банковский перевод. Кажется, наши деньги дошли наконец.

Отец отнял у нее бумажку, вчитался.

— Ну да, так и есть. Не прошло и года. Сволочи!

Комната Володьки находилась как раз напротив прихожей, поэтому разговор происходил на его глазах. Как видно, пришли деньги за серпуховский дом, который отец продал в конце декабря. Отец тогда побоялся ехать с такой суммой и решил перевести ее безналом. Вот и перевел.

— Ну, хоть не потерялись, — сказала тетя Нина, снимая мокрые пальто и берет.

— Какие же они сволочи! — повторял отец. — По фальшивым авизо выдают миллионы, а твои законные деньги целый год переводят. В пределах одной области! На них в суд подать надо! С компенсацией!

— Подай, — равнодушно сказала тетя Нина, усевшись на кушетку и стягивая сапоги.

Все это она слышала уже много раз. В первые два месяца отец даже пытался что-то предпринять, ходил по судам и адвокатам, но юристы ломали такую цену, что отец сник и только сотрясал воздух проклятьями.

— Ну, какие же они сволочи! Циничные, бессовестные мрази!

— Не надо при ребенке таких слов говорить, — устало произнесла тетя Нина.

— Мрази, сволочи! К стенке их надо ставить! — не унимался отец, уходя в комнату.

Тетя Нина перехватила Володькин взгляд и улыбнулась.

— Как дела в школе? — спросила она, проходя к нему.

Володька, оживившись, сказал:

— Оставили после уроков убираться в классе. Сиверцев с Петрунько записками перекидывался через меня, а Тамара решила, что это я их писал.

— Ну что ж, бывает, — сказала тетя Нина. — Нужно же было вашей директрисе кого-то наказать, вот ты и попал под горячую руку.

— Сиверцев обещал меня в качестве платы на «Горбушку» устроить. Он же там музыкой торгует.

— Зачем тебе это? — встревожилась тетя Нина. — Если денег не хватает, ты скажи. Мы пока не голодаем, дам, сколько надо. А на этой «Горбушке» пьянство, наркомания...

— Если б там было плохо, стал бы Сиверцев у них работать? Его бы отец не пустил.

— Ну не знаю. По-моему, слишком рано ты за это берешься. Тебе учиться надо, чтобы поступить куда-нибудь.

— Пацаны уже с прошлого года работают.

— Ну, тебе лучше знать, конечно. Я на тебя не давлю. Ладно, занимайся. Она хотела выйти, но Володька остановил ее вопросом:

— А эти деньги... за дом... они же обесценились, да? И нам их не восполнят?

Тетя Нина покачала головой.

— Не стоит на это надеяться.

— А почему они так долго шли?

— Крутили их где-то. Кто ж теперь скажет!

— Но это же преступление, да?

— Преступление, — согласилась тетя Нина. — Ты не голодный?

— Пока нет.

— Ну ладно, занимайся.

Она вышла, и Володька вернулся к геометрии. В соседней комнате отец смотрел новости по телику, то и дело перекрывая их язвительными комментариями. Его ор надоел тете Нине, и она, поужинав, прошла в большую комнату.

— Виктор, успокойся! Что ты разошелся?

— Как я могу успокоиться, Нина, как? Нас грабят, а эти гады жируют...

— Ну, если ты будешь это повторять, ничего же не изменится.

— Знаешь, иногда нужно повторять очевидные вещи, чтобы они оставались очевидными.

— Двести тысяч — тоже деньги.

— Да какие теперь это деньги!

— Ну что уж убиваться-то? Я уже морально смирилась, что мы этих денег не увидим. А тут все же что-то пришло.

— Ну конечно, не твои же деньги. Ты вон села за свои романчики, и ничего тебя не интересует. Или сериалы дурацкие смотришь. А мне чего? Пить?

— Виктор, перестань...

— Да чего перестань? Я не прав, что ли?

— Знаешь что! Я не виновата, что ты решил перевести деньги через банк.

И не надо выплескивать на меня обиду.

Повисла тишина. У Володьки заныло сердце. Неужели все повторяется?

Тетя Нина зашла к нему.

— Володя, я посижу у тебя, хорошо? Надо дух перевести.

— Да, конечно.

Она уселась на диван, хмуро скрестив руки, а Володька опять уткнулся в учебник. Но заниматься больше не мог — слишком разнервничался.

— Может, мне поговорить с ним? — спросил он через силу.

Тетя Нина пожала плечами.

— Поговори.

Володька выбрался из-за стола и прошел в большую комнату.

— Ну чего ты раскричался? — примирительно сказал он.

Отец мрачно сидел в кресле перед телевизором и мял газету с телепрограммой. Слева от кресла на полу рассыпалось несколько любовных романов в белых обложках, которые читала тетя Нина. Видно, отец ненароком смахнул их со стоявшего рядом журнального столика.

По ящику шел кукольный мультфильм.

— Так значит, ты — ге... геолог? — спрашивал гном в красной шапке.

— Конечно, — отвечал ему мальчишка в синей беретке, белой рубашке и шортах на подтяжках. — Мы — геологи. Мы ищем подземные сокровища...

— Подземные сокровища, — саркастически хмыкнул отец. — Все эти сокровища теперь ворье себе захапало. Володька, идеологи наши все-таки были правы!

— А раньше ими номенклатура распоряжалась, — ответил Володька, как учили в школе.

— Ты ящик больше слушай, — ответил отец. — Думают, мы тут совсем идиоты и все забыли.

— Союз должен был развалиться, — твердо заявил Володька. — У нас сейчас период такой. Фаза надлома.

— Ну что ты ерунду городишь! — воскликнул отец. — Это Ленин сделал ошибку, когда создал все эти республики. Потом Сталин пытался ее исправить, да не успел. То индустриализация, то война... А Хрущев все им сделанное похерил. Опять кругом нацменов стали расставлять. Помню, к нам якутка пришла. У нас оклад был сто двадцать, а ей сразу сто сорок положили и дали квартиру. Потому что — малая народность! А теперь эти подлецы вспомнили о корнях! Да еще судят компартию — она их, видите ли, преследовала! Да они же все — бывшие коммунисты! Они этой партии задницу целовать должны! Где бы они были, если б не партия!

— А чего ж тогда эта партия русских сажала? — возразил Володька, заводясь. — Льва Гумилева знаешь? Три раза в Гулаг отправляли.

— А не надо было подсакивать! — заорал отец. — Сталин бомбу строил, а эти умники под ногами путались.

Володька аж задохнулся от негодования.

— Чем же они ему мешали бомбу строить?

— Ты больше ящику верь, — сказал отец тоном ниже. — Думаешь, они судят партию за репрессии? Да плевать им на репрессии! Они же сами из этой партии. Это приспособленцы, Володька, циничные сволочи. Когда была партия у власти, они все в партии состояли, а теперь эту же партию и судят. Потому что там настоящие коммунисты остались. Те, кто верит в идею. Вот что им ненавистно! Сверхидея, которая в Союзе была! А сейчас никакой сверхидеи нет, одно бабло. Помнишь, как Лахновский в «Вечном зове» говорил? «Деньги сделают все! Мы подорвем монолит вашего общества». Так и случилось! Сталин умер в дырявых сапогах, а у этих яхты и «мерседесы»...

— А еще при Сталине культ личности был, — неуверенно произнес Володька.

— Был, — признал отец. — Но была и личность. И достижения были! Мы вышли в космос, строили АЭС и ледоколы, а сколько месторождений освоили! При Сталине порядок был, цены снижали, а сейчас они скачут как сумасшедшие. Алкаш вон обещал лечь на рельсы, и что? Попался бы он мне, я бы его сам туда положил. А лучше повесил бы за яйца! — прорычал отец.

Володьку аж передернуло от отвращения. У отца теперь только и разговоров было, что про яйца, за которые повесят Ельцина. Правильно тетя Нина сказала: если бы привез тогда деньги, ничего бы не случилось. А он всего боялся и шарахался от собственной тени.

— Зато у нас теперь политинформации нет, — произнес Володька. — И школьную форму отменили. И можем слушать музыку, какую хотим. И книжек полно! А еще деньги можно зарабатывать. Слава богу, что Союз развалился, вот что!

— Дурак! — остервенело выкрикнул отец.

Володька, весь красный, вернулся в комнату. Тетя Нина покачала головой.

— Ничего, скоро успокоится, — сказала она, поднимаясь с дивана. — Володя, там в холодильнике пшенная каша стоит в белой кастрюле. И котлеты разогревай. Понятно?

— Угу.

Она вернулась в комнату к отцу и спросила:

— Виктор, можно я первый включу?

— Да смотри что хочешь! — в сердцах бросил отец и вылетел на кухню, прихватив транзистор.

Скоро из большой комнаты донеслось: «Студия „Топ-видео“ представляет Веронику Кастро и Рохелио Герру в фильме „Богатые тоже плачут“». Володька вздохнул, закрыл учебник и пошел ужинать.

Отец сидел за столом и настраивал радио. Пробиваясь сквозь помехи, чей-то голос рассуждал об историческом пути России. Отец старательно прислушивался, осторожно крутя ручку настройки. На Володьку даже не взглянул.

Володька молча размазал по сковороде кусок сливочного масла, положил в нее две котлеты и три ложки пшенной каши. Помешал, закрыл крышкой и отошел к окну. Подождал, пока разогреется, снял сковородку с конфорки, поставил на конфорку чайник и переложил кашу с котлетами в белую эмалированную тарелку.

— А про голод тридцать третьего года ты знаешь? — спросил он, сев за стол.

— Знаю, — ответил отец.

— Говорят, там десять миллионов погибло. Потому что зерно за рубеж вывозили.

Отец вздохнул, выключил радио и разразился такой обличительной речью, что Володька и слова вставить не мог. Пришлось ему спастись бегством.

— Жить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, — злобно крикнул ему в спину отец. — Умные книжки читаешь, а эту и не открывал!

Володька протопал в большую комнату и встал в дверном проеме. На тетю Нину было тяжело смотреть. Губы ее тряслись, в глазах стояла грусть. У Володьки тоже было паршиво на душе.

— Что-то он сегодня особенно буйный, — усмехнулся он.

— Что? — непонимающе уставилась на него тетя Нина. — А, не в этом дело, Володя.

— А в чем?

— Да так, пустяки.

По экрану телевизора бежали заключительные титры сериала.

— Это в фильме что-то, да?

— Ну да, — неохотно вымолвила тетя Нина.

— А что?

— Да ты не поймешь. Для этого же смотреть надо.

— А вы скажите!

— Луис Альберто убил Марианну, — едва слышно промолвила тетя Нина.

Утром Володьку разбудил истошный вопль тети Нины:

— Володя, Володя, у нас папа умер!

Володька резко сел, скинув одеяло.

— Что? Как? — спросил он, протирая глаза.

Перед ним в наспех накинутом халате поверх ночнушки стояла непричесанная тетя Нина.

— Сам посмотри. Он не дышит! Я звонила в «скорую»!

Володька в одних трусах бросился в большую комнату.

На улице была непроглядная темень, стучал в окна дождь. Отец лежал на разложенном диване, повернувшись на правый бок и вытянув перед собой руки. Одеяло закрывало его ноги, обнажая толстый живот, растекшийся по простыне, как волосатое тесто, и белые трусы. Володька присел перед ним, потряс за плечо.

— Папа! Папа!

Отец не двигался. Глаза его были закрыты. Обычный спящий человек... Володька медленно поднялся и растерянно посмотрел на вошедшую за ним тетю Нину. В голове было пусто-пусто.

— Как он хрипел, как хрипел! — плакала тетя Нина. — Я его толкаю: «Виктор, Виктор!» — а он уже все. Не дышит. И пульса нет. Володя, как же мы теперь будем жить? Как нам быть без него?!

Володька покачнулся.

— Мама, — выдохнул он. — Мама...

Глава седьмая

Пенсия всегда представлялась Егору Сергеичу временем безрадостным и в общем-то бесполезным. Пенсионер — списанный материал, ни перспектив у него, ни настоящих развлечений. В молодости Егор Сергеич старался не думать о пенсии, втайне надеясь, что до нее не доживет. Но дотянул, и перед ним внезапно открылись новые возможности.

— Какой ты все-таки неугомонный, Гога, — говорила ему мать. — Никак не успокоишься.

— На кладбище успокоюсь, мама.

В комбайнеры он пошел не по велению души, а чтобы чем-то себя занять. В нем настолько кипела жизнь, что он даже завел себе любовницу — вдову с ребенком из Козловки, поселка в пяти километрах от Алексеевска. В Козловке же находилось и его новое место работы. Ездил он туда на велосипеде, чтобы тренировать мышцы, и только в холодное время года пользовался машиной.

Надюха, которую он все-таки сплавил в дом престарелых, не прожила там и месяца. Скончалась она в начале декабря девяносто первого, не выдержав, как видно, лошадиных доз галоперидола. Егор Сергеич не сильно горевал — жена уже давно не узнавала его и путала с собственным отцом.

На похороны прилетел шурин Илюха. Теперь он раздобыл, обзавелся седой бородой и стал еще больше смахивать на Хемингуэя. Он по-прежнему обретался в своем Магадане, но геологическую куртку сменил на костюм политика — возглавил местное отделение ДемРоссии и даже баллотировался в председатели горисполкома (по-новому, — в мэры).

— Север пустеет, — жаловался он Егору Сергеичу на поминках. — Люди бегут на материк, а кто остается, спивается. Особенно коренные народы.

— Вот она, перестройка-то ваша, — с укором произнес Егор Сергеич, очень переживавший за Советский Союз.

— Не скажи, — возражал шурин, горой стоявший за Ельцина. — Все от человека зависит. У кого руки не из задницы и голова на плечах, тот не пропадет.

Выпили за упокой души Надюхи, и Егор Сергеич, впад в сентиментальное настроение, сказал:

— Спасибо тебе, Илья, за московскую квартиру! Спасла она нас в свое время. И еще Витьке пригодилась.

— Да не за что, Егор! Свои люди — сочтемся. Не возьму только в толк, как ты умудрился сохранить ту квартиру при алексеевской прописке? Всегда боялся об этом спросить, а Надюха отмалчивалась. Теперь-то откроешь тайну?

— Да господи, Илья, ничего же сложного! Как сюда перебирались, мы с Надей оформили фиктивный развод. За ней московская квартира осталась, а я алексеевскую получил. Многие же так делали!

— Вот тебе и социализм! — ухмыльнулся Илья.

Егор Сергеич не хотел спорить. Не для того они тут собрались, чтобы о политике трепаться. Зато полез в бутылку Витька, который с самого приезда находился в состоянии горькой озлобленности и непрерывно ругал Америку.

— Румыния, Панама, Ирак — случайность, что ли? А что в Югославии творится? А объединение Германии? Если выведем войска, вся Европа под НАТО ляжет! Никаких уступок! Прибалтику — не признавать! Сегодня Союз распадется, а завтра — Россия. В Чечне уже русских режут! Нужен новый Сталин! Сталин нужен!

Илья отечески возражал:

— Не могу с тобой согласиться, Витек. Сталин и завел нас в нынешний тупик...

— Да вас распропагандировали, Илья Альбертович, — агрессивно напирал Витька. — Как же так? Я ведь под вашим влиянием в геологию пошел. Погнался, так сказать, за запахом тайги. А вы...

— Эхм... Да я же никогда сталинистом не был. Мы еще, помнится, с твоим дедом дискутировали.

— Вы, значит, за американцев теперь?

Илья развел руками.

— Изумляешь ты меня такими вопросами. Даже не знаю, что на них ответить.

— Да ничего и не надо. Все и так ясно.

Егор Сергеич попросил сына:

— Сбавь обороты, Витька. Здесь тебе не митинг.

Витька сбавил. Пока гроб с телом матери не опустили в землю, отмалчивался, но затем его опять прорвало. Благодарного собеседника он нашел в лице Женьки, Машкиного мужа, который ради компании за бутылкой водки готов был слушать что угодно. Вдвоем они так набрались, что Витька заснул прямо на поминках.

Егор Сергеич, когда сын пришел в себя, устроил ему жесткий разнос. Тот, получив втык, рассудил за благо перебраться к бабке Марине, которая могла слушать любимого внука хоть круглые сутки. Витька у нее размяк и перед

отъездом вдруг разрыдался, начав обвинять отца — дескать, плохо обращался с больной матерью.

— Дома престарелых я ему не прощу! Лучше бы ко мне ее отправил. И Машке тоже не прощу. Почему не написала? Зачем скрыла?

— Решили тебя побережь, Витюша. У тебя и так переживаний полна телега, не хватало еще с матерью возиться.

— Все равно не прощу!

Это была последняя их встреча. Спустя полгода Егор Сергеич вместе с дочерью поехал в Москву хоронить Витьку. Володька, внук, за последний год вытянулся чуть не на голову, у него изменились голос и прическа. Теперь это был патлатый парень с рокочущим баритоном.

— Как нам с ним поступить-то? — спросил Егор Сергеич Нинку, когда утрясли все формальности с перевозкой тела в Алексеевск. — Можем Володьку к себе забрать, можем с вами оставить, если не в тягость.

— Да он мне уже как родной, — ответила Нинка. И, приблизив к Егору Сергеичу лицо, прошептала с радостным придыханием: — Маманей тут называл. Представляете? — А потом спросила по-деловому: — Ковер, может, заберете? У нас его все равно вешать некуда.

— Какой ковер?

— Который вы Виктору на свадьбу подарили. Так и лежит на кресле. Не продавать же — подарок все-таки.

Егор Сергеич постоял немного над свернутым ковром, раздумывая, затем покачал головой:

— Нет, мне ни к чему. Машка, может, тебе нужен?

— Чужой подарок брать не буду — грех это, — отрезала Машка.

— Ну, значит, вам остается, — сказал Егор Сергеич Нинке. — Хотите — продайте. Винить не буду.

Напоследок он все же поговорил с Володькой по душам. Тот был тверд:

— Хочу жить в Москве. Не менять же школу в который раз!

Так и решили.

Наталья, любовница, была младше Егора Сергеича на добрых двадцать пять лет. Родила, по алексеевским меркам, поздно, в тридцать четыре, за два месяца до смерти мужа, который по-глупому замерз перед самым Новым годом, когда ходил по домам в одежде Деда Мороза и, как полагается, принимал на грудь. Муж был одним из первых фермеров в районе, а до того отгрубил пятнадцать лет комбайнером в козловском колхозе. Наталье пришлось продать землю колхозу и устроиться туда дояркой. Егору Сергеичу было с ней, что и говорить, скучновато, все-таки культурный уровень низковат, но в его возрасте выбирать не приходилось, да и баба была еще в соку. И так у них все прытко пошло, что уже через полгода Егор Сергеич перебрался к ней в Козловку, а еще через год родился сын, назвали Максимом.

— Это ж надо! — радовался Егор Сергеич. — Внукам уже тринадцатый год пошел, а дядя у них — еще в пеленках. Вот как бывает!

Наталье, чтобы нянчиться с сыном, пришлось на время уйти с работы, но пенсии и зарплаты Егора Сергеича хватало, чтобы содержать семью. Этим ее, между прочим, Егор Сергеич и привлек: когда в Алексеевске живые деньги остались только у пенсионеров, она ходила в обеспеченных. Вдобавок теперь не нужно было, как раньше, выстаивать в очередях или мотаться в Саратов за детскими товарами, в алексеевских магазинах все было — только плати.

В ООО «Козловский агрокомбинат», как теперь именовался местный колхоз, Егор Сергеич был на хорошем счету. Непьющий, работающий, с высшим образованием — его быстро подняли до бригадира.

— У тебя, Сергеич, начальственная хватка, — с уважением говорил ему директорский сын Леха Цепин, занимавший при своем бате пост зама. — Этак и сам в гендиры вырастешь.

Цепины приехали в Козловку из Астраханской области. В Алексеевске болтали, будто старший Цепин, Николай, был каталой и даже мотал срок. Егор Сергеич в это не верил, считал сплетнями, которые распускали завистники. Очень быстро Цепины подгрести под себя почти всю Козловку, упирались только Саня Плющ из крайнего дома.

— Ты не Плющ, а Прыщ, — посмеивался над ним старший Цепин.

— Не выдавайте, — гудел Саня, глядя на щуплого директора с высоты своих двух метров.

Цепины купили подержанные французские комбайны, начали разводить свиней и птицу. Работать у них считалось престижным: зарплату выдавали без задержек, разве что не всегда поспевали за инфляцией. Егор Сергеич поменял свою древнюю «Волгу» на бэушный джип и купил видак «Тошиба», на котором показывал детям мультфильмы, а для Натальи записывал «Богатых» и «Санта-Барбару». Цивилизация!

Вообще на фоне той бедности, в которую ухнули земляки, Егор Сергеич выходил чуть не миллионером. Особенно яркий контраст получился с дочерью. Та заделалась челночницей и дважды в месяц моталась в столицу за шмотьем. Деньги ей с мужем теперь платили от случая к случаю, да и то какие-то гроши, — Женька их исправно пропивал. Мужики в городе мерли один за другим от левого спирта, но Женьку это не заботило. Здоровье у него было лошадиное — ни одна зараза не брала. Машке он изъездил все нервы своими выходками, при этом сам же, когда трезвел, потешался над ними, описывая с удивительным талантом — все вокруг так и покатывались со смеху. Но, выпив, превращался в мерзейшего скандалиста.

— Это заводская спиртяга его сгубила, — вздыхала Машка, наведавшись однажды к отцу в Козловку по случаю Первого мая (на праздники она предпочитала сбежать из квартиры, сплавив сына к прабабке, чтобы не попадаться под руку невменяемому мужу). — Им же в цеху выдавали спирт для прочистки деталей, вот они там все и спились. А ведь золотой мужик был! В директора мог выбиться.

— Пусть к нам идет, — сказал Егор Сергеич. — Руки у него из нужного места растут, а от пьянки отучим. Я словечко замолвлю. Вон приятель его, Денис Секачев, ушел же с завода. Теперь мастером-наладчиком у нас работает.

Машка грустно усмехнулась.

— Денис из них всех тока и остался человеком, когда остальные спились. А помнишь, как его мама называла? «Фефенька». Он же пришепетывал, а зажатый был, как зверек. — Она вздохнула. — Я уж Женьке предлагала это. Он ни в какую. Здесь же ему пить не дадут.

— Да, у Цепиных с этим строго, — согласился Егор Сергеич. — А чего в Москву перестала ездить? Деньги завелись?

— Да какие там деньги... Слава богу, хоть задерживать зарплату перестали. Крутимся. Женька придумал магнит на счетчик воды ставить. Теперь весь дом платит по кубу за месяц. Проверяющий удивлялся: «Если в лицо плеснуть, и то больше будет».

Тягостное чувство осталось у Егора Сергеича от этого разговора. Будто он бросил дочь на произвол судьбы. Но чем он мог ей помочь? Все деньги, какие зарабатывал, он тратил на семью. Даже на черный день не откладывал. Пацанам на день рождения всегда дарил что-нибудь дорогое. Старший уже получил от него игровую приставку «Денди», «Монополию» и магнитофон, младший — настольный хоккей, игру «За рулем», разноцветные машинки и конструктор. Себя Егор Сергеич тоже не забывал: купил итальянский костюм, немецкие ботинки, несколько турецких рубашек и английский галстук

в серую полоску. Жена настояла. «Вдруг мы с тобой куда выберемси, а у тебя нормальной одежды нету». — «Да куда ж мы выберемся? — удивился Егор Сергеич. — В Большой театр, что ль?» — «Да хотя б в Саратов, в приличный магазин. Там знашь какие есть?» Егор Сергеич не знал. В Саратове он уже сто лет не бывал, да и вообще из крупных городов за последние пятнадцать лет посещал только Москву.

Наталья была женщиной скромной, хотя прибахлится любила. Но запросы у нее были самые элементарные — помаду купить или новое платье. В фасонах, косметике или прическах она не разбиралась. Зато поразила мужа неожиданной склонностью к сочинительству.

Каждый вечер читала Максимке сказки перед сном. В основном там были знакомые Егору Сергеичу истории — про Золушку, Ивана-Царевича или Красную Шапочку, но одну он услышал впервые — про Деда Мороза. Ее Наталья придумала сама.

Жили-были Дед Мороз и Снегурочка. Они жили в далеком лесу, где всегда стояла зима. С утра Дед Мороз запрягал в сани оленей и объезжал свои владения, а Снегурочка оставалась дома, в ледяной избушке, и хлопотала по хозяйству: готовила еду, штопала одежду, подметала пол. Вечером на поляну слетались снегири и синицы. Они приносили Деду Морозу вести, рассказывали, кто из детей вел себя хорошо, а кто — плохо. Тем, кто слушался старших, не грубил, не капризничал и прилежно учился в школе, Дед Мороз привозил на Новый год подарок. А тех, кто не ел кашу, не гулял и все время смотрел мультики, Дед Мороз забирал в свои сани и отдавал Кощею Бессмертному, который сажал их в подземелье, к крысам и мокрицам.

И вот однажды Кощею это надоело. «Почему, — сказал он, — у меня одни лентяи и хулиганы? Они ничего не хотят делать, только визжать и бесятся. Дай мне хороших детей, пусть приберутся в моем подземелье — слишком оно замусорилось». Удивился Дед Мороз такой просьбе. «Не дам я тебе, Кощей, хороших детей. Оставайся с плохими». Обиделся Кощей и замыслил выгнать Деда Мороза из леса, а избушку его взять себе. Прослышали об этом снегири и синицы, прилетели они к Деду Морозу и рассказали о коварстве Кощея...

Когда Наталья доходила до этого места, голос ее менялся — становился низким и страшным. При этом она делала такие глаза, что Максимка натягивал одеяло на нос.

Дальше там шло про то, как Кощей обернулся Дедом Морозом, заточил настоящего Деда в подземелье, но Снегурочка привела хороших детей, и те порезали Кощея на куски. От такой лютой концовки Егора Сергеича, помнится, бросило в холодный пот. Разве можно детям такие сказки рассказывать? Но Наталья ничего зазорного в ней не видела. У нее вообще было какое-то первобытное отношение к морали: что полезно, то и хорошо. О гуманизме она представления не имела. Запросто рубила головы курам и цыплятам, и очень удивилась, когда мужа чуть не стошнило от такого зрелища.

В роли колхозного Деда Мороза выступал Денис Секачев. Он был бородатый и грузный, с широко румяным лицом. Каждый Новый год он обходил дома односельчан и раздавал детям подарки. Это придумал Николай Цепин, чтобы укрепить командный дух. Единственный, к кому Секачев не заглядывал, был Саня Плющ. Его дети из-за этого чувствовали себя изгоями и обижались на отца. Но тот оставался неумолим.

— Подумаешь, двух конфет не доберете! Было бы о чем горевать.

Но в девяносто седьмом году и Плющ сдался — продал землю Цепиным, собрал вещички и вместе с семьей уехал из Козловки. Сказал, что все его здесь допекло. А что допекло-то? Станный человек.

Началось с дискотеки. Цепины переделали под нее старый сельский клуб и превратили Козловку в точку притяжения районной молодежи. Понятно, что пиво и водка там лились рекой, может, и наркота была. Иногда случались

драки, но конфликты разрешались быстро: пришлых смутьянов вышвыривали из клуба и спроваживали домой. Занимались этим несколько дембелей, работавших у Цепиных мясниками. Чтобы держать мясников в форме, Цепины возвели спортзал с тренировочным полем. Там можно было потягать тяжести, покидать ножички и пострелять по банкам.

— У вас здесь, как в спецназе, — пошутил Егор Сергеич, однажды заглянув туда.

— Приводи сыновей — сделаем мужиками! — весело отозвался Леха Цепин.

Ребягня там тоже зависала. Цепины заключили договора с окрестными школами, и теперь на их поле дембеля преподавали подросткам начальную военную подготовку.

И вот после очередной драки в клубе одному из дембелей спалили «моксвичонок». Виновных не нашли, но вскоре в соседнем Якшино, откуда родом были бузотеры, поздно вечером отлупили главного гопника, да так крепко, что он попал в больницу с разрывом селезенки и переломами ребер. Приехала милиция, старший Цепин побожился, что его люди ни при чем, и милиция уехала.

Через два дня после этого у Сани Плюща сгорел амбар. Никто в Козловке не сомневался, что это месть якшинских, но Саня посчитал иначе.

— Это мне Цепя намек шлет, — сказал он Егору Сергеичу. — Нарочно так подгадал, чтоб на него не подумали.

— Точно знаешь или по-пустому болтаешь?

— Сам поймешь со временем, Сергеич. Дай бог, чтоб не поздно было.

Больше Плющей в Козловке не видели. А у фирмы Цепиных дела шли в гору. Бухнул дефолт, импорт вздорожал, и на фермеров пролился золотой дождь. Цепинское ООО превратилось в агрохолдинг и разрослось чуть не на весь район.

Естественно, выгоду из этого извлекли не только хозяева фирмы, но и работники. Егор Сергеич, которому шел шестьдесят девятый год, почувствовал, что наконец достиг обещанного коммунизма — так хорошо он не жил никогда. Купил новую «Тойоту Рав-4» и моторку, сыновьям подарил компьютер и CD-плеер, установил на крыше спутниковую антенну, а еще расширил дом и перевез к себе мать, которая, дожив до девяноста, сохраняла ясный ум, но уже едва двигалась из-за артрита.

В июле две тысячи первого ее не стало. В тот год умер Ворошилов, создатель «Что? Где? Когда?», и мать, любившая его передачу, была вне себя от горя. Новый ведущий ей решительно не нравился: «Это уже не то. Скоро по телевизору одна ерунда останется». Летнюю серию игр она все же посмотрела, но настроения ей это не улучшило. А потом под Иркутском упал пассажирский самолет, и мать, глянув новости, прилегла на диван и больше уже не встала.

На похороны собралось всего десять человек: Егор Сергеич с семьей, Машка с мужем и сыном да еще пара соседок с прежней квартиры. Володька не приехал.

— Да он уж, наверно, и не помнит ее, — сказала Машка. — Последний раз-то когда они видались? Больше десяти лет прошло.

— Время летит! — согласился Егор Сергеич. — Я его и сам сейчас не узнаю, наверно.

Он старался не показывать виду, но смерть матери шарахнула по нему очень сильно. А на следующий день после похорон умер Женька. «Доклевала его птица перепел», — саркастически прокомментировала это Машка, позвонив отцу. Она рассказала, как было дело: Женька встал утром похмельный, подошел, шатаясь, к шкафчику и откинулся. Машка восприняла его смерть как избавление. «Грех так говорить, но он уж и не человек был».

Расходы на погребение взял на себя Егор Сергеич, потому что у Машки после трат на прежние похороны денег оставалось в обрез.

Но когда пришло время выносить гроб, возникла неожиданная заминка. Машка хотела, по обыкновению, обойти квартиры, скликать мужиков.

— А кого кликать-то? — сказала соседка. — Все уж в могиле.

Машка опешила.

— Как же? — удивилась она. — А этот, из третьей квартиры... — Она стала вспоминать и вдруг поняла: да, никого из мужиков в подъезде не осталось.

— Ну, прям конец света! — развела она руками.

В итоге гроб выволакивали Егор Сергеич и Валерка, примчавшийся из Саратова. «Теперь хоть ремонт сделаю в квартире», — сказала Машка после похорон.

За день до Нового года, как обычно, должен был явиться Секачев в образе Деда Мороза и вручить подарки: Костику — официальное издание «Звездных войн» на четырех дисках, Максимке — электронный конструктор. Кто будет Снегурочкой, никто пока не знал, но чаще всего эта роль доставалась Денискиной жене. Егор Сергеич уже приоделся, готовясь встретить гостей, когда Наталья вдруг вспомнила, что забыла купить красной икры для бутербродов.

— Егор, сгоняй в Алексеевск, а? — попросила она.

— Вот те раз! А чего не завтра-то? Горит, что ли?

— Горит! Я ж не абы какую хочу, а нормальную. А она тока на рынке продается. Там ларек такой у входа... да ты видел! Там всегда очередь. А завтра рынок не работает.

Пришлось ехать на ночь глядя.

— Вот же дура! — ругался Егор Сергеич, крутя баранку. — Ни ума, ни памяти. Или нарочно хочет меня заездить? Я еще тебя переживу, голубушка!

Полчаса туда, двадцать минут там, полчаса обратно. Мелочь на самом-то деле. Не стоило и нервы тратить. Но тут грянул мобильный.

— Егор! — послышался голос Натальи. — Я счас в Якшино. Можешь меня забрать?

— Ты как там оказалась? — обалдел Егор Сергеич.

— Долго рассказывать. Ну как, заберешь?

— Погоди, а Дед Мороз-то был?

— Был, был. Подберешь меня или нет? — раздраженно спросила Наталья.

— Ладно, минут через тридцать буду. Ты где там находишься?

— На заправке. У поворота на Симаково.

Вне себя от бешенства, Егор Сергеич подрулил к заправке. Жена как ни в чем не бывало цедила чай, сидя в пустом кафе.

— Ну и что ты здесь забыла? — грозно спросил Егор Сергеич.

Наталья спокойно подняла на него глаза с накрашенными ресницами.

— Присаживайся. Устал, небось.

— Пошли, — качнул он головой. — Нечего рассиживаться.

— Погодь, допью.

— Ну, я тебя в машине подожду.

— Да что ты заполошный такой? Присядь!

Егор Сергеич сел.

— Так что ты здесь забыла? — повторил он.

Наталья разглядывала заснеженную дорогу за окном.

— Я так-то тебе врала насчет мужа. Не просто так он замерз. Убили его.

— Откуда знаешь?

— Да уж знаю. Даже знаю кто.
— И кто?
Она перевела на него взгляд.
— Секачев.
Егор Сергеич выпрямился.
— Ополоумела?
Наталья усмехнулась.
— Я когда в милицию пошла, он мне в лицо выдал: хошь, мол, чтобы и с тобой так было?
— А чего ж молчала?
— А чего говорить-то? Будто что изменится.
Егор Сергеич сидел ошеломленный. Секачев! Фефенька, мастер — золотые руки, «здравствуй, Дедушка Мороз»... Не может быть!
— Н-нет, — замотал он головой. — Не верю! Зачем ему это? По пьянке, что ль?
— Сам-то не догадываешься?
Егор Сергеич тупо уставился на нее. Наталья вздохнула.
— Цепины велели. Напоил паленым спиртом и вывез в сугроб.
— Да что ты мелешь! Совсем охренела?
— А зачем они Плющу амбар спалили, как думаешь?
— Ты что ж, веришь в это?
Наталья сокрушенно покачала головой.
— Егор, кто из нас образованный-то — ты или я?
— Ты пьяная, что ли? Поехали быстро! — Он поднялся было, но Наталья и бровью не повела. Егор брякнулся обратно. — Ты чего устраиваешь, Наталья?
— Сейчас допью, и поедем. Куда торопиться-то?
Егор Сергеич засопел.
— Если Цепины велели, чего ж ты на них спину гнешь?
— А куда я денусь с ребенком-то? Начала бы возникать, и меня б в сугроб засунули. Или еще чего похуже. Вон как с тем якшинским парнем.
Егор Сергеич нахмурился.
— Ну, он-то за дело получил.
— А ты откуда знаешь, что за дело? Видел, что ль, как он «москвичок» поджигал?
— Раз получил, значит, за дело. Может, его свои излупили.
— Когда машина сгорела, в Якшино свадьбу играли. Я знаю, у меня Ленка там с подругой была. И этот, избитый, тоже там был. Никуда не отлучался.
Егор Сергеич устало вздохнул.
— Ты кого жалеть-то вздумала? Якшинских? Они ж все — урка на урке. Любого бери — не ошибешься. Не этот, так другой спалил. Какая разница? А Цепины разве в курсе были? Они что, за каждым чихом следят? Мало ли какие у пацанов разборки. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Ты вспомни, как здесь раньше было. Никакой работы, сплошное пьянство. А теперь глянь! Любо-дорого взглянуть! У каждого вон по мобиле, все крыши в спутниковых тарелках. И молодежь не наркоманит. Это все с неба, что ль, упало? Кто колхоз поднял? Цепины! Кто порядок навел? Цепины! Без них якшинские вас бы с потрохами сожрали. — Он вдруг осекся. — Э, постой. Если ты здесь, мальчишки там одни, что ли? С Секачевым?
Наталья кивнула. Егор Сергеич побледнел и выскочил из-за стола. Наталья, откинув стаканчик, поспешила за ним.
— Дура! — уже не сдерживаясь, орал Егор Сергеич, гоня по ухабистым сельским дорогам. — Ты зачем это сделала? Доказать что-то хотела? Что?
— Ниче я не хотела доказать, чего ты заколготился? — спокойно ответила Наталья.

- А к чему тогда все это? Кто тебя в Якшино позвал?
 - Никто не позвал. Спасала я себя. И тебя спасала.
 - От чего?
- Наталья вздохнула и ответила, помедлив:
- А может, и не надо было спасать.

Максимка так часто слышал от мамы сказку про Кощея, что выучил ее наизусть. Но мама все равно продолжала ее рассказывать. В последний раз это было позавчера, когда они нарядили елку и он пошел спать. Мама сидела на краешке кровати, а Максимка, лежа под одеялом, таращился на мерцающие в свете ночника игрушки на ветках. Там, среди шаров и шишек, прятались зайцы и снеговики, на макушке сияла багряная звезда, а внизу, у сугроба из простыни и ваты, стоял бородатый Дед Мороз в белом тулупе, с посохом и красным мешком через плечо. Максимке мерещилось, что сейчас он оживет и объявит страшным голосом: «Вот я и пришел за твоим папой!»

- А он не заберет меня? — спросил Максимка.
- Если бушь себя хорошо вести, не заберет, — ответила мама.
- А как мне нужно хорошо себя вести?
- Ты знашь.

Максимка понял так, что не надо злить маму, а надо делать то, что она велит. На всякий случай он спросил об этом Костика.

- Верно просек, — ответил тот. — Ты тока не испорть все. Понимашь?

Максимка понимал. К приходу Деда Мороза он подготовился как следует: выучил стишок, вы зубрил мамины наставления, прорепетировал с братом. Максимка был уверен: он не подведет маму! Но когда до прихода Деда Мороза оставалось совсем немного, мама вдруг куда-то заторопилась. Она надела пальто и сапоги, взяла меховую шапку.

- Мам, ты куда? — подбежал к ней Максимка.
- Мне пробежаться надо кой-куда, сына. Вы тут с братом вдвоем останетесь. Помнишь, что надо делать?
- Куда ты? — заныл Максимка.

Мама вздохнула. Она присела на мягкую тумбу, посмотрела сыну в глаза.

- Ты уж большой, соображать должен. Ежели Кощей меня увидит, заберет к себе, как папу Костика. Тока Деду Морозу об этом не говори. Скажи: мама уехала в магазин. Ладно?

Максимка опять кивнул. Мама поцеловала его в щеку и поднялась. У нее зазвонил телефон.

- Да, — сказала она, поднося его к уху. — Вы уж рядом? Ладно. Ждем.

Она сунула телефон в карман пальто и глубоко вздохнула. Лицо ее обострилось.

- Мама, не уходи, — прошептал Максимка.
- Не могу, сына.

К ним на веранду вышел Костик. Мама и его чмокнула в щеку.

- Будь молодцом. Присматривай за братиком.

Дверь за ней захлопнулась. Максимка, приуныв, вернулся в комнату, сел под елкой. Костик встал перед ним.

- Помнишь, что надо говорить?
- Помню, — сказал Максимка печально.
- Ну, повтори.
- Не буду! С мамой уже сто раз повторяли. Не хочу!

Они начали спорить, Максимка вскочил, бросился на брата, пихнул его, но испугался, что Дед Мороз увидит, как они дерутся, и отошел к окну, в котором расплывчато переливались елочные игрушки и россыпью золотистых

искр отражалась люстра. «Он нарочно меня дразнит, — подумал Максимка. — Мама вернется — все ей расскажу».

Минут через пятнадцать распахнулась входная дверь, дыхнув морозом, и в дом ворвалась вертлявая пухлая Снегурочка в голубом кафтанчике и черных сапожках, краснощекая, улыбчивая, с ресницами в инее и большущим прыщом на левой щеке.

— Тук-тук, здравствуйте! Узнали меня? Так к вам спешила, что потеряла Деда Мороза. Позовем его? А ну-ка дружно: Дед Мо-роз!

— Дед Мороз! — подхватил Максимка, вскакивая.

— А старший почему не зовет? — строго поинтересовалась Снегурочка. — Дедушка не услышит. Давайте еще раз, все вместе: Дед Мо-роз!

— Дед Мо-роз! — хором прокричали мальчишки.

И вот он пришел — Дед Мороз! В синем с оторочкой тулупе, с огромной белой бородицей, с посохом и красным мешком — почти такой же, как под елкой, только большой, холодный и шумный.

Это кто меня зовет?
Кто встречает Новый год?
Здравствуйте, мои друзья!
Всех вас счастлив видеть я!
И больших, и маленьких,
Шустрых и удаленьких.
Я пришел из доброй сказки,
Будут нынче игры, пляски.

Максимка сжался от ужаса. Ведь это был не Дед Мороз, а Кощей в его обличье. Когда-то давно он заточил папу Костика и вот теперь пришел за его папой.

— Ско-олько вас тут? — нараспев спросил Дед Мороз. — Двое? А взрослые где же?

— Мама уехала в магазин, — торопливо сообщил Максимка.

— Вот те раз! — удивился Дед Мороз. — Как же так? А если разбойники придут?

— Они, должно быть, очень храбрые, дедушка! — сказала Снегурочка. — Вы храбрые? — спросила она мальчишек.

Максимка растерянно открыл рот, не зная, что ответить. Костик тоже молчал.

— Ну, что языки проглотили, совята? Расскажите хоть стишок. Подарки заработать надо!

Костик толкнул брата вперед, и тот храбро шагнул к Деду Морозу.

Дети водят хоровод,
Хлопают в ладоши.
Здравствуй, здравствуй, Новый год,
Ты такой хороший!

— Ай молодец! — воскликнула Снегурочка. — Какой хороший стишок прочитал! А давайте сыграем в игру! Если слышишь слово «елки», делай руки как иголки. А услышишь ты «пеньки», сядь пониже и сиди. Понятно? Когда услышите слово «елки», поднимайте руки. А когда слово «пеньки», садитесь на корточки. Вот так! — Она показала, взяв Максимку за ладошки. Максимка, пыхтя от старания, повторил за ней все движения. Снегурочка достала из кармана своей шубки маленький магнитофончик. — Ну, поехали!

Грянула веселая песенка. Мальчишки, не сводя глаз со Снегурочки, то скидывали руки, то приседали. Дед Мороз, стуча посохом, ходил по комна-

те и зачем-то заглядывал во все двери. Максимка засмеялся. Он понял, что Дед Мороз, а вернее, Кощей искал маму и папу, но их не было, они успели убежать. Кощей этого не знал и поэтому удивлялся. А Максимка знал, но молчал — пусть Кощей думает, что они спрятались!

— Надо же, и впрямь никого нет! — удивился Дед Мороз, когда музыка стихла. — А на втором этаже тоже? Или там затаился большой лохматый пес?

— Там никого нет, — сказал Костя.

— Чудеса! Ну, чудеса! А не обманываете меня, ребята?

— Нет! — в восторге проорал Максимка.

— А что, внученька, не поискать ли мне здесь нечистую силу? Авось где спряталась! Ты куда поиграй с мальчишками, а я дом обойду, поворожу, всех чертей повыгоняю.

— Как же я здесь без тебя управлюсь, дедушка? — обиженно возразила Снегурочка. — Давай мы сначала подарки детям подарим, а там вместе и поворожим, чертей поищем. — Она повернулась к Максимке и Костику. — А кто знает любимую песенку Деда Мороза?

Максимка растерянно посмотрел на брата, но тот молчал.

— Ну же, какие новогодние песни вы знаете? — напирала Снегурочка.

— «В лесу родилась елочка», — пробурчал Костик.

— Вот молодец! — воскликнул Дед Мороз, тряся бородой.

— Вот она у меня как раз записана, — сказала Снегурочка.

— А что мы делаем под эту песенку? — спросил Дед Мороз у Максимки.

— Хороводы водим, — шепнул ему Костик.

— Хороводы водим, — повторил Максимка.

— Умница! — воскликнула Снегурочка. — Дедушка, поддержи мой магнитофон, ты будешь нам играть, а мы станем водить хоровод вокруг елки.

И они пошли хороводить, подпевая Снегурочке.

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...
И много-много радости
Детишкам принесла.

Снегурочкина варежка была теплой и шершавой, Максимке приятно было ее держать. Но песенка скоро закончилась, и варежку пришлось отпустить.

— А теперь отгадайте дедушкины загадки, — произнесла Снегурочка.

— Да я и без загадок вижу, что дети умные, — прервал ее Дед Мороз. — Пора уже и подарки дарить. Ну-ка, что у нас тут? — Он зубами снял рукавицу, сунул ее в левый карман, а из правого извлек почтовый конверт. — Так-так, письмо. А что в нем написано? — Он вытащил из конверта сложенный вдвое тетрадный лист. — «Дорогой Дедушка Мороз! Нас зовут Костя и Максим». — Он остановился и поднял глаза. — Какой хороший почерк! Мама писала, хе-хе? — Опять опустил взгляд в текст и продолжил: — «Когда-то давно мы остались без папы, потому что его унес Кощей...» Ай-ай-ай, — покачал он головой. — Как грустно! «Кощей обернулся Дедом Морозом и заморозил папу в снегу. Теперь у нас другой папа, но за ним Кощей тоже охотится. Чтобы спасти нашего папу, мы решили убить Кощея...»

Дед Мороз осекся и уставился на мальчишек. Снегурочка тоже замерла. Костик же вытащил из-под «сугроба» длинный кухонный нож и передал его брату.

— Держи. Помнишь, как мама учила?

Максимка жадно ухватился за рукоятку обеими ладошками, выставил нож лезвием вперед и с радостным воплем ринулся на Деда Мороза.

— Ты не волнуйся, — сказала Наталья. — Нас дома не было, а кто на мальчишек подумат?

У Егора Сергеича зуб на зуб не попадал. То, что рассказала Наталья, было чудовишно, невероятно. Он как будто оказался то ли в страшном сне, то ли в фильме ужасов. С колотящимся сердцем он подъехал к воротам дома. «Тойота» еле вскарабкалась по обледенелой дороге. Не выключая двигатель, Егор Сергеич выскочил из машины и бросился на крыльцо. Распахнув дверь, влетел на веранду. В проеме входа, ведущего в комнату, лицом вниз лежал Дед Мороз. Под ним, ртутно мерцая, растекалась лужа крови. Локтем правой руки Дед Мороз упирался в косяк, словно последним отчаянным усилием пытался протиснуться наружу. Свальявшаяся борода съехала набок, но пышная шапка с меховым околышем каким-то чудом удержалась на голове.

Егор Сергеич на секунду остолбенел, созерцая эту сцену, затем перешагнул через труп и ступил в комнату. Там все было вверх дном: валялись стулья, журнальный столик лежал на боку, полускрытый сползшим с дивана бежевым покрывалом; обеденный стол кто-то сдвинул к холодильнику, да еще с такой силой, что на дверце осталась небольшая вмятина. По полу, забрызганному кровью, рассыпались осколки стекла от разбитой дверцы книжного шкафа. Зато елка стояла нетронутая, и даже игрушки на ней уцелели, будто разыгравшаяся здесь буря каким-то образом обошла ее стороной. У лестницы на второй этаж переливалась рыжая лужа блевотины, похожая на пролитый овощной суп. Рядом с ней, прислонившись спиной к боковушке дивана, сидел с закаченными глазами бледный как смерть Костик. Руки его были в крови, голова упала на плечо.

Егор Сергеич бросился к нему, схватил за плечи, начал трясти.

— Костян, ты живой?

Тот засталон и поднял голову, мутно глянув на отчима. В горле у него заклокотало, он наклонился вперед и сплюнул тягучую слюну.

— Ты живой? Где брат? — спросил Егор Сергеич.

Костик помотал головой. Егор Сергеич метнулся обратно на веранду, подскочил к раковине и намочил носовой платок. В этот момент из соседней комнаты, гулко топоча, выбежал Максимка, весь в крови.

— Мы все сделали, как мама сказала! — радостно воскликнул он.

— Ох вы мои лапушки! — услышал Егор Сергеич голос жены за спиной. Наталья, без шапки, стояла в проеме входа. Максимка кинулся к ней в объятия.

— Смотри, какие у меня руки! — похвастался он, показывая ей окровавленные ладошки. — Пойдем, я тебе покажу. — Он потянул мать за собой.

Наталья, улыбаясь, прошла за ним в соседнюю комнату. Егор Сергеич, шатаясь, проследовал туда же. Комната была небольшая, треть ее занимала икеевская кровать; возле стены, неплотно прилегая, стоял старый лаковый шкаф с не закрывающимися до конца дверцами. Между шкафом и кроватью — Егору Сергеичу едва не стало дурно — лежало тело жены Секачева в костюме Снегурочки. Левый бок ее превратился в сплошное месиво, вместо глаз зияли кровотокащие раны, нарядный кафтанчик походил на лохмотья — видно, сыну доставляло удовольствие кромсать его. Но крови на полу было на удивление мало — очевидно, все впиталось в одежду, которую Максимка не догадался расстегнуть.

— Было так здорово! — захлебывался он от восторга. — Она так смешно кричала! Самый лучший Новый год! Мама, ты такая классная! Папа, мы тебя спасли!

Егор Сергеич схватился за сердце и потерял сознание.

Глава двадцать восьмая

Лето две тысячи второго года окончательно утвердило Людмилу в мысли, что нужно сделать липосакцию, а может быть, и подтяжку подбородка. Отдых в Пунта-Кане вместо релакса принес одни огорчения. Хвостовский не спускал глаз с тамошних девиц, и Людмила поняла, что откладывать нельзя. Каланетика и пилатес уже не спасали.

Вот только ее массажистка в спа-салоне была иного мнения.

— Вы отлично выглядите для своего возраста, Людмила Геннадиевна!

— Для своего возраста, — саркастически повторила Людмила.

— Ну да. У вас прекрасная кожа и замечательные волосы. Можно было бы немного откачать из бедер, но, бога ради, не трогайте свое лицо! Знаете, лучшее — враг хорошего. Не стоит из-за каждой мелочи ложиться под нож. Вон Гвоздецкая сделала себе фейслифтинг и как отекла! Лучше используйте гимнастику для лица. Поверьте, это то, что вам надо. И забудьте о шугаринге, пока не сойдет загар.

— Боже мой, — простонала Людмила. — Опять воск... А что там Гвоздецкая?

— На нее же больно смотреть! Красивая дама превратила себя черт знает во что! Я понимаю, хочется продлить молодость, но надо же соразмерять возможности своего организма. Чудес не бывает...

— Легко тебе говорить в двадцать восемь! А мне уже сорок четыре...

— Я бы дала вам не больше тридцати двух, — заверила массажистка.

— Ты такая милая!

Массажистку звали Римма, она была родом из Липецка, а в Москву переехала десять лет назад, чтобы поступить в какой-то художественный вуз. Отучившись два года, поняла, что это не ее, и бросила, перейдя на курсы массажа. Четыре года назад вышла замуж и родила мальчика. Жила она в квартире мужа где-то на Кантемировской. Людмила, кажется, знала о ней все. Секретов друг от друга у них не было. Ну, почти.

— Как было в Доминикане? — спросила Римма.

— Скучно. Все одно и то же. Пляжи эти, море, пальмы, ананасы... Хочется чего-то нового. Раньше я мечтала о спокойной жизни. А теперь вот хочется драйва, энергии, ярких красок. А то как в тине живу.

— А вы пробовали ролевые игры? А еще лучше вызвать у мужа ревность. Стопроцентное средство. Сразу вернет его интерес.

— Боже, что ты мне советуешь! — притворно возмутилась Людмила. — Я хорошая девочка.

В ее сумочке зазвонил мобильник.

— Будь добра, дай сюда, — попросила Людмила. — Это, наверно, дочь. Алло! — сказала она, когда Римма передала ей телефон. — Стелла, в чем дело? Я же говорила, что иду в спа.

— Мама! — раздался плачущий голос дочки. — Я хочу на мюзикл! У нас Шадрина ходила, и ей понравилось.

— Ну, сходи. Диана знает, где купить билеты?

— Мама, я не хочу с Дианой. Она вообще в мюзиклах не разбирается.

— Давай дома поговорим. Я сейчас занята.

— Ладно. Я буду ждать!

Кинув телефон обратно в сумку, Людмила пожаловалась массажистке:

— Дочке двенадцать лет, а без матери шагу ступить не может. Наверно, я ее избаловала.

— Она у вас такая симпатичная! Полная ваша копия!

Из спа-салона Людмила поехала в ресторан «Ацтека» — встретиться с Ирккой. Сто лет ее не видела. Та совсем куда-то исчезла, а на прошлой неделе вдруг позвонила и предложила поболтать. Людмила охотно согласилась. Ин-

тересно же, чем она занималась все это время. Сейчас ей уже казалось странным, что она ревновала Ирку к Силантьеву. Не потому, что Ирка в принципе не могла спутаться с Силантьевым, а потому, что Силантьев не вызывал в ней уже никаких эмоций. Появись сейчас Ирка с ним под ручку — обрадовалась бы их семейному счастью.

— Сегодня на Новом Арбате застрелили кого-то, — сообщил ей водитель. — Губернатора, кажется.

— И что?

— Ничего. Решил вам сказать.

— Спасибо. Мы едем или стоим?

— Уже трогаюсь.

По пути она заглянула в «Арбат Престиж». Подруги из тусовки были бы в ужасе, если б узнали. Они обходили этот магазин за версту. А Людмиле нравилось там бывать. Какой-то он был уютный, свой, и даже попытки косить под французские сети вызывали не смех, а умиление. Будто приехала в деревню к бабушке и увидела там самопальный пруд с лебедями. Прелесть же!

В магазине она провела целый час. Когда вышла, водитель (он же — охранник) нес за ней несколько пакетов с парфюмом и кремами.

На встречу Людмила опоздала, но так и должно быть: пусть Ирка не задается.

Бывшая няня за прошедшее время здорово раздалась, что, впрочем, только придало ей пикантности. Раньше выглядела доска доской, а теперь перед Людмилой предстала фигуристая и очень интересная женщина, хоть и без прежней свежести. К пластике Ирка, судя по всему, не прибегала, но красилась куда гуще, чем прежде.

Они поцеловались.

— Что читаешь? — спросила Людмила, заметив на столе перевернутую книгу.

— «Сто лет одиночества». Друг посоветовал.

— А у меня вот руки до книг не доходят. Надо бы, да все некогда. То одно, то другое...

Официантка принесла меню.

— Откуда у тебя мой номер? — спросила Людмила.

— Евгений Петрович дал.

Ну конечно! Как просто. Она сама год назад оставила Евгению свой номер на тот случай, если Силантьев выйдет по УДО.

— Давненько его не видела. Как у него дела?

— Понятия не имею. Не спрашивала.

— А почему ты выбрала этот ресторан? — спросила Людмила, пробегая глазами названия блюд. Энчилада, тако, буррито... Ничего особенного.

— А я здесь живу недалеко.

Они долго выбирали, что взять. Наконец сделали заказ, и началась ни к чему не обязывающая трепотня. Они словно прощупывали друг друга, оценивая, как изменились за это время.

— Ты чем занимаешься-то нынче? — спросила Людмила.

— Развелась вот, — медленно сказала Ирка, обдумывая каждое слово. — Теперь с ребенком сажу. Гадаю на картах Таро. Хотите, и ваше будущее предскажу.

— Да что в нем интересного! — засмеялась Людмила.

— А вы знаете, что Пошкус на Гуляевой женится? Что Михаил Анатольевич об этом думает?

— Слышала, — сухо ответила Людмила. — Михаилу Анатольевичу это безразлично. А у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Так, ничего серьезного. Мне Шестуна хватило. Теперь морально отдыхаю.

— Кого? — удивилась Людмила.

— Шестуна. — Ирка озадаченно уставилась на Людмилу. — Так вы не знаете?

— Н-нет.

— Я же за Шестуновым была замужем шесть лет.

— И ты молчала?!

Ирка пожала плечами.

— Мы с вами в то время жили уже разными жизнями.

— А почему развелись, если не секрет?

— Потому что он контролировал каждый мой шаг. Совершенно шариатские представления о семейной жизни. А еще повернут на эзотерике. Мне и самой это интересно, но у него какая-то мания. Притащит очередную книжку и орет про звенящие кедры и реинкарнацию. Еще Каббалу штудировал, спасибо ему, научилась гадать на Таро. А главное, каждые полгода — новый бзик: то медитации, то Кастанеда, то еще что-нибудь. И все время нотации, как я должна себя вести. Задолбал. Ну его на фиг.

— А алименты платит?

— Платит. Куда он денется? Разводились мы тяжело, судились за дочь.

— А где он сейчас? Все так же работает на Евгения Петровича? — спросила Людмила.

— Ну да. Жук оседлал фарфоровый завод на Бахрушина, а Шестунова поставил курировать ретейл. Вернее, это я настояла на ретейле, сам-то Шестунов никогда бы не додумался. Его предел — автомастерская или заправка. — Ирка задумчиво постучала пальцами с коротко остриженными ногтями по круглой доске, которые здесь были вместо тарелок. Им принесли чай. — Я чего вас пригласила — не хотите развлечься? Вы давно в клубе были?

— Ой, давно!

— Сейчас появилось столько интересных мест! Давайте куда-нибудь сходим, посидим, поболтаем. Можете и еще кого-нибудь взять. Ольгу Антоновну, например. Как вы на это смотрите?

— Гвоздецкую?

— Ага.

Людмила замотала головой.

— Ирочка, я по клубам уже не ходок. Не тот возраст, знаешь ли. Да и семья не поймет.

— Ой, Людмила Геннадиевна, — замахала руками Ирка. — У женщины всегда тот возраст, на который она себя ощущает. Вот вы на сколько себя ощущаете?

Людмила усмехнулась.

— Не уговаривай, не поддамся. Мои клубы все в прошлом.

— Жаль, — огорчилась Ирка. — Было бы весело.

Им принесли заказ: Людмиле — мексиканский салат из капусты с редиской, Ирке — тамале с начинкой из сырного соуса.

— А это правда, что Ольга Антоновна рассталась с кавалером? — спросила Ирка.

— То есть что очередной кавалер ее бросил, ты хочешь сказать, — уточнила Людмила. — Не стоит связываться с альфонсами. Вообще мне ее жаль. У нее в последнее время сплошной сумбур на личном фронте. Она думает, что еще может кружить голову юнцам, а это не так. Ну, смешно же!

Они поболтали еще минут двадцать и засобирались. Ирка сыпала комплиментами, восхищаясь внешним видом Людмилы, ее духами, одеждой, сапогами и, наконец, машиной.

— Это «мерседес», да? Обожаю «мерседесы»!

Они вышли на улицу, водитель открыл заднюю дверь.

— Рада была тебя повидать! — сказала Людмила на прощанье. — Я тебе звякну, как надумаю насчет клуба.

Звякать она, конечно, не стала. Ясно как божий день, что Ирка хотела использовать ее, чтобы внедриться в высшие сферы. Пусть ищет себе другой транспорт.

По пути домой почему-то вспомнились слова массажистки: «Вы прекрасно держитесь для своего возраста». Вот же зараза! Ну, зачем ей было так говорить? Вспомнились вдруг задержки Хвостовского на работе, его неубедительные оправдания, его холодность, которую он почти не пытался скрывать... А сильнее всего вспомнилось его категоричное заявление: «Люда, детей я больше заводить не хочу. Давай поживем для себя». Может, в самом деле развести его на ревность?

Обитала она теперь за городом, на Рублево-Успенском шоссе, в трехэтажной усадьбе, зажатой между особняком дальневосточного чиновника и замком топ-менеджера металлургической компании. Когда приехала, дом был пуст, и только на кухне хлопотала Диана, повариха. Хвостовский, как обычно, зависал в офисе, а Стеллка еще не вернулась из гимназии. Что у нее там сегодня после уроков? Музыка, кажется?

Первым делом Людмила вскарабкалась на эллиптический тренажер и погоняла его минут тридцать. Затем приняла душ, закусила бутербродами с сыром и, плюхнувшись в гостиной на диван, врубила интернет-кинотеатр. Выбор фильмов ее не порадовал — одно старье. Из новинок сомнительные боевики и сортирные комедии. Ничего приличного.

Вскоре явилась Стеллка. Кинув в прихожей портфель, она влетела в гостиную и закричала:

— Мама, ты купила билеты на мюзикл?

Людмила ударила себя по лбу.

— Совсем вылетело из головы! Завтра куплю, доча.

Стеллка надулась.

— Я ведь просила.

— Доча, мир не крутится вокруг тебя. У мамы могут быть дела, мама стареет, и память у нее уже не та.

Стеллка засопела и ушла переодеваться.

— Пообедать не забудь! — крикнула ей Людмила.

Интересно, во сколько явится Хвостовский? Если опять в девять, не миновать ему скандала.

Хвостовский приехал в десять. Людмила вышла ему навстречу, скрестив руки на груди.

— И где же мы шлемся, милый?

— Я ж писал, что задержусь, — пропыхтел муж, снимая ботинки.

— И где ты задержался?

— Да все там же.

— Гуляеву видел? — спросила Людмила, идя за ним в гардеробную. — Ужинать будешь?

— Видел. Буду.

— Ну и как она?

— Нормально.

— Пошкус с ней счастлив? Привычек не переменял?

— Понятия не имею. Мне не отчитывался.

Краткость ответов вывела Людмилу из себя.

— Приходишь все позже и позже, — заметила она, оставляя ему шанс на мирный исход. Но Хвостовский им не воспользовался, наоборот, сам атаковал Людмилу.

— Думаешь, я езжу к Пошкусу, чтобы трахаться с бывшей женой?

Людмила растерялась.

— А ты трахаешься? — пролепетала она.

— Конечно! — саркастически отозвался Хвостовский. — Дианка спит уже? Пускай в столовую ужин принесет.

— Миша, ну что за грубость! Ты раньше таким не был.

— А каким я был?

— Другим. Мы уже забыли, когда собирались все вместе за столом.

Хвостовский поцеловал ее в лоб.

— Люда, не нагнетай.

— Разве я не права? — гнула свое Людмила, идя за ним в столовую.

Из детской спустилась Стеллка — в коротких джинсовых шортах и белой майке с изображением Бритни Спирс в полный рост. На шее ее висели большие наушники с проводом, который волочился за ней, стучаясь разъемом по деревянным ступенькам.

— Пап, купи мне билет на мюзикл!

— А чего маму не попросишь?

— Мама забыла.

— Ну, напомни ей.

Стеллка в досаде топнула ногой.

— Ну, пап!

— Стелла, давай без капризов. Завтра тебе мама купит.

Дочь в ярости сжала зубы и ушла к себе.

— Ну, где там Диана? — раздраженно спросил Хвостовский. — Пускай хоть пиццу разогреет.

— Без Дианы уже никуда! — развела руками Людмила. — Садись, сама разогрею.

Хвостовский сел за длинный обеденный стол, облокотился и устало уперся лбом в костяшки пальцев. Людмила ушла на кухню, подогрела ему в микроволновке гавайскую пиццу, разрешила ее на аккуратные треугольники и принесла в столовую.

— Тебе какой чай? — спросила она. — Пуэр?

— Нет, — выдавил Хвостовский. — Давай красный.

Пока он жевал пиццу, Людмила заварила чай и села напротив него.

— Что тебя гложет, Миша? Ты какой-то сам не свой.

— Лариска требует «Харлей» к свадьбе, — медленно ответил он. — Обещает не вредить.

— И что, купишь?

— А что делать? Лишь бы отвязалась.

— Ну, привет! — возмутилась Людмила. — А если она у тебя завтра яхту попросит? И стриптизеров?

— Надеюсь, не попросит.

— Это просто замечательно! — всплеснула руками Людмила. — Мужик на поводке у бывшей. Картина маслом.

— А что мне остается? — зло вымолвил Хвостовский, давясь пиццей. — Я не могу рисковать делом из-за бабских прихотей. Лариска черт знает что может напелсти Пошкусу. Хорошо хоть Артур теперь с ними. Алименты больше не надо платить.

— Господи, что я слышу! — схватила за голову Людмила. — Ты сам понимаешь, что говоришь? В кого ты превратился, Миша?

Хвостовский прикрыл глаза.

— На себя погляди.

— Ты о чем? — опешила Людмила.

— О твоём фаллоимитаторе, который ты в шкафу прячешь. Я тебя, значит, уже не удовлетворяю, да?

Людмила оцепенела. Она уже и думать забыла о той игрушке. Как же Хвостовский до нее добрался?

- Ты что же, обыск у меня провел?
— Нет, ножницы искал. Все перерыл. Давно ты с ним забавляешься?
— Нашел чем попрекать! Ревнуешь к секс-игрушке?
— Давай еще я приволоку резиновую бабу. Как тебе?
— Не ори. Дочь услышит, — зло произнесла Людмила. Затем с оскорбленным видом поднялась со стула, ушла в гостиную, взяла там оставленный на столе мобильный и набрала номер Ирки.
— Але, Ирунчик, я согласна. На твой выбор. Только не на ночь, а на вечер. Ладно? Концерт там какой-нибудь или еще что. Договорились? Замечательно.

Глава двадцать девятая

— Слышали, вчера на юго-западе «Макдональдс» взорвали? — сказал Игорь.

— Слышали, — ответила Ирка.

— Надо террористам благодарность вынести — ведут борьбу за здоровый образ жизни.

Ох уж эти молодежные шутки!

Людмила вопросительно поглядела на Ирку. Ни о каких парнях они не договаривались, тем более таких юных.

Игорь был полноватый, огненно-рыжий, лет двадцати, с печаткой на указательном пальце правой руки. Странно, что без черных очков. Его приятель был постройнее и, на вкус Людмилы, посимпатичнее: шатен с карими глазами. Довольно высокий. Звать Володя.

В дамской комнате Людмила набросилась на Ирку:

— Ты зачем их привела? Я на это не подписывалась!

— Людмила Геннадиевна, вас же никто не тянет к ним в постель, — флегматично ответила Ирка, подкрашивая губы перед зеркалом. — Наслаждайтесь компанией! Разве плохо, что мы с вами еще способны вызывать интерес у молодняка?

Тут она была права. Гвоздецкая собственнй шиньон съела бы ради такого.

— Ты где с этими жеребятами познакомилась? — спросила Людмила чуть спокойнее.

— На Горбушке. Искала фильмы, ну и разговорились. Игорь там работает.

— А он знает, что у тебя ребенок?

— Я же не веду его под венец. Так, легкая интрижка.

Она спрятала помаду и повернулась к Людмиле. Заметив ее озадаченный вид, рассмеялась.

— Пойдемте веселиться! — воскликнула она, беря Людмилу под руку.

— Ох, Ирка, кидаешь ты меня в какой-то омут...

— Надо брать от жизни все!

Людмиле вспомнились те юные кобели, с которыми ее свела Гвоздецкая на ВДНХ десять лет назад. Тогда это казалось ей банальным сводничеством, а теперь... теперь то же самое выглядело забавной авантюрой, почти не страшной, но будоражащей кровь.

Клуб был маленький, поделенный на два небольших зала — со сценой и без. Ирка, разумеется, выбрала со сценой. Выступали «Манго-манго» — кривляющиеся придурки с идиотскими текстами. Да и публика была им под стать: сплошь молодежь в шмотках из «Бенетона» или офисный планктон, спешивший оторваться перед очередной рабочей неделей. Людмила чувствовала себя здесь неуютно. Да и беседа с Игорем и его приятелем не задалась.

Парни спрашивали женщин, как они относятся к песням Земфиры; нравится ли им хаус; что думают о гибели Бодрова; знают ли «Фэт бой слим»; пробовали ли спайс, читали ли Пелевина, — и если Ирка еще могла как-то поддерживать этот разговор, то Людмиле просто нечего было сказать. Оживилась она только при упоминании шоу «За стеклом», которое смотрела от начала до конца со всеми продолжениями.

— Это же эксгибиционизм какой-то! Не понимаю, что за идиоты туда пришли! Неужто вся молодежь нынче такая?

А еще у юнцов был странный язык, пересыпанный словечками вроде «вебка», «чатиться», «джи-пи-эс», «подкаст», «ачивка» и «блог». «Боже мой, зачем я пришла? — подумала Людмила. — Я старуха!»

Она схватила стакан с «лонг-айлендом» и приникла к трубочке. Черт побери, это уже не смешно. Неужели она настолько отстала от современности?

— Сто лет не была в клубах.

— В ваше время и не было таких клубов, — заметил Игорь, улыбаясь.

— В наше время?

— Ну, в советское. Слышали такую кору: «Парень клеит модель в клубе»? Вот что-то типа того, — и он заржал, нагло глядя на Людмилу.

— Кору?

— Шутку.

Людмила закатила глаза. К счастью, ей на выручку пришел Володя:

— По мне, так раньше девушки лучше были. В них содержание имелось.

— Содержанки, что ли? — задыхался от смеха Игорь.

— Да иди ты!.. Сейчас только о деньгах думают. Разве не так? Все-таки при совке была сверхидея, цель, отсюда и достижения. Как бы его ни пинали, он выиграл войну, сделал бомбу и вышел в космос. А сейчас чего мы достигли? Станцию «Мир» — и ту утопили. Потому что нет сверхидеи! Нет чувства локтя. В СССР не надо было биться за место под солнцем, от голода бы ты стопудово не умер. А сейчас приходится других расталкивать, чтобы наверх пролезть. Вместо принципов — расчет. Ты мне — я тебе. Дети кокаколы.

Людмила с удивлением посмотрела на него.

— В Советском Союзе тоже хватало минусов, уж поверьте мне, — мягко заметила она.

— А где их нет? Но он давал людям глобальную цель, поднимал над инстинктами. А теперь мы все — общество потребления. Разве это хорошо?

— Не знаю. Не задумывалась над этим.

— Вовка у нас — совкодрочер, — иронично вставил Игорь.

— Кто? — не поняла Ирка.

— Ну, который на совок фапает, — пояснил он.

Женщины опять ничего не поняли.

— Боже мой, что это за язык такой? — в отчаянии воскликнула Ирка. — Вы вообще по-русски говорите?

Парни загыгыкали.

— Это сейчас так на удафкоме общаются, — объяснил Володя. — Такой модный сайт в рунете.

— Рунете?

— Русском интернете.

Людмила развела руками.

— Ну, знаете! За вашей модой не поспеешь! Тут с мобильным не можешь разобраться, а еще рунет. Вы чем занимаетесь, Володя?

— На Горбушке вместе с Игорем торгую. Только он кассеты толкает, а я — CD. Ну, еще от армии прячусь периодически, — усмехнулся он.

— А Игорь? Он тоже прячется?

— У него плоскостопие. Счастливый человек!

— А что закончили? — продолжила расспросы Людмила.
— Истфак в педвузе. Хотел в МГУ, но пролетел. Так что по диплому я — учитель, если вам интересно. А вы?

— А я — геолог. По диплому.

— Геолог? — вытаращился на нее Володя. — Никогда бы не подумал.

— Почему? — улыбнулась Людмила.

— Не похожи вы на геолога.

— А на кого я похожа? — лукаво спросила она.

— На бывшую модель. Правда, Игорь?

— Точно, — поддержал тот. — Мама Стифлера отдыхает. Я прям так сразу и подумал: «Наверно, бывшая модель».

— Парень клеит модель в клубе, — рассмеялась Людмила.

Концерт закончился, и они двинулись к выходу. Людмила проверила мобильник — Хвостовский не звонил. Ну что ж, сам виноват. Раз ему плевать, то и ей плевать.

Настроение у нее теперь было лучше некуда. Разговор с этими юнцами словно омолодил ее. Захотелось устроить что-нибудь безумное, какую-нибудь авантюру, которую она будет с удовольствием вспоминать на старости лет. Прощальную гастроль, так сказать.

— Ну что, кто куда? — спросила она, когда они вышли на улицу.

— Я в метро, — ответила Ирка. — Кто-нибудь со мной?

Это был вопрос для молодых людей. Они должны были решить, кто идет с кем.

Юнцы переглянулись.

— А вы сейчас куда? — спросил Володя Людмилу.

— Я, пожалуй, пройду. Хочется подышать свежим воздухом.

— Тогда... я, наверно, тоже пройду, — сказал Володя. — Также хочется... подышать.

Выбор был сделан. Игорю оставалось с деланой бодростью сообщить Ирке:

— Ну, а я тогда с вами в метро.

На том и расстались.

Дышать свежим воздухом в сырой октябрьский вечер — удовольствие ниже среднего. Поэтому, как только они избавились от компании, Людмила начала озираться в поисках такси. Володя произнес, тоже крутя головой:

— Люблю эти места. Я, когда студентом был, часто сюда приезжал. Здесь Историческая библиотека рядом, вот там мы зависали... И в «Летчика» тоже не раз заходили.

Людмила спрятала улыбку. Похоже, мальчик впервые оказался в такой ситуации и не знал, как себя вести. Значит, пора было брать инициативу.

— Знаете, я подумала — к чему гулять? Я живу здесь недалеко. Возле Арбата. Если хотите, можете зайти, выпить чаю.

Боже, она клеит юнца в два раза моложе себя! Совсем как Гвоздецкая! Какой стыд!

Володя медленно кивнул.

— Давайте. А мы никому не помешаем?

Милый, добрый мальчик! Наверно, вспомнил незадачливых любовников из анекдотов и испугался, что окажется на их месте.

— Никому, — успокоила его Людмила. — Мои все живут за городом. А эта квартира стоит пустая. Вы возьмете такси?

— Да, конечно!

Возле клуба дежурило несколько машин. Володя выбрал самую скромную — «Акцент» кофейного цвета с каким-то азиатом за рулем.

Они поехали, и Володя сказал, помедлив:

— Знаете, смотрел тут «Шерлока Холмса», и подумалось: доктор Ватсон — он же типичный герой перестроечных фильмов — «афганец», владеет боевыми искусствами и борется с преступностью.

— Ловко подмечено! — воскликнула Людмила.

Девственник — вот в чем дело! Оттого и нервничал. Это даже лучше.

— Или вот, — продолжил Володя более твердым голосом. — В «Винни-Пухе» первый рэп на свете — помните? «Если я чешу в затылке, не бе-да!» Но это общеизвестно. А вот обращал кто-нибудь внимание, что там объясняется квантовая механика? «Каждая вещь или есть, или нет. А мед — я никак не пойму, в чем секрет, — мед если есть, то его уже нет». В точности как с котом Шредингера!

И немного зануда. Плевать!

Она еще раз достала телефон. Ни звонков, ни эсэмэсок. Ну и ладно.

Они доехали до ее дома, поднялись на лифте. Людмила открыла дверь квартиры и ступила в прихожую, включив свет.

— Ого! — сказал Володя, войдя вслед за ней.

— Нравится?

— Ага!

Еще бы! Евроремонт и дизайн интерьера в стиле барокко — Хвостовский, помнится, кучу денег за это отвалил. Интересно, пошел бы он сегодня на такие траты?

Людмила сняла туфли и летящей походкой проследовала в гардеробную. Обернулась к Володе — тот все еще стягивал ботинки.

— Куртку вот здесь повесь, — сказала она, вдруг переходя на «ты».

— Угу.

Она скинула плащ, повесила его на плечики и направилась на кухню.

— Я поставлю чай. Хорошо?

— Ага.

Пока грелся электрический чайник, Людмила смотрела в окно и думала, с кем сейчас Хвостовский. Уже десятый час, а он так и не позвонил. Неужели Пошкус действительно поставляет ему шлюх, как говорят?.. И дочь молчит. Тревожно. Может, звякнуть ей? Черт, опять забыла купить эти проклятые билеты!

Юнец почему-то долго не выходил из гардеробной, и Людмила заволновалась. Она уже хотела позвать его, когда оглушительно грянул сигнал мобильного. Людмила вздрогнула. А вот и дочь. Или муж.

Вернувшись в прихожую, открыла шанелевскую сумочку и достала со-товый. Номер был незнаком.

— Але! — сказала она.

— Добрый вечер! — поприветствовал ее высокий мужской голос. — Это Людмила Геннадиевна?

— Да.

— Меня зовут Кольваненко Василий Николаевич. Я следователь Главного следственного управления по Москве. Возможно, вы меня помните. Мы с вами пересекались лет десять назад, когда вы были замужем за Олегом Максимовичем Силантьевым.

— Н-нет, не помню, — вымолвила Людмила, чувствуя, как сердце ее ушло в пятки. — Что случилось?

— Мне дала ваш номер Ирина Вадимовна Сазонова. Она работала у вас няней.

— Да-да, мы сегодня встречались с ней.

— Вы не могли бы завтра подъехать к нам на Арбат? Хотим задать несколько вопросов об Олеге Максимовиче.

— Я с ним давно в разводе, — нервно ответила Людмила. — И вообще он в тюрьме, насколько я знаю.

Краем глаза она заметила, что Володя наконец появился из гардеробной. Вид у него был ошалелый. Увидев Людмилу, он замер и уставился на нее как на привидение. Людмила заметила дырку у него на правом носке. Мальчик явно не рассчитывал оказаться сегодня в квартире один на один с женщиной.

— Он освободился месяц назад, — сказал Кольваненко. — А сегодня ворвался в офис компании «Байкал» у метро «Савеловская» и устроил там стрельбу. Двое погибших. Вы не смотрели новости?

Людмилу прошиб пот. «Байкал» — это же фирма Евгения. Господи, что там произошло?

— Н-нет, я была на концерте. Какой ужас! Вы схватили его?

— Погиб при задержании. Ведется следствие. Нам надо задать вам несколько формальных вопросов.

— Но я ничего не знаю! Я не видела его больше десяти лет!

— Мы все равно обязаны вас допросить. Таковы правила.

— Н-ну хорошо. В два вас устроит? — спросила Людмила севшим голосом.

— Вполне. Запишите адрес. Или отправить вам эсэмэской?

— Да, отправьте. Спасибо!

— Благодарю вас. До свидания!

Он отключился, а Людмила тупо воззрилась на Володю, не зная, что и думать. Убил двух человек. Погиб при задержании. Как будто вдруг приоткрылась крышка в прошлое, и оттуда пахнуло смрадом криминальных разборок и заказных убийств. Стоп, а почему следователь звонил Ирке? Ах да, Ирка же была замужем за Шестуном. А Шестун работает на Евгения. А что это значит? Людмила не успела додумать, потому что Володя как-то нелепо задвигал руками и выдавил:

— У вас там грузовик стоит. Откуда он?

— Что? — не поняла Людмила. — Какой грузовик?

— Там на полке стоит грузовик. Откуда он у вас?

— Грузовик? — рассеянно повторила Людмила. Ей сейчас было не до грузовиков. — Послушайте, Володя, мне очень жаль, но вам, видимо, придется уйти. Мне позвонили по одному крайне важному делу. Извините.

— Да, конечно. — Юнец как будто ждал этого. Он сорвался с места, пролетел мимо нее и начал торопливо натягивать дрожащими руками ботинки.

— А куртка? — спросила Людмила. — Пойдите, я принесу.

Она сходила за курткой. Володя поспешно надел ее, дернул дверь, но та не поддавалась.

— Погодите, — сказала Людмила. — Дайте мне.

Она оттянула пружинную щеколду и распахнула дверь.

— Простите, что так вышло, — сказала она на прощание.

— Ничего, — пробормотал Володя, бледнея на глазах. — До свидания.

— До свидания!

Она закрыла за ним дверь и лишь тут сообразила, что он не попросил ее номер. А, пустяки. Силантьев мертв — вот что важно. Ушла грозовая туча. Горизонт чист. Можно выдохнуть.

Володька был как в лихорадке. Вот это да! Сомнений быть не могло — он встретил бывшую мать. И не только встретил, а чуть не засадил ей. Хорошенькое дело!

А может, показалось? Мало ли у кого может быть такой грузовик! Нет-нет, так и есть. Совпадают имя и возраст. Да и внешнее сходство налицо. Вот это да! Вот это да!

Он не помнил, как добрался до дома. Мелькали станции метро и автобусные остановки, а у него перед глазами стояла картина: он входит в гардероб-

ную, снимает куртку, поднимает глаза — и вот она, его игрушка из детства. Володька даже сглотнул от неожиданности. Не веря своим глазам, осторожно взял грузовик с полки. Ну, да, так и есть, он самый — тот же зеленый кузов, те же оранжевые ящики с боеприпасами, которые он по молодости лет принимал за лавки. Мозг будто прошла электрическая дуга. Выходит, эта Людмила — не абы какая Людмила, а его мать. Потому что ее тоже зовут Людмила. И она привезла из Якутии его грузовик.

Он проматывал это в памяти и не мог поверить, что не спит. Мать рядом! В Москве. Можно даже позвонить ей и поболтать. Правда, он не знает ее номер. Ну ладно, можно взять у Игоря номер той бабы, которая их свела (Ирина?), а через нее связаться с матерью. Или не надо?

Домой он приехал в половине двенадцатого. Мама была уже в постели, но вышла его встречать.

— Ну как концерт? — сонно спросила она.

— Отлично! — ответил Володька.

Сказать ей или нет? Сказать или нет? Хрен знает, как она воспримет эту новость. И вдруг это все-таки совпадение? Надо проверить.

— Ну и хорошо. Я спать пойду, ладно? — сказала мама. — Там в холодильнике макароны и рыбные котлеты. Разогревай себе.

Володька кивнул, разуваясь. Мама двинулась было к себе в комнату, но повернулась к нему.

— А тебе же опять повестка пришла!

— Да?

— Да. Что делать-то будешь?

— То же, что и раньше. Напишу ответ. Армия мне не грозит, не волнуйся.

— Точно? — с тревогой спросила мама.

— Точно.

— Ох, я так беспокоюсь за тебя. Так беспокоюсь, — покачала она головой и ушла спать.

Противостояние с военкоматом началось у Володьки прошлой осенью, когда внезапно выяснилось, что он чудесным образом исцелился от гипертонии. Собранные за годы медицинские справки и выписки просто исчезли из его дела, причем обнаружилось это накануне получения институтского диплома, когда всех парней направили на прохождение медосмотра. Терапевт из комиссии, снимая тонометр, выговаривала ему: «Вы же мужчина. Почему так боитесь армии? Специально утром дряни наглотались, вот давление и скачет. Обычная вегето-сосудистая дистония. Пройти службу она вам не мешает». Володька настоял на больничном обследовании, но судьба очередного медицинского заключения, приобщенного к его истошавшему личному делу, была ясна заранее.

Запаниковавшая было мама вознамерилась сунуть его в аспирантуру, но Володька наотрез отказался. Не зная, что делать, отправил мейл Белякову — своему якутскому товарищу, с которым начал переписываться почти десять лет назад — как раз после смерти отца. У того было высшее юридическое, авось подскажет что-нибудь.

Беляков не подкачал — растолковал Володьке, что педагогических работников могли призывать только с первого мая по тридцатое июня. Володька как раз подрабатывал на полставки учителем истории и обществознания в группе продленного дня, так что военкомат мог идти лесом.

Все же для уверенности он наведлся к профессиональному юристу. Тот долго рылся в своем компьютере, затем, напряженно морщась, несколько раз перечитал соответствующую статью закона, но никакая светлая мысль не посетила его голову. И тогда юрист не нашел ничего лучшего, как тут же, в присутствии Володьки, позвонить коллеге из военкомата и спросить его, как там понимают этот закон. Получив ожидаемый ответ, что никак не по-

нимают, а гребут всех подряд, он положил трубку, вздохнул и развел руками. Володька отдал ему причитающуюся пару сотен рублей и зарекся впредь иметь дело с правоведами. А вопрос (опять же по совету Белякова) решил просто: сначала подождал вручения повестки (минимум две-три недели из срока призыва), после чего оформил письмо с цитатой из закона и справкой о своей педагогической должности, которое и отправил в военкомат как заказное с уведомлением. Ответ военкомата, также присланный по почте, сводился к краткому «а нам плевать», но бюрократическая машина работала медленно, и к тому времени, когда Володька получил его, срок призыва уже закончился.

Теперь вот история повторялась, поскольку справку о болезни Володька так и не получил. Да и начхать. Подумаешь, какая-то армия, когда он встретил потерянную мать! Мгновенно забыв о повестке, Володька стал думать, как ему теперь поступить — запроситься на новую встречу или пропасть с горизонта? Конечно, такой случай упускать грешно, но кто ему сейчас эта женщина? Да и нужен ли он ей? И почему она так внезапно выставила его за дверь? Заподозрила что-то?

Надо было с кем-то поделиться сногсшибательным известием, но с кем? С Игорьком нельзя, он завтра же всем растреплет об этом. Почему бы не написать Белякову?

Володька врубил старенький комп и, хоть глаза уже слипались (встал в шесть утра, чтобы поехать на Горбушку), настроил Кольке послание с кратким изложением случившегося. Затем рухнул на кровать и заснул. Ему снилось, что он, как в детстве, возится с игрушечным грузовиком, и тут входит маманя и строгим голосом говорит ему: «Володя, ты где это взял?» Он бекает и мекает, боясь сказать правду, но затем вдруг срывается и едет с этим грузовиком к Людмиле. «Я уже вырос из этого. Пусть стоит у вас». Она смеется: «У вас? Я же твоя мама». А он ей смущенно: «Ну да, просто я отвык».

Проснулся он с колотящимся сердцем. Провалился еще полчаса, вновь переживая случившееся. Наконец встал и поплелся в ванную. Когда проходил мимо большой комнаты, краем глаза заметил что-то необычное. Остановился в недоумении и вдруг сообразил: исчез отцовский ковер, вечно лежавший свернутым на кресле. Это было так необычно, что кресло приобрело совершенно другой вид.

Сбыть ковер они пытались еще месяц назад, когда Володька дал в интернете объявление о продаже, пристегнув телефон мамани. Позвонили им всего один раз. Ехидный женский голос поинтересовался: «Вы серьезно продаете этот ковер?» — «Да, продаем», — ответила маманя. «Понятно». И больше им никто не звонил.

В итоге Володька нашел чат, где люди отдавали вещи за просто так, и выложил объявление там. Это было позавчера. А уже сегодня ковра не стало. Вот это да!

Он умылся и прошел на кухню. Маманя оставила ему на столе два бутерброда с сыром, прикрыв их салфеткой. В холодильнике обнаружилась кастрюля с рисовой кашей. Надо же! Когда только успела?

Володька подогрел кашу в микроволновке, заел ее бутербродами и, налив чаю, позвонил мамане на работу.

— Привет! А ковер забрали, что ль?

— Да. Забыла тебе сказать. Представляешь, приехали парень с девушкой и быстренько его унесли. Очень благодарили. Сказали, какой-то бабушке жилье обустраивают. Так что молодец ты, что сообразил. А ты бутерброды на столе видел?

— Да, я их уже съел. Спасибо!

Прежде чем звонить Сиверцеву, он включил комп и проверил почту. Ага, есть ответ от Белякова.

«Лол, красавчег! — писал Беляков невообразимым сетевым жаргоном, который Володька только начал осваивать. — Пешы исчо. Можешь поиметь нехилый профит. ЕМНИП, она жи с Карасевым была, да? Он тут в главы района выдвигаетцо, если че».

Володька обомлел.

«Так Карасев у вас там остался? — настучал он. — Я думал, он здесь».

Ему вспомнилось улыбающееся красивое лицо Людмилы. Черт поברי, с кем же она сейчас?

После этого он набрал номер Игоря.

— А, трахаль-террорист! — поприветствовал его тот. — Ну как у тебя вчера с этой пенсионеркой?

— Сам ты пенсионерка!

— А че, нет? — захихикал Игорь. — Почетный геронтофил. А меня, ты прикинь, обломали. Заходим, все уже на мази, и тут менты звонят. А знаешь, че звонят? Короче, ее мужа завалили вчера.

— Хрена себе! Так она замужем, что ли? — удивился Володька.

— В разводе. Я просто в осадок выпал! Короче, бандитская баба мне попалась. Отказать!

— И че, ушел?

— Сама меня выперла! — ответил Игорь. — Говорит, созвонимся еще. Ага, уже бегу!

Володька засопел, пытаясь унять забившееся сердце.

— А у тебя как, выгорело? — спросил Игорь.

— Да щас! Та же фигня, — ответил Володька, стараясь говорить ровным голосом.

— Я че-то чувствую, развели нас. Тока не просекаю как. Но бабы точно бандитские, зуб даю!

— Слушай, а у тебя же остался телефон этой твоей знакомой? — осторожно спросил Володька.

— Ну да, а че?

— Ты можешь мне его дать? А то я у своей забыл номер спросить.

— Ты че, замутить с ней хочешь? Точно геронтофил, — загыгыкал Игорь. — Ща погодь, гляну. — Он отлучился куда-то, потом сказал: — Пиши.

И продиктовал номер.

— Тока про меня ниче ей не говори, — попросил он напоследок. — Если спросит, ответь, что ниче не знаешь, я сам ей позвоню и все такое. Лады?

— Заметано.

— О, слушай, тут же Любченко нарисовался. Прикинь! Из Мали! Помнишь, его в фээсбешную шарагу взяли? Короче, услали в Мали, и он там теперь работает при посольстве и воеет на луну. Написал мне, что белых вообще нет и делать там не фиг. А тему знаешь какую вписал? «Себастьян Перейра, торговец черным деревом», гы-гы! Ладно, че там с поставками?

— Записывай. Шакира — пять штук, Эминем — пять, Аврил Лавин — пять...

Занятия в школе сегодня длились до шести, так что домой Володька вернулся к семи. Мамаля обычно приезжала в восемь, если не задерживали на работе.

Первым делом он включил комп и зашел в почту. Там уже висел ответ от Белякова: «Аццкий Сотона! Счас Карасев тут, я это гарантирую. За него даже можно невозбранно голоснуть. Вот ссылко»

Володька прошел по ссылке и увидел... да ничего особенного он не увидел. Стандартный набор предвыборных фраз и стандартная фотография

стандартного кандидата: костюм, белая рубашка, широкое улыбающееся лицо мужика лет пятидесяти. Ничего в нем не екнуло, когда он прочитал под ним: «Карасев Александр Иванович». Куда больше эмоций вызвало у него следующее фото: «Начальник ЮЯГРЭ Андрей Семенович Захаров. И ниже: «Я — за Карасева, потому что Карасев — за Нульчан!» Вот так номер! Захаров польсел, сморщился, но выглядел довольным собой. Хотя каким еще он мог выглядеть на официальном фото?

Володька покачал головой. Итак, все понятно. Мать нагрязнула в Москву и прихватила грузовик. Зачем? Потому что тосковала по нему, Володьке, вот почему! А значит, надо с ней связаться. Но сначала узнать номер у подруги. Вот только как повести разговор? Что сказать? Володька вообще-то был интроверт и по телефону болтал неохотно, тем более с незнакомыми людьми. А тут такой щекотливый вопрос... Но, пока он подыскивал формулировку и маялся нерешительностью, приехала маманя.

— Володя, я не буду сегодня готовить, хорошо? Поешь там, что осталось. Совсем сил нет.

— Конечно!

— Кстати, я купила авокадо. Помнишь, ты просил? В субботу салат сделаю. И еще мандарины, бананы и киви. Дорогие такие стали, просто ужас! А ты уже отправил письмо в военкомат?

Володька сидел перед своим четыреста восемьдесят шестым и ждал, пока загрузится третья «Цива».

— Не успел. Завтра отправлю.

Маманя вошла к нему в комнату.

— Хоть бы все и на этот раз прошло! А то заберут тебя в армию...

— И что? — спросил Володька. — Там тоже люди живут.

— Люди и в тюрьме живут. Нечего тебе там делать. Смотри, что творится...

— Слишком уж ты за меня переживаешь. Что я, маленький? — хмуро спросил Володька.

— А как же! — воскликнула маманя. — Наше счастье в детях. Если у тебя все будет хорошо, то и у меня все будет хорошо.

Володька посмотрел на нее и моргнул. Нет, не будет он звонить. На фиг! Какие звонки, господи боже? Вот она, его мать. Старая, маленькая, некрасивая, с толстыми щеками и пучком черных волос на макушке. Она терпела все его психи, утешала, когда у него что-то валилось из рук, и радовалась его успехам. Сколько она вынесла из-за него! Ждала допоздна, когда он, пьяный вдрабадан, приползал в день получения стипендии; за бешеные деньги купила ему «Полароид», который теперь валялся никому не нужный, — разве она хоть раз попрекнула его этим? Давала денег на шмотки и кассеты, а еще — кормила его. Ежевечерне стояла у плиты, а по выходным — и ежеутренне. И родичам его не отдала. Он бы свихнулся в этом Алексеевске.

А та, первая мать — она ведь даже не узнала его! И вообще, какого хрена она позвала его к себе на хату? У нее мужа, что ли, нет? Кольцо-то было, Володька заметил. Значит, хотела изменить, проשמандовка, как изменила отцу.

— Я завтра обязательно напишу письмо, — мягко сказал он. — Обещаю.

Маманя приблизилась к нему и поцеловала в темечко.

— Ты у меня умница!

Володька действительно написал письмо. Но перед тем ему приснился сон, в котором он приехал к бывшей матери как бы на свидание, вошел в ее квартиру и уже повалил было ее на кровать, а потом сказал: «Между прочим, ты знаешь, что мы родственники?» — «Да?» — изумилась она. «Да. Я — твой сын». Потом между ними произошло бурное объяснение, и Володька разрыдался на плече у вновь обретенной матери.

Этот сон все в нем перевернул. Отбросив сомнения, он позвонил Ирине и получил от нее заветный номер. А затем, собравшись с духом, звякнул и Людмиле, но ее телефон был выключен или находился вне зоны доступа сети.

За завтраком Людмила упрекнула Хвостовского в бездушии — мог бы и позвонить хоть раз, пока она зависала в клубе.

— А если бы меня в больницу увезли, например? — спросила она.

— Не увезли же, — хмуро ответил Хвостовский, уплетая диетические хлопья в молоке (с недавних пор он решил худеть).

— А если б увезли? Когда бы ты позвонил? Через неделю?

Хвостовский зыркнул на нее исподлобья.

— Не истери. Ты же там не одна была.

Оказывается, он даже не знал, что она отпустила шофера и ехала на такси. Пришлось его просветить.

— А зачем ты это сделала? — удивился Хвостовский.

— Погулять хотела! — с вызовом ответила Людмила.

— Ну и как, погуляла?

Она всплеснула руками.

— То есть тебя это нисколько не волнует?

— Слушай, ну что ты скандалишь с утра? — устало спросил Хвостовский. — Лучше о следкоме подумай. Если прессовать начнут, сразу звони адвокату.

— Сообразу, не маленькая, — сухо ответила Людмила. — Ты стал какой-то безразличный, Миша. Ты хоть знаешь, чем мы живем со Стеллкой?

— Вот не надо только впутывать Стеллку! Ты сама-то давно спрашивала, как у нее дела? Сколько она у тебя кланчит билет на мюзикл, а?

Людмила только рот раскрыла. И верно! Досадливо поджав губы, она схватила лежавший рядом телефон и начала искать там номер Гвоздецкой. Хвостовский только фыркнул.

— Сегодня я, наверно, опять поздно, — сказал он, поднимаясь со стула.

Людмила даже не посмотрела в его сторону.

— Оля, привет! Не отвлекаю? Слушай, давно хотела сказать: твоя новая прическа — просто отпад. Кто стриг? Ну конечно знаю! Нет, сама к нему не ходила. Да, обязательно. А тебя можно попросить об одной услуге? Дочка тут рвется на один мюзикл... забыла название. А ты же знакома с Пыляевым. Пусть он нам оформит два билета. Я тебе буду страшно признательна. Название? Сейчас спрошу. — Она быстро вышла в холл, приблизилась к широкой, отделанной под дуб лестнице на второй этаж и крикнула: — Доча, как называется мюзикл?

Стеллка вылетела из своей комнаты и перегнулась через перила. Она была в пижаме, растрепанная и неумытая, с беспроводным джойстиком в руке.

— «Норд-Ост»!

— «Норд-Ост», — повторила Людмила в трубку. Потом опять подняла голову к дочери: — Тебе какой день лучше?

— Да любой! — жадно ответила Стеллка. — Лишь бы не через полгода.

— Любой ближайший, — передала Людмила. — Ну да, звякни или скинь эсэмэской. Спасибо тебе огромное! — Она выключила телефон. — Ну вот, тетя Оля обещала все устроить. Иди умываться и завтракать. Я тебя жду!

— Уи-и-и! — завертелась от восторга Стеллка. — Мамочка, ты самая лучшая!

Людмила улыбнулась и направилась обратно в столовую.

Через час позвонила Гвоздецкая.

— Выбила на послезавтра. Пойдет? Только не забудь паспорт. Надо будет показать в окошке администрации. Цена бешеная. Пыляев сказал — комиссия за срочность.

— Оля, ты не представляешь, как ты меня выручила! Я тебя обожаю!

— Ладно, голубушка! Приятного вам похода!

Странное дело, Людмила совершенно не помнила этого Кольваненко. Где-то в глубинах памяти маячил размытый образ каких-то бедно одетых ментов, мерзших в «Москвиче» под окнами силантьевской квартиры. Эта картина никак не вязалась с представительным седовласым мужчиной в синем мундире, встретившим ее в кабинете.

— Старые знакомые, так сказать! — поприветствовал он ее, приглашая сесть.

Людмила вежливо улыбнулась.

В следкоме она пробыла минут двадцать, не больше. Ей задали несколько формальных вопросов, Людмила коротко ответила на них, думая о другом, а потом Кольваненко вдруг заявил:

— По нашим данным, вы знали не только нападавшего, но и его жертв. Это генеральный директор фирмы «Байкал» Евгений Петрович Жук и его бывший водитель, а ныне — директор ООО «Московский хрусталь» Роман Георгиевич Шестунов. Вы давно с ними общались?

У Людмилы все мысли как ветром сдуло.

— Д-давно, кажется, — выдавила она.

— А вы знали, что Силантьев принял за решеткой ислам?

— Что принял? — вытаращилась Людмила.

— Ислам. Причем ваххабитского толка, — многозначительно добавил Кольваненко.

Людмила тупо уставилась на него, решив, что ослышалась. Где Силантьев и где ислам! Она бы скорее поверила, что бывший муж ушел в секту. Но ваххабизм... Необъяснимо!

— Мы подозреваем, что он действовал не один, — продолжал Кольваненко. — Если вдруг вам станет известно что-нибудь об этом, обязательно сообщите. Это не только ваш гражданский долг, но и вопрос вашей безопасности.

— Да, конечно, — пробормотала Людмила, пребывая в шоке.

Она вышла как в тумане. Евгений, ислам, гибель Силантьева — все это завертелось в голове, погрузив Людмилу в смятение. А тут еще позвонила Ирка.

— Людмила Геннадиевна, вы уже знаете, наверно? — плачущим голосом спросила она.

— Что случилось? — глухо сказал Людмила.

— Про Шестунова. Он же погиб вчера. Меня вызывали в милицию.

— Да. Я сама только что отсюда. Не знаю, соболезновать тебе или нет. Ты ведь с ним в разводе.

— В том-то и дело! — в отчаянии воскликнула Ирка. — Раз мы с ним в разводе, мне теперь ни алиментов, ни наследства. Не знаю, что и делать. Мне ведь ребенка надо кормить.

— Сочувствую.

— А нельзя мне опять к вам? Вы же меня знаете. Я не подведу!

— К нам — это куда?

— Ну, домработницей. Да хоть уборщицей! Мне сейчас уже все равно.

Людмила хоть и находилась в прострации, но тут сообразила быстро. Нанимать женщину, которая видела, как ты при живом муже флиртовала

с другим парнем, — да это просто верх глупости. Ну и про сережку нельзя забывать. Как она все-таки оказалась под кроватью в силантьевской спальне?

— Ира, у нас штат укомплектован, — сухо ответила она. — Даже не знаю, куда тебя пристроить.

Но Ирке было уже не до приличий. Она принялась канючить, а потом перешла к угрозам.

— Людмила Геннадиевна, между прочим, у меня есть ваше письмо, которое вы забыли отправить в Казань. Помните? Там и про отца Стеллы, и про то, как он погиб.

Людмила оцепенела.

— Какое письмо? О чем ты?

— Письмо вашей матери. Вы оставили его в тумбочке, а я нашла, когда убиралась. Оно у меня.

Память Людмилы буром вгрызлась в толщу прошлого. Замелькали картинки полузабытой жизни: Сиверцев, новорожденная Стеллка, окровавленный Силантьев, ларьки, «Макдональдс» на Пушкинской, визит к Гуляевой, Евгений с пистолетом... А где-то в самом конце из тьмы забвения вынырнуло неотправленное письмо — будто щипцами вытянули глубоко увязшую в плоти пулю. Она вдруг ясно вспомнила тот день, свое отчаяние и то, как писала, глотая слезы, это письмо. Сознание пронзил ужас, какой, наверно, бывает у человека, наступившего на мину. А затем Людмилу захлестнула такая ярость, что потемнело в глазах.

— Ах ты двуличная тварь! И ты еще смеешь меня о чем-то просить?

— У меня нет другого выхода, Людмила Геннадиевна. Мне нужна работа.

— Шиш с маслом ты от меня получишь, а не работу! Шантажировать меня вздумала, зараза! Чтоб я тебя больше не слышала, дрянь! Ты меня поняла?

— Людмила Геннадиевна, вы сами принуждаете меня... Я отнесу это письмо следователям, если вы мне не поможете!

— Неси куда хочешь, сучка! — выпалила Людмила и закончила разговор.

До самого вечера она не могла прийти в себя от злости, ходила как в угаре, костеря Ирку. Хотела позвонить Гвоздецкой, поделиться переживаниями, но разве о таком расскажешь? Пришлось скрежетать зубами в одиночестве.

Однако на следующее утро гнев начал уступать место страху. А вдруг и правда отнесет письмо следователю, неблагодарная мерзавка? Людмила уже хотела позвонить Ирке с деловым предложением, но гордость взяла верх. Ничего она от нее не получит, сучка! Пусть делает что хочет. Да и что в этом письме такого? Ну, подумаешь, милиция узнает про ее отношения с Сиверцевым! Разве это преступление?

К среде последние страхи улетучились. Едучи с дочерью на машине в театр, Людмила беззаботно подпевала радио:

За четыре моря,
За четыре солнца
Ты меня увез бы,
Обещал мне все на свете,
Говорил, что я твоя,
Королева звезд я.
Оказалось — просто
Ты бросал слова на ветер.

Телефон зазвонил в тот момент, когда они вышли из «мерседеса» и начали фотографироваться на фоне афиши. Людмила посмотрела на экран — это был Кольваненко.

— Людмила Геннадиевна, здравствуйте! Простите, что отвлекаю. Тут всплыли новые данные... касательно вашего сына. Вы же подавали на розыск, верно? Кажется, появилась информация о нем.

У Людмилы закружилась голова.

— Сын? Какой сын? Ах да, п-простите... я сейчас немного занята, — пролепетала она и торопливо прикрыла рот ладонью. — Мы с дочкой в театре. Давайте я вам завтра перезвоню. Или сегодня вечером, часов в десять, если вас устроит. Нет, лучше завтра!

— Да-да, конечно! Звоните.

— Спасибо.

Перед глазами у нее все поплыло.

— Мама! Ну что же ты? — нетерпеливо топнула ногой Стеллка, принимая красивые позы рядом с большой надписью «Норд-Ост».

— Да-да, солнышко, сейчас.

Она навела экран телефона на дочь и дрожащим пальцем нажала на кнопку. Раздался щелчок.

— Название целиком поместилось? — строго спросила Стеллка.

— Думаю, да. Если что, на обратном пути еще раз снимем.

Дочь радостно подпрыгнула.

— Так классно! Я на мюзикле! Ну что, заходим?

— Заходим, — сказала Людмила.

И они зашли.

1978 год

На зимнюю сессию Верховного совета Машка приехала с родителями, чтобы закупиться подарками для Витьки и его невесты.

— Удачно Витька свадьбу-то подгадал! — радовалась Машка. — Как раз и затаримся в магазине дефицитом для молодых.

Под магазином она разумела спецраспределитель для депутатов.

Поскольку в «России» ей дали двухместный номер, пришлось думать, кому из родителей ночевать в гостинице, а кому — в квартире. Выбор был очевиден: в гостиницу надо селить отца, потому что ему утром идти за ковром в ГУМ.

— Эх, — огорчилась мать. — А так хотелось вечером полюбоваться на Кремль! Говорят, вид фантастический!

— Ничего там особенного нету, — отмахнулась Машка. — Да и испортилось тут все после пожара-то, — соврала она, чтоб матери было не так обидно.

Единственная из всей семьи, она усвоила саратовские интонации после переезда в Алексеевск и теперь говорила, сглатывая концовки. Матери это не нравилось, она считала это признаком деревни, а отцу было все равно.

Вечером они с Машкой наведались в депутатский магазин.

— Я только глянуть, — сказал отец. — Покупать ничего не буду. У меня денег занято впритык. Но если там спиннинг есть или транзисторы...

Съехав на лифте в холл первого этажа, они спустились в подвал, отделанный сайдингом цвета сосновой коры, и протопали по длинному коридору к пропускному пункту, где Машка показала милиционеру депутатское удостоверение.

— Он со мной, — кивнула она на отца.

Милиционеры не возражали.

Егор Сергеич ступил в магазин и остолбенел. Ничего подобного он не видел за всю свою жизнь. Даже плотина Красноярской ГЭС меркла рядом с этим.

— Б-боже мой, — вымолвил он, озирая заваленные товаром прилавки. — Как в музей попал.

Фээргэшные кроссовки, австрийские сапоги, английские плащи, польский шоколад, итальянский кофе, кубинские сигары, японские магнитофоны, португальский портвейн, ирландское виски, американские джинсы, французские духи, турецкий стиральный порошок, и так далее, и так далее — любой импорт из любой кап (и не только кап) страны. А еще — пыжиковые шапки, шубы из нутрии, красивые полиэтиленовые пакеты с фотографией Гурченко и прочие модные вещи.

— Ну что, выберешь чего-нибудь? — улыбнулась Машка.

Отец слотнул, двигая глазами на застывшем от изумления лице.

— Вот, значит, как наши слуги живут. А ковров здесь нет?

— Ковров нету!

Отец пошел вдоль прилавков, качая головой и что-то бормоча под нос. За прилавками, словно у стендов, стояли симпатичные девушки в однотонных приталенных платьях и с хэбешными диадемами в волосах. Отец медленно передвигался от одного «стенда» к другому, иногда замирал, созерцая развешанное на стенах, опускал глаза на витрины и тихо вздыхал. Продолжалось это довольно долго. Машка заскучала (хотелось купить что-нибудь, а все деньги — у матери), и она спросила:

— Ну что, пап, как?

Тот, не глядя на нее, опять покачал головой.

— Капитализм на отдельно взятой территории. Девушка, а мне вот эту коричневую книжечку будьте добры!

— Три тридцать, — с улыбкой произнесла продавщица, кладя перед отцом книгу «Национальные кухни наших народов».

— Вот отчудил! — удивилась Машка. — Хоть мыло возьми!

— Мыло вы с матерью завтра возьмете, — с мрачным видом проворчал отец.

— Ты чего недовольный?

— Так, подумал кой о чем.

Они вышли из магазина и в молчании направились к лифту.

— У нас в школах не топят, а на улице минус десять, — заговорил отец, когда они поднялись на свой этаж. — Ученики в варежках сидят. Скотина в колхозахдохнет от бескормицы. Мне тут козловский председатель жаловался, мол, никакого приплода не будет — коровы ослабли. Школьников на картошку гоняют, а часть пшеницы и ржи пришлось вручную скашивать. Потом вся под снег ушла. Уже шутки ходят: можно ли доехать из Новороссийска в Москву на лошади? Нет, потому что лошадь съедят в Туле.

Машка промолчала. Ей было понятно, к чему он клонит, но она не нашлась, что на это ответить. Они вошли в номер, дочь налила в кастрюлю воды и включила кипятильник. Отец положил книгу на столик в комнате, подошел к окну и уставился на полустертую сумерками Спасскую башню с огромной рубиновой звездой на шпиле. Машка неслышно приблизилась и встала рядом.

— Вот так и живем, — обронила она.

— Вот так и живем, — повторил отец. — Мне наш техник анекдот рассказал. Приходит гражданин в поликлинику: хочу записаться к ухо-глазу. — Такого нет, есть ухо-горло-нос. — А мне к ухо-глазу. — На что жалуетесь? — Да слышу одно, а вижу другое...

— Да я уж давно это поняла. Еще когда депутатом стала. Теперича, как вспомню свою агитацию, смеюсь. Я ж была за справедливость, за трудового человека! Думала, меня выбирают, чтоб людям помогать. А меня выдвинули по разнарядке. Как дошла очередь до Алексеевского района, надо было найти станочницу и комсомолку. Вот и нашли. Даже собрания нормального не было. Пришли из райкома и грят: «Вот вам речь, сейчас отрепетируем».

У них, оказывается, готовые речи были, корреспондент из «Алексеевской правды» написал. А я, дура, всю ночь ее сочиняла, умумукалась там. Отбарабанили, потом через час на собрании все повторили и разошлись. Вот и вся советская власть! У меня тогда глаза помаленьку разуваться начали. А потом как попала в этот магазин, как увидела, что вокруг творится, никакой веры не осталось. Люди по пятнадцать лет в очереди на жилье стоят, а председатель профкома квартиры на телят менят. Пять дочерей — пять квартир. Из райкома человека на склад за одеждой посылают, чтобы, как товар придет, он хорошие шапки, джинсы, дубленки выбрал и увез. А в магазинах потом одежды нет. Я те еще много чего порассказать могу, чего у нас в Алексеевске происходит.

— У тебя вода кипит вроде.

Машка вынула из кастрюли кипяtilьник. Заварила чай, принесла сахарницу и две синие эмалированные кружки с блюдцами, поставила их на столик между двух тонких матерчатых кресел.

— Телевизор не хочешь посмотреть, пап?

— Что я там не видел? Опять про наши достижения. — Он опустил в кресло, плеснул себе чаю, кинул туда два куска сахара. — С нашим двубровым орлом уже не удивляешься, что в поезде портреты Сталина продают. Война, наверно, будет.

— Ой, не дай бог! Скажешь тоже, пап! — Машка с шумом отхлебнула чай и спросила, кивнув на книгу: — Готовить по ней будешь?

— Наверяд ли.

— Тогда зачем купил?

— Чтобы знать. Буду иногда открывать и вспоминать, что существуют на свете баранина или виноград, — усмехнулся он.

— Ой, не прибедняйся! Будто мы голодам!

— Пока еще нет. Но помню, как голодали. — Он взял книгу, открыл на первой попавшейся странице и опять поднял глаза на дочь. — Я бы на месте наших вождей не «Архипелаг Гулаг» запрещал, а вот такие книжки. А то начнут читать и сразу поймут, до чего убогое у нас житье-бытье. Сливочное масло в Алексеевске уже по карточкам дают. Как в войну. Триста грамм в месяц. На что это похоже? Колбасу только по телевизору видим, а про туалетную бумагу многие даже и не слышали. Да что я тебе рассказываю — сама все знаешь.

— Что делать-то прикажешь?

— Книги читать. О вкусной и здоровой пище. Может, тогда что изменится.

Отец встал в шесть, чтобы в половине восьмого занять очередь за коврами. Даже от завтрака отказался.

— Я Витьке обещал ковер к свадьбе. Значит, будет ковер.

Мама подъехала к девяти. Сонная и недовольная.

— Отвыкла я уже от московских расстояний и толп. Все-таки у Алексеевска есть своя прелесть. — Но тут же добавила с уважением: — Вчера по старой памяти зашла в наш гастроном, и что ты думаешь? Колбаса есть всякая: и по два двадцать, и по два девяносто, и по три семьдесят, и сосиски, и все дают по полкило. Вот москвичи жируют! Зачем мы только переехали?

— Так сессия же! — пояснила Машка. — Как она закончится, так колбасу и уберут.

Мать расстроилась.

— Ну вот, а я подумала, что хоть Москва зажила по-человечески. Куда все наше мясо девается? В Африку, что ль, отправляют?

Машка пожала плечами.

В спецмагазине они провели полтора часа: купили рубашку отцу, взяли синюю кофту из ангорки матери, пыжиковую шапку Витьке и польские духи «Пани Валеуска» — его невесте.

Из магазина мать вышла в состоянии, близком к реактивному психозу. Тараторила без умолку и смеялась невпопад.

— Это как сон! Как сон, Машуня! Может, тебе на второй срок переизбраться? Возможно такое, а? Ты у меня такая умница! Знаешь, как мне все соседи завидуют? А если я им об этом магазине расскажу, они себе все локти покусуют, ха-ха! Жаль, Витька в Эфиопию не пошел. Вот было бы счастье: ты в депутатах, а Витя — в заграникомандировке. Может, даже миллионершу себе там какую нашел бы, как Каузов. Ну, ничего, у него и так невеста хороша, а без миллионов как-нибудь обойдемся. В Якутии тоже можно хорошо заработать. Ты же знаешь, что он в Якутию собрался? Прямо как дядя Илья. Может, встретятся там. Я дяде Илье написала. Он его сто лет не видел. Витька же из-за дяди Ильи в геологи пошел. Помнишь, как он в Мытищи приезжал к бабушке Сереже? Ты тогда маленькая была. Вот время-то было! Светлое какое-то, полное надежд. Не то что сейчас. А что там про пожар говорят? Нашли виновников? Ведь куча людей погибла! Не знаешь? А про взрывы в метро? Я слышала, какого-то армянина взяли. Судить будут. Интересно, чего он этим добивался? Сумасшедший какой-то... А ты невесту Витькину видела? Он мне фото прислал — красавица! И молоденькая совсем. Младше тебя. Бр-р, холод-то какой! Говорят, зима будет очень морозной. Эх, а в Якутии-то, наверно, каждый год так. Не знаю, как Витька выдержит. Он же холод плохо переносит. На свадьбу-то поедешь? Ну да, у тебя работа, так что ж? Не каждый день брат женится. Да и Казань интересно посмотреть...

Они закинули подарки в гостиничный номер и устремились в ГУМ, к отцу. Пока шли, заиндевели на ветру. Свет переливающихся гирлянд в витринах казался тусклым от залепившего все мокрого снега. Над входом бешено трепетала растяжка с искрящимися белыми буквами: «С Новым годом!»

Ввалившись внутрь, начали отряхиваться и топтать сапогами, сбивая снег.

— Ф-фух! — отдувалась мать. — Ну и погодка! Врагу не пожелаешь. Где тут ковры? Это не за ними очередь?

За ними, конечно. Очередь тянулась от дверей до фонтана, там загибалась и, пробежав обратно, устремлялась на второй этаж. Машка с матерью пошли вдоль нее, выискивая отца. Оказалось, тот был уже на лестнице. От него пахло спиртом.

— Ты где хряпнуть успел? — поразилась мать, учуяв запах.

— Добрые люди помогли, — весело ответил отец, кивнув на впереди стоящего мужика.

Тот с улыбкой показал отворот пальто — из внутреннего кармана торчало горлышко чекушки.

— Ты это брось! — строго сказала мать. — Еще деньги потеряешь.

— Ну а чем тут еще заняться, Надя? — развел руками Егор Сергеич. — Вон умные люди шахматы с собой принесли, — показал он на двух мужиков, стоявших выше по лестнице. Один из них держал за края маленькую шахматную доску с фигурками, другой заглядывал в какой-то журнал и говорил товарищу ходы. — Обсуждают матч Карпова с Корчным! А мы вот по старинке. Еще у нас тут конкурс политических анекдотов. Не хочешь принять участие?

— И долго вам еще стоять? — спросила мать, игнорируя последний вопрос.

Отец посмотрел на часы.

— Часа полтора, пожалуй.

Мать посмотрела на Машку.

— Ну что, постоим?

— Что он, без нас не справится?

— Ну, тогда пойдем. Егор, только не накидайся, я тебя прошу!

— Что ж я, алкаш, по-твоему? — обиделся отец.

Машка с матерью снова вышли на улицу. Снег уже не валил, но в воздухе теперь висела противная изморозь.

— Мы там явно лишние были, — сказала мать. — Ну что, в гостиницу или, может, к Большому театру сходим? Хоть вспомню, как центр столицы выглядит. Ты не очень замерзла?

— Нормально, — ответила Машка, ежась.

Они зашагали на Театральную площадь.

— Хочу шубу свою продать рублей за четыреста, — сказала мать. — Как думаешь, возьмут?

— Не знаю, — ответила Машка. — Все-таки срушная. А с чего это ты вдруг?

— На нашей барахолке ондатровые шапки продают за двести пятьдесят. Отцу хочу на день рождения подарить.

— Умно. Продай. Если что, я добавлю.

— Ты не думай, что мы там еле сводим концы с концами, — торопливо произнесла мать. — Мне тут зарплату прибавили на десять рублей. Я глазам своим не поверила. Спрашиваю кассира: это в честь чего же? А она мне: «Ничего не прибавили. Так всегда было». Ну, вот зачем из меня дуру-то делать?

— А я себе шерстяной костюмчик уж присмотрела, — с удовольствием сообщила Машка. — За сто. И хочу люстру взять за восемьсот. Но их редко выбрасывают. Или на книжку положить. Ты как считаешь?

— Трать на себя, пока есть возможность. А то поднимут цены, и останемся мы у разбитого корыта.

Так, болтая, они дошли до Большого. Мать была разочарована. Летом театр выглядел впечатляюще, но сейчас, на фоне заваленного снегом фонтана, казался просто огромным баракком с колоннами и квадригой на крыше.

— Ладно, пошли обратно, — удрученно сказала мать.

Пересекая площадь, увидели толпу возле гостиницы «Метрополь».

— Это они что, музыкантов ждут? — спросила мать.

— Каких музыкантов?

— Ты же сама говорила, что к нам какой-то западный ансамбль прилетел.

— Да не, на машины, поди, пялятся. Тут всегда иномарок много.

Мать фыркнула.

— Было бы от чего колеть на ветру.

Они засеменили обратно в ГУМ. Машка терла варежками онемевшие щеки и поджимала стынущие пальцы ног.

— Неужто еще холоднее будет? — сказала она.

— Гораздо, — заверила ее мать. — Говорят, в конце месяца морозы ударят под тридцать.

— Как бы трубы в домах не полопались!

В очереди уже закончился конкурс анекдотов и кипела дискуссия о Мохаммеде Али. Мужик с бутылкой утверждал, что Али — наш человек в Штатах, а отец оспаривал это мнение.

— Какой он наш! У него же денег куры не клюют! Миллионер, да еще мусульманин.

— Его же Брежнев принимал! — возражал мужик. — А ислам он принял, чтоб во Вьетнаме не служить.

— Это что, у них мусульмане не служат? — удивился отец. — Ну, дела! А у нас в части полроты таджиков было.

— Егор, ты совсем пьяный, по-моему, — сказала мать. — Иди-ка в гостиницу. Маша, проводи его.

— Машка, стой. Начатое докончу. Вам разве доверишь ковры выбирать?

У отца блестели глаза, он покачивался, рискуя сверзиться с лестницы. Не успели они доспорить, впереди поднялся шум, и кто-то с возмущением крикнул:

— Как закончились?

Отец всполошился.

— Кто там закончился? Вы чего?

Народ, как по сигналу, ринулся наверх, сметая идущих навстречу. Авдевых вынесло потоком к стеклянным дверям магазина, где образовался маленький митинг.

— Открывай! — бушевал отец.

— Егор, веди себя прилично, — прошипела мать.

— Не, ну ты слышала? — повернулся он к ней. — Как нам быть-то? Это ж подарок Витьке. С чем я к нему поеду?

Стеклянная дверь приоткрылась, и гнусавый женский голос объявил в щель:

— Русским языком сказано: приходите через неделю! На сегодня ковров больше нет!

— Какая неделя! — завопил отец. — У меня билет на послезавтра!

Оставшиеся без ковров, приуныв, начали расходиться. И только отец продолжал бушевать:

— Хватит из нас дураков делать! У вас же всегда остаток имеется! Я на вас в ОБХСС напишу! У меня дочь — депутат.

Машка вздохнула и решительно отодвинула его плечом. Подойдя к дверям, она строго постучала по стеклу ногтем. Затем достала депутатское удостоверение и показала его стоявшей по ту сторону маленькой стройной женщине в зеленом, туго перетянутом халате, с прической под Мирей Матье. Продавщица снова приоткрыла дверь и быстро произнесла:

— Сказано же — ковров нет. Ни для кого. Звоните хоть в Цэка.

— Хотите билет на «Бони М»? — спросила Машка.

Продавщица онемела и забегала глазками.

— А у вас есть?

Машка залезла в сумочку, открыла кошелек и показала продавщице.

— Меняю.

Та облизнула покрашенные губы.

— Заходите.

Через десять минут они вышли из магазина и триумфально зашагали к лестнице. Впереди шла сияющая мать, за ней — насуспенная Машка, и последним, со свернутым в длинный рулон ковром на плече, — отец.

— Ну, другое ж дело! — восторженно говорил он. — Будет с чем на свадьбе показаться! Ай да Машка! Вовек такого не забуду! Мать, соображаешь, чем она для нас пожертвовала? Витька тебе по гроб жизни обязан будет, дочка. Да и нам с матерью...

...Советский коммунизм уплывает в туманную историю и опускается на дно новой Атлантидой. Он будет светить из прошлого своей духовной энергией, источник которой — иступленная вера в новый мир, ощущение его близости, сотворенности. От него осталось лучшее — Шолохов, Пришвин, Паустовский, Прокофьев, Свиридов, Пахмутова, Уланова, Гагарин... И не одна еще слеза скатится, не один вздох и сожаление в груди.

Игорь Карпусь

Исмаил Мустапаев

Мелодия шла...

Рождение

Там дворец отворился,
пригодился ларец.
Птицы белые лица
растворились в одно.
И лицо ледяное
опустилось в ларец,
и хлебнуло оттуда оно
племенное
вино.

Затворился ларец.
И осталось в ларце лицо.
И родился над ним,
над лицом, приглушённым ларцом,
обезглавленной птицы вдовец.
И при этом дворце
стал вдовец отцом.

Я его фотокарточка.
Я его фотоген.
У него на лице,
у него во дворце
ледяное свеченье ларца

Принимаю всей болью колен,
затвердевшю кровью, которая сделана
красной на белом,
пачкаю
ледяное свеченье ларца.

Исмаил Мустапаев — родился и живёт в Саратове. Выступает на региональных и столичных литературных фестивалях. Публиковался в самиздатской периодике, среди которой: три выпуска альманаха «Саратов творческий», два выпуска альманаха «Литературная Евразия», собственный сборник. Также публиковал стихи на портале «Прочтение» и в журнале «Формаслов».

Повела голова...

I

Я соберу все «почему»,
в дешёвый
пакетик
сложу
все «почему»
аккуратно.
Очередь здесь,
каждый по одному.
Дай мне воды,
встать не могу,
лежу,
Дай мне воды, прокуратор,
чтоб успокоились дети,
купили веночек терновый
и положили обратно
меня

Дня через два
к сестрам и Витеньке-брату,
к маме и папе.
Холодно здесь, прокуратор,
так что на свет не глядела бы,
всё забрала голова.

Пригвоздила к постели,
а потом повела,
по грибы повела
голова.
И теперь вдвоём по знакомому лесу
ковыляем строфою незрелую,
и знакомому лесу теперь
отдала меня голова.

II

Это Любочки сон,
это Любочки явь
появилась не вновь
бледной женщиной
в черном платке кружевном:

«Я известье тебе,
кто-то завтра умрёт,
кто-то выйдет ко мне
в оперенье одном,
что для вашего глаза не данное.
Ты на это возьми
прорастающей речью, которая как молодое вино.

Ты на это одно
обеспечь
терновый венок
и грядущие дни окаянные».

Холодно здесь,
так что на свет не глядела бы,
всё голова забрала.

Пригвоздила к постели,
а потом повела,
по грибы повела
голова...

Виденье было мне...

Виденье было мне вчера.
Как будто я лакал свободы
ветер,
как будто с века чётного червонной буквой чейного пера
я прилетел и стал на свете.
И стало много Я,
нам не раздали номера,
мы сели в храмах,
мы сеяли любовь
сперва.

И жил не жил, перебегал
от храмов тех до жёлтых скал
порядок слов.
Порядок жил, и шёл по головам,
и стриг пейзаж в оконной раме.

Горели люди,
мёрз народ,
а посреди ни бог, ни чёрт
— опорожнённая постель
и ты пьяна, как карусель.
Вокруг пейзаж,
сонлив и скуден.

А в новогоднем — отче
наш
и гул, и свист,
на свитере от порчи
иконка годная — грамматика небес.
Усталый отче
держит карандаш
и держится за лист,
как руку матери,
сжимая лист,
он хочет
жить,
он любит
есть.

Усталый отче
в храмах сел,
он белые готовит ночи
бедным детям,
он им раздарит всё,
покуда всё осталось днесь.
Вот храм стоит. И тот и этот,
в них отче наш любил и ел.

Виденье было мне вчера.
Как будто я лакал свободы ветер,
как будто бы с ничейного пера
я вылетел, набрёл на храм. Барыгам сдал
сталь канделябров.
В лицо ещё хлестал
свободы ветер,
срывая яблоки с побитых рёбер яблони,
и стали яблоки на трафарете.

Барыги дали деньги мне,
я деньги взял,
я сыпал деньги бедным детям...
И на земле
случился... карнавал.

Небо июльское

I

Дни призывные, июльские дни
пьяною ротой
расстрельной
выстроились на фото:
«Господи, пой.
Цвета неразличимого
Господи,
пой колыбельную.
Видишь, на фото
пока застыли мы...
слушаем, привыкаем к постели.

— Я ваш создатель. Мир призывной,
горний и дольний.
Вы на моей ладони.
Небо июльское пьёт и поёт со мной.
Воля моя довольна
небом июльским,
пьяным и пенным, памятным
этой грядущей зимой».

II

Разэтаплено всё. И июльские дни разэтаплены.
Наступила зима, полновесен её новогодний улов.
И ненужное зрение на щеке замерзает у Чаплина
молодую ладонью
и нежной.
С фимиамом срослось,
развернуло на снег благовония.
Ковыляет оно
одинокое от всех
по дорогам обоссанных русских снегов.
Умирает оно
всё в пыли белоснежной.
И когда-то оно
и свободой, и словом звалось:

«Ты наш создатель. Мир призывной,
горный и дольный.
Мы на твоей ладони.
Небо июльское пьёт и поёт с тобой.
Небом июльским воля твоя довольна».

Мелодия шла. Ушла.
Мелодия вышла в лес.
Берёзки потрогала, обняла.
И опустила мелодия занавес.

И кончился праздник. И обещал
(а публика встала с мест)
он праздник, он публике обещал
мелодии место найти и крест.
Поставить мелодии крест.
И землю нагую,
и лес
к её приучить вещам.

Слово простое привиделось мне.
И в слове родился лес
под чью-то мечту голубую.
На спящую девушку М
дубовый раскинул объятия крест.
И сам обнищал в поцелуе.
И сбросил последнее платье крест
с новопреставленной девушки М...
тело её в покое.
Нет её тела уже.

И снова земля в неглиже.
И вылезло слово дневное.
И солнце настало.

И снова земля щебечет простое
и честное слово
сухими своими губами.
Солдаты сидят в блиндаже.
Слиняла мелодия,
стало
свежей.

Слиняла она.
Перед этим
берёзки обняла.
И вышла за лес.
И где-то за лесом играть перестала.
И ей отобедали дети.
И сытые дети ей
дубовый поставили крест.

Юлия Медникова

Два рассказа

А Олешко не знал

Семён давно уже стоял в прихожей казённой квартиры одетый и с портфелем в руках.

— Ну, пойдём уже. Скорее!

— Да я готов, всё. Не психуй, у нас ещё уйма время! Чуваши с поезда всё равно не успеют на совещание, будем их ждать ещё.

— Да мне наплевать на чувашей, я должен быть на совещании вовремя! А лучше — заранее.

Сумка с ноутбуком, куртка, последним движением поправить галстук, ключи — есть. До метро десять минут в направлении универсама, между магазином и паркингом. Тротуар с аккуратным поребриком по бокам (нет — бордюром, это же всё-таки Москва!) вилял между домами жилой застройки, иногда немного поднимаясь ступеньками в гору, иногда, наоборот, — сбегая вниз.

— Вот всё-таки интересно, Питер — он плоский, двухмерный. У нас всё квадратное и параллельное. А Москва — она какая-то другая, сложнее устроена, что ли. Не плоская и не параллельная. Иногда мне вообще кажется, что тут измерений больше. Даже не три.

— Угу.

— Нет, ну согласись!

— Угу.

— Нет, вот пойдём — покажу что-то.

— Боря!

— Ну, у нас ещё есть пять минут в запасе.

— Боря!

— Да ладно тебе, не пожалеешь! — Борис потянул Семёна за рукав в сторону от дорожки.

— Блин, Боря!.. Ладно. Вроде успеваем. С запасом вышли.

Быстро прошли через аллею, обогнули булочную, девятиэтажку, деревья расступились, и в лица ударил поток свежего воздуха.

В окружении тропического леса водопад в виде подковы с высоты сотен метров ронял струи воды. В свете низкого утреннего солнца облака брызг клубились, образуя густую дымку. Казалось, если её потрогать, она будет

Юлия Медникова — родилась в Ленинграде, в 1991 г. была депортирована в Санкт-Петербург. Получила дипломы инженера и арт-терапевта, защитила диссертацию по экономике. Металась между карьерой ведьмы и сказочницы, но до сих пор работает руководителем проектов в «серьезной конторе». Любит играть в куклы, на гитаре, нервах, путешествовать во сне и наяву. Училась в литературной мастерской Андрея Аствацатурова и в «Creative Writing School». В 2021 г. у автора вышел сборник рассказов «Хроники трепещущей парадигмы».

тёплой и плотной. Как ни странно, не было слышно рева воды, доносилось лишь едва слышное шипение, как в неисправном радио. Зато было отчетливо слышно, как жужжат насекомые и щебечут птицы. Огромные разноцветные бабочки садились на листья деревьев, замирали, и уже невозможно было разобрать — где бабочки, а где цветы. С ветки на ветку перелетали диковинные птицы с неимоверно длинными хвостами.

Семён вдохнул влажный ароматный воздух:

— Э-эх...

Два аккуратного подстриженных человека в галстуках стояли на краю обрыва, уставившись на водопад, и улыбались.

— Охренеть! Ты когда нашёл?

— В прошлый раз, когда был в командировке.

— А Олешко ездил в апреле — и ничего мне не сказал.

— Спорим, он не знает?

— Ага, точно не знает. Класс! Ладно, пошли, — Семён легонько сгрёб Бориса в охапку и потянул в сторону дорожки. — Мало времени.

Девятиэтажки вновь замкнулись за спинами, и коллеги в ногу зашагали к метро.

Нестрашный суд

Судья входит в зал, суд встаёт. Судья садится на своё место, делает знак присутствующим сесть. Смотрит на секретаря.

СЕКРЕТАРЬ СУДА (*встаёт и прокашливается*). Рассматривается апелляция защиты по делу Семёнова Михаила Гавриловича. Напоминаю, дело было взято в производство по ходатайству истца, Семёнова Михаила Гавриловича, однако после проведения расследования переквалифицировано в обвинение, был вынесен приговор. Приговор приведён в исполнение. Апелляция подана защитой в связи с тем, что в деле появились новые обстоятельства.

СУДЬЯ. Благодарю вас. Голубчик, извольте напомнить нам старые обстоятельства. Давно это было, и столько всего с тех пор... Зачитайте ходатайство обвиняемого (*делает жест рукой Секретарю*).

СЕКРЕТАРЬ СУДА. Жалоба опубликована в устной форме, вслух, громко на берегу Финского залива близ места силы № 3974 12 августа 2017 года. Истец сформулировал дословно следующее: «Боже, за что мне всё это? Как же оно всё задолбало! Да когда же я сдохну уже?!» По материалам запроса было проведено расследование.

СУДЬЯ. Господин прокурор, огласите отчёт о расследовании, пожалуйста.

ПРОКУРОР (*встаёт*). Следствие показало следующее.

Семёнов Михаил Гаврилович родился в 1975 году и про... про... попусту растрачивал свою жизнь на протяжении сорока четырёх лет и трёх месяцев.

В 1979 году не попросил у родителей красную деревянную машинку «как у Витьки», потому что побоялся отказа.

По настоянию родителей в 1984 году сменил место жительства и потерял контакт с судьбоносной личностью своей жизни Витькой, потому что ему было лень ездить на трамвае на другой конец города.

В 1992 году поступил в институт, находящийся в непосредственной близости от места проживания, не имеющий кафедры, способной раскрыть дхарму подсудимого.

СУДЬЯ. Чего-чего раскрыть способной???

ПРОКУРОР. Дхарму.

СУДЬЯ. Какая такая дхарма?

ПРОКУРОР. Здесь имеется в виду «свадхарма» — «личный закон». В переводе с санскрита — «долг». Совершенный образец индивидуальной жизни

в соответствии с физической, ментальной и эмоциональной природой человека. Определяется личной кармой, отражающейся в расе, общине, физических характеристиках, здоровье, интеллекте, способностях и умениях, желаниях и склонностях, религии, сампрадаёе, семье и гуру данного человека.

СУДЬЯ. Опять не слава богу...

Суд встаёт и повторяет хором: «Слава богу!»

СУДЬЯ. Да сидите, сидите. Господин прокурор, опять сампрадаёа какая-то... Голубчик, какой санскрит? Какая сампрадаёа? Вы где учились?

ПРОКУРОР. В Ари... (Обрывает себя на полуслове и опускает взгляд в пол.)

СУДЬЯ (укоризненно смотрит на прокурора). Где-где???

ПРОКУРОР. В Индии... в... э... давно.

СУДЬЯ. Голубчик, мы сейчас под юрисдикцией русского менталитета, давайте обойдёмся без иностранных словечек, а также будем пользоваться нормами здешнего права. Давайте как-то попроще... Господа, подскажите слово!

Голос из зала заседания: «Предназначение!»

СУДЬЯ. Ну вот, можем же! Так и говорите: «Просирал своё предназначение». Продолжайте, голубчик.

ПРОКУРОР. Благодарю вас, именно это я и имел в виду.

СУДЬЯ. Кстати, господин прокурор, а какое предназначение прописано у обвиняемого в заводских настройках?

ПРОКУРОР. Если кратко... то... «Всё понять и рассказать другим».

СУДЬЯ. Предельно ясно. Продолжайте, пожалуйста.

ПРОКУРОР. При выборе факультета руководствовался наличием блага, от профессии своей мечты отказался — решил, что она не сможет обеспечить стабильный заработок, а мечта может остаться хобби. До двадцати восьми лет, опасаясь призыва в Вооружённые Силы, не обращался в военкомат за военным билетом и не оформлял заграничный паспорт, в связи с чем про... про... пропустил две двери в пространственно-временном континууме, предоставляемые ему на выбор для реализации с... с... предназначения. Первая: во время перелёта над Тибетом самолёт с челноками, в котором должен был лететь Семёнов М.Г., совершил аварийную посадку в Непале, что способствовало бы постижению обвиняемым д... э... универсального закона бытия. Вторая: во время стажировки в Германии подсудимый мог жениться на престарелой аборигенке, скрасить её последние годы, а после смерти жены, лишённый необходимости добывать себе средства к существованию благодаря полученному наследству, посвятил бы себя чтению правильной литературы, медитации и постижению законов бытия. Короче тоже про... пропустил, в общем.

Чтобы избавиться от родительской опеки, в 1999 году женился на гражданке Федосеевой Е.А., 1979 года рождения, имеющей в собственности квартиру в городе N, расположенную в максимальном отдалении от родителей, а также от благоприятных земель, чем лишил себя на долгий срок доступа к знаниям. В 2004 году развёлся и женился на гражданке Кроликовой А.С., 1883 года рождения, по причине её беременности. В браке родился мальчик с генотипом, не располагающим к обучению и не пригодным для дальнейшей селекции. На данный момент работает в офисе с координатами... э... 59.993751, 30.37...

СУДЬЯ. Полноте, голубчик. Этак мы сегодня не закончим. Без подробностей.

ПРОКУРОР. Я понял, господин судья. Баловался графоманией, но ни одной книги не закончил. Потому что нет времени и сил реализовать идеи, в связи с тем, что вся... э... жизненная сила уходит на обиды на родителей, начальство, сослуживцев и семью. И на вас, господин судья. Кроме вышеперечисленного

имеет список планов и долгов — денежных, кармических и прочих, записанных им собственноручно в приложении ColorNote для смартфона с ОС типа «андроид». Долги записаны в количестве 28 штук, в том числе:

- купить транспондер для ЗСД;
- отдать карточку METRO Серёге;
- прочитать синюю книжку;
- починить кран в ванной;
- уйти от жены;
- сходить в архив;
- купить новые наушники;
- съездить с сыном на рыбалку;
- начать писать дневник...

И так далее. Полный список приобщён к делу.

В связи с результатами расследования и личной просьбой подсудимого/истца обвинение на прошлом заседании ходатайствовало о следующей мере пресечения: малигнизация клеток головного мозга с последующим развитием процесса в скоротечной форме.

Судья гневно стучит кулаком по столу.

ПРОКУРОР (*некоторое время хлопает глазами, чешет голову, наконец его осеняет — и он радостно делает предлагающий жест руками*). Рак.

СУДЬЯ. Понятно. Дальше.

ПРОКУРОР. Приговор был приведён в исполнение, однако вердикт обвиняемому ещё не оглашён. На 10 мая 2018 года назначено оглашение приговора подсудимому по результатам биопсии, взятой врачом высшей квалификации Парамоновым А.В.

СУДЬЯ. Понятно. Так... Дайте мне, пожалуйста, стенограмму запроса обвиняемого... Так, подписи штатных сотрудников и свидетелей есть... Акт о малигнизации клеток головного мозга? Есть... Договор о заборе анализов в клинике? Договор с лабораторией? Есть... Срок ответа... (листает) послезавтра. Есть... Ну, всё в порядке.

Подсудимый оформлен в преисподнюю для недореализованных, график в соответствии с трудовым законодательством, помещение без кондиционера.

Ну, тут всё чисто, не подкопаешься. Во-первых, ресурсы зря расходует. Во-вторых, сам мучается сорок четыре года. Сам же просил... того... Приговор приведён в исполнение. Тут недоразумение одно осталось с бумажками только... Господин адвокат, что же вы хотите? Изложите суть апелляции.

АДВОКАТ. Истец — я настаиваю, не подсудимый, а истец! — на сегодняшний день реализовал большинство пунктов своего списка.

ПРОКУРОР. Протестую!

СУДЬЯ. Ну, что там ещё?

ПРОКУРОР. Ничего себе, «плюсик он себе заработал», список дел, обещанных самому себе, выполнил! Бросил жену с маленьким ребёнком!

АДВОКАТ. Ничего подобного. Во-первых, ребёнок не маленький, а достигший частично дееспособного возраста, имеются удостоверения личности местного образца. Во-вторых, согласно инструкции по эксплуатации к туловищу подсудимого, функция отцовства в данной модификации не предусмотрена. Вообще не факт, его это сын или нет. Экспертиза не проводилась. И то, что он его до четырнадцати лет дотянул, — подвиг в ущерб его личной д... реализации как личности. А у его жены, гражданки Кроликовой, между прочим, в следующем году, когда Солнце войдёт в знак Овна, открывается окно второго брака, который может быть очень удачным. Она будет очень счастлива, наконец, у неё родится девочка, имеющая большую ценность для популяции. Отчим же научит отпрыска подсудимого пользоваться перфора-

тором, возьмёт с собой в спортзал, а также даст в глаз, когда тот нахамит матери. Если бы Семёнов её сейчас не бросил, ничего этого не было бы.

СУДЬЯ. В знаке Овна, говорите... А вы, стало быть, в Китае учились?

АДВОКАТ. Так точно, господин судья. Стажировался.

СУДЬЯ. М-да... Аргумент... Не Китай, а насчёт того, что даст в глаз... Секретарь, инструкция по эксплуатации туловища подсудимого в деле присутствует?

СЕКРЕТАРЬ СУДА. Так точно, ваша честь. Приобщена к делу установленным порядком.

СУДЬЯ. Дальше! (*Указывает пальцем на адвоката*).

АДВОКАТ. Подсудимый уволился с работы. В данный момент таксует. Записывает беседы с пассажирами, пишет рассказы и рассылает на литературные конкурсы. Вчера пассажир случайно забыл у него в салоне хорошую книжку.

СУДЬЯ. Что за книжка?

АДВОКАТ. К делу ещё не приобщена, но книжка хорошая.

Судья даёт знак продолжать.

АДВОКАТ. Ещё истец подал заявку на литературные курсы... Чудесным образом информация об этом факте исчезла из отчёта прокурора.

Прокурор краснеет как рак.

СУДЬЯ. Это его так страх перед результатами анализов востормошил...

АДВОКАТ. Нет, господин судья, заявка подана за неделю до начала производства по делу. Ни о какой онкологии речи тогда ещё не шло.

СУДЬЯ. А почему не доложили?

ПРОКУРОР (*виновато лебезит*). Так пока на входящий поставили установленным порядком, отсканировали, в базу занесли, потом пять отделов согласовывали...

СУДЬЯ. Ладно, ладно, я понял. Как всегда... Из-за бюрократии человека угробили... Но этого всё равно мало, а приговор уже приведён в исполнение. Не учить же их там онкологию лечить... Апелляция отклоняется. Решение окончательное, обжалованию не подлежит (*ударяет молотком по столу*).

АДВОКАТ. Но господин судья!

СУДЬЯ. Всё, я сказал! Ритуал соблюден — молоток ударил.

АДВОКАТ. Но ваша честь, вы же сами сказали, что по данному процессу мы находимся под юрисдикцией Российской Федерации и должны руководствоваться местными правилами и нормами. Местным судебским корпусом молоток председателя — церемониальный предмет, символизирующий право на окончательное решение, — не используется. Источник — открытая энциклопедия Википедия, статья отредактирована 15 марта 2018-го, в 20:32. А значит, ничто не мешает вам продолжить рассмотрение дела после удара молотка.

СУДЬЯ (*в гневе*). Я здесь судья, я здесь решаю, окончательное это решение или нет! Я — бог, в конце концов! Вообще всё решаю только я!

АДВОКАТ. Несомненно, ваша честь! Вы — бог. Всемогущий и справедливый. И никто, кроме вас, не может пересмотреть собственное решение, если нужно принять другое — более справедливое, прославляющее ваши могущество и мудрость. Нам тут вообще, по сути, всё равно. Обижаться потом опять на вас будут...

СУДЬЯ (*в смятении*). Лааааадно... Что там у вас ещё?

АДВОКАТ. С момента взятия биопсии подсудимый выполнил все пункты из списка планов, за исключением одного.

СУДЬЯ. Не смешите меня! Ещё что-то есть?

АДВОКАТ. Есть.

СУДЬЯ. Конкретнее!

АДВОКАТ. Ещё он молится.

СУДЬЯ. Ну, вот это уже серьёзно. А кому молится?

АДВОКАТ. Как кому, господин судья? Вам!

СУДЬЯ. МНЕ?! Мне... Это хорошо. Значит — передумал? Значит — хочет остаться? Ну, слава богу!

Суд встаёт и хором повторяет: «Слава богу!»

СУДЬЯ (*довольно кивает*). Слава мне! Благодарю вас, садитесь. (*Делает знак суду*). Ну и что у него из долгов осталось, говорите?

АДВОКАТ. «Отдать карточку МЕТРО Серёге». Встреча с Серёгой назначена на завтра, то есть этот пункт будет выполнен до дня оглашения приговора.

СУДЬЯ. Да что за карточка, проездной, что ли?

АДВОКАТ. Никак нет, господин судья. Скидочная.

СУДЬЯ. А что, Серёга этот сильно пострадал от отсутствия карточки?

АДВОКАТ. Никак нет, ваша честь. Гражданину Сергею карточка ни разу не понадобилась. Он несколько раз вспоминал о ней, но лишь в контексте планов на чрезмерное употребление алкоголя, по традиции связанное с визитами подсудимого. В принципе, подсудимый благоприятно влиял на своё здоровье и здоровье Сергея, оттягивая возврат карты.

СУДЬЯ. Понятно. И что же нам теперь делать? Как нам исправить эту судебную ошибку? Приговор приведён в исполнение, хотя и не оглашён подсудимому... Тьфу, истцу... Да я уже и не знаю...

Михаил очнулся на газончике. Голова болела, мутило. Пощупал карманы — бумажника не было. Мобильник?.. На месте.

— Ууууу... Ну, вот за что мне всё это? То анализы эти, то по голове ша-рахнули и ограбили. Вы там определитесь уже, как я сдохну!..

Миша с усилием сел на землю и потрогал голову рукой. Посмотрел на ладонь — на ней была кровь.

— Ууууу...

Мобильник вздрогнул, раздался звук взведённого затвора. Миша утёр лицо рукавом и достал телефон из кармана.

«Одно новое сообщение от ХевенЛаб».

— Э, нет-нет-нет, погодите. Как новое сообщение?! Ещё не пора. Сказали же, что десять дней анализы делают. У меня ещё целый день остался... Так нечестно. Я же не успел ещё карточку отдать! Я же уже договорился с Серёгой!!! Так нечестно!!!

Миша ещё раз утёр лицо и открыл текст сообщения.

«Уважаемый Михаил Гаврилович! Лаборатория «ХевенЛаб» приносит Вам глубочайшие извинения, но в силу непредвиденных обстоятельств материал, взятый у Вас для анализа 08 мая 2019 года, оказался непригодным для лабораторных исследований. Просим обратиться в обслуживающую Вас клинику для повторного забора материала. Расходы на данную манипуляцию берёт на себя «ХевенЛаб». Ещё раз приносим Вам свои извинения, будьте здоровы!»

На экране мобильного были две трещины: одна вдоль, другая поперёк.

— Вот уроды... Это опять... — При воспоминании о «заборе материала» Михаил содрогнулся. — И опять ждать результаты и психовать? Да гори оно всё огнём! Сдохну так сдохну. Когда надо, тогда и сдохну... Хоть поживу напоследок в своё удовольствие пока. Ладно хоть мобильник цел — теперь такси вызвать можно. Слава богу!

В голове Миши возник странный грохот и многократным эхом отозвались слова «Слава богу!».

Богдан Бейк
Из цикла «Узел снега»

В глазах вороненка — небо, доля этого неба — снег.
Все, что дышит ко мне, забирает обратно часть меня с каждым вдохом.
Все, что больше не может отдать, — сгорает.
Глаза и голубое. Еще не окрепли крылья. Воскрешение как слезы Деметры — однажды.

Недвижим, нем: снегопад, снегопад, снегопад.
Вполголоса здесь происходят звезды.
Вкруг времени падает снег, закрывает глаза мне в глазах.
Стон упирается в небо, густеет кровь, стекленеет до снега,
Снег вечен, доязычие в снеге.
Между небом и небом священная мгла — врата,
Сквозь которые мой силуэт становится снегом.

Сажа и бель, значит — зима.
Значит, снова обнажена дыхания отмель.
Снова ель целует луна, и речь неземная, немая скребет по стеклу,
И ты умираешь — и плачешь звезду. Стынет время прокуренным небом,
Снова вечность мерцает под снегом, в снеге и на снегу.

Для молчания ступени — воздух, тяготение сердец есть гравитация, прохладен свет, и синева спокойна.

Богдан Бейк — родился в Екатеринбурге. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт (специальность «Литературное творчество»). Работал библиотекарем, библиографом, курьером. Публиковался в журналах «Урал», «Волга».

Осень, полынью пахнет вертикаль,
Катятся слезы во сне сами собой.
Катятся, падают в глины, там — все мои смерти.
Мертвой — живой — мертвой — живой
Водой напившись, встают поутру травой:
Высокой — горькой — седой.

Дышать до неба от земли проспиртованным холодом. Немяют губы, ночь нема.

Здесь — настоящее, здесь звездный стеклодув целует сердца тесноту.
Как ноль координат зима, теперь — свобода —

ВОТ ПСЫ
из скорлупы луны лакают жадно небеса
и роют землю слыша вздохи
и кто в земле — свой сон последний отоспал
и кто в земле — отговорил в молчании:
хранит покорно слово тишина.
кто ты во всем том слове?

Веранда

На нить горизонта набираю бессмертники
Снег сыплет — сон — безветрие о: губах — безветрие о: всех живущих
Еще один взгляд и еще и еще на замерзшие солнца и звонкие
Паузы простые они свои держат и кроме:
Все крепче холод все громче хор молчит

Отчеканено:
Я ИДУ СЕБЯ МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА
Я СКРЕПЛЯЮ ПРИСУТСТВИЕ
Я ГОВОРЮ ПОСЛЕ СЛОВ
Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ

Слышишь, ни в чье окно тот дождь не стучит своих молитв.
Забетонировал голос. И баста.

Того, кто рядом шел когда-то, теперь — потеря.
Тебя здесь нет, но есть еще твоя сутулость на моих плечах.
Оборванное рукопожатие. Не разговор, но цезура дыхания.
Оставил свет и слезы, но: твой свет нелегок, а слеза темна.
Ты не являешься, и в синий красит небо тайна.
Это не смерть уже, это — навсегда.

Еще не разомкнулись губы
Время исподлобья в нас смотрит и медлит свой час
Так вечер нежен и печален
Как голубые тени листьев, что тают на лице

Как ты говоришь дождь
так у дождя спроси как должно
ему говориться

И дерево ты говоришь
так говори деревом
корни свои в просветы слов

куда ввергнута последняя правда.

петля за петлей
на спицах твоих
тепло умолчаний
вдруг обретает форму.

Над стерней лишь время и ветер — свидетели тела земли. Идешь и через твою память тоже. Взбираться в начало каждого и есть новый мир, а полнота его — когда красиво сердце.

в разрыве облаков
простор выцветшей лазури
уравновешен теплом человеческих слез.

Среди теней закатных почти так зримо васильки голубеют в твоих волосах.

В тигеле рук я плавлю слова и отпускаю их падать в небо.
Каплями, каплями: яви себя! Но нет.

Ты знаешь, здесь все совсем не так. Хлеб и кость ломаются с одним и тем же звуком.

Известно: камни встают на свои места, но только не эти, хранящие мрак каждое утро.

Горение навсегда остается в наших глазах.

А если ты — мотылек, не опалишь ли крылья?

Нет кровных клятв в вине — там зеркало лежит, через которое в свои глаза смотреть я должен.

Явись! Но не сейчас. Весь смысл — ждать:

колени преклонив, сжимая понадежней душу в клетке губ.

Михаил Окунь

Февраль-2020

Рассказ-дневник

5 февраля 2020 года, около восьми вечера. До отъезда в аэропорт остается несколько часов.

Минуты две-три я стою в коридоре и через приоткрытую дверь маленькой комнаты внимательно смотрю на маму. Она лежит, повернув голову вправо, лицо нахмурено, глаза закрыты. Чуть похрапывает или похрипывает. Хочу зайти, но всё же решаю не входить, пусть спит (если спит), сегодня она беспокойная, недовольная...

Ухожу в большую комнату. Делаю предотъездные звонки. Сажусь за письменный стол и, чтобы убить время, разбираю шахматное окончание по Лисицыну. Примерно часом позже иду на кухню. Как всегда, останавливаюсь в коридоре, по движению груди приглядываюсь, есть ли дыхание (делаю так постоянно). Обычно после таких «осмотров» радовался — всё в порядке! А тут — не вижу движения груди. Подхожу к кровати — рука уже холодная...

Зову, пытаюсь делать искусственное дыхание. Хрип из груди. Понимаю — всё...

Внезапно на черный асфальт начал падать густой мокрый снег.

Звоню в «скорую», но не произношу слова «умерла». Может быть, что-то еще можно сделать, бывают же чудеса...

(Вспомнилось, как в августе 2010 года, когда она упала в обморок в коридоре по пути на кухню, кричал: «Мама, не уходи!..» Она лежала с закрытыми глазами, опершись спиной о стенку. И вдруг услышал строгое: «Что раскричался?..»)

Приехавший молодой врач просит выйти из комнаты, что-то проверяет. Начинает объяснять насчет снабжения мозга кислородом. На мои сбивчивые речи говорит: «На всхлипах отошла...» Заполняет бумаги и уходит.

Смотрю маме в лицо. Глаза закрыты. Поднимаю веко. Глаз голубой и чистый...

Появляется участковый милиционер, пишет свои бумаги. Вежлив и дружелюбен. Вспоминаю, что именно он, капитан Аббасов, занимался вопросом, когда семь лет назад, в январе 2013 года, мама ночью в одном халате ушла на «голоса», оставив квартиру открытой. Деменция начиналась...

Появляются санитары «Спецтранса». Один из них, шкафообразный и бритоголовый, напоминает мне санитаров психиатрической «скорой» из того же января 2013 года. Оплачиваю официальные две тысячи. Снимают часы с ее руки. Бритоголовый громким, деревянным голосом говорит: «Если хотите отблагодарить санитаров...» Даю еще тысячу.

Михаил Окунь (1951) — автор девяти сборников стихов и трех книг прозы. Публикуется в журналах и антологиях России, США, Германии, Финляндии, Бельгии. Лауреат премии журнала «Урал» (2006).

Поднимают сверток (уже сверток!) в одеялах и простынях, которыми была укрыта. Дополнительно просят еще два больших махровых полотенца. В дверях говорю: «До свиданья, мама!» Один отвечает: «Прощайте!»

В один из перерывов между появлением всех этих визитёров сажусь за письменный стол и начинаю писать какой-то текст о том, почему же я не научился правильно делать искусственное дыхание. Хотя понимаю — это уже не имело никакого значения...

Итак, к двум часам ночи всё закончено. В шесть пятнадцать утра у меня отлет во Франкфурт. Сейчас вызвал бы такси на три часа.

Выпить нечего. Можно бы, конечно, пойти в «Помойку» (будка из бетонных блоков, где когда-то стояли мусорные баки; а теперь магазинчик). Там дают всю ночь. Но не хочу. Как ни странно, ложусь спать.

Утром приходит Мая (сиделка), смотрит из коридора в комнату, видит пустую кровать, замирает от неожиданности, спрашивает удивленно: «А где?..» — «Нет больше Нины Ивановны...» — говорю... (Позже обмолвилась, что по некоторым приметам понимала, что конец уже близок.)

Чем вспоминается этот последний месяц вместе? Приехал 10 января, поздно вечером, нашел маму заметно похудевшей. На день ее рождения, 12 января, попросила купить мускат прасковейский. Сказал — не знаю, продается ли он сейчас. Ответила: «Спроси у Сережи, он поможет...» Сидел у нее в голове все последние годы этот персонаж. Доверяла ему. Куда он теперь делься?

Мускат нашел на Тухачевского, в магазине «элитного алкоголя» «Винлаб» (расположившемся там, где раньше было кафе-разливуха). Но пить его она так и не стала...

Приходила участковый врач, молодая задорная девушка Оксана.

21 января сдали на дому анализ крови и ЭКГ. Кардиограмму снимала патронажная сестра — сказала, что теперь будет регулярно посещать. На следующий день пожаловали две дамы из социального отдела, инспектировали работу сиделки. Пообещали, что будут приходить раз в три месяца.

Назавтра побывал у них в отделе на Кондратьевском. Понял, что медицинскую кровать в этот приезд получить не удастся. Какие-то бюрократические препоны...

25 января съездил на Кузнечный рынок, купил творог, сметану. Вечером дважды сказала мне, что я хорошо пострижен. Исполнил для нее «Раскинулось море широко...» и романс «Глядя на луч пурпурного заката...». Без голоса и слуха. Но сорвал аплодисменты.

26 января купил новый тонометр. Показал две пары своих наручных часов. Внимательно рассматривала, очень понравился «Беллфилд» с черным циферблатом. А на «Юнкерсе» — браслет из нержавеющей стали.

27 января был удивительно багровый восход, перешедший в оранжевый, затем в лимонный. Показывал в ручное зеркало, садиться и смотреть в окно она не стала. Прочел три первых стихотворения из подборки в приложении к «Литературной газете» «ЛГ Плюс» 2019 года.

Пару дней назад маме приснился шпик. Говорит — как в детстве. Попросила купить. Купил, но есть не стала.

28-го снова съездил на Кузнечный рынок. 29-го читали стихи из подборки в новом, январском номере «Звезды».

30 января заходил в Спасо-Преображенский собор — свечи за здоровье, за упокой... И вечер вручения премий журнала «Звезда» за 2019 год в помещении редакции. Когда приехал домой довольно поздно вечером, не спала, попросила посмотреть диплом.

Последний день января. Парк, пруд, чайки, сидящие на льду. Время шло уже к отъезду, а такую прогулку совершил лишь впервые в этот приезд.

Дочитали подборку в «Звезде». Вечером снова пришла участковая, выписала лекарства.

1 февраля. Снова поездка на рынок — последний творог, последняя сметана... Похоже, в эти дни только их и ела. Возвращаясь из «Пятерочки», подошел снаружи к дому. Искал своего «лешего» на березе, но не нашел. Только из окна нашей большой комнаты он виден, — шифруется, хитрец...

Прочел стихотворение Заболоцкого «Городок» — «Целый день стирает прачка, муж пошел за водкой...». Дочитал подборку из «ЛГ Плюс». Но стихотворение «Уже не поднимется мама...» пропустил, читать не стал...

2 февраля. В кафе-баре в проходном дворе с Финского переулка на Боткинскую увиделись с писателем Володей Шпаковым. Пил он только вино. Что-то в его облике насторожило. И действительно, ушел в том же году...

На следующий день — снова парк, пруд, черный лед с белой позёмкой, чайки на льду. Брошенная на возвращение десятикопеечная монетка попала на край полыньи, не утонула. Вечером нанес прощальный визит в редакцию «Звезды».

4 февраля почитал стихи из подборки в «Урале» за прошлый год. И опять вокруг пруда. Кругом пожухлая, но зеленая трава. Серый тусклый лед, освещенный солнцем. Купил маме ромашки, очень понравились. А вообще — нервный был у нее вечер, есть не хотела...

Вспомнилось, как, увидев фото нашего джек-рассел-терьера Лизы, сказала: «Это как собачка Мане...» Думаю, имела в виду Эдуарда Мане, у Клода Моне собак не нашел. А у Мане несколько.

5 февраля проснулся в три часа. В этот день исполнилось 25 лет со смерти отца. Решил, что надо помянуть. Выходил. Опять пруд. Снег летал отдельными снежинками, — действительно белые мухи... Купил шкалик коньяку. Мама пить не стала, съела мандарин (вероятно, это было последнее, что съела). Я сделал замечание — мол, что так ешь, запихиваешь в рот, умеешь ведь аккуратно... Ничего не ответила, только взглянула, — мол, что, ничего не понимаешь?

Показывал альбом, спрашивал, кто мог нас фотографировать в 1958 году в Летнем саду. Ответила резковато: «Не знаю!» Вообще была в нервном состоянии, как и все последние дни.

«Достигнув глубочайшей старости и сохранив еще последние отблески угасающей мысли, старик чувствует, как слабеет со дня на день; члены его перестают покоряться слабеющей воле; кожа становится бесчувственной, сухой и холодной; конечности теряют всякую теплоту; лицо худеет, глаза впадают, и зрение мутится; слова застывают на разверстых губах; жизнь покидает старика, начиная с поверхности к центру; дыхание затрудняется, и наконец сердце перестает биться. Старик потихоньку угасает, точно засыпает своим последним сном. Вот какова естественная смерть в строгом смысле слова» (Деманж. Клинические этюды о старости. Париж, 1886).

Агональное состояние. Руки не слушались, речь была невнятной. Она уходила, а я этого не понимал. «На всхлипах отошла...»

До конца дней, вероятно, будет теперь мучить вопрос — что было бы, если бы зашел часом раньше, тронул за плечо? Вызвал бы «скорую»? Или, наоборот, хорошо, что не беспокоил, дал спокойно уйти? Никто уже не ответит...

И всё же провела со мной полностью наш последний месяц, ушла так, чтобы не пришлось мне снова возвращаться (хотя была мысль — улететь и потом сразу снова вернуться на месяц). Но ведь уже в марте границы закрыли из-за пандемии коронавируса! В общем, поменьше бы беспокойства было сыночку...

В последнее время держала на кровати и постоянно рассматривала большую коллективную фотографию — выпуск радиотехнического отделения

Арктического училища 1949 года. Каждый курсант в отдельном медальоне с фамилией. Ряд вверху преподаватели, в том числе и отец. Но рассматривала она, по-моему, не его фото, а курсанта Николая Овчинникова.

Он дружил с отцом и с нею. Дружба эта возникла еще в те послевоенные времена и продолжалась много лет. Коля стал полярником, работал на станциях на Северном полюсе.

Я помню его с детства. Знал, что это папин старый друг. Это был действительно красивый человек — брюнет южного, но не кавказского, а скорее итальянского типа — смуглый, с пробором, глаза-маслины. Таких любили тогдашние девушки. Был он очень немногословен, всегда серьезен. Совсем не помню, чтобы он что-то рассказывал, шутил.

В результате фотография, несмотря на то что была наклеена на плотный картон, постепенно истрёпывалась, теряла фрагменты. В итоге остался небольшой кусочек с фотографией трех-четырех курсантов. В том числе и Коли Овчинникова. После ее смерти я засунул этот осколок выпуска 1949 года в фотоальбом.

...Пытаюсь вспомнить — и не могу — ее последние слова... Наверное, когда отказалась от поминальной рюмки.

Начались похоронные хлопоты. Морг недалеко, на Пискаревке, Екатерининский проспект, 10. Всё там в последние годы перестроили, огородили высоченным забором. Пошло латентное вымогательство — вскрытие бесплатное, но надо ждать дня два-три. А если оплатите столько-то, — сразу, только подождёте некоторое время. Да еще интересуются притворно: «У вас санитары спецтранса денег не вымогали?»

Вот и справка о смерти готова: «Сердечная недостаточность. Старческая дегенерация миокарда». Получив, сразу поехал в бюро на Достоевского, 9. Ждать пришлось довольно долго, очередь. Но вот на руках гербовое свидетельство о смерти. Теперь оплата услуг — гроб, урна, зал крематория (решил кремировать и подхоронить урну к могиле на Серафимовском кладбище, где лежат бабушка и мамина сестра Вера).

Наконец всё, вышел на воздух. Целый день не ел. Зашел в кафе Кузнечного рынка, он в двух шагах, — уха, шашлык, 200 грамм «Первака».

На следующий день, 7 февраля, надо везти одежду в морг. Мая приготовила темное платье, белье, купила тапочки. В морге опять скрытое вымогательство: в подготовке тела — три вида данной «услуги»: похуже, получше и по «максимуму». Все, у кого есть деньги, выбирают, естественно, по этому самому «максимуму».

Пока ходил от одной двери к другой, забыл на лавке папку с бумагами. Побежал обратно — оказалась на месте. Вот был бы номер! Кремацию назначили на 8 февраля.

В тот же день зашел в пенсионный фонд, сообщил о смерти, взял бумагу на социальную компенсацию. Доехал до МФЦ. Оказалось, подавать на компенсацию рано — нужна отметка о кремировании в свидетельстве о смерти.

Зашел в подвальную рюмочную на Среднеохтинском. Оказывается, туда после закрытия разлива на Тухачевского переместился знакомый народ. Встретил Бориса и еще одного. Выпили за упокой...

8 февраля к 10 утра приехал в морг, чуть позже появилась Мая (накануне позвонила сама — я забыл ей сообщить точное время). Мама лежала в открытом гробу справа от входа в зал. В огромном помещении кроме нее еще один старик. К выходу напротив подъезжают машины за гробами.

Пока отходил смотреть назначенную машину, Мая сфотографировала маму в гробу. Потом прислала мне эту фотографию, но куда-то она в почте заделалась, а я и не стал ее искать — зачем?

Грузчики поставили гроб в автобус, и мы поехали в крематорий, несколько минут езды.

Там нас уже ждали моя двоюродная сестра Аня, ее взрослые дети Ира и Вадим. Зашел в какую-то боковую каморку и оплатил отпевание. Старенький оловянный крестик принес из дому. «Это ее?» — спросила дама, принимавшая деньги. «Во всяком случае, в шкатулке лежал...» — ответил. Она вынула из набора для отпевания их крестик, отложила. Экономные ребята! Что там было еще в том наборе? — Свечки, иконка богоматери...

Нас вызвали в средний зал. На Достоевского меня убедили, что лучше заказать его — стоит не намного дороже, а гроб там уходит вниз. Действительно, отца 25 лет назад кремировали в малом зале, и гроб уезжал в какую-то боковую нишу. Как-то не того...

Ведущая погребальной церемонии сказала, что тело лежит глубоковато в гробу, прощаться будет неудобно, попросила отвернуться и что-то сделала, как-то приподняла мамину голову.

Молодой священник начал отпевание, ему ассистировал еще более молодой певчий.

Потом можно было «сказать слово». Вместо простого «Прости, мама!» я начал что-то о трудной жизни, ее репрессированном отце...

Прощание. Положил в гроб такие же ромашки, которые порадовали ее за несколько дней до этого. Поцеловал в лоб. (Помню, бабушку при отпевании в Серафимовской церкви в 1980 году побоялся целовать. Тогда была у нее на лбу бумажная полоска с церковнославянской вязью, сейчас у мамы не было.) Прикоснулся к щеке — она была холодной и твердой.

Закрыли с Вадимом крышку гроба, поправил краешек ткани. Гроб пошел вниз, створки начали медленно закрываться. Больше я ее никогда не увижу...

До нас доехали на их машине. В большой комнате организовали скромные поминки. Сходили с Вадимом в магазин, купили пельменей, поллитровку с колоском внутри, еще чего-то. Мая сделала кутью. После поминок она предложила сделать фотографии.

Во время поминок раздался телефонный звонок. Женский голос:

— Можно Нину Ивановну?

— Уже нельзя, — говорю, — умерла несколько дней назад. А вы по какому вопросу?

Оказывается, подоспела очередная юбилейная медаль, 75 лет Победы. Сказал, что могу прийти, уже получал за нее.

— Не знаю, — ответила, — раз она умерла... Я вам перезвоню.

И, конечно, в последующие дни не перезвонила. Чуть-чуть до медали не дотянули. Как и до медицинской кровати.

Проводив гостей, пошел еще за одной...

Что я ел в эти дни, пил ли чай, ходил ли в магазин? — Почти ничего не помнится. Только по записям в дневнике что-то можно восстановить.

9 февраля проснулся в три часа ночи, потом в восемь утра. На березу за окном маленькой комнаты стала с вечера вчерашнего дня прилетать ворона, сидит, перья чистит. Как уйду из комнаты, улетает. После Бродского с его двумя воронами («Полторы комнаты») писать о воронах — общее место, но тем не менее.

Мне вспомнился разговор с мамой — тоже зимой, года два-три назад, вечером. Сидел в ногах кровати. У нее было просветление, говорили долго, обо всем понемногу. А за окном на этой же березе плечом к плечу, прислонившись друг к другу, сидели две вороны. Шел мокрый снег, темно-серое небо было подсвечено красноватым светом города. Думал, так и будут они ночевать. Но нет, внезапно снялись одновременно, полетели в ночь...

10 февраля снова съездил в МФЦ, подал документы. Потребовалась трудовая книжка — мол, не есть ли я работающий пенсионер, не имею ли другого источника дохода? Ее у меня не было, осталась в Германии. Приняли бумаги и так, но потом отказали по причине непредоставления трудовой. Позже подавал вторично через интернет на сайте госуслуг, отсканировав десятка два различных квитанций и чеков об оплате похоронных услуг.

Кроме того, юная брюнетка с силиконовыми губками (кто ее определил трудиться в такое безрадостное учреждение? — ей бы секретаршей при хорошем начальнике или бизнесмене) сказала, что я мог бы подать и на компенсацию как малоимущий. Что и сделал 12 февраля, притащившись к ним уже в третий раз. Но зря — позже отказали, доход у меня оказался на несколько сотен рублей выше установленного минимума. Опять заворачивал в ту же рюмочную, встречал тех же персонажей...

11 февраля получил урну в крематории. Черная, полированная, с желтой металлической дощечкой «Травкина Нина Ивановна» и датами, сам выбрал такую на Достоевского (оформительница там сразу предупредила — гипсовую не берите, разваливается почти сразу; естественно, гипсовая была значительно дешевле).

Какой-то совершенно дряхлый еврей, получавший урну вслед за мной, услышав мою фамилию, спросил тишайшим голосом: «Вы случайно не родственник Лёвы Окуня?» — «Нет, — ответил я уверенно. — Давайте я вам помогу урну в пакет поставить». А позже спохватился — Лёва, Лейба... Ведь так звали моего деда. Но он умер почти пятьдесят лет назад в возрасте 95 лет! Не Агасфера ли, получающего урну с прахом своего далёкого потомка, я повстречал?..

Доехал до дому на автобусе. Еще раз подивился, как же изменилось всё на Пискаревке — транспортная развязка и прочее. От скромного моста через железнодорожные пути ничего не осталось.

В эти дни, уже зная дату получения урны, занялся заказом обратного билета через агентство «Люфтганзы» в Москве. Молодой человек попросил выслать сканы документов, подтверждающих отсрочку вылета (свидетельство о смерти, документы о родстве). Предложили билет с небольшой доплатой на 12 февраля. Катя настаивала, чтобы летел в этот день. Билеты на последующие числа шли с большой доплатой. Следующий билет с маленькой доплатой нашелся только на 16 февраля.

Я знаю, почему не захотел вылетать 12-го, — хотел еще несколько дней и особенно ночей побыть один в квартире. Надеялся, что может произойти что-то мистическое, потустороннее... Может быть, какой-то разговор...

Подхоронение урны отложил на лето, на следующий приезд. Кто мог тогда предположить, как вскоре изменится наша жизнь из-за пандемии коронавируса!..

13 февраля — девятый день. Заходила Мая, немного помянули. В маленькую комнату, где стояла урна, в эти дни я почти не заходил. Хотя один раз зашел, лег на мамину кровать, полежал, уставившись в стену. Вот так она и лежала — год за годом. С первых чисел февраля 2013 года, когда привез ее из больницы Скворцова-Степанова, «Скворечника»...

...Вспомнилось, как однажды, годах в 80-х или 90-х, в белую ночь мне не спалось. Оказалось, что и мама не спит. «А давай пойдем в парк!..» — предложил. Мы дошли до парка, это минут пять, сели на лавочку у пруда. Он был на то время еще не «отреставрирован» — заросли камышей, развалины причала, деревца типа японских — корявые стволы, низенькие, зонтичная крона. Кругом ни души. И не надо никого. За горизонтом угадывается восходящее солнце. Может быть, это и был осколок Элизиума наяву?..

Нет лучшего способа убить время, чем мертвецкий алкогольный сон. Непоздним вечером 15 февраля он был прерван неожиданным телефонным звон-

ком. Звонила давняя знакомая, которую в последний раз видел в 1992 году в Ивангороде, на празднике 500-летия основания Ивангородской крепости.

Вылет предстоял в шесть утра с минутами на следующий день. Часа в три ночи надо было выезжать в аэропорт. Этим рейсом на Франкфурт-на-Майне летал уже не раз.

У меня было железное правило: в последний предотъездной день никаких «мероприятий», оставаться только с мамой. Но мамы уже не было. Может быть, поэтому и железное правило оказалось нарушенным.

Встретились на Владимирской, зашли в кафе Кузнечного рынка. Показалось мало, переместились в кафе-бар на Боткинской. Бодрости всё это не добавило...

Утром вскочил около четырех часов от звонка Кати. Чемодан был собран еще с 5 февраля. Вызвал такси, вскочил на улицу.

До конца регистрации на рейс успел. Подошел к выходу на посадку, сел спиной ко всем. А дальше...

Постоянно, и на сей раз, и позже, они меняли выходы на посадку. Почему — не понимаю, если всего за ночь вылетало три-четыре рейса. Народ за моей спиной переместился к другому выходу, я этого не заметил. А через некоторое время до меня донеслась моя фамилия, объявленная диктором: «Гражданин... Пройдите на посадку...»

Вскочить бы да побежать — но нет, нет... Вдруг так не захотелось уезжать! И, видимо, накопились за последние годы все эти пробежки по аэропортам Мюнхена, Вены, Штутгарта, Цюриха... Не встану!

После повторного объявления взял себя в руки, вскочил, побежал. Ручка чемодана на колесиках сломалась. У выхода на посадку две аэропортовские девицы уже собирались уходить: «Посадка окончена!» Но — сделайте что-нибудь, свяжитесь! Одна нажала какую-то кнопку — нет, дверь уже заблокирована. И, быстро собрав какие-то вещички, стали от меня буквально бегом убегать.

Так я в первый раз вернулся домой, к урне. И почему-то не слишком этому огорчился. Здравствуй, мама!

Достал из чемодана текилу, купленную в «дьюти фри» аэропорта. Спал, как и все последние ночи и дни, не раздеваясь...

Билет, опять же без существенной доплаты, нашелся на 18 февраля. Ну, теперь-то я сделаю всё, как надо!

Приехал в аэропорт заранее. Выпил пива. Разговорился с девушкой, оказавшейся иностранкой (на чем она настаивала) с (из?) Украины. Купил текилу с собой. Зарегистрировался и сел у выхода на посадку.

Перед глазами вновь оказался «дьюти фри», еще один магазинчик. Чтобы скоротать время, взял шкалик давно забытого ликера «Вана Таллин». Он-то (вернее, он и его чуть позже купленный двойник) подвел меня на этот раз.

Дело в том, что производил этот шкалик определенное впечатление 100-граммового, но вследствие тонких пластиковых стенок оказался 200-граммовым.

Я разговорился с молодым человеком, летевшим во Франкфурт на два дня на какую-то научно-техническую конференцию. Расчувствовался, стал петь дифирамбы их поколению, типа «вот мы не смогли, а вы должны смочь» и т.п. Как-то само собой наведалься за вторым шкаликом...

Посадка вскоре должна была начаться. Наша беседа с молодым ученым завершилась. Я сидел спиной к проходному турникету. И вдруг зачем-то ни с того ни с сего издал вопль!..

Что это было, почему? Сам не пойму до сих пор... Чувства переполнили? В этот вопль я не вкладывал никакой агрессии, но, вероятно, со стороны именно так и показалось. Хотя это не было слово — просто звук, всплеск. Возможно, отчаяния...

И вдруг занули, зашептали прямо в уши какие-то голоса из-за спины: «Ну, зачем так? Не надо никого обижать, не надо...»

Я насторожился, затих, оглядываться не стал. Боялся увидеть каких-нибудь мелких бесов. Так, съёжившись, и просидел до объявления посадки.

Наконец ее объявили. Выждав несколько минут, я встал и пошел к турникету. Заметил, что девушка та же, худенькая, в очках, что сбежала от меня позавчера, когда опоздал на посадку. Рядом с нею был человек в ядовито-желтой жилетке. Когда я приблизился к ним, девушка что-то сказала ему шепотом. Человек улыбнулся мне. Я улыбнулся в ответ. И тогда он ласково сказал: «А ваш вылет отменяется!»

На меня это произвело такое же впечатление, как на пушкинского Германа слова Чекалинского «Дама ваша убита...».

Но возражения были напрасны. Появились как из-под земли два худосочных юноши со строгими взглядами — росгвардейцы, и меня под осуждающими (думаю, так) взглядами приличных пассажиров, отлетающих в Германию, повели...

Дальше была долгая поездка куда-то, но не в воронке, а в машине типа «скорой». Выдох в трубочку, возвращение в отделение полиции аэропорта, протокол со штрафом в 500 рэ — «Появление в нетрезвом виде...». Вместо Франкфурта полетел ко всем чертям!..

Хотя, строго говоря, выдвигали мы самолетных пассажиров значительно пьяней и бойчей, особенно из начальственно-депутатского корпуса. Пожилые полицейские аэропорта, надо сказать, были предельно вежливы и даже проявляли заметное сочувствие.

Тем не менее свершилось! Я вновь не улетел. Такси, утреннее возвращение домой. Ну, здравствуй, мама, еще раз, твой любимый сын снова на месте! И вновь я открыл текилу из «дьюти фри». То, что она сохранилась в чемодане, стоявшем в отделении, пока меня возили на освидетельствование, также характеризует ментов с наилучшей стороны.

В эти дни, надо сказать, дождался я и «потустороннего знака», на который так рассчитывал. Когда укладывался на диван, оперся на банкетку. Та перевернулась и угодила ножкой в левую подмышку, сильный удар-тычок. Боль через некоторое время прошла, но сухожилие осталось натянутым, как веревка. Делал потом и рентген, и томографию — нет разрыва, всё в порядке. Но улучшения так и не произошло.

Мама несколько лет назад, когда еще ходила, упала ночью в коридоре, получила перелом левого плеча, так и не сросшийся. Образовался «ложный сустав». Вот, останется теперь у меня память о ее травмированном плече...

Следующий билет — на 22 февраля — пришлось покупать уже с солидной доплатой. Дорого обошелся мне этот «воплъ Видоплясова»! Правда, позже «Люфтганза» компенсировала по заявлению около 50 процентов стоимости.

С девушкой, делавшей билет, разговорился, пожаловался на два несостоявшихся отлёта. Сказала — не спорьте вы с аэропортовскими ни в коем случае, вообще не разговаривайте, молчите, это же мафия!

И вот наконец самолет отрывается и берет курс на Франкфурт. С третьей попытки высота взята! Текилу на сей раз не покупал, посчитав это плохой приметой...

Настал март 2020-го, и началось то, чего мы никак не могли ожидать и что душит нас до сих пор: эпидемия, страдания и смерть близких людей. Нас убеждают — новое время, новая реальность. А мама осталась там — в «до ковидной» эпохе, в своем времени...

ДЕТСКАЯ

Сергей Ив. Иванов

Энцефалоид Серёгина, или Как мы спасли планету

Повесть

Школьная учёба занимает от девяти до одиннадцати лет человеческой жизни. Это примерно одна седьмая часть всего срока существования среднего индивидуума. Не так уж мало. Между тем писатели почему-то не уделяют достаточно внимания этому периоду жизни большинства разумного человечества.

Нет, произведений о школьной жизни вообще-то много, но почти все они рассказывают лишь о том, что происходит между уроками, после уроков, во время прогулов, на выходных или на каникулах (эта тема особенно привлекательна). Именно в эти краткие моменты школьники общаются с гостями из будущего, пришельцами-гуманоидами, ужасными монстрами и дивными эльфами. Однако если подсчитать, сколько часов в день школьник проводит на уроках и за уроками, и вычесть из суточного графика сон (когда мы всё равно ничего не соображаем), то получится, что основная часть жизни в этом возрасте занята именно учёбой, а не каникулами или переменами. В то же время, повторяю, литература такому виду жизнедеятельности внимания почти не уделяет. Если, конечно, не считать учебников.

Данная повесть призвана исправить этот недочёт. Но сначала рассмотрим несколько научных фактов.

Знаете ли вы, что наша планета Земля непрерывно движется вокруг Солнца со скоростью примерно 107 000 километров в час? Какой самолёт, какой поезд или ракета может выжать такую скорость? Ни одно существующее транспортное средство (и даже никакие проектируемые) не может передвигаться со скоростью 107 000 километров в час, то есть около 30 километров в секунду. Еле-еле к этому рубежу приближаются автоматические межпланетные станции, запущенные в сторону Юпитера, Сатурна, Урана, — и набирают они такую скорость за долгие годы полёта, пользуясь гравитационным полем больших планет.

Но эта скорость — ерунда в сравнении с той, которая придана Солнцу. Оно мчится сквозь нашу галактику, преодолевая за секунду 217 километров. А вместе с ним летит в ту же сторону Земля, а на ней — мы с вами.

Ещё на порядок выше скорость самой галактики, которая тоже куда-то несётся в нашем скоплении галактик, а вместе с ней Солнце, а вместе с ней Земля. И даже если мы сидим на стуле, или на диване, или вообще спим в кровати, — мы всё равно мчимся в космосе со скоростью Земли, Солнца и

Сергей Ив. Иванов — детский писатель, драматург, редактор. Автор циклов радиопередач «Приходящие дяди» и «Петербургские диковины» на «Радио России», цикла книг «Детский курс...», других познавательных и художественных произведений для детей. Лауреат премии им. С. Маршака (2016). Живёт в посёлке Невская Дубровка под Петербургом.

галактики. У нас нет ни минуты покоя от этого движения. Не говоря уже про медлительное суточное вращение каждого города, деревни, села вокруг земной оси — со скоростью 800 километров в час на нашей шестидесятой параллели! Представьте себе — пока вы сидите на уроке или спите дома, вы вместе с партой или кроватью передвигаетесь ежечасно на 800 километров! Запросто перемещаетесь на расстояние, равное расстоянию от Петербурга до Москвы с гаком!

Мы не замечаем этого движения. Мы думаем, будто уютно устроились в своём гнёздышке в гостях или дома на диване... А на самом деле мы мчимся изо всех сил и по пути, естественно, встречаемся с самыми разными явлениями и телами — точно так же, как мимо пассажира поезда проносятся то деревья, то дома, то прохожие, то лошадь, то корова, то рыбаки, то моряки.

Множество всяких вещей встречается на пути нашего космического полёта. Только большинство их мы не замечаем. В основном потому, что на чёрном фоне ничего не разглядеть, кроме того, что ярко светится... А ведь во Вселенной, как считает современная наука, гораздо больше «тёмной материи», чем светящейся. Звёзды расположены на огромном расстоянии друг от друга, между ними — пустота. Однако эта пустота заполнена невидимыми объектами, может быть, очень маленькими (атомами), а может, и здоровенными. В своём полёте сквозь Вселенную Земля неизбежно будет сталкиваться с телами, состоящими из «тёмной материи». Но поскольку «тёмную материю» никто до сих пор не пощупал и не взвесил, а само её существование подтверждается только вычислениями (которые могут быть ошибочны), никогда нельзя с полной уверенностью утверждать, произошло такое столкновение или только померещилось.

Итак, сейчас я, не вычёркивая ни одного учебного предмета из школьной жизни¹, одновременно расскажу, как мы с друзьями спасли нашу школу, родной посёлок и всю планету от последствий одного из таких предполагаемых столкновений.

Об этих исторических событиях до сих пор мало кому известно. Дело в том, что мы, главные участники событий, обещали раньше срока не разглашать важную государственную тайну. Теперь сроки прошли, и можно наконец обо всём рассказать. И, может быть, мои современники, которые ещё живы, а также их далёкие и близкие потомки отдадут должное своим спасителям.

Речь вовсе не обо мне, я не ищу благодарности, но усилия моих товарищей — и безропотного Капитанова, и находчивого Степанова, и меланхолического Губенкова, и других героев, должны быть оценены по достоинству. Прошу помянуть добрым словом также и незаметных тружеников старшего поколения, которые сделали немало полезного вместе с нами и отдельно от нас, — историчку Дарью Алексеевну, преподавателя начальной военной подготовки Егора Васильевича, трудовика Олега Олеговича и даже директора Марину Константиновну, с распоряжений которой и началась, собственно, эта история.

Нервы Марины Константиновны

Прежде Марина Константиновна преподавала математику. Она вела уроки в параллельном классе, и мы до её перехода в директоры виделись с ней только на заменах.

В качестве директора Марина Константиновна сразу завела новые порядки — придумала систему регулярного контроля успеваемости, создала

¹ Ну, почти ни одного (здесь и далее примечания Ивана Серёгина).

наглядный график колебаний этого уровня, внедрила еженедельные линейки с политинформацией и некоторые другие усовершенствования. После её молчаливого предшественника, Павла Наумыча, такая бурная деятельность выглядела непривычно, но, в принципе, ничего странного мы не замечали.

Однако в сентябре нового учебного года с директрисой что-то произошло. Тогда мы ещё не знали, в чём дело, и думали, будто у директрисы просто расшатались нервы.

Это стало заметно с первых же сентябрьских линеек. Как-то раз наш класс «перешёл черту» на уроке истории. Ничего особенного не произошло, просто Губенков позволил себе вполголоса усомниться в положительном результате революции, а Пыркусов из любви к бузотёрству его поддержал. Эти заявления были классифицированы историчкой Дарьей Алексеевной как нарушение дисциплины. Она побежала к директорше жаловаться на наше поведение, а нам велела построиться в рекреации на экзекуцию.

Такие проработки на линейке были нам не впервой. И Марина Константиновна начала нас отчитывать сперва в стандартной манере, постепенно повышая голос. «Как вы можете в такое время, как сейчас...», — начала она новый абзац и вдруг замолчала, глядя в потолок.

— Плафоны, что ли, пыльные? — спросила простодушная историчка. — Так эта пыль ещё от предыдущего директора осталась. Может быть, позвать Олега?

— Не стоит, Дарья Алексеевна, — отвечала директриса и перевела взгляд на высокие окна рекреации, выходящие на школьный сад.

— Хотя, впрочем, позовите, — сказала она. — Пусть вместе с техничкой повесит глухие шторы на все окна.

— Темно же будет, — возразила Дарья Алексеевна.

— Ничего, если протереть плафоны, станет светлее, — сказала Марина Константиновна и только тогда вспомнила о нашем классе. Она вновь повернулась к нам, хотела что-то сказать и неожиданно зарыдала.

— Что с вами? — всполошилась историчка. — Я принесу воды!

— Не надо, — остановила её директриса. — Ничего страшного. Сейчас я возьму себя в руки. И вы тоже возьмите, — обратилась она к нашему классу. — Пусть в это сложное время каждый возьмёт себя в руки и выполнит то, что от него потребуется! Я верю в вас, мои дорогие! Идите в класс и учитесь как следует, родные мои, не обижайте Дарью Алексеевну!

Такая манера обращения, да и само содержание речи директора показались нам чем-то небывалым. Вместо того чтобы хорошенько пропесочить Пыркусова и Губенкова, Марина Константиновна обратилась к нам, словно к братьям и сёстрам, и никого не наказала даже вызовом родителей.

Тогда-то самые проникательные из нас и осознали, что в мире или, по крайней мере, в школе случилось нечто из ряда вон выходящее.

Дальнейшее поведение Марины Константиновны только укрепляло нас в этом подозрении. И без того порывистая, директриса начала передвигаться по школе с удвоенной скоростью, за считанные секунды пересекая громадную рекреацию второго этажа. По лестнице она поднималась, словно на лифте, а сбегала вниз так быстро, словно спрыгивала с верхней площадки без парашюта. Сохранив привычку заглядывать по очереди во все классы хотя бы раз в день, она теперь успевала только открыть и закрыть дверь. Пока класс соображал, что надо вставанием поприветствовать директора, дверь уже захлопывалась, и поочерёдный стук захлопываемых створок удалялся по коридору. Звучало это так, словно кто-то играл в домино на передвижном столе, который быстро катился по коридору.

Вскоре по приказу директора во всех коридорах и кабинетах принялись вешать новые плотные шторы, которые не разрешали отодвигать. День и ночь окна были занавешены, классы освещались электричеством. Обитатели

крайнего ряда у окна были недовольны — теперь им не удавалось поглазеть на природу и общество. Я сам, между прочим, сидел на этом ряду, страдая от повышенной затенённости и отсутствия зрелищ. Такая обстановка дополнительно нервировала моих одноклассников, да и другие классы тоже кипели возмущением.

Нервозность возрастала не только у нас, но и у преподавателей. А волнение завуча и вовсе кончилось переломом. Дело в том, что завуч старалась повсюду сопровождать Марину Константиновну и не отставать от её темпа. Но Марина Константиновна была высокая дама с хорошо тренированным телом (её муж, который вскоре появится и в нашей школе, преподавал физкультуру в ПТУ), а завуч обладала хрупкой комплекцией. Естественно, ей было не угнаться за директрисой. Мы частенько слышали цокот маленьких каблучков по школьному коридору, когда Марина Константиновна обходила свои владения. С каждым днём дробный стук всё учащался и учащался, пока не раздался грохот. Сперва завуч сломала один каблук, потом другой, а затем, к сожалению, сломала ногу и надолго попала в больницу. Выписали её, когда вся эта история уже закончилась, и хотя перелом — штука болезненная, он спас завуча от многих и многих хлопот, выпавших на нашу долю.

Более нервным стал и военрук Егор Васильевич. Не раз он вбегал в наш класс посреди урока и хватал первых попавшихся парней, чтобы они помогли выкопать ему «щель» в школьном дворе или стрелковое гнездо на стрельбище, расположенном возле поселкового кладбища.

Пострадали от непонятной суеты и мои одноклассники. Многие, особенно девочки, тоже сделались нервными. Даже Артёмова, когда я просил у неё стирательную резинку, протягивала карандаш, а когда просил карандаш — совала стирашку.

Фраза, пущенная директором — «Разве можно в такое время?..», стала на разные лады повторяться и учителями, и учениками.

— Как ты можешь в такое время играть на уроке в крестики-нолики? — спрашивала Пыркусова Дарья Алексеевна.

— Разве я могу в такое время отвлекаться? — твердила Ольга Давоян, когда я спрашивал у неё совета на контрольной.

— Разве допустимо в такое время не уступить девочке очередь в столовую? — спрашивала Артёмова, оттесняя одноклассников на пути к обеду.

— Какое всё же такое время? — пытался выяснить у этих попугаев неутомный Степанов.

— Ты что, сам не знаешь? Это всем известно! — пожимали плечами девочки.

Конечно, ничего им не было известно. Что-то знала только Марина Константиновна, военрук и ещё, возможно, трудовик Олег Олегович.

А ещё, несомненно, те знакомые люди, которые пару раз приезжали в школу и о чём-то совещались с директором. В руках у знакомцев были чёрные дипломаты, а в них, скорее всего, находились какие-то приборы.

Телескоп и провода

Олег Олегович временно совмещал должность трудовика, школьного заведующего и рабочего по зданию. Этот молодой парень раньше работал на заводе, но Марина Константиновна переманила его в школу. Олег Олегович с небольшой бригадой из старшеклассников стриг пришкольные тополя, вешал скворечники, гонял голубей с чердака, вставлял разбитые стёкла и заказывал материалы для ремонта.

В первой половине дня Олег Олегович вёл у мальчиков уроки труда, а вечером и между уроками управлялся по хозяйству. Бригада помощников трудовика имела переменный состав, в неё предметники отдавали Олегу Олеговичу

тех, кого не жалко отпустить с уроков. Поэтому там могли оказаться и закоренелые отличники, которым заранее выставили пятерки в четверти, и заядлые двоечники, и те, кто по какой-то причине раздражали в данный момент педагога. Раз где-то в октябре в такую бригаду попали и мы с Губенковым.

Возле раздевалки уже топтались семиклассники Подоляков и Огородов и старший товарищ Миша Пахомов. Все стояли в куртках, и я подумал, что нас поведут собирать листья, но Олег направился на второй этаж, оттуда вывел на площадку под чердачным люком. Туда вела сомнительная железная лестница с огромными пролетами между перекладинами. Наверное, такие большие промежутки нужны были для того, чтобы младшие школьники физически не смогли залезть на чердак. Даже мне страшновато было лезть по вертикально висящей на изрядной высоте от площадки железяке. Но все послушно, один за другим, вскарабкались на чердак, куда нас заманивал Олег Олегович, поднявшийся первым. В руках у него были какие-то мешки. Он раздал перчатки и фанерные лопаты, применявшиеся зимой для расчистки снега, и велел собрать в эти мешки голубиный помёт, толстым слоем укрывавший чердачный пол в нескольких местах. Губенков, конечно, принялся возмущаться. Наверное, он рассчитывал на массовый бунт, но бунта не случилось — пацанам нравился Олег Олегович, а некоторым даже уборка голубино помёта нравилась больше, чем урок русского языка.

Едва отдышавшись и осмотревшись, я сразу заметил странную штуку, торчавшую в слуховом окне. Этого окна не было видно ни с улицы, ни со двора, поэтому я и не замечал прежде, что из него торчит какая-то труба.

Подойдя поближе, я убедился, что на крышу выходит нечто вроде перископа, но снизу к нему прилажен школьный телескоп из физического кабинета. Рядом стояла мелкокалиберная винтовка «тозовка». С помощью таких винтовок мы поражали мишени на уроках НВП.

Заглянув в окуляр, я ничего не увидел. То есть увидел кусок серого осеннего неба, и больше ничего.

— Чего это такое? — спросил я у Олега Олеговича.

— А, это Егор Васильич смастерил, — сказал трудовик.

— Зачем же? — спросил я.

— Откуда мне знать, — пожал плечами трудовик. — Наверное, к «Зарнице» готовится.

Сроду у нас в школе не проводилось «Зарниц», к тому же для таких мероприятий не требуются телескопы. Но я сделал вид, будто объяснение меня удовлетворило, и пошёл дальше грести гуано (которое, кстати, как мы потом узнали, увёз к себе на огород для удобрения тот же Егор Васильевич).

В то время программа стратегической оборонной инициативы (СОИ) ещё только разрабатывалась администрацией американского президента Рейгана, но Степанов всегда был в курсе технических новинок, особенно военных. Вот Степанов и решил, будто Егор Васильевич готовится к отражению вражеской атаки из космоса. Например, рассуждал Степанов, если боевой «космический челнок» попытается совершить манёвр и нырнёт с орбиты вниз как раз в районе нашей школы, мы должны будем открыть по нему беглый огонь. Конечно, не из мелкашек «тозовок», а из серьёзного оружия, припрятанного в надёжном месте.

Мне версия Степанова казалась неубедительной. Возможно, из автоматов можно случайно сбить низко летящий самолёт или вертолёт, однако скорость «шаттла» даже во время «нырка» такова, что мы не успеем и глазом моргнуть, как он уже вынырнет обратно.

— А что остаётся делать? — отвечал на мои возражения Вовка. — Представь себе, вот территория страны. Ну, где-то стоят системы ПВО, где-то зенитки. Но на остальной территории никаких систем ПВО нет! Зато в каждом населённом пункте есть школы. Остаётся натренировать школьников, чтобы

они были готовы по первому сигналу расстрелять вражеский челнок. Шансы невелики, но по теории вероятности они существуют. Предположим, пуля попадёт в двигатель или на стыке коммуникаций... Ведь и самолёты иногда падают, столкнувшись с птицами.

— Ты ещё про детские сады вспомни! — заметил я.

— Не вижу ничего смешного, — обиделся Степанов. — У тебя есть какая-то другая версия происходящего?

Версии у меня не было. Я предложил не делать скороспелых выводов и сначала собрать как можно больше информации.

— Конечно, директриса всё знает, — сказал Степанов. — Не зря она приказала окна шторами завесить.

Разговор этот мы вели со Степановым в школьной раздевалке, окна которой были, как и все остальные, плотно занавешены. Но как раз в этот момент к нам подошёл Олег Олегович, за которым пара адъютантов тащила огромную деревянную стремянку.

— Ну-ка, орлы, — обратился трудовик ко мне и Степанову, — поучаствуйте в полезном деле. Приказано снять с окон светомаскировку.

— Почему? — спросил Вовка.

— Да кто его знает, почему? Вроде бы эффекта от принятых мер нет, — сообщил Олегович.

Окна в раздевалке мы от штор освободили и еле отбились от трудовика, который собирался с нашей помощью снять шторы и в рекреации второго этажа. Сообщив Олеговичу, что торопимся на занятие библиотечного кружка, мы побыстрее покинули школу. Но, видно, трудовик нашёл каких-то других помощников, потому что наутро со светомаскировкой было покончено по всей школе.

Зато к концу уроков мы обнаружили загадочное оживление на школьном дворе. В самом тёмном углу двора возле щели, выкопанной по приказу военрука, остановился грузовик. Олег Олегович, военрук и шофёр вытащили из его кузова прожектор и дизельный генератор. Генератор затащили в физкультурный зал, из которого был выход во двор. Прожектор установили на деревянные козлы, которые мы ещё накануне заметили в столярной мастерской, направили прямо в зенит и включили.

Новые версии

— Обратите внимание, пацаны, — сказал Степанов, обращаясь к нам с Губенковым на перемене, — что директорша то развешивает маскировку, то сама же её нарушает. Какой мы можем сделать вывод с помощью незабвенного метода дедуктики?

— Какой? — спросила Артёмова, которая как раз проходила мимо.

— Не дедуктики, а дедукции, — поправил я. — И что же говорит тебе дедукция?

— Очевидно, что сперва директорша пыталась спрятать школу от вражеского космического челнока. Потом она велела военруку, наоборот, освещать прожектором эти объекты или объект, когда он появится над школой.

— А почему же он тогда и сейчас горит? — спросила Артёмова.

— Проверяют.

— Сколько же можно проверять? — воскликнула Алка. — Если хотите знать моё мнение...

Она сделала паузу, ожидая нашей реакции, но, поскольку реакции не последовало, продолжала, как ни в чём не бывало:

— Этот объект не прилетит, потому что он и так постоянно висит над нами начиная с сентября. Висит и треплет всем нервы. Теперь пытаются его отпугнуть прожектором. Наверное, тоже ничего не получится.

— Если он над нами, почему мы его не видим? — спросил Губенков.
— Может, он невидимый. Или находится очень высоко. Откуда я знаю?
— Как он может висеть над одной точкой и не падать? — спросил Губенков. — Это что, вертолёт? А где звук двигателя?

— В принципе, если речь идёт о космическом объекте, находящимся на орбите, звук двигателя мы не услышим, — объяснил я.

— Так Земля ведь вращается! — возразил Дима. — Как эта штука может над нами неподвижно висеть?

Губенков слабо разбирался в космонавтике, и Степанов ему объяснил:

— Если объект расположен на геостационарной орбите, высчитанной соответствующим образом, он будет всегда находиться в проекции над одной и той же точкой. Так размещают спутники-шпионы.

— Не знаю, шпион или не шпион, — сказала Артёмова, — а только над школой что-то нависло. Сердцем чувствую.

Сердцем-то все чувствовали. Не только учителя, но и школьники входили в школу и выходили из неё, пригибаясь. Да и по самой школе передвигались, с осторожностью поглядывая на потолок. Даже на уроках на нас как будто постоянно что-то давило.

Но сердце — инструмент ненадёжный. А объективную картину нам не желали показывать. Наверное, считали, что детская психика может пострадать от столкновения с жестокой реальностью. Хотя гораздо сильнее она страдала от незнания этой реальности. В головах наших появлялись самые странные идеи и образы, а ещё более дикие образы возникали, когда мы начинали обмениваться своими предположениями.

Как-то раз Дарья Алексеевна не явилась на урок по семейным обстоятельствам, и класс минут на двадцать оказался предоставленным самому себе. Конечно, все (за исключением Добрыниной и Злобиной, которые ничем в жизни не интересовались) пустились в обсуждение нависшей над школой опасности. Вот тут-то фантастические версии посыпались как из рога изобилия.

— Я думаю, дело в инопланетянах, — доказывала Артёмова. — Я читала про такой «зонд Брэйсуэлла». Инопланетные цивилизации посылают к соседним звёздам автоматические корабли, которые ищут планету, населённую разумными существами, и приближаются к ней. Но кто знает, чем эти аппараты напичканы? Может быть, они являются автоматическим оружием? Вот Марина Константиновна и боится нападения.

— А почему этот Брэйсуэлл летает именно над нашей школой? — спросил Петя Колокольцев, наш формальный и отчасти неформальный лидер. — Чем наша школа и даже посёлок так уж выделяются?

— А я знаю, чем выделяются, — сообщила Ольга Давоян. — У нас успеваемость хорошая. В волейбольном соревновании наши ребята выиграли. И ещё говорят, что наш посёлок самый зелёный, то есть здесь много зелёных насаждений.

— Какая разница инопланетянам, где какая успеваемость? — рассмеялся Пыркусов. — Им что, оттуда видно мой дневник?

Он помахал своим непривлекательным снаружи и унылым внутри дневником перед лицом Давоян, и она поспешно уткнулась в собственный дневник, как будто проверяя, все ли домашние задания выполнила.

— Насчёт зелёных насаждений тоже ерунда, — добил Ольгу Степанов. — Это только маскирует наш посёлок в сравнении с другими и совсем не объясняет, почему мы оказались в центре внимания. Если инопланетяне обнаружили среди кустов нашу деревню, почему они не заметили соседние мегаполисы? А если заметили, то почему прицепились к нам? Да и вообще листва уже опала.

— И главное, как мы узнали, что они к нам прицепились? — задал резонный вопрос Колокольцев. — Визуально ничего особенного не заметно. Никаких проявлений инопланетного вмешательства нет.

— Кстати, никто не знает, что творится в других школах, — сказала Артёмова. — Может быть, везде то же самое?

— Мы с Колокольцевым были перед каникулами на совете актива в райцентре, — сказала Ольга Давоян. — Когда мы рассказывали ребятам, что у нас творится, никто не поверил.

— Возможно, школа просто стоит на пути у пришельцев, — предположил Колокольцев. — Допустим, под школой в толще земли лежит что-нибудь для них ценное, нужное. Какие-нибудь ресурсы или контейнер с материалами.

— Не, не контейнер, — выступил Пыркусов. — Там какой-нибудь ихний астронавт закопан тыщу лет назад, вот они за ним и прилетели.

— Не надо, Дима, я покойников боюсь! — взвизгнула Макарова.

— А чего нас бояться? — процитировал Пыркусов старый анекдот. Макарова шлёпнула его учебником, и он сразу притворился серьёзным, поднял указательный палец и прошептал:

— Про покойников я пошутил. На самом деле они прибыли за Колокольцевым. Он у нас главный активист, ценный кадр.

— Да почему вы думаете, что это обязательно инопланетяне? — возразила Бочарова. — Может, что-то совсем другое. Какое-то физическое явление. Пучок заряженных частиц из глубин вселенной.

— А я думаю, никакой угрозы вообще нет, поэтому и невозможно понять, что происходит, — выступил Андрей Бурденко. — Всё это учительская хитрость. Они хотят, чтобы мы были зажаты со всех сторон и не рыпались. Вот и выдумали неведомую опасность. Вспомните, вся эта истерика и массовый психоз начались на линейке, когда наш класс прорабатывали. Директриса тогда думала-думала, чем бы нас пронять, и придумала — пусть они испугаются неведомой угрозы, присмиреют, перестанут хулиганить. А мы и повелись, поверили. Я всегда говорил — учителям нельзя доверять!

Но циничная версия Бурденко не была принята большинством присутствующих. Ведь учительский террор существовал издавна, а массовый психоз начался только в этом году. Что-то принципиально изменилось. То ли на земле, то ли на небесах.

— А может, просто у Марины Константиновны не все дома? — предположил Боровиков. — Не выдержала нагрузки на новой должности, и привет!

— Это было бы слишком просто, — заметил я. — Когда мы водили к ней Капитанова, директор намекнула, что действует по приказу начальства. Значит, это не её фантазии.

— Опасный объект находится в параллельном пространстве, — противореча сам себе, выдвинул новую версию Бурденко. — Поэтому мы его не видим. Однако приборы чувствуют.

— Какие приборы? — спросила Артёмова.

— Какие-нибудь, — сказал Бурденко. — У учёных спросите. Здесь недалеко какая-то географическая обсерватория.

— Геофизическая, — поправил я.

— Да просто метеорит должен шархнуть по школе, — выступил доселе молчавший Цветиков. — Вычислили траекторию, получилось — попадёт куда-то в наши места, плюс-минус. Ну, всем директорам и дали указание повысить бдительность.

На это в общем-то логичное предположение Степанов так же резонно ответил, что от метеоритов и астероидов не защищаются с помощью светомаскировки и прожектора. Наверняка идёт борьба с какой-то разумной силой, которая, возможно, пытается вступить с нами в контакт.

Мы ещё долго блуждали бы во мраке неизвестности и гадали на кофейной гуще, если бы среди учителей не появилось слабое звено, выдавшее нам все тайны.

Новенькая

В начале второй четверти в школе неожиданно появилась новенькая, учительница математики Аэлита Геннадьевна. Именно новой математичкой директриса решила заткнуть дыру, образовавшуюся из-за отсутствия Дарьи Алексеевны.

Перебирая с одноклассниками разные версии, мы настолько увлеклись, что не заметили, как в класс вошла Аэлита Геннадьевна. Видимо, она уже несколько минут слушала наше обсуждение, потому что мы внезапно услышали от неё ответ на последнее предположение Степанова:

— Говорят, этот объект действительно излучает какие-то сигналы.

— Здравствуйте, Аэлита Геннадьевна! — воскликнула Артёмова.

— Здравствуйте, — ответила учительница.

— А что сейчас, история или алгебра? — спросила Макарова.

— Дарья Алексеевна задержалась по семейным обстоятельствам, — ответила математичка. — Поэтому мы сейчас проведём алгебру, а третьим уроком вместо алгебры будет история. Садитесь на свои места, доставайте учебники и тетради.

Все нехотя разошлись по своим местам, но заниматься алгеброй ни у кого не было настроения, тем более что Аэлита проговорилась. Однако и выяснять детали напрямую было опасно — учительница в любой момент могла оборвать интересный разговор.

Поэтому мы, не сговариваясь, применили обходной манёвр. Ольга Даво-ян вызвалась идти к доске. С примером она справилась быстро, но вместо того, чтобы вернуться за парту, как бы невзначай спросила:

— Какая же частота излучения у этого объекта? Наверное, очень высокая?

— Не помню, — откровенно призналась учительница. — Я же не физик. Вроде бы средняя такая частота.

— То есть она не опасная для здоровья? — спросила Давоян.

— Это в точности неизвестно, — отвечала учительница. — Наверное, если бы была опасная, то школу бы эвакуировали. А если школа продолжает работать, значит, ничего страшного.

— Да ну, ничего страшного! — возразила с места Марина Гладина. — Третий месяц вся школа как в лихорадке, все что-то скрывают, таятся, какие-то окопы роют.

— Не знаю, — пожалала плечами Аэлита Геннадьевна. — От меня ничего не скрыли, когда я сюда устраивалась, прямо предупредили еще в роно — над Сосновской школой висит неизвестный объект с характеристиками коллапсара, однако прямой угрозы для жизни и здоровья пока нет. У меня выбора не имелось, других вакансий в середине учебного года не найдёшь, я и согласилась.

Нам стало ясно, что новенькую учительницу почему-то не предупредили о завесе секретности, которой Марина Константиновна окутала всё происходящее над школой. И, конечно, новенькая выболтала далеко не всё, что знала об этом факте. Оставалось совершенно непонятным, какими свойствами обладает объект и почему он повис именно над нашей школой. И Колокольцев собрался уже идти к доске решать следующий пример, чтобы выудить у Аэлиты очередной факт, но женское любопытство Светки Макаровой оказалось сильнее нашей научной любознательности. Она, не в силах своё любопытство сдержать, спросила, какое же форс-мажорное обстоятельство заставило Аэлиту Геннадьевну искать новую работу в середине учебного года?

— Что ты лезешь в личную жизнь человека, Макарова? — прикрикнул на неё Колокольцев, который вообще-то симпатизировал Светке и даже в сентябре прогуливался с ней по аллеям.

— Ничего страшного, — улыбнулась математичка. — Секрета здесь нет. Просто на прошлом месте работы меня постоянно преследовали неприятности. Сначала метеорит пробил крышу школы, чердачное перекрытие и перекрытие второго этажа и грохнулся прямо на мой стол. Хорошо, что я в это время подошла к задней парте, чтобы отнять у одного ученика посторонний предмет. А через три месяца после этого случая, когда мы занимались уже в другом кабинете, в форточку залетела шаровая молния и взорвалась под моей кафедрой, пока я пыталась выгнать в дверь хулигана, срывавшего урок. Наконец, совсем недавно, на каникулах, в кабинет залетел шкаф.

— Так не бывает! — воскликнула Марина Гладина.

— Случай, конечно, редкий, но вполне объяснимый. Я и зашла-то в кабинет случайно, чтобы забрать коробку конфет. А этажом выше какие-то работники делали ремонт в кабинете. Им велели вынести старый шкаф на помойку. Но они выносить поленились, решили его выбросить в окно. Шкаф имеет большую парусность. Он спланировал, сделал вираж и, выломав оконный переплёт, влетел в мой кабинет. И надо же было мне именно в этот момент зайти туда за конфетами! После этого случая я решила больше не рисковать и перевестись в другую школу.

Рассказ Аэлиты Геннадьевны был, конечно, по-своему удивительный, но, когда вслед за ним прозвенел звонок и новенькая математичка убежала в учительскую, Макаровой от всех нас здорово досталось.

— Ты что, — ругался Степанов, — не понимаешь, какими важнейшими сведениями о происходящем прямо сейчас над нашей школой могла бы поделиться с нами новенькая, если бы ты не влезла с интимными вопросами?

— Предположим, не понимаю, — отвечала Макарова, которую трудно было чем-то напугать. Однако Колокольцев всё равно сунулся её защищать, тогда и ему попало.

— Надо было идти к доске и брать быка за рога! — толковал Колокольцеву Степанов. — Вон Давоян не побоялась, а ты чего?

— Я, конечно, твоя подруга, — заявила Макаровой Артёмова, — но ты и в самом деле куда-то не туда повела разговор. Подумать только, мы впервые услышали, что это чёрная дыра!

— А что такое чёрная дыра? — спросила Гладина.

— Я думала, это все знают. Серёгин, объясни неучам, — попросила меня Алка.

Я подробно объяснил, что коллапсар, в просторечии чёрная дыра, это такой гипотетический космический объект почти бесконечной массы и плотности, который притягивает к себе абсолютно все тела, излучения и даже в некотором смысле само время, и всё это пропадает в бескрайнем внутреннем объёме коллапсара, который несравнимо больше его внешнего объёма. Я даже начал описывать процесс образования коллапсара как результат взрыва сверхновой звезды, но обнаружил, что большинство уже меня не слушает. Девчонки сбились в кучи по углам, обсуждая новость, а Маринка Гладина выскочила в коридор, и мы услышали, как она орёт на всю рекреацию:

— Девки, парни, ща я вам такое расскажу!

Правда выходит наружу

Новость, брошенная Гладиной, мгновенно облетела всю школу. И если население нашего класса было, в принципе, психологически устойчиво, что было результатом богатого опыта расследования тайн и загадок мироздания, а также общего культурного уровня, то остальные классы через несколько минут слетели с катушек. Секретные сведения о чёрной дыре, по наивности выболтанные новенькой учительницей, послужили катализатором настоящего бунта.

Уже следующие за этой переменной уроки были частично сорваны. Малышня из пятого «а», подростки из шестого «бэ», семиклассники и восьмиклассники требовали, чтобы уроки отменили, школу закрыли и учеников распустили по домам. До начальной школы новость дошла не сразу, а когда дошла, началка превратилась в «детский сад». Опасаясь ещё в силу малого возраста пойти на конфронтацию с учителями, мелочь принялась усиленно драться друг с другом, дёргать девочек за косы, плевать из трубочек жёваной бумагой и творить другие безобразия.

Только выпускники и наш девятый сберегли благоразумное спокойствие и сохранили способность мыслить. Поневоле мы вынуждены были признать, что Марина Константиновна не так уж и ошибалась, сохраняя в секрете присутствие над нашей головой космического объекта.

Но теперь, когда джинн был выпущен из бутылки, сохранять секрет было уже не нужно и даже вредно. Мы поняли это сразу, а Марине Константиновне понадобилось несколько дней на перегруппировку. За это время путём перекрёстных опросов ей удалось выяснить, кто первым выболтал тайну, и Аэлите Геннадьевне, я думаю, пришлось пережить несколько самых тяжёлых минут своей жизни в кабинете Марины Константиновны. Она вывалилась оттуда одновременно бледная, красная и зелёная и немедленно ушла на больничный.

Покончив с Аэлитой, Марина Константиновна принялась закручивать гайки во всех классах по очереди, используя в каждом случае наиболее подходящие методы: где-то вызов родителей, где-то многочасовые «классные часы» или дополнительные трудовые повинности в ремонтной бригаде трудовика. Последняя форма воспитания использовалась наиболее часто, потому что школе в последнее время постоянно требовались рабочие руки. То нужно было погрузить на машину разбитый какими-то хулиганами прожектор, то засыпать щель, в которую уже упали в сумерках два учителя и один случайный прохожий, не считая малышей. Школьники с удовольствием отправлялись на воспитательные работы вместо уроков, а вот Олег Олегович, чувствовалось, уже начинал утомляться от навалившейся на него нагрузки. Ведь наступала зима, и ворочать обледеневшие глыбы — совсем не сахар.

Ну а Марина Константиновна, наоборот, словно сбросила с плеч невыносимую ношу и стала немного спокойнее. Она уже не так быстро бегала по коридорам и во время линейки, на которой нам открылась полная картина происходящего, почти не смотрела в потолок, как делала это раньше.

Хотя всё равно я думаю, что решение сообщить школе правдивую информацию далось директорше нелегко. До последнего она рассчитывала справиться с проблемой своими силами, чтобы не отвлекать нас от учебного процесса. Но когда слухи просочились в народ, тут уж деваться ей, как говорится, было некуда...

На общую линейку Марина Константиновна привела своего мужа, учителя физкультуры. И супруг директрисы, оставшийся в анналах школы под звучной фамилией Ядров, сразу же принялся оказывать супруге поддержку. Именно он и развернул перед нами подробную и обстоятельную картину происходящих в небесах над школой явлений, а Марина Константиновна только поддакивала и одобрительно кивала.

Начала линейку, конечно, она сама, высказав нам немало упрёков за бесчинства, творившиеся во время недолгого бунта. Но она понимает, говорила Марина Константиновна, что мы поступали так не по злобе, а от юношеской беспечности, безалаберности, эгоизма и недостатка знаний, который она как раз сейчас и собирается восполнить. Тем самым Марина Константиновна и весь педагогический коллектив пресечёт, как она надеется, ложные слухи и домыслы, которые разошлись по школе.

— Прежде всего, — сказала она, — объект, который вызывает нашу тревогу, не является в буквальном смысле чёрной дырой. Всё гораздо сложнее, а подробнее вам всё сейчас расскажут.

Тут на арену вышел её муж-физкультурник, до сих пор скрывавшийся за довольно округлой, хотя и не очень высокой Дарьей Алексеевной.

Он надел очки, достал из кармана несколько бумажек, просмотрел их и, время от времени заглядывая в записи, начал своё выступление так:

— Физическое развитие советских школьников, увы, находится на чрезвычайно низком уровне. К концу обучения в школе почти девяносто процентов учащихся приобретают какие-либо хронические болезни: сколиоз, то есть искривление позвоночника, близорукость, гастрит и другие. Затем, в зрелом возрасте, происходит дальнейшая деградация организма нашего человека. Особенно это касается мужчин. Хорошо известно, что наш тридцатилетний мужчина по своему физическому состоянию равен шестидесятилетнему шведу. И если немедленно не предпринять меры, наша нация вымрет уже к середине следующего века.

Вступительная часть лекции физкультурника нам показалась не имеющей отношения к делу, но директриса покровительственно кивала своему мужу, и он, приободрённый этой благосклонностью, добавил:

— Надеюсь, мы успеем что-то исправить ещё на вашем поколении. Но для этого придётся как следует потрудиться. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, а тем более невозможно восстановить потерянное здоровье.

Сделав это заявление, Ядров спрятал первую бумажку в карман и развернул следующую. Проглядев записи, он начал новую тему.

— Насчёт наступившей в школе паники мне поручили разъяснить вам, как на самом деле обстоят дела. Действительно, как отметила Марина Константиновна, неверно называть висящий над школой объект чёрной дырой, хотя специалисты отмечают, что по многим параметрам он подобен чёрной дыре, которая по-научному называется коллапсаром. Вам на физике или астрономии учитель потом объяснит, что это такое. Но данный объект специалисты называют несколько иначе — «коллапсоидный псевдокортекс» или же «орбитальный энцефалоид». Его физические характеристики пока (он подчеркнул это слово и обвёл нас взглядом сквозь очки) не представляют непосредственной опасности для вашей жизни и здоровья.

— А откуда он взялся, этот объект? — не удержалась любопытная Марина Гладина.

— Трудно сказать точно, — ответил физкультурник. — По всей видимости, прилетел из космического пространства. Или же наша планета в своём движении через пространство подцепила его гравитационным полем, и он как бы «сел» на постоянную орбиту.

Затем Ядров объяснил, какими характеристиками обладает «псевдокортекс». Действительность превзошла наши самые фантастические предположения. Оказывается, этот объект, находящийся на геостационарной орбите и постоянно висящей точно над нашей школой, излучает электромагнитные волны с той же частотой, что и обыкновенный человеческий мозг. Поэтому эту штуку и назвали «псевдокортексом». А коллапсоидным он назван потому, что по другим характеристикам похож на предсказанный теоретиками коллапсар, или чёрную дыру. В рассчитанной точке на орбите пока не обнаружили никакого более-менее крупного тела, значит, излучатель занимает чрезвычайно малый, точечный объём пространства, а это возможно лишь в том случае, если излучающий объект коллапсирует, то есть непрерывно сжимается сам в себя.

— А почему решили, что он висит над нашей школой? — не выдержал Степанов.

— Об этом мне тоже поручено рассказать, — ответил Ядров. — Первоначально излучение от коллапсоидного псевдокортекса, или, проще говоря,

энцефало-коллапсоида, было обнаружено приборами расположенной неподалёку геофизической обсерватории. Стали искать источник этого довольно мощного, хотя и низкочастотного излучения, подключились астрономы, астрофизики с радиотелескопом, но ничего не обнаружили. Позже выяснилось, что излучение орбитального энцефалоида, или псевдокортекса, покрывает лишь весьма ограниченную площадь земной поверхности, примерно совпадающую с границами нашего района. При этом территория, подверженная излучению, представляет собой геометрически точный круг. С помощью элементарных подсчётов и замеров была определена и высота нахождения энцефалоида над земной поверхностью. Она составила (физкультурник заглянул в бумажку) 28 374 километра. Но самое главное — интенсивность излучения увеличивается по направлению к центру этого круга и достигает наивысшей величины точно над данной школой.

Выступление Ядрова слушали внимательно, но на этом месте в рядах началось бурление и брожение. Шёпот и возгласы слились в монолитный протестный шум, заглушавший попытки физкультурника продолжить свой рассказ. Тогда дело вновь взяла в свои руки Марина Константиновна.

— Тихо! — прикрикнула она. — Ничего страшного не случилось. На крыше нашей школы специалистами установлен датчик, который постоянно замеряет уровень излучения и посылает данные в соответствующие службы. Но нам известно, что уровень излучения колеблется. Учёные исследуют, с чем это связано. Предварительные выводы таковы. Обнаружено, что в дни, когда в школе проходят контрольные и самостоятельные, частота излучения объекта уменьшается и приближается к нулевой, а в выходные или каникулы она, наоборот, увеличивается, достигая на пике частоты гамма-ритмов головного мозга человека и даже превышая её. Таким образом, учёными обнаружена обратная пропорциональная зависимость между интенсивностью работы нашей школы и интенсивностью излучения орбитального коллапсоида. Учитывая, что мы не знаем, какой максимальной частоты может достичь излучение и сделается ли оно опасным для учащихся и педагогов нашей школы, я призываю вас сделать всё возможное для снижения его активности, а для этого вам необходимо повышать успеваемость и работать с полной учебной нагрузкой.

На этом месте Ядров шепнул что-то на ухо своей жене, и она добавила:

— Кроме того, у нас в школе появился второй учитель физкультуры, чтобы увеличить качество вашей физической подготовки. Поскольку эта работа будет для нового учителя совмещением, девятому и десятому классам, которые он берёт, придётся приходить к нулевому уроку.

Тогда мы не поняли, как связана физическая нагрузка с повышением успеваемости, но перед первым же занятием, когда мы ждали у дверей школы проспавшего сторожа с ключами, Ядров всё нам объяснил. Оказывается, развитие головного мозга напрямую связано с физической нагрузкой. Особенно помогает для этого бег, которым Ядров в основном и заставлял нас заниматься. По его мнению, приобретённому в результате чтения научно-популярной литературы, наши далёкие предки кроманьонцы много бегали, преследуя мамонтов и другие объекты охоты, и таким образом нарастили свой интеллект, особенно кору головного мозга — кортекс, в то время как их соседи по планете, неандертальцы, сидели у костров и мозгов себе не нарастили, в результате чего канули в Лету.

А линейка на этом была завершена, и все, насколько это было возможно, вернулись к обычным делам. Хотя заниматься ими после полученной информации было трудно, и вместо освоения программы на уроках начались беседы учеников с учителями насчёт услышанного.

Вскоре Марина Константиновна создала специальный совещательный орган — школьный совет по коллапсоидному псевдокортексу. В его члены

директор назначила нескольких учеников и учителей, выбранных ею по каким-то своим соображениям. Туда, например, сперва не входила историчка Дарья Алексеевна. Зато были приглашены учительница физики Мила Ивановна, биологичка Нонна Павловна, англичанка и учительница немецкого, Олег Олегович, военрук, новый физкультурник Ядров, школьный комсорг Жора Таёжный, а из нашего класса — я, Губенков и Ольга Давоян. Мечтал попасть в этот совет и Вовка Степанов, но его кандидатура, предложенная мною, была отклонена директором.

План действий

На первом заседании совета Марина Константиновна предложила всем нам подумать о том, как уменьшить возможную опасность от энцефалоидного коллапсоида. Ведь излучение загадочного небесного объекта зависит напрямую от того, что происходит в нашей школе, и в периоды наибольших учебных нагрузок излучение коллапсоида приближается к нулю. Таким образом, продолжала директорша, мы своей учёбой защищаем от излучения не только собственную школу, но и все окрестности в радиусе двадцати двух километров, а это два посёлка и около десятка деревень с совокупным населением порядка десяти тысяч человек.

Мы наморщили лбы, но оказалось, что у Ольги Давоян и Жоры Таёжного, двух главных активистов, уже выработан план действий. Наверное, директорша заранее попросила их составить список предложений.

Предложения этой парочки заключались в следующих пунктах.

Первое. Еженедельно в каждом классе проводить контрольные или самостоятельные работы по алгебре, геометрии, физике, химии и русскому языку, а также писать сочинения по литературе и сдавать тесты по иностранным языкам. В тех классах, где ещё не изучают геометрию, физику и химию, давать двойные контрольные по математике и два сочинения по литературе каждую неделю.

Второе. Срочно подтянуть отстающих, чтобы они не списывали на контрольных, а работали собственной головой, тем самым усиливая общий поток мозгового излучения, идущий от нашей школы в пространство.

Третье. Увеличить количество факультативов по точным и естественным дисциплинам, открыть кружки «Занимательная математика», «Занимательная геометрия», «Занимательная арифметика», «Занимательная физика», «Занимательная органическая химия» (и такая же «Занимательная неорганическая»), а также факультатив по черчению.

— Всё это хорошо, — недовольно покачала головой учительница английского языка Мила Ивановна (тёзка физички), — но мне кажется чрезмерным уклон в сторону точных дисциплин. По-моему, в этом перечне не хватает гуманитарных предметов. Почти совершенно упущены из виду литература, история, рисование, музыка, не упомянут мой факультатив «Зарубежная литература». Мне кажется, нам нужно воспитывать разносторонне образованного человека, а не одностороннего специалиста, подобного, как писал Козьма Прутков, флюсу.

— Речь сейчас идёт не о воспитании, — заметила директорша, — а об организации своего рода заслона против излучения коллапсоида, несущего потенциальную опасность. Я уже объясняла на педсовете, что частота излучения коллапсоида совпадает с частотой гамма-ритма человеческого мозга, который наиболее ярко проявляется на энцефалограмме именно в моменты решения сложных математических задач.

— Но предложения наших младших товарищей действительно необходимо дополнить, — выступил Ядров. — И прежде всего физкультурой. Повторю вам доказанный научный факт — кора головного мозга развивается

лишь при повышенных двигательных нагрузках. Кстати, они нормализуют и энцефалограмму мозга. Уходит тревожный бета-ритм мозга, который производит стрессы и другие напряжённые душевные состояния. Нормализуя нашу энцефалограмму, мы тоже работаем над спасением школы, посёлка, нашего генофонда и всей планеты.

— Конечно, — благосклонно кивнула Марина Константиновна. — Обратим дополнительное внимание на уроки физкультуры.

Английская Мила Ивановна с лёгким презрением посмотрела на Ядрова, а физическая Мила Ивановна, добрейшей души человек, мягко сказала:

— Не слишком ли большая нагрузка на наших ребят? Так много математики, так много контрольных, и вдобавок физкультура. А ведь им ещё надо делать домашние задания, гулять, отдыхать, спать.

— Надеюсь, они выдержат! — сказала директорша. — Во всяком случае, постараются. Это ведь инициатива самих ребят, так что мы обязаны её поддержать.

Олег Олегович долго молчал, но в конце концов высказался и он.

— Вот вы тут говорите про физкультуру и про всё такое, про алгебру. Но ни слова не сказали про уроки труда, а это, между прочим, одновременно и физкультура, и творчество, и математические вычисления! Попробуйте сделать табуретку своими руками! Одной пилы недостаточно. Надо ещё умом соображать.

— А военное дело почему не упомянули? — с обидой обратился Егор Васильевич к Жоре Таёжному. — Уроки НВП, между прочим, ещё никто не отменял. Нам нужно вырастить защитников Родины, ведь этот эллипсоидный коллапсар может быть не последним опасным гостем с небес. Нужно уметь отражать нападение по всему фронту.

Было бы странно, если бы не высказалась и наша могучая биологичка Нонна Павловна. Все выступали с места, но она встала и, монументально возвышаясь над Мариной Константиновной, заявила:

— Можно эти детские предложения принять. Они, конечно, многого ещё не понимают. Я и сама буду нажимать на ботанику, зоологию, но особенно анатомию и общую биологию. Пусть они у меня не рассчитывают, что будут какие-то поблажки. Прежде гербарии по ботанике ученики делали по желанию, для дополнительной пятёрки. Теперь это будет обязательно.

— Какие же гербарии, Нонна Павловна, зимой? — удивлённо пожала плечами англичанка.

— Ничего, — сказала биологичка. — Пусть постараются. Могли ведь летом запасти необходимые препараты. Кроме того, существуют вечнозелёные хвойные растения. В каждом доме есть комнатные цветы. А также я активизирую сбор лекарственных растений. Во время оттепели можно собирать берёзовые почки и ольховые шишки.

Больше Нонне Павловне никто не возражал, и директор закрыла на этом заседание совета по коллапсоидному псевдокортексу, отдав распоряжение воплощать предложения Давоян и Таёжного с учётом пожеланий выступивших педагогов.

Действия по плану

Даже мы, принимавшие участие в совещании, не ожидали, что принятый план начнёт внедряться с такой быстротой. Марина Константиновна досрочно вызвала с больничного Аэлилу Геннадьевну. Именно ей поручили организацию математических факультативов. Пожилая Марина Павловна нашла за ночь какое-то пособие с упражнениями повышенной сложности и обречённо диктовала нам внеплановый диктант, не надеясь, что кто-нибудь, кроме Бочаровой или Давоян, его напишет.

Перед литературой она успела проверить большую часть тетрадей и с радостью сообщила, что недооценила наши силы, — хорошие и отличные отметки получили не только Давоян с Бочаровой, но и Макарова, Губенков, Колокольцев, я и даже Бурденко, который списал диктант у меня.

Но, как и следовало ожидать, слабая часть класса — Бентешина, Злобина, Добрынина, Алёша Капитанов, Гладина, Пыркусов и Тимошин — получили пары. Кубышкин на первый урок не пришёл, поэтому двойки не получил.

Затем была математика, где Аэлита, наоборот, постаралась найти для нас самую лёгкую контрольную, по материалам предыдущего года. Но прошлогодний материал мы помнили ещё хуже, чем современный. Давоян с Бочаровой и Артёмов ещё справились, а парни, за исключением Губенкова, Колокольцева и Боровикова, поголовно не сдюжили.

Химия вообще прошла безрезультатно. Учительница дала новый материал, который никто не понял, и тут же потребовала выполнить проверочную работу. Уже прозвенел звонок, а большинство не написало ни строчки, не считая исходной формулы.

Обалдев от нагрузки, мы с удовольствием сколачивали на труде какие-то ящики. Девочки тоже весело щебетали за стенкой, строча швейными машинками. Однако налаженное было настроение перечеркнула биологичка, которая придиралась к каждой запятой в устных ответах и требовала от нас такого знания анатомии, какого не имеют и профессора хирургии.

— Ну, это ничего, — рассуждал Степанов, когда мы в компании Бурденко, Губенкова и Артёмовой шли из школы. — Это не страшно, что мы не написали. Смысл ведь не в этом, правда? Главное процесс, а не результат. Ведь излучение этого коллапсоида падает, когда совершаем мозговое усилие! Ему не важно, пару ты получил или пятёрку с плюсом!

Однако вскоре выяснилось — результаты на излучение псевдокортекса тоже влияют. В день, когда на нас внезапно свалилась такая нагрузка, приборы показали, что интенсивность излучения энцефалоидного коллапсоида почти не уменьшилась. А это значило, что орбитальный псевдомозг отлично чувствовал, думаем ли мы на самом деле или ничего не соображаем.

После этой неудачи Марина Константиновна собрала второй совет.

— Я не отрицаю свои ошибки, — сказала она. — Видимо, мы поставили телегу впереди лошади. Прежде чем писать внеплановые контрольные, нужно подготовить к ним учащихся. Подтянуть отстающих, дать повторно материал. В общем, приступить к делу планомерно, и тогда у нас, надеюсь, появится результат.

— Вы же знаете мою любимую поговорку, — возразила биологичка Нонна Павловна. — От осины не родятся апельсины. Я тридцать лет работаю в школе и знаю, например, что у детей, которые не справляются с программой, родители были такие же. Я биолог и понимаю, что такое наследственность. Мы не сможем ничего сделать с большинством отстающих. Возьмите этот в принципе неплохой девятый класс. Никому не удастся сделать отличников и даже хорошистов из таких, как Капитанов, Гладина, Злобин или Добрынина. А ведь другие классы ещё хуже.

— То есть мы будем заниматься дискриминацией? — нахмурился Жора Таёжный. — Будем делить школьный коллектив на овец и козлищ?

— Законы генетики ещё никто не отменял, — заявила биологичка. — Начиная с открытия Менделя началась новая эпоха в науке.

— Мендель, между прочим, был монах, — сообщил неизвестно для чего Губенков.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила биологичка.

Губенков не соизволил ей ответить, только высокомерно поджал губы и отвернулся.

— Предлагаю в каждом классе создать пары «сильный–слабый» и регулярно проводить занятия по подтягиванию, — сказал Жора Таёжный.

— Сколько вам нужно времени для того, чтобы провести полное подтягивание в старших и средних классах? — спросила директриса.

— Недели две, — сказала Ольга Давоян.

— Управимся дней за десять, — постановил Таёжный.

— Прошу вас всемерно помогать нашим активистам, — обратилась Марина Константиновна к учителям. — Пусть на уроках дети работают в парах и подтягивают друг друга. Пары должны быть предметными. Назначьте ведущих тех, кто силён в вашем предмете. Пусть ведущие чередуются. Подтягивающий по одному предмету на другом уроке может стать тем, которого подтягивают.

— А как быть с теми, кто ни по какому предмету не силён? — спросила англичанка. — Хотя я и не всегда соглашаюсь с Нонной Павловной, но в данном случае согласна. Например, у Алёши Капитанова сильное заикание, это органическая проблема.

— Капитанов просто очень запущенный ребёнок, — сказала физичка.

— Мы возьмёмся и за Капитанова, — пообещала Давоян.

Утром Давоян явилась с отпечатанным на машинке списком пар почти по всем предметам, кроме труда, биологии и физкультуры. По её словам, в большинстве классов этой ночью была проделана такая же работа, а в тех, где ночью составить списки не успели, судорожно стряпали их на переменах. Наш класс оказался в лидерах ещё и потому, что Давоян помогала её соседка Наташа Бочарова, а дома у Ольги был телефон, по которому она до позднего вечера связывалась с одноклассниками и обсуждала, кто по какому предмету берётся стать «буксиром». У меня телефона не было, поэтому назначение меня буксиром для Капитанова почти по всем предметам оказалось неожиданным. Но деваться было некуда, остальные тоже получили свою долю нагрузки. По счастью, вторым «буксиром» Капитанова назначили Вовку Степанова.

Несколько дней подряд мы со Степановым неотлучно занимались натаскиванием и тренировкой Капитанова. Вокруг происходило то же самое — лентяев и отстающих, слабосильных и тугодумов пытались превратить в отличников и гениев. В каких-то парах повышение умственного уровня происходило гладко и быстро, а другие — впрочем, таких оказалось меньшинство — не смогли сразу добиться успеха.

Триумф Капитанова

Капитанов чудовищно отставал по всем предметам. Он медленно соображал, часто болел, не успевал схватывать материал на уроке и не справлялся с домашними заданиями, на которые без всякого успеха тратил всё свободное время. Кроме того, давать устные ответы ему мешало заикание, поэтому Алёшу редко спрашивали, а когда спрашивали, ставили поскорее тройку и сажали обратно.

И всё же в конце концов к финалу второй четверти нам со Степановым кое-что удалось сделать. Успех пришёл к нам благодаря плановности и последовательности действий, а также разделению обязанностей. Я взялся делать с Капитановым домашние задания, заучивать формулы, а Вовка развивал устную речь Капитанова. То есть я занимался заполнением капитановской головы, а Степанов, наоборот, извлечением её содержания.

В ходе первых же практических занятий у Вовки выработалась определённая система работы с подопечным. Что-то Степанов заимствовал из Цицерона, что-то из Демосфена, а кое-что изобрёл самостоятельно.

Сначала Степанов научил Капитанова орать. Вовка логично предположил, что издать произвольный крик любому человеку легче, чем сделать членораздельное высказывание.

Сознавая сложность и запущенность проблемы, Вовка действовал постепенно. Сперва по дороге из школы он просто совал Капитанову за пазуху снег и сосульки. Капитанов махал руками, ёжился, шипел и плевался, но не орал. Зажим ещё сохранялся. Потом Вовка потащил Капитанова на прогулку по крышам сараев и как бы невзначай столкнул его с самого высокого места в снег. Алёша упал молча и, только когда спустился Степанов, пообещал его в следующий раз сбросить головой вниз, и не с сарая, а со своего двухэтажного дома. Но ругался он, всё так же заикаясь.

Степанов не сдавался. Он начал заниматься с Алёшей лыжным спортом. Поначалу они катались вдвоём по ровному полю круг за кругом на небольшом расстоянии друг от друга. Потом Вовка положил лыжню в лес и как-то однажды, будто ненароком, сильно ушёл вперёд. Он рассчитывал, что Капитанов растеряется, испугается одиночества и начнёт его звать, а Степанов не отзовется сразу, чтобы заставить Капитанова повысить голос. Но Степанов так и не дождался этих криков. Через мучительно протянувшиеся четверть часа Капитанов, весь в поту, молча догнал его и упал без сил на снег.

Тогда Вовка скорректировал маршрут лыжных прогулок и как будто невзначай вывел Капитанова к крутому берегу реки. Здесь он предложил Алёше полюбоваться широким простором, огнями на противоположном берегу, звёздами и планетами, а когда тот начал любоваться, сильно толкнул его в спину.

Это, конечно, было рискованно. Алёшка мог сломать лыжи, руки, ноги или шею. И тогда Степанов никогда не простил бы этого себе. Но в тот момент, как рассказывал потом Степанов, ему показалось, что у Капитанова за спиной крылья.

Капитанов, однако, не спланировал, а покатился с почти вертикального обрыва вниз, на речной лёд, и, пока катился, непрерывно орал.

Когда радостный Степанов догнал Капитанова, тот попытался избить Вовку лыжными палками. Степанов начал отступать, сразу же оторвавшись от преследователя, а Капитанов кричал ему вслед разные обидные слова и гнался за ним до самого дома, так что даже Пыркусов, живший на соседней улице, спрашивал потом у Степанова, из-за чего была драка.

Это был несомненный успех, но успех требовалось закрепить. Поэтому Степанов не оставлял в покое Капитанова даже в школе — подкладывал ему кнопки на сиденье, делал подножки на физкультуре (но только если рядом были маты), щекотал посреди урока и тому подобное. Для Степанова эти тренировки часто кончались неприятностями, его отправляли к директору за нарушение дисциплины, но он сумел объяснить Марине Константиновне, что мучает Капитанова ради его же блага. И действительно, одного сурового взгляда Степанова стало достаточно, чтобы Алёша, выйдя к доске, начинал отвечать громко и чётко. Время от времени он пытался заикаться, но Степанов показывал ему кулак, и речь к Капитанову возвращалась.

Но всё равно у Алёши, даже почти излеченного от заикания, оставалась какая-то каша во рту. Чтобы добиться чистоты произношения, Степанов прибег к способу Демосфена, слегка модернизировав его. Как известно, великий оратор Демосфен произносил речи, держа во рту морскую гальку. Моря у нас не было, поэтому Вовка покупал кулёк ирисок или конфет-подушечек и заставлял Капитанова набить ими рот, а потом отвечать какой-нибудь параграф.

Я сам как-то раз попробовал сделать такое упражнение и понял, что оно гораздо труднее, чем тренировки Демосфена. Ведь конфеты вкусны, и если греческому оратору хотелось просто выплюнуть гальку, то конфеты хочется сосать, не отвлекаясь ни на какие выступления. Тем не менее Степанов требовал, чтобы ни одна конфета не была проглочена. Когда Алёше это удавалось, он получал какую-нибудь награду, например, новую магнитофонную

кассету или пачку импортной жевачки. Благодаря таким приёмам Капитанов с каждым днём говорил всё громче и чётче. Правда, иногда он слишком уж повышал голос во время ответа, а это нравилось не всем учителям.

Но мало было научить Капитанова говорить без запинки. Требовалось ещё, чтобы он говорил по делу, чтобы в его голове были нужные знания.

Казалось, моя задача была легче, чем стоявшая перед Степановым. Тот имел дело с расстройством организма и стал для Капитанова настоящим целителем. А мне оставалось только привести в систему обрывки имевшихся в голове Капитанова знаний, построить между этими островками надёжные мосты, соединить острова и мосты друг с другом и создать каталог.

В первые же дни выяснилось, что Капитанов путается в таблице умножения, не может выделить приставку и суффикс, отличить подлежащее от сказуемого, смешивает русский и английский алфавиты. Я бился с ним по каждому базовому предмету, однако успеха так и не достиг. Едва вроде бы Алёша запоминал что-нибудь, наутро он уже ничего не помнил, и «шестью шесть» у него оказывалось 63, а «пятью пять» — 55. Если он запоминал, на какой вопрос отвечает подлежащее и на какой сказуемое, то забывал, какими линиями их подчёркивать. А если помнил линии, забывал части речи.

Более-менее успешно справлялся он с предметами гуманитарными и естественными, требовавшими устных ответов. Лучше всего шла история, хотя дат он по-прежнему не помнил. Но Дарью Алексеевну так поражала его новая способность чисто и громко изъясняться, что она ставила ему двойные пятёрки за каждый ответ, независимо от содержания. Благодаря прекрасной новой дикции он выезжал на географии и на литературе, по-прежнему страдая на алгебре и геометрии.

Однако и Капитанова всё-таки настиг звёздный час. Произошло это почти случайно. Прорыв случился в библиотеке, на моих глазах. Капитанов увидел лежавший на столе учебник по алгебре и начал анализ для 10-го класса и не смог от него оторваться. Я уже получил все нужные книги, обсудил с библиотекаршей новинки научно-фантастической литературы и дальнейшие планы работы библиотечного кружка, а Капитанов сидел за кухонным столом (в школьной библиотеке стояла мебель, производимая нашей мебельной фабрикой, которая делала только кухонные гарнитуры) и захлёб глотал знания.

— Пошли! — тащил я его домой, но он упирался и отказывался уходить, пока не дочитает.

— Этот учебник списан, можете его спокойно забрать, — разрешила библиотечка, и Капитанов поспешно сунул книгу в сумку.

На следующий день Алёша притащил этот учебник в школу и изучал его на каждой перемене, пытаясь решать некоторые задачи. Я в этом материале ещё не разобрался и не знаю, верно или неверно он их решал. Решающим фактором стал момент, когда он раскрыл книгу прямо на алгебре, и её содержание попало на глаза Аэлите Геннадьевне, проходившей по рядам. Она сперва споткнулась, обнаружив несвойственные программе девятого класса формулы и термины, а затем поперхнулась, когда подняла глаза на владельца учебника и распознала в нём отстающего Капитанова.

— Это что у тебя такое? — спросила Аэлита.

— А-алгебра и н-начала ан-анализа, — снова начал заикаться застигнутый врасплох Капитанов. Наша со Степановым работа вот-вот могла пойти на-марку.

— Зачем он тебе? — задала новый вопрос Аэлита.

— Ин-интересно, — дрожащим голосом ответил Алёша.

— Что тебе интересно?

— Всё, — признался Капитанов. — Интегралы, экстремумы, формула Лагранжа...

— Лагранжа? — растерялась новенькая математичка. — Кому ещё известна формула Лагранжа? — обратилась она к классу.

Класс, разумеется, ответил молчанием, только Ольга Давоян осторожно подняла руку.

— Вы знаете? — спросила математичка у Давоян.

— Только слышала, собиралась разобрать на днях, — честно ответила Ольга. Она готовилась поступать в серьёзный вуз и основательно изучала алгебру с репетитором.

— Вот видите, Давоян только слышала, а Капитанов уже знает эту формулу! — воскликнула математичка. — Удивительно! Потрясающе! Ставлю вам авансом пятёрку, Алексей. В знак уважения к вашим будущим заслугам!

На следующих уроках, как мы заметили, все учителя поглядывали на Капитанова с уважением. Наверное, Аэлита в учительской рассказала о неожиданном увлечении Капитанова. А когда я надоумил Лёху положить на биологии перед собой монографию Дарвина «Вокруг света на “Бигле”», в учительской заговорили и о его успехах в биологии. Затем я дал Капитанову почитать на уроке физики сборник научных статей о проблемах современной астрофизики, и он поразил сердце добрейшей Милы Ивановны. Она поставила ему сразу три пятёрки.

Так за пару недель Капитанов постепенно вышел в хорошисты почти по всем предметам. При этом он честно читал все учебники и научные книги, которые я ему подсовывал. Понимал он в них что-нибудь или нет, не знаю. Во всяком случае, и в дружеских разговорах, и в ответах на уроках, и даже в сочинениях по литературе он стал активно использовать новую для себя лексику: словечки типа «производная», «интеграл», «гомологический ряд», «термодинамическая функция» так и слетали с его языка. Если учесть, что худо-бедно мы смогли повысить его базовую грамотность (Капитанов уже знал наизусть примерно половину таблицы умножения и десяток правил грамматики), он достиг сравнительно больших высот на общем фоне отстающих. Больше того, литераторша Марина Павловна отважилась отправить его на районный конкурс чтецов классической поэзии, и он там, выучив «Прощай, немытая Россия» Лермонтова, занял почётное третье место!

Вся школа торжествовала по этому поводу, а большой фотопортрет Капитанова появился на доске почёта рядом с Давоян, Таёжным и Наташей Бочаровой.

И только с физкультурой у Капитанова не ладилось. Честно говоря, наш класс вообще не сумел пока найти общего языка с Ядровым. Кто был виноват, мы или учитель, сказать сложно.

Первым же своим действием, то есть внедрением в расписание нулевого урока физ-ры, Ядров уже посеял семена конфронтации. Никому не хотелось вставать раньше обычного на целый час и тащиться по морозу в пустую, гулкую от холода школу. Кроме того, Ядров разрешил девочкам нашего класса заниматься физкультурой с Алексеем Анатольевичем после всех уроков. Он считал, что девочек и мальчиков нужно физически воспитывать отдельно, поскольку организмы у нас разные. Вообще-то в советской школе раздельное обучение отсутствовало, но Ядров воспользовался своим родством с директрисой и сделал девочкам поблажку.

Не то чтобы мы так уж жаждали заниматься вместе с девочками, но немного завидовали им, имевшим дополнительный час сна в сравнении с нами. Некоторые парни дерзили Ядрову, спорили с ним, однако он относился ко всем одинаково и только Капитанова выделял.

Капитанов плоховато бегал, недалеко прыгал, медленно лазил по шведской стенке, долго надевал лыжи и всегда имел самый низкий результат. Когда мы занимались вместе с девочками, на их фоне Лёха выглядел более-менее, но в мужской команде оказался слабым звеном. И Ядров помимо общей

лекции о спасительной роли физкультуры всегда читал отдельные нотации Капитанову. Дошло до того, что Алёша начал снова на его уроках заикаться, утратил приобретённую недавно зычность голоса и вообще рисковал вернуться к прежнему невзрачному состоянию.

Напрасно мы со Степановым подбадривали его на забегах, скандируя «Давай-давай, Лёха!», и помогали надевать лыжи. Ядров строго следил за тем, чтобы каждый воспитанник действовал самостоятельно и сам отвечал за результат. Поэтому он запретил нам эти крики и помощь, и мы могли лишь бессильно наблюдать за неудачами Капитанова.

Только гораздо позже, когда история с энцефалоидным коллапсоидом подходила к концу, Капитанов совершил прорыв и на физкультурном фронте. Весной на школьной спортивной площадке Капитанов взял предельную среди одноклассников высоту на перекладине. Издав какой-то нечеловеческий вопль, он так сильно оттолкнулся, что, как мы потом узнали, оторвал ударом пятки подошву у собственного кеда. Но всё это было гораздо позже, а тогда спортивные неудачи Капитанова сильно портили нам настроение.

При этом в общем и целом результаты подтягивания Капитанова оказались едва ли не лучшими на общем фоне.

Конец первого полугодия

Взять хотя бы пару «Жанна Бруй — Маринка Гладина». Жанна согласилась подтянуть Марину, не представляя, чем ей это грозит. А в результате Гладина понизила успеваемость Жанны. Дело в том, что простодушная Жанка решила найти подход к Гладиной и разделить её увлечения. Увлечение у Гладиной было одно — болтаться по улицам до позднего вечера или сплетничать на переменах. Сплетничать Жанна не умела, могла только выслушивать болтовню своей подопечной и одобряюще хихикать, а прогулки по морозу кончились для Бруй сильной простудой. И хотя за свои козни Гладина подверглась от класса соответствующему воздействию, здоровья Жанне это не вернуло. Когда она выписалась из больницы, то не смогла сразу нагнать программу и нахватала двоек.

На время болезни Жанны к этой Гладиной прикрепили Вихареву. Прогулками Вихареву, конечно, было не напугать, здоровье у неё лошадиное, но и её Гладина замучила своей хитростью. Например, она сообщала Вихаревой, что будет ждать её для дополнительных занятий дома, а сама пряталась в школьной библиотеке. Или говорила, что встретится с Вихаревой на занятии факультатива по английскому, а шла в кружок «Юный химик».

Однако Вихаревой всё же удалось пересилить хитроумную тётку. Она завела во всех кружках и факультативах своих агентов, которые, едва Гладина появлялась там или сям, бежали в учительскую и звонили Вихаревой домой, и та настигала подопечную в любом укромном месте.

Настигнув жертву, Вихарева вела её в ближайший открытый кабинет и там делала с ней домашнее задание. Таким нелёгким способом удалось добиться неплохих результатов по текущим оценкам Гладиной, хотя на контрольных она по-прежнему отказывалась соображать.

Или взять пару «Губенков — Кубышкин». Кубышкин почти ежедневно прогуливал уроки, а Губенков, со своей стороны, делал вид, будто никакого поручения ему не давали. Когда они всё-таки случайно встречались в классе, Губенков обычно спрашивал у Кубышкина: «Ну как, будем подтягиваться?» — «А как же!» — весело отвечал Кубышкин, и они расставались до следующей случайной встречи.

В паре «Пыркусов — Бурденко» вообще непонятно было, кто кого подтягивает. Учились они оба примерно одинаково, да и в характере было много общего. Оба любили поваляться на диване перед телевизором, потолкаться

на дискотеке, поржать на перемене и вели себя как родные братья. Отличия в их менталитете можно было обнаружить разве что при близком знакомстве. Я долго сидел с Бурденко за одной партой, пока его не пересадили к Капитанову, поэтому, конечно, знал индивидуальные особенности его характера.

Пыркусов был более жизнерадостный, а Бурденко являлся скорее флегматиком. Может быть, поэтому по большинству предметов Пыркусов должен был подтягивать Андрея, а не наоборот. Хотя благодаря своему дедушке, который на войне служил радистом, Бурденко неплохо знал некоторые разделы физики, да и с грамотностью у него было получше. Зато почерк хуже, поэтому оценки по русскому они получали примерно одинаковые. Такое близкое подобие отнюдь не помогало их взаимному обучению. Встречаясь у кого-нибудь дома, они начинали занятие со споров, кто будет учеником, а кончали на диване перед телевизором с бутербродами в руках.

Однако самой проблемной парой оказались Цветиков и Злобина. Даво-ян сделала большую ошибку, объединив не только двух существ разного пола, но ещё и настолько несговорчивых. У Цветикова и так-то, в связи со спортивными тренировками, был довольно жёсткий график. А после начала кампании по повышению успеваемости времени у него совсем не осталось. Поэтому он требовал, чтобы Злобина приходила к нему на консультации в строго отведённое время. А у Ленки именно в это время всегда находилось какое-то срочное дело — то её отправляли в магазин за хлебом, то она уезжала в город за новым пальто, то проваливалась в лужу и так далее. Пару раз Цветиков даже прогулял свою секцию, чтобы подладиться к Ленкиному графику. Но она всё равно находила способы избежать занятий — или отправлялась с мамой на примерку нового платья, или убегала в кино, на которое ей якобы доставался бесплатный билет. Когда Лёха наконец плюнул на это дело и занялся своими, Ленка, наоборот, начала его донимать с требованием с ней заниматься, но всегда предлагала такие часы, когда у Цветикова была уже назначена тренировка, консультация или факультатив.

К концу первого полугодия пришло время подводить итоги предпринятых усилий. Четвертные контрольные и самостоятельные были написаны в среднем чуть лучше, чем обычно. Отмечались отдельные улучшения у некоторых одноклассников.

Однако всё это были лишь формальные, журнальные показатели. Все мы ждали научных данных об излучении коллапсоида, которое имело строгую чёткую корреляцию с мощностью совокупных умственных усилий нашей школы.

На следующем совете мы узнали, что все наши усилия в течение почти полутора месяцев ослабили интенсивность излучения коллапсоида всего на тридцать процентов. Это, конечно, само по себе немало, но если сравнивать энергию, которую мы затратили на одного только Капитанова, с этими результатами, то, конечно, радоваться было нечему.

— Более того, — усугубила Марина Константиновна, — по-прежнему график интенсивности энцефалоида остаётся неровным. В начале учебной недели и в дни, когда проводятся проверочные работы, оно ослабевает. Но к концу недели космическое излучение нарастает, а это означает, что вы к концу недели перестаёте соображать. В воскресенье же, когда в школе никого нет, оно делается настолько сильным, что датчик, бывает, перегорает. Вот и сейчас, например, мы не имеем сведений за три последних дня, поскольку специалисты увезли перегоревший датчик на ремонт и до сих пор не вернули обратно.

— Тридцать процентов — это вовсе неплохо, — возразила физичка Мила Ивановна. — Как вы знаете, КПД паровоза не более девяти процентов.

— Конечно, — сказала Марина Константиновна, — не так уж мало. Однако что мы будем делать, когда наступят зимние каникулы? Ведь за это вре-

мя излучение коллапсоида может достигнуть критической величины!

И тут со своим неожиданным и смелым предложением опять высунулась Давоян.

— А давайте мы не будем уходить на каникулы!

— Ну, нет, — фыркнула англичанка Мила Ивановна. — Детям требуется отдых. Тем более после такого интенсива.

— Младенцев можно и отпустить, — согласился Жора Таёжный. — Насчёт шестого и седьмого не знаю. Но восьмому отдохнуть некогда — надо готовиться к экзаменам², и старшеклассники пусть остаются на страже. Можно не проводить, допустим, уроки труда, физкультуры, ещё какие-то не особо важные, а русским с алгеброй и языками пусть занимаются ежедневно.

— Как раз физкультуру надо усилить, — возразил Ядров. — В обычное время подростки не успевают приобрести необходимые навыки. Предлагаю на каникулах давать ежедневные уроки физкультуры, тем более что у меня будут каникулы в ПТУ.

Выступил и трудовик.

— Прошу всё-таки не забывать о моём предмете. В мастерских работы накопилось очень много. Не говорю уже об уборке, там два ящика с опилками надо куда-то девать. Но есть ещё несколько запланированных занятий, о которых меня просили ребята. Поэтому прошу разрешить провести один-два урока по кузнечному делу, по кожевенному, по каменотёсному и даже по портняжному. Мужчинам часто приходится обслуживать себя вдали от дома, в армии или в походе, кроме того, иногда для шитья нужна мужская сила — например, если приходится подшить паруса, починить брезентовую палатку и так далее.

— Ну, я думаю, можно разрешить... — ответила Олегу директриса.

— Ну, не знаю, — пожал плечами англичанка. — Как-то всё это... неожиданно. Что скажут в роно и вообще родители?

— В роно нас поддержат, ручаюсь. С родителями необходимо провести разъяснительную работу. Это обязанность классных руководителей, — сказала Марина Константиновна и выразительно посмотрела на англичанку.

— Ничему это не поможет, — отмахнулся Губенков. — Если энцефалонид — проблема научная, пусть учёные им занимаются. Если военная проблема — для этого существует министерство обороны. Наше дело — учиться себе потихоньку, и всё.

— Вот и будешь учиться, — ответил ему Жора Таёжный. — Всё по твоей заявке. Все каникулы.

— Я вижу, доклады закончились, вы уже перешли к диспутам. Это, уважаемые, в кулуарах.

И Марина Константиновна закрыла совет.

Своё отношение к новости учащиеся проявляли по-разному. Кто-то орал, что вообще на каникулах в школу не пойдёт. Другие жаловались, что родители уже взяли отпуск, купили билеты на ёлку, в театр, цирк и санаторий. Третьи глухо роптали. Примерно половина, уже натренированная первым полугодием, вообще отнеслась к нововведению спокойно.

В ответ на протестные реплики Марина Константиновна сказала на линейке:

— У кого билеты горят, надо принести от родителей заявления. У кого здоровье требует отдыха, несите справки от врача. А кому просто лень учиться, об этом мы поговорим с вашими родителями. Первого января, так и быть, отдохнём, а со второго будьте любезны за парту.

² Действие происходит в 80-е годы XX века, когда в школах было 10 классов, а неполное среднее образование завершалось в 8-м классе экзаменами по базовым предметам.

В результате на каникулах пришли почти все. Конечно, были недовольные и протестующие, в том числе среди родителей. Например, батя Бентешиной и мама Злобиной ходили к директору и добились, чтобы их детей освободили от дополнительных занятий. Бочарова и Колокольцев уехали в зимний лагерь комсомольского актива. Но в общем уже второго января школа гудела и гремела, как обычно. Даже, может быть, громче обычного, потому что учащиеся одновременно чувствовали себя и на уроках, и на каникулах. Кто-то притащил в класс апельсины, кто-то мандарины, шёл обмен конфетами и подарками. Артёмовой даже удалось уговорить Дарью Алексеевну посмотреть на уроке истории телевизор, который имелся в классе. И хотя фильм, выбранный Алкой, имел к истории очень относительное отношение (то ли «31 июня», то ли «Приключения Буратино»), историчка смотрела его вместе с нами и комментировала в предметном русле.

Большой популярностью начали пользоваться занятия Олега Олеговича. На его уроки кожевенного и портняжного ремесла приходили даже девочки.

Кузницу трудовик организовал в школьном сарае. Там было темно, но он кинул удлинитель, повесил лампочку, а мехи и кузнечный горн сделали сами, своими руками. Обустройство кузницы заняло почти все каникулы, зато вскоре Капитанов выковал там свой первый гвоздь, напоминающий железнодорожный костыль.

Впрочем, гвозди продавались во всех магазинах, а вот скобы для деревянного строительства были в дефиците. Олег Олегович с нашей помощью ковал их из кусков арматуры. Потом кузница перешла на изготовление лопаток-ледорубов для скалывания наледи на дорожках. А к лету мы изготовили кованую ограду для центрального входа на школьный двор.

Для разнообразия Олег Олегович иногда предлагал нам выковать что-нибудь экзотическое — розу, старинный меч, подсвечник или подкову. Подковы, впрочем, ковались не для экзотики. Они находили применение на небольшой конеферме, существующей при мебельной фабрике. Заводу принадлежали две лошади, которые по будням возили со склада молоко в школьную столовую, весной и осенью — палую листву на свалку, а на масленицу и рождество катали в санях детей по центральной улице. Полозья для саней тоже, кстати, мы перековывали в школьной кузнице.

Не меньше пользы было и от кожевенной и портняжной мастерской. Кожу мы сами не выделявали, покупали на складе, но зато научились шить из неё простейшие тапочки, делать ремни и ремешки для часов. Старшеклассники занимались более серьёзными вещами — чинили сбрую для тех же фабричных лошадей, шили кожаные фартуки для школьных кузнецов и для работников других профессий (например, мясника дяди Юры из первого магазина), пошили даже несколько меховых жилетов для дворников. Впрочем, жилеты изготавливали не только кожевенники, но и портные, которые в основном занимались масштабными проектами: выполнили новый занавес для дома культуры, холсты для театральных декораций, лошадиные попоны, светонепроницаемые шторы для фотокружка.

Единственным одноклассником, кого не удалось заманить ни в одну мастерскую, оказался Игорь Николаев.

— Зачем я буду тратить время на ерунду? — отвечал он. — В программу это не входит, оценка в аттестат не пойдёт. Если я захочу колотить молотком по железяке, я и дома могу это делать.

Однако к середине января у многих уже стали появляться признаки усталости от взятого темпа. Ведь помимо трёх мастерских и десятка факультативов мы учились по каждому предмету, делали домашние задания, отвечали у доски, писали проверочные работы. Особенно навалилась на нас Аэлита Геннадьевна, которая, как выяснилось, только прикидывалась своей девочкой, — вернувшись в школу после болезни, она уже не позволяла себе

вести с нами досужие разговоры, наказывала за любой шум и смех, не допускала списывания и подсказок и требовала от каждого идеального знания алгебры и геометрии.

Накопившаяся усталость и природная хитрость, а также технический гений и привели Степанова к мысли, что добиваться успеха надо другим, техническим путём.

Обходной манёвр

Вовка Степанов учился более-менее. Мог бы учиться ещё лучше, если бы не имел такого количества увлечений, в основном технических и военно-исторических, которые и отнимали у него большую часть личного времени. Одно перечисление его увлечений может занять полстраницы. Например, в области военно-технической истории его интересовали танки, броненосные корабли, боевые самолёты и вертолёты, артиллерия и стрелковое оружие. Он собирал коллекции автомобильных эмблем и фигур, марок, спичечных этикеток, солдатиков, фарфоровые и пластмассовые фигурки животных семейства кошачьих, а также их фотографии, которые наклеивал в специальную тетрадь. Он собирал списки хоккейных и футбольных команд, занимательные факты из газеты «Труд», размещённые в рубрике «Коротко о разном», и даже начинал было вырезать карикатуры на иностранные темы из журнала «Крокодил», но быстро бросил это дело, поскольку приходилось помещать в коллекцию сразу половину журнала.

Для пополнения всех этих разнообразных собраний родителям Степанова, его родственникам и даже соседям приходилось выписывать множество журналов и газет. Не все из них Степанов потрошил сразу, многие поступали в обменный фонд. Поскольку интересы Степанова простирались и на издания, вышедшие ещё до начала его сознательной жизни, он ежемесячно ездил в город, чтобы посетить магазин «Старая техническая книга», а также завёл знакомства среди старшеклассников и парней, которые уже отучились в школе. С ними он вёл сложные торги, осуществлял таинственные махинации и взаимовыгодные обмены, в ходе которых, например, натурально выполненная польская пластиковая фигурка индейца обменивалась на годовую подшивку журнала «За рулём», а та, в свою очередь, на какой-нибудь ветхий номер «Техники — молодёжи» 1939 года.

Когда Степанов развернул свою коллекционно-архивную деятельность, в нашей школе сразу упали показатели по сдаче макулатуры. Те, кто прежде, не задумываясь, освобождал шкафы и антресоли от старых журналов, теперь берегли их на случай выгодного торга.

Другие экспонаты, вроде шильдиков — фигурок, украшавших капоты автомобилей, — Степанов добывал более рискованными путями. Подчас ему приходилось совершать трудоёмкие экспедиции за редкими экспонатами. Пару раз он пытался привлечь к своим походам и меня. Дело было весной, и мы с ним должны были спуститься в строительный котлован, посреди которого стоял приглянувшийся Вовке японский подъёмный кран «Като».

День был выходной, стройка не работала. Степанов взял с собой отвёртки и плоскогубцы, однако свинтить эмблему «Като» не удалось. Едва спустившись в котлован, мы сразу завязли в липкой грязи, которой было заполнено его дно, и до крана так и не добрались. Может быть, без меня Степанову везло больше, поскольку время от времени он показывал новый шильдик — то «мерседеса», то «порше», то «бугатти». Эмблему «Москвича» снял со своей машины и подарил Вовке его дедушка, эмблемы «Жигулей» разных годов выпуска Степанов находил на свалке. Шильдик «КрАЗа» Вовке подарил шофёр Березин из пожарной команды, а «Колхиду» у заезжего грузина-дальбойщика Степанов выменял на дубликат «мерседеса», эмблему которого

грузин для престижа установил на свой седельный тягач. Но вообще Вовка часто жаловался, что данную коллекцию рано или поздно придётся завершать — ведь количество автомобильных фирм ограничено.

Но гораздо больше сил, чем коллекциям, Степанов отдавал моделированию. Начинал он с простейших резиномоторных и стендовых моделей: тракторов из катушек, сборных пластиковых самолётов и танков. Потом перешёл на моделирование по чертежам. Я время от времени тоже занимался подобным творчеством, и иногда даже мы собирали модели по одним и тем же журналам. Но у меня получалось нечто кособокое и хрупкое, а картонными моделями Степанова можно было гвозди забивать. Снаружи Вовка покрывал свои изделия лаком или водонепроницаемыми красками и запускал бумажные корабли в реке и в ванной — им ничего не делалось. Из построенных Вовкой копий можно было собрать целый музей, если бы Степанов относился к ним бережнее. Но он периодически уничтожал их, если качество исполнения переставало его удовлетворять, а ещё чаще повторно использовал разные узлы и детали, для чего разбирал готовые изделия.

От самодвижущихся моделей Вовка постепенно перешёл к двигателям как таковым. Теперь он мастерил не машины, корабли и танки на основе готовых покупных электродвигателей, а сами двигатели — электрические, карбюраторные и даже паровые. Для таких работ его крошечная мастерская в квартирной кладовке уже не очень годилась. Наиболее громоздкие изделия он изготавливал в тёмном сарайчике во дворе, где его родители держали кроликов и картошку, или у отца в заводском гараже. Но выносить готовые изделия через заводскую проходную было сложно, и, может быть, поэтому Вовка решил временно переключиться на радиотехнику. Собрать транзисторный приёмник или магнитофон можно и на кухонном столе. Правда, магнитофоны и приёмники Степанова не очень интересовали, их у него было полно и так, зато он увлёкся вопросом передачи энергии на расстояние с помощью радиоволн.

Я понял, что Степанова занесло в область псевдонауки, когда посланный его агрегатом «пучок энергии» прожёт в кухонном окне здоровенную круглую дыру, а одновременно и дыру в окне квартиры напротив. Только потому, что соседи Вовки находились на работе (сам Степанов болел гриппом и сидел дома), он не был уличён в хулиганстве.

После этой неудачи Степанов на некоторое время вернулся к невинным занятиям: пополнению коллекций и конструированию газогенераторного двигателя в картофельном сарае. Однако появление на орбите коллапсоида и излучение этого космического объекта навело Степанова на мысль использовать свои знания в помощь родной школе. Вернее, школьникам, поскольку Степанов загорелся идеей создать техническую замену для мозговых усилий учащихся. Ведь, рассуждал Вовка, коллапсоиду всё равно, каков источник гамма-ритма: живой ли это детский незрелый мозг или техническое устройство. Энцефалоиду, думал Степанов, наплевать на различие органического и неорганического, и если он реагирует на излучение живых мозгов, то он точно так же должен отреагировать и на ритмы излучения, которое генерируется техническим способом.

— Сама по себе техническая задача простая, — объяснял мне Вовка. — Странно даже, что никто до сих пор не додумался. Сколько можно экспериментировать с бедными школьниками, гонять их в школу на каникулах, перегружать заданиями и контрольными? Это же бесчеловечно! И главное, это бессмысленно в современную эпоху. Достаточно нескольких транзисторов, передатчика и антенны, чтобы выпустить в эфир точно такой же сигнал, да ещё и более мощный.

Первоначально Степанов решил использовать для осуществления своего проекта школьный радиоузел. Он находился в том же углу коридора,

где сидела секретарша и размещалась оружейная военрука. Передачи вели школьные активисты, к которым Вовка не относился. Поэтому для начала требовалось проникнуть к аппаратуре и изучить на месте, чем здесь можно располагать.

Находчивый Степанов быстро придумал способ стать завсегдаем радиорубки. Он предложил Давоян (а та предложила Жоре Таёжному, который в свою очередь предложил директору) выступить с циклом радиолекций о своём хобби: например, истории броненосных флотов.

Поначалу Марина Константиновна отнеслась к идее Степанова с недоверием — Вовка не считался у педсостава надёжным человеком. Кроме того, до сих пор школьный радиоузел выступал только с короткими объявлениями насчёт изменений в расписании или отчётов за четверть. Это и понятно — никакой учитель не одобрит долгую радиопередачу на своём уроке, а на перемене радио никто бы не услышал из-за шума. Однако Степанов сумел заручиться поддержкой исторички и уточнил своё предложение таким образом, чтобы его лекции звучали только на утренней политинформации (для неё отводилось 20 минут перед первым уроком), на тематических уроках истории и НВП, а в остальных кабинетах радиоточку³ бы в это время выключали.

В итоге Марина Константиновна попросила Степанова предъявить план радиолекций и список использованной литературы, Взамен ему вручили личный ключ от радиоузла, поскольку ответственной за это помещение физичке Миле Ивановне некогда было открывать и закрывать помещение по каждому требованию Степанова.

Получив доступ в радиорубку, Степанов в первый же день разобрался с нехитрой аппаратурой. Одновременно он приступил к чтению ежедневных радиолекций, а после уроков мастерил дома генератор электронного гамма-ритма.

Выступления Степанова первое время были, что называется, «на любителя». Он и у доски-то отвечал так, как будто из него тянут жилы под дулом автомата, — то есть суетливо и одновременно тяготно. Точно так же Вовка провёл и первые две-три передачи. Вот как, например, звучал в его изложении знаменитый бой у Доггер-банки:

— Русская эскадра, это, приближалась к отмели в Северном море, которая, ну, эта, называлась Доггер-банкой (смех выступающего), то есть в переводе, ну, «Рыбачья банка», а может, «Собачья», гы-гы, хоть банки тут, конечно, значит, ни при чём.

Больше всего выступления Степанова раздражали почему-то Игоря Николаева. Стоило зазвучать в динамике хрипловатому и торопливому говорку Степанова, Николаев морщился и бурчал:

— Был же нормальный вроде человек, собирал свои марочки, клеил модели, а теперь выпендривается!

Даже когда примерно неделю спустя Вовкина речь стала более грамотной, Николаев не проявил снисходительности:

— Ну и чего он добивается этими выступлениями? Годовой пятёрки по истории? Ну и получит он её, а что дальше? В университет примут? Всё равно дорога ему в техникум. В лучшем случае начальником гаража станет. Так зачем человек корячится?

Говорил Николаев так, конечно, потому, что не знал истинных целей Степанова, не слышал о его планах и не понимал, для чего Вовка проник в школьный радиоузел. Однако с течением дней мне стало казаться, что и сам Степанов начал подзабывать, зачем начал эту эпопею с выступлениями.

³ Радиоточкой называли радиоприёмник-громкоговоритель, который получал сигнал по проводам.

Когда я или Капитанов (который тоже был в курсе) спрашивали у него, когда он запустит свой генератор, Степанов отводил глаза в сторону и торопливо обещал, что со дня на день. Однако дни шли, выступления по радио продолжались, а генератор гамма-ритма, уже собранный, Степанов почему-то до сих пор не присоединил к передатчику. Наконец под нашим с Лёхой нажимом Вовка признался:

— Ведь если я закончу монтаж и запущу генератор, это дело может просечь директриса. Тогда она меня в радиоузел больше не пустит. А мне, понимаете, ещё столько нужно рассказать! До сих пор меня только вы слушали, и то от случая к случаю. Конечно, — задумался он, — если б меня пригласили на Всесоюзное радио или станцию «Маяк», слушателей было бы ещё больше... А лучше всего выступить по телевидению. Там бы я мог демонстрировать свои модели и макеты.

— В школе нет своего телевидения, — сообщил зачем-то Капитанов общеизвестный факт. — А на центральное и даже областное тебя никто не звал.

— А собственно, почему у нас нет своего телевидения? — спросил Вовка. — Телевизоры ведь почти в каждом классе стоят. А используют их пару раз в году, для показа учебных программ.

— Нет, потому что нет, — отвечал Алёша. — У нас много чего нет. Эрми-тажа нет и теннисного корта. Ну и что?

Но Степанов уже, как я видел, закусил удила. Не прошло и пары дней, как он принёс директрисе рассчитанный проект организации школьной телестудии, для чего требовалось только купить хотя бы одну видеокамеру, а сам транслятор Степанов обещал собрать собственноручно.

— Ты бы сначала генератор гамма-волн запустил, — говорил я ему. — Ведь уже почти всё сделано.

— погоди, — отвечал Степанов. — Будет и генератор. Мы его под шумок запустим, когда будем студию монтировать. Сигнал как раз прикроем дециметровым телевизионным диапазоном, никто и не разберёт, что мы тут излучаем и куда.

И действительно, в самый разгар телевизионной шумихи, когда он уже собирал телевизионный транслятор в специально отгороженном под телестудию углу слесарной мастерской, Вовка сумел запустить генератор гамма-ритма. Он не стал присоединять его к телевизионному передатчику, а просто вывел антенну через усилитель из окна слесарки. Олегу Олеговичу он наболтал что-то про необходимость приёма контрольной телевизионной таблицы, тот передал эти сведения директрисе, и номер сошёл с рук.

К тому времени Марина Константиновна добилась установки датчика излучения коллапсоида в своём кабинете, а немного позже аналогичный прибор появился и в школьном коридоре, около питьевого фонтанчика. Датчик в директорском кабинете был соединён с самописцем, и на бумажной ленте систематически отражалась интенсивность космического излучения. И с введением в строй Вовкиного генератора интенсивность излучения коллапсоида в области гамма-ритма стала заметно снижаться⁴. Возможно, это просто совпадение. Возможно и другое — совокупная мощность общешкольного гамма-ритма превысила некое критическое значение. Ведь к концу февраля, когда был запущен излучатель Степанова, в школе примерно наполовину сократилось число отстающих.

А дальнейшее уменьшение космического излучения, которое происходило ежедневно, могло быть связано не только «глушилкой» Степанова, но и с последующими действиями педагогического состава.

⁴ Если рассуждать формально, датчик мог принимать и гамма-ритмическое излучение генератора Степанова, при этом общий совокупный уровень излучения с запуском генератора должен был увеличиваться, а не уменьшаться. Однако этого не произошло.

Раскаяние Дарьи Алексеевны

На очередном совете по коллапсоиду, участники которого могли теперь живую наблюдать за падением мощности излучения орбитального псевдокортекса, случилось нечто неожиданное. Нонна Павловна, учительница биологии, признала свои многолетние ошибки. А началось всё с невинных лирических рассуждений англичанки Милы Ивановны.

— Вы знаете, — сказала она, пока все собирались с мыслями, рылись в портфелях и просматривали блокноты, — у меня сегодня была бессонница, и я вдруг задумалась, а почему, собственно, этот коллапсоид появился именно над школой?

— Что вы имеете в виду? — с неодобрением в голосе спросила директриса. Она давно подозревала англичанку в тайной оппозиции своей власти. Возможно, и в состав совета Милу Ивановну она ввела для того, чтобы держать перед глазами.

— Да нет, — улыбнулась англичанка, — не конкретно над нашей школой, а вообще над школой — не над баней, не над заводом или киоском Союзпечати?

— Вообще-то, Мила Ивановна, фокус излучения определён довольно условно, — ответил военрук. — Возможен люфт плюс-минус сотня метров...

— Люфт не люфт, а всё-таки тут он, — сказала англичанка, указывая пальцем в потолок. — А это ведь отнюдь не случайно. В этом есть определённая логика, которую я как раз и осознала сегодня ночью, когда мне не спалось. Ведь коллапсоид это что? Это несостоявшаяся чёрная дыра, то есть тьма как таковая. А школа что такое? Это просвещение малолетних, то есть свет как таковой! И заметьте, как только мы занимаемся просвещением успешно, когда наши дети удачно справляются с контрольными и прочими испытаниями, излучение коллапсоида ослабевает! Вот даже сейчас, — показала англичанка на самописец детектора излучения, — мы видим, что стоило нам здесь и сейчас начать обсуждение, задуматься о чём-то, и гамма-ритм энцефалоида падает. Какой же мы можем сделать из этого вывод, друзья? А такой, что этот орбитальный псевдокортекс, если представить его метафорически, на что я как гуманитарий имею право, представляет собой как бы мрак нашего незнания, а школа, напротив, — представляет собой как бы свет нашего знания, и чем больше наша школа излучает в пространство этого знания, тем слабее псевдокортекс излучает в ответ. Насколько я понимаю, в этом и состоит план — так напрячь мозги детей, чтобы орбитальный псевдокортекс совсем исчез или улетел куда-нибудь на другую сторону земного шара?

— В общем, примерно так, — сухо кивнула Марина Константиновна. — Нельзя сказать, что именно в этом заключался план, но подобные мысли действительно звучали на обсуждениях в роно и в советах одного астрофизика, Псковского, который давал нам инструктаж ещё в октябре. Однако второй учёный, столь же уважаемый, по фамилии Новгородский категорически отрицал связь явлений, происходящих на земной поверхности, с явлениями, происходящими на орбите, а все совпадения советовал считать случайными.

— Только непонятно тогда, почему этот «мрак незнания» или «тьма глупости», как говорит уважаемая Мила Ивановна, притянула именно наша школа? — пытался разобраться военрук. — Если школа есть светоч разума, то тогда, наоборот, всякая нечисть должна кружить над объектами менее, так сказать, интеллектуальными — стройками или детскими яслями.

— Если вы позволите мне ответить, — промолвила англичанка, — то мне лично здесь не видится противоречия. Ведь в любом знании заключена частица незнания, и наоборот, любое незнание потенциально содержит в себе перспективу знания. Следовательно, система «школа-коллапсоид» представляет собой, если представить её образно, как бы песочные часы, откуда про-

свечение — в физическом эквиваленте гамма-ритма — переливается туда и обратно, с орбиты на Землю и с Земли на орбиту.

— И долго оно будет так переливаться? — мрачно спросил военрук, который за зиму заметно завял от невозможности полевой подготовки учащихся.

— Кто знает? — загадочно улыбнулась англичанка. — Можно только предполагать. Если этот объект однажды появился на орбите, то он точно так же может однажды исчезнуть. Не исключено, что это произойдёт тотчас после того, как все до единого ученики и педагоги включают свои мозги на полную катушку. Чего, разумеется, трудно всерьёз ожидать...

И вот тут-то вступила в действие крупнокалиберная артиллерия, то есть Нонна Павловна. Когда англичанка завершила своё выступление, поднялась могучая Нонна Павловна и заявила следующее:

— Какое право мы имеем требовать что-либо от учащихся, если сами не соответствуем требованиям? Почему до сих пор не обновлены наглядные пособия в моём кабинете? Я сколько раз уже оставляла заявку?! Мы преподаём детям сложнейшую науку эволюции по данным Дарвина, которые давно опровергнуты наукой! Плакаты, сложенные у меня в кладовке, видели ещё их дедушки и бабушки, — показала биологичка на нас с Давоян. — Да и тогда, честно говоря, таблица Геккеля была недостоверной подделкой. Но что поделаешь, если других наглядных пособий нет!

Марина Константиновна вспыхнула и ответила биологичке, что сейчас не время и не место обсуждать вопросы закупки наглядных пособий. Нонна Павловна хотела что-то возразить директрисе, и они, возможно, поругались бы, однако в дискуссию вступила историчка Дарья Алексеевна, которую в середине года решили всё-таки ввести в состав совета. Может быть, потому, что одновременно заболели физичка Мила Ивановна и учительница химии, в результате чего освободилось два места в совете. Поэтому на совещание пригласили помимо исторички ещё и словесницу Марину Павловну.

Дарья Алексеевна выглядела взволнованной. Она даже не сразу начала свою речь, хотя обычно за словом в карман не лезла. Но сейчас, поднявшись с места, историчка лишь молча кивала, глядя на Нонну Павловну. Затем она откашлялась и сказала:

— Товарищи, наша коллега попала в самую точку! Я давно чувствовала то же самое, только сказать не могла! Мы требуем от детей того и другого, чтобы их гамма-ритмы стали подобающими, чтобы они пошли в эфир и сбили наконец эту подлую штуку с орбиты! И я очень согласна с ощущениями уважаемой Милы Ивановны, с нарисованным ею образом борьбы света, силы просвещения, которые олицетворяем мы, то есть весь наш коллектив, с космическим мраком. Но, товарищи, о каком просвещении можно говорить, если мы сами зачастую даём нашим детям неверную информацию, недостоверные сведения?! Ведь рыба тухнет с головы. Если у нас самих, извините, тухлые гамма-ритмы, то почему мы думаем, что у наших детей они станут здоровыми и правильными?

На этом месте директриса попыталась было прервать историчку, предостерегая её от непедагогических высказываний в присутствии учащихся, но Дарья Алексеевна была неумолима.

— Эти подростки лучше нас понимают, что к чему, — продолжала она. — Именно они и развязали кампанию по наращиванию успеваемости и добились невиданных в истории нашей школы успехов. Они даже Капитанова сделали отличником!

— У Капитанова, простите, в году может выйти тройка по физкультуре! — заметил молчавший доселе Ядров.

— До конца года далеко, — отмахнулась Дарья Алексеевна. — Он своё ещё наверстаёт. А вот наверстаем ли мы, уважаемые коллеги? У Нонны Павловны какая-то таблица просроченная. А у нас, историков, что?! У нас полная

каша! У нас почти все факты подтасованы и перевернуты с ног на голову! Вот возьмём материал по началу двадцатого века. Открываем учебник, — Дарья Алексеевна действительно открыла учебник, видимо, заранее подготовленный. — И что мы видим? Мы учим детей, что в 1913 году в России выплавлялось 4,2 миллиона тонн чугуна, а в 1937-м — 14,4 миллиона тонн. Прекрасно! Но мы скрываем от них, что даже к 1940 году в производстве зерна в расчёте на одного человека в год мы не достигли показателей 1913 года! И хотя возросло производство картофеля и куриных яиц, однако мяса в расчёте на человека в 1940 году производилось в два раза меньше, чем в 1913-м, а молока меньше на треть! Мы показываем учащимся только краешек сравнительной таблицы, где имеется рост показателей: по выработке электроэнергии и выплавке стали. А вторая половина говорит отнюдь не в пользу СССР!

— Откуда у вас эти данные, Дарья Алексеевна? — холодно спросила Марина Константиновна.

— Из журнала «Коммунист», — отвечала Дарья Алексеевна. — Но дело не в показателях как таковых! — продолжала она. — Дело ведь в сути происходивших в отечественной истории событий! Взять хотя бы так называемое «освобождение женщин», эмансипацию, произведённую в ходе революции. От чего в итоге нас, женщин, освободили? От мужей, которые получили законное право с нами разводиться? От домашнего хозяйства, где можно вставать во сколько хочешь и не тащиться спозаранку на службу? От детей, которых приходится сдавать в ясли сразу после рождения, потому что, оставшись без мужей, вынуждены зарабатывать на хлеб сами?.. Да и с мужьями не лучше, — добавила она, поглядев на директоршу и физкультурника. — Вам хотя бы известно, что квалифицированный рабочий в том же 1913 году мог на годовой заработок, не отказывая себе ни в чём, построить собственный дом, купить корову, содержать жену и десяток детей? Что сейчас может такой же рабочий построить и купить?

— Факты, безусловно, интересные, — отвечала директорша. — Но у нас совсем другая тема заседания. К тому же собственный дом у вас и так есть, насколько я знаю.

— Муж построил, пока он был, — вздохнула историчка. — А строились-то пятнадцать лет.

— Тем не менее этот материал, отсутствующий в программе, нашим учащимся слушать незачем, — повторила директорша.

— А вот этот вопрос следовало бы обсудить, — отвечала Дарья Алексеевна. — Наши ребята показали себя во второй и третьей четверти с самой лучшей стороны. Не пора ли и нам подтянуться?

Марина Константиновна обвела взглядом собрание. И Нонна Павловна, и англичанка Мила Ивановна, и Марина Павловна смотрели на неё так, словно были готовы встать и повторить предложение исторички. И под этими солидарными взглядами Марина Константиновна сдалась.

— Хорошо, — сказала она. — После того как отпустим наших юных коллег, мы продумаем изменения в учебном плане. Конечно, изменения будут самые незначительные. И вопрос закупки новых пособий тоже обсудим.

После этого мы заговорили о программе вещания школьного телевидения, уже налаженного Степановым. Школа пока не могла купить настоящую вещательную камеру, но тётя Губенкова, жившая в Германии, недавно прислала ему в подарок бытовую видеокамеру, и Степанов приспособил её для трансляции. Давоян и Таёжный накануне обратились ко мне с просьбой составить программу школьных телепередач (я считался специалистом, поскольку занимался в кинокружке при Доме культуры), каковую и представил на суд школьного совета.

За образец, за неимением другого, я взял сетку вещания государственного телевидения, добавив то, что хотел бы увидеть сам, но мне этого не показыва-

ли. Несколько пунктов подсказали Давоян и Таёжный. На собственном блоке настаивал Степанов, как имеющий право в любой момент вырубить трансляцию, а также Макарова с Артёмовой. Получился такой список передач:

Перед уроками. Утренняя политинформация (события в стране и мире). Анализ состояния футбольной и хоккейной лиги, график чемпионатов. Победители и побеждённые. Ведущий — Владимир Степанов.

Первая перемена. «Дневник коллапсоида». Сводки с датчика. График успеваемости. Наши успехи и неудачи. Ведущая — директор школы Марина Константиновна.

Вторая перемена. «История броненосных флотов». Ведущий — Владимир Степанов.

Третья перемена. «Коллапсоид — друг или враг?» Обзор научных и околонаучных гипотез. Ведущий — Иван Серёгин.

Четвёртая перемена. «Как подготовиться к контакту с братьями по разуму?» Обзор новинок научно-фантастической литературы. Ведущие — Иван Серёгин и школьный библиотекарь Жанна Владимировна.

Пятая перемена. Вечер бардовской песни. Авторское исполнение Макаровой, Артёмовой и Колокольцева, а также магнитофонные записи из их коллекций.

Также вне графика предлагались экстренные включения в течение дня: «Вести районных олимпиад», «Санитарная минутка», «Уроки молодого бойца» и некоторые другие.

В целом и предварительно совет одобрил мой проект, хотя было высказано немало замечаний.

Англичанка Мила Ивановна указала на отсутствие в сетке вещания уроков иностранного языка. «Дома по телевизору каждый день идут такие уроки, а в школьном телевидении не предусмотрены!» — упрекала она.

На это я отвечал, что в школе и так круглосуточно учат иностранным языкам, зачем ещё по телевизору показывать? А если это необходимо, всегда можно переключиться на третий канал и смотреть эти телеуроки сколько угодно!

Следующую претензию предъявил наш активист Жора Таёжный.

— Почему это, — спросил он, — ведущими всех регулярных передач выступают только учащиеся девятого класса? Нет ли здесь коллективного сговора, или, как говорят за рубежом, лоббирования своих интересов? Разве в других старших классах мало талантливой молодёжи? А где начальная школа? Почему мы не видим среди программ художественной самодеятельности первоклассников, уроков труда для маленьких, соответствующих песен и стихов?

— Маленьким вредно смотреть телевизор, — объяснил я активисту. — Ну а если не смотреть на себя самих, зачем выступать? К тому же начальная школа находится в отдельном здании, и никто не станет тянуть туда кабель. А что касается нашего класса, то кому же ещё выступать, если именно наш класс выдал эту идею, и именно Вовка Степанов смастерил транслирующий узел? Если бы в другом классе нашёлся такой гений, он бы тогда и выступал. Это и объясняет, — предупредил я следующие вопросы, — почему Степанов ведёт сразу две передачи. Он это заслужил.

— Да, но ведь далеко не всем интересна такая тема, «Действия броненосных флотов»! — не унимался Жора. — Есть девочки, есть вообще люди с другими интересами.

— Знаешь, — ответил я, — на центральном телевидении есть передача «Сельский час». Кто-нибудь из присутствующих её смотрит?

Ответом мне было молчание.

— Ну, вот и эту нашу передачу можно не смотреть, — закончил я. — Никто не заставляет. Не хочешь смотреть на перемене школьное телевидение — занимайся своими делами, носись как угорелый. А кто хочет, будет пополнять военно-морские знания и, может быть, пойдёт потом служить на флот.

— А вот это правильно! — проявил со мной солидарность Егор Васильевич.

Однако, видимо, я чем-то сильно задел Таёжного и англичанку, потому что они не отставали и навалились на меня уже вдвоём.

— Но зачем же столько этой научной фантастики? — всплеснула руками Мила Ивановна, и Жора из солидарности с ней яростно тряс головой. — Для чего засорять нам головы всеми этими инопланетянами, коллапсоидами, летающими тарелками...

— Простите, Мила Ивановна, но коллапсоид — это, как говорится, исторический факт, — поправила англичанку историчка. — И его сущность учёным до сих пор точно не известна. Он может оказаться и посланцем иной цивилизации.

— Допустим, — сказала Мила Ивановна. — Однако и одного коллапсоида достаточно. Зачем ещё загромождать эфир низкопробной литературой? Если так нужна жанровая беллетристика, взялись бы освещать новинки детективного жанра, который тренирует ум и, с другой стороны, не оторван от реальности! Или вот ещё у нас дети плоховато знают классику зарубежной литературы для детей — «Винни-Пуха» Александра Милна, «Ветер в ивах», «Мэри Поппинс», произведения Фрэнсис Бёрнетт и Элеонор Фарджон... Можно посоветовать цикл Честертона об отце Брауне, а также малоизвестные в нашей стране произведения сказочника Толкиена...

Мила Ивановна увлеклась широкими перспективами, но, взглянув на директрису, чертившую что-то по линейке в амбарной книге, обиделась и смолкла. Марина Константиновна некоторое время в наступившей тишине продолжала чертить, а затем окинула взглядом совет и разрешила учащимся, то есть нам, его покинуть.

Окончание следует

Рукопись, найденная в Нижнем Тагиле

История тагильской находки

Многотомные издания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка выходили много раз. Самое первое из них, вышедшее приложением к журналу «Нива» в 12 томах (60 книгах) в 1915–1917 годах, амбициозно называлось «полным», хотя даже и гораздо более основательно подготовленное, тоже 12-томное, собрание сочинений (1948–1951) на полноту не претендовало. На протяжении 1950–1980-х годов И.А. Дергачев, один из самых известных исследователей творческого наследия уральского классика, неоднократно публиковал в журнале «Урал» произведения Мамина, не включавшиеся ранее ни в многотомники, ни в однотомные сборники произведений писателя и не известные ни читателям, ни литературоведам. Исследователь находил их либо в малотиражных и ныне совершенно забытых изданиях XIX века, либо в рукописных архивных фондах, где они десятилетиями пролежали невостребованными.

К началу 2000-х годов необследованных специалистами-маминоведами «сундучков», архивных стеллажей и кладовок, где можно было невзначай обнаружить неопубликованное или затерявшееся в периодике позапрошлого века сочинение Д.Н. Мамина-Сибиряка, практически не осталось, и появилась возможность приступить к изданию действительно полного, 20-томного, собрания сочинений самого уральского из когда-либо живших на Урале писателей¹. Однако находки неизвестных читателям и литературоведам произведений Мамина-Сибиряка случаются и по сей день.

Вот случай совсем недавний. Иван Владимирович Югов, побывав в ноябре 2022 года в Нижнем Тагиле на праздновании 170-летнего юбилея Мамина-Сибиряка, в ящике с неразобранными бумагами Бориса Дмитриевича Удинцева, нашедшем пристанище в пустующем гараже Юрия Даниловича Исупова, обнаружил очерк Мамина-Сибиряка, который, как выяснилось, никогда нигде не публиковался. Поначалу возникло впечатление, что и литературоведы, занимающиеся изучением творчества Д.Н. Мамина, ничего об этом очерке не слышали, но оказалось, что это не так. В «Летописи жизни и творчества Мамина-

¹ Издание полного собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в 20 томах начато 20 лет назад в рамках юбилейных мероприятий к 150-летию писателя. Совместными усилиями уральских литературоведов, Объединенного музея писателей Урала и екатеринбургского издательства «Банк культурной информации» было выпущено пять томов — столько и планировалось на том этапе; под эти пять томов было выделено и финансирование. Но юбилейные торжества завершились, и дальнейшая судьба издания оказалась неопределенной. В плане юбилейных мероприятий к 170-летию Д.Н. Мамина было записано издание 6-го тома, но денег у «опорного края державы» на очередное «надо, чтобы» не нашлось.

на-Сибиряка», составленной В.В. Горевой, упоминается корреспонденция «Из Екатеринбурга...», датированная 7 ноября, но без указания года, — о постройке Ирбитской железной дороги. Но это упоминание сопровождается пометкой: «Публикация не выявлена». Очевидно, что речь идёт о находке И.В. Югова, при этом подтверждается, что текст не был опубликован.

Однако, вероятно, не каждому читателю «Урала» известны имена, которые я только что назвал, между тем их носители — всё люди неординарные, и о них нужно хотя бы коротко сказать. А заодно и показать, какие события предшествовали находке.

Ключевая в обозначенном выше ряду, конечно, фигура Бориса Дмитриевича Удинцева (1891–1973). Это имя уральские любители литературы знают хорошо, а тех, кто «слышал, да запомнил», можно отослать к подборке материалов в журнале «Урал» (2006, № 4) «Памяти Б.Д. Удинцева». Открывается она небольшим биографическим очерком Е.К. Полевичёк, вслед за которым публикуются письма Удинцева П.П. Бажову, К.В. Боголюбову и Т.Н. Мыслиной².

Для тех, кому недосуг искать давнюю публикацию в библиотеке или в «Журнальном зале» интернета, сообщу вкратце, что Борис Дмитриевич — племянник Д.Н. Мамина-Сибиряка. В юношеском возрасте он много общался с «дядей Митей», а после смерти писателя стал известным литературоведом и библиографом. Творческое наследие знаменитого родственника стало главным предметом его очень интенсивной научной и гражданской деятельности. Он защитил кандидатскую диссертацию по биографии Мамина-Сибиряка, создал описание каталога фондов Гослитмузея, посвящённого писателю, — можно сказать, заложил основы маминоведения. Борис Дмитриевич много сделал и для популяризации творчества Мамина-Сибиряка: участвовал в составлении и научной подготовке собраний сочинений писателя, явился одним из создателей его музея в Свердловске. До конца своей жизни Б.Д. Удинцев шефствовал над уральским музеем — пополнял его коллекции сохранившимися у него раритетами, помогал разрабатывать новые экспозиции, решать иные вопросы.

Десятилетия работы Удинцева с творческим наследием Д.Н. Мамина-Сибиряка отложились в огромном архиве, разбирать который выпало его наследникам. Большую часть архива, согласно воле самого Бориса Дмитриевича, ещё в 1978 году передала в Ленинскую библиотеку его сестра Наталья Дмитриевна Удинцева. Оставшаяся часть — тоже весьма значительная по объёму и не изученная профессионалами архивного дела — почти четверть века была никем не востребована. Но на рубеже нового столетия судьбой этих материалов озаботился сын Бориса Дмитриевича.

Глеб Борисович Удинцев (1923–2017) был крупный учёный океанолог-геоморфолог, член-корреспондент РАН, дважды лауреат Государственной премии СССР. Он пребывал уже в преклонном возрасте, когда осознал, что распорядиться судьбой, несомненно, ценного собрания рукописей, документов и редких изданий надлежит ему — на тот момент старшему в роду. Архив был уже разрознен, так что пытаться сохранить его целостным не имело смысла, и Глеб Борисович позаботился лишь о том, чтобы материалы из семейного архива, связанные с именем Мамина-Сибиряка, попали к владельцам, которые способны их должным образом оценить. Тому же принципу последовала и дочь Глеба Борисовича, Ольга Глебовна, когда отца не стало. Так что с её подачи много редких книг из собрания Б.Д. Удинцева разошлось по разным крупным библиотекам, несколько больших чемоданов архивных документов увезли в Екатеринбург сотрудницы Объединённого музея писателей Урала.

Остались как будто никому уже не нужные вторые-третьи копии различных статей, вырезки из газет, какие-то старые журналы, потрёпанные книги — многие без обложек и так далее. Эти материалы, многие годы бережно хранившиеся в семье Удинцевых и занимавшие когда-то в доме Г.Б. Удинцева целую

² Директор музея Д.Н. Мамина-Сибиряка в 1952–1960 годах.

архивную комнату, не вызвали в свое время интереса у музейных работников Екатеринбургa. Дальнейшая судьба этих документов не могла не беспокоить Ольгу Глебовну и заставила ее продолжать поиски людей, для которых старые разрозненные листочки дневниковых записей, старые журналы и обрывки книг, являющиеся свидетелями более чем столетнего периода истории нашей страны, могли бы представлять интерес. Надежда найти энтузиастов среди уральских краеведов, которым было бы интересно перебрать еще раз старые архивные документы, чтобы найти среди них какие-то артефакты уральского прошлого, в конце концов осуществилась, и часть материалов в двух десятках ящиков была переправлена в Нижний Тагил Юрию Даниловичу Исупову — инженеру-металлургу по профессии, краеведу, большому почитателю творчества Мамина-Сибиряка, автору идеи и организатору в Нижнем Тагиле конкурса детского литературного творчества «Серая Шейка». В 170-летний юбилей Мамина-Сибиряка конкурс был проведён уже в 17-й раз, в нём приняли участие 579 человек из разных уголков России и ряда зарубежных стран — Белоруссии, Канады, Словении, США, Молдавии, Казахстана, Израиля. В настоящее время конкурс проводится администрацией города Нижнего Тагила — силами и средствами управления культуры и Центральной городской библиотеки. Церемония награждения победителей была в 2022 году проведена в Нижнетагильском драмтеатре имени Д.Н. Мамина-Сибиряка в день юбилея писателя и стала общегородским культурным событием.

Ю.Д. Исупову ещё Глеб Борисович Удинцев в своё время передал часть книг из коллекции отца. Позднее ценные материалы еще трижды загружались в доме у Соломенной Сторожки в легковые машины и направлялись в Нижний Тагил. Содержимое двух из трех транспортов в торжественной обстановке было передано в Нижнетагильский историко-краеведческий музей, библиотеку Нижнетагильского социально-педагогического института и литературно-мемориальный музей Д.Н. Мамина-Сибиряка в Висиме. Третий «транш» обрел временное пристанище в гараже. Юрий Данилович продолжил беспешное изучение их содержания и нашёл там немало ценных документов и книг для передачи в музейные фонды Нижнего Тагила и Верхней Салды. Но и после этого в ящиках осталось много интересного. Перебирая эти бумаги, И.В. Югов и нашёл рукопись, которую я сейчас, с его благоволения, и готовлю для публикации в «Урале».

Подробный рассказ о Югове мог бы составить отдельную увлекательную повесть, но здесь приходится ограничиться самым необходимым. Иван Владимирович тоже родственник Мамина-Сибиряка, правда, не очень близкий. Он приходится правнуком Сергею Аристарховичу Удинцеву — брату Дмитрия Аристарховича Удинцева, мужа Елизаветы Наркисовны, сестры писателя.

В 1977 году Югов окончил МГУ по специальности «экономическая география», работал в Обнинске, Владивостоке, много стран объездил по служебной надобности, а потом обстоятельства накрепко связали его с Японией. Участвуя в налаживании торговых связей, он стал часто и надолго приезжать в эту замечательную страну. Наверно, раз тридцать он туда съездил в командировки, и всякий раз приходилось там задерживаться на недели, а то и на месяцы, а если суммировать эти сравнительно короткие отрезки времени, то получится лет 13–14. Этого ему хватило, чтобы более или менее освоить японский язык — по крайней мере, в том объёме, который достаточен не только для выполнения служебных функций, но и для погружения в быт, культуру, повседневную жизнь японцев.

Бывая в Японии, Иван Владимирович в интернете и книжных магазинах искал книги Д.Н. Мамина-Сибиряка на японском языке и покупал их, чтобы передать екатеринбургскому музею своего знаменитого родственника. Сначала находились только «Алёнушкины сказки» — шесть-восемь изданий в четырёх разных переводах. Потом появились вещи, для перевода которых требовалась большая языковая изощрённость — как для понимания словесных красок оригинала, так и для воссоздания их средствами японского языка: повести «Бойцы» и

«Охонины брови», рассказ «Лес». Иван Владимирович обратил внимание на то, что у этих изысканных переводов был один и тот же автор — профессор-лингвист и поэт Сёити Ота. Югов связался с ним по интернету, возникла очень заинтересованная с обеих сторон переписка, были и личные встречи. Оказалось, что Ота-сан увлекался творчеством Мамина-Сибиряка со студенческих лет и вообще очень ценил русских писателей «второго ряда», потому что в них отражалась «другая» Россия — не чиновная и не буржуазная, а глубинная, погружённая в русскую природу и многовековые традиции жизни русского народа. Кроме Мамина Ота-сан переводил Пришвина и Паустовского и написал книгу эссе «Лесная Россия, полевая Россия», в которой осмыслил своё отношение как к названным писателям, так и к другим, с которыми ассоциировался у него образ России: к Л. Леонову, В. Арсеньеву, И. Соколову-Микитову и др. Получив эту книгу в дар от автора, И.В. Югов решил её переводить, но сложная языковая и образная структура текста плохо поддавалась переложению на русский язык. Проблемы представлялись разрешимыми, поскольку можно было обсудить их с автором эссе. Но практически с момента первого знакомства Сёити Ота был уже очень большим человеком. По этой причине не состоялась столь желанная для японского поклонника и пропагандиста русской литературы поездка на Урал; ему всё трудней работалось, потом уже не доставало сил даже отвечать на письма. А в апреле 2018 года сын Ота-сана сообщил русскому другу отца, что Сёити Ота не стало...

Такие вот неординарные люди стоят за тагильской находкой.

А что представляет собою рукопись, найденная И.В. Юговым?

Внешне это 23 листа писчей бумаги формата А-4, прошитые в левом верхнем углу прочной портяжной ниткой. Прожив долгую жизнь, я ещё помню, что такой способ скрепления бумаг широко практиковался, когда страна была одним из мировых лидеров по производству стали, а на канцелярские скрепки её не хватало. Листы бумаги сложены неровно, пожелтели от времени, разлохматились по краям, стали ломкими.

На этих листах распечатаны на пишущей машинке очерк³ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Из Екатеринбурга» и статья Б.Д. Удинцева, которая иллюстрируется этим очерком, но тема её заметно шире. Очевидно, что именно по этой причине первой в подшивке, найденной в гараже Ю.Д. Исупова, поставлена статья, а очерк — вслед за ней.

Авторство статьи графически не обозначено, но принадлежность её перу Б.Д. Удинцева сомнений не вызывает. Прежде всего, к машинописным листам аккуратно подклеено несколько вставок, написанных от руки в том же стиле, и это почерк Бориса Дмитриевича. Тщательность работы с использованными источниками — тоже признак авторства Удинцева, привыкшего ответственно работать с ценными историческими документами. Наконец, едва ли другой автор в то время, когда была написана статья, знал творчество Мамина-Сибиряка так детально и глубоко, как знал его первый маминовед.

Кстати, а когда была написана статья? Самим автором дата не обозначена, но о ней можно хотя бы приблизительно судить даже по косвенным признакам: по состоянию бумаги, на которой она напечатана, по ниткам вместо металлических скрепок, по датировке цитируемых в ней изданий, даже и по цитате из Л. Кагановича, использованной Борисом Дмитриевичем в качестве эпиграфа. Читатель заметит черты времени также и в стремлении автора воспользоваться при анализе социально-экономических коллизий тогдашними идеологическими шаблонами, которые для его мышления явно чужеродны.

³ Я не очень настаиваю на этом жанровом определении текста Д.Н. Мамина-Сибиряка: Б.Д. Удинцев называет его то корреспонденцией, то статьёй, но и очерком тоже. Я же говорю об очерке, чтобы подчеркнуть жанровое отличие маминского текста от сопровождающего его сочинения Удинцева.

Но главные основания для датировки статьи подсказал мне И.В. Югов. Наиболее активная работа Б.Д. Удинцева над рукописным наследием Мамина-Сибиряка приходится на вторую половину 1940-х годов, когда он работал в Гослитмузее под началом В.Д. Бонч-Бруевича. Причем в библиографическом указателе А.К. Шарца указано 12 (!) неопубликованных статей, которые Борис Дмитриевич подготовил для Трудов Гос. лит. музея. Под № 11 упомянута и статья «Высказывания Мамина о строящихся железных дорогах на Урале по его ненапечатанной статье». Так что неопубликованную статью, которую мы сейчас предлагаем читателям «Урала», Б.Д. Удинцев написал для «Трудов Гослитмузея» во второй половине 1940-х годов, а более точной датировки для нас сейчас и не требуется.

Почему статья с приложением маминского очерка не была тогда опубликована, гадать не станем, ибо легко ошибиться — выдать локальную причину за знамение времени. Но есть заметный признак, позволяющий предположить, что для Бориса Дмитриевича она была принципиально важна, и он долго не терял надежды: в её тексте «невооружённым глазом» можно различить три слоя правки: зелёными чернилами, карандашом и более основательные, с довольно большими вставками на подклеенных листочках — фиолетовыми чернилами. Но всё-таки публикация не состоялась.

Другой вопрос: кому и чем может быть интересна «тагильская находка» сегодня?

Думаю, что для расширения представлений широкого читателя о творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка или первого его биографа и толкователя большого смысла она не имеет. Если бы ставилась такая цель — резонней было бы поискать место для этой публикации в каком-либо специальном издании.

Но посмотрите на ситуацию с другой стороны. Самый авторитетный знаток дореволюционной уральской жизни размышляет над актуальной и остро дискуссионной для его времени проблемой. Внимательнейший исследователь его творчества обращает внимание на то, что той проблемой Мамин-Сибиряк так или иначе касался во многих своих произведениях, и это обстоятельство показалось Удинцеву важным даже шестьдесят с лишним лет спустя, в радикально изменившейся социально-экономической реальности. А нынче, спустя ещё почти восемь чрезвычайно насыщенных событиями десятилетий, стало очевидным, что проблема, волновавшая Мамина-Сибиряка и хорошо выявленная в его творчестве первым маминистом, исключительно интересна сегодня для понимания природы и нравов первого российского капитализма и его места в российской истории, не разломанной на несовместимые куски (какой её пытались представить и советские, и антисоветские идеологи), а единой в своём течении, как порожистая река.

Но чтобы читатель «Урала» — мыслящий гражданин сегодняшней России — мог воспринимать статью Б.Д. Удинцева и очерк Д.Н. Мамина-Сибиряка таким образом, их, конечно, нужно публиковать вместе, причём в том порядке, как это было задумано Борисом Дмитриевичем. При этом не вижу резона отвлекать внимание читателя текстологическими тонкостями, которые, вероятно, были важны для издания, где собирался опубликовать эти тексты Удинцев. Также вряд ли стоило переориентировать на более современные издания ссылки на источники в его статье. Нет сомнений в том, что цитаты Удинцев выписывал добросовестно, но кто и где станет нынче искать источники, чтоб сверить с ними цитаты? Да и суть ведь в данном случае не в том, чем литературовед подкрепляет свои суждения, а в том, как судит он сам. Так что «неработающие» ссылки мы просто опустили.

Ну, и явные корректурные погрешности или несоответствия нормам современного правописания в машинописи восьмидесятилетней давности мы сочли возможным поправить, не акцентируя на том внимание читателя.

Валентин ЛУКЪЯНИН

Б.Д. Удинцев

Д.Н. Мамин-Сибиряк об уральских железных дорогах и Ирбитской ярмарке

...Железные дороги — это те кровеносные сосуды... которые обеспечивают нормальное кровообращение всей нашей экономики.

Л. Каганович

В.И. Ленин, характеризуя Урал эпохи 90-х годов, писал о его «замкнутости и оторванности от общего торгово-промышленного движения времени» («Развитие капитализма [в России]»), он обращал внимание на слабое развитие транспорта на Урале. Мамин неоднократно возвращался к этой теме в своих произведениях, отразив все колебания народничества в этом важном вопросе народнохозяйственной экономики. Известно, что начало 80-х годов (1880–1883) было как раз эпохой пересмотра будущими русскими марксистами своих старых народнических взглядов. Лишь в 1883 г. появилась плехановская работа «Социализм и политическая борьба». Предлагаемая читателю ниже маминская статья относится к этим годам⁴.

Начавшееся после 1861 г. оживлённое строительство железных дорог было изображено ещё Салтыковым («Дневник провинциала в Петербурге»), С. Атавой («Оскудение») и некоторыми другими [авторами]. Гл. Успенский в очерке «Разорение» хорошо, например, показал, какое значение имела «чугунка» при вступлении страны на путь капитализма. В нескольких своих произведениях Мамин изображает Урал как раз на переломе — до и после открытия первой железной дороги на Урале. Действие «Приваловских миллионов» происходит, например, до 1878 г. Роман был напечатан в 1883 г. Действие «Трёх концов» заканчивается тем, что часть рабочих уходит «на вновь строящуюся железную дорогу». В «Бойцах», напечатанных в «Отеч[ественных] записках» в 1883 г., но написанных ещё до открытия железной дороги, уже упоминается про неё. На ужине в Караванной конторе один из дельцов, выведенных Маминым, ораторствует: «Урал — золотое дно для России, но ахиллесова пятка его — пути сообщения... Не будь Чусовой, пришлось бы очень плохо всем заводчикам и крупным торговым фирмам. Пятьдесят горных заводов сплавляют по Чусовой пять миллионов пудов металлов, да купеческий караван поднимает миллиона три пудов. Получается очень почтенная цифра в восемь миллионов пудов груза... Для нас (т.е. для транспортной компании) даже будущая железная дорога не представляет ни малейшей опасности, потому что конкурировать с Чусовой немислимая вещь». Действие романа «Хлеб», напечатанного в 1895 г., происходит уже после 1878 г., причем писатель несколько странно отзывается о новой дороге: «Окончательно достукала зауральского мужика только что открытая Уральская железная дорога. Это открытие совпало с неурожаем в Поволжье, и зауральский хлеб полился широкой волной в далекую Россию. От этой операции нажились, главным образом, верховые мельники, стоявшие в самом горле, т.е. у железной дороги. Они сбывли миллионные партии и нажили целые состояния». Разумеется, «достукала» мужика не дорога, а мельники. До этого «все грузы стягивались за зиму к речным пристаням и здесь ждали открытия навигации». «Сибирские капиталы уходили, главным образом, на винокуренные заводы, золотопромышленность и разное сибирское сырьё, обменивавшееся на московские фабрикаты». Непроизводительные крестьянские

⁴ Здесь и далее другим шрифтом выделены более поздние рукописные вставки, сделанные Б.Д. Удинцевым в первоначальный текст статьи. — *Прим. В.Л.*

запасы все были вовлечены при помощи жел[езной] дороги в товарооборот, и началась капиталистическая хлебная торговля. Открывались новые хозяйственные перспективы, но, разумеется, за счёт более слабого мелкого производителя. Шло усиленное развитие буржуазии.

Железнодорожное строительство было показателем экономического оживления. Оно уже само по себе должно было стимулировать рост крупной, тяжелой промышленности. Но с экономическим оживлением всегда неизбежно связан рост товарных цен. Народники не понимали связи капитализма с мелкотоварным хозяйством, они видели рост капитализма только в фабрично-заводской промышленности. У Мамина в печатаемом ниже очерке мелькает также неверная мысль о том, что «сначала» нужна промышленность, а «потом» железные дороги.

Писателя волнует при этом судьба трудящихся классов. Он прав, когда показывает, что капиталистическое производство нимало не заботится о рабочем классе и крестьянстве. Мамин видит, что непосредственную выгоду от железной дороги получают сельскохозяйственные производители (помещики, кулаки) и хлеботорговцы. Во всей стране они подталкивают железнодорожное строительство. Мамин замечает больше пострадавших, забывая, что в раннюю пору капиталистического хозяйства каждое почти новое предприятие вызывает разорение и нужду какой-то части мелких производителей, работавших ранее на этом участке. Поскольку рост реальной заработной платы в капиталистическом обществе всегда отстаёт от роста цен, даже промышленное оживление не даёт трудящемуся непосредственных выгод.

Выпады «пострадавших» от железных дорог встречаются и в некоторых других маминских вещах. В рассказе «Друзья детства» ведётся такой диалог: «Ну а дорога? — Что дорога... Голод она нам привезла — вот тебе и железная дорога... — Это ты напрасно, Прохор Кузьмич, железная дорога — великое дело. Теперь по всей-то Сибири 5–6 миллионов населения, а будет пятьдесят. Одним словом, идет к вам цивилизация. — Вот она где нам, ваша-то цивилизация, — проговорил Окатыч, указывая на затылок. Коснулась она нас, даже очень. И какого только народа не наехало, а скоро и нам житья не будет». Реакционно-обывательский тон этих бесед очень характерен, и не всегда ясно, на чьей стороне сочувствие автора.

Рассказ Мамина «Дедушка Семён Степанович (Из далёкого прошлого)» заканчивается фразой: «Мирное когда-то село (Горный Щит) пережило все муки охватившей его золотой лихорадки. В довершение всего по тем борам, где дедушка собирал свои рыжики и грузди, прошла железная дорога, унося с собой последние остатки тихого житья». Это, конечно, не борьба с новым, но тихая грусть о старом, исторический пессимизм мелкобуржуазных групп, аналогичный тургеневскому: «Я творю, ходя по могилам моего сердца».

Небольшая корреспонденция «Из Екатеринбурга», до сих пор нигде не печатанная, представляет огромный интерес с точки зрения выяснения маминских взглядов на строительство Уральских железных дорог и на перспективы развития г. Ирбита. Говорить об Ирбитской железной дороге — это значило говорить об Ирбита⁵ как центре ярмарочной торговли и о судьбах тех групп буржуазии, которые с этой торговлей были связаны.

Г. Ирбит (прежняя Ирбитская слобода) был основан в 1633 г., он был расположен на «новой» (тогда) дороге, соединявшей Сибирь с Россией. В 1643 г. разрешена была правительством ярмарка, и торжок в конце концов был переименован в город (1774 г.). Город существовал главным образом за счёт ярмарки. Известный уральский общественный деятель и врач П.Н. Серебренников в своей работе «Опыт медико-топографического описания г. Ирбита» (СПб.,

⁵ Это не опечатка: форма «Ирбита» употреблялась в XIX веке наряду с безвариантной нынешней «Ирбит». В публикуемом ниже очерке Д.Н. Мамина-Сибиряка употребляются обе формы, и мы не стали устранять это разночтение. — *Прим. В.Л.*

1885 г.) писал: «Ярмарка представляет тормоз всякому прогрессу и имеет гибельное влияние на промышленную и общественную жизнь Ирбита. Получая во время ярмарки большой доход с домов и хорошую плату за всякий труд, жители обеспечивают себя этим на остальные 11 месяцев, которые они и проводят в полной праздности и занимаются промыслами, ремёслами и торговлей только настолько, насколько это необходимо для удовлетворения первых потребностей. Внешность города вне ярмарки представляется совершенно мёртвой, многие дома заколочены и на улицах почти ни души проезжих или прохожих». Город оживал только во время ярмарки, мастерски изображённой Д.Н. Маминым в «Приваловских миллионах».

Ярмарка представляла собой важный пункт ежегодного обмена сибирского сырья на фабрикаты высшей обработки (русского и заграничного производства). Сюда стягивались в огромных количествах — меха, кожи, щетина, сало, рыба и т.д. Ярмарка продолжалась весь февраль, и на неё съезжалось до 60 тысяч человек — купцы самых различных национальностей, приказчики, артельщики, извозчики, прислуга, артисты и т. д. Вся эта масса народа целиком заполняла город, а по вечерам буржуазная верхушка предавалась самым необузданным оргиям и пьянству. Гниение буржуазии можно было здесь наблюдать в самых ярких красках. И в то же время это был класс, который ещё не дошёл до своего зенита. Увидев какого-то пьяного купца, один из героев «Приваловских миллионов» говорит: «Кричи, братику! Всё любезное отечество помаленьку слопаешь». А несколько дальше уже сам писатель добавляет: «Вечно голодная стая хищников справляла свой безобразный шабаш, не желая ничего знать, кроме своей наживы и барыша.

...Ни на мгновенье нельзя было сомневаться в том — “кому живётся весело, вольготно на Руси”. Эта страшная сила клокотала и бурлила здесь, как вода в паровом котле: вот она вырвется струёй горячего пара и начнёт ворочать миллионами колёс, валов, шестерён...»

Эта сила — по словам Мамина — «московские тузы по коммерции, сибирские промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлеба и сала, торговцы пушниной, краснорядцы и т. д. От каждого пахло десятками и сотнями тысяч. Было несколько миллионеров преимущественно с сибирской стороны». Один из адвокатов, присутствующий на ярмарке, говорит Привалову: «Вот вам наша будущая буржуазия, которая тряхнёт любезным отечеством по-своему». Народнически настроенный Привалов, с одной стороны, хорошо понимает, что «вольготное существование только и возможно в этой форме, а всё остальное должно фигурировать в пассивных ролях», а с другой стороны, хочет бороться с этой силой, но «его идея в этом стройном и могучем хоре себялюбивых интересов, безжалостной эксплуатации, организованного обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, как последний крик утопающего».

Таково отношение Мамина к русской буржуазии, он колеблется, он видит её прогрессивные стороны и в то же время вместе с Приваловым теряется от своего бессилия перед «органической подлостью» выдвигающегося класса в целом.

Но ярмарка как форма торговли уже регрессирует. Если в пятилетие 1881–1884 гг. оборот её поднимался до 72 млн руб. (Серебренников), то, по данным Туган-Барановского, начиная с конца 80-х годов эти обороты падают. 1887 г. — 56 млн р., 1889 — 49 млн р., 1891 — 45 млн р., 1893 — 49 млн р. Падение ярмарочной торговли свидетельствует о быстром экономическом росте страны и изживании архаизирующих уже форм торговли.

К какому моменту относится статья Мамина? Она без даты. Можно предполагать, что составление её относится к периоду между 1880 и 1883 годами. Первый срок выясняется довольно просто. Мамин упоминает в самом начале статьи про «страшный пожар, опустошивший в прошлом году больше половины города». В названной уже работе П.Н. Серебренникова есть упоминание, что «в апреле месяце 1879 года Ирбит снова сделался жертвою пожара, истребив-

шего почти всю северную половину города, состоявшую из лучших каменных домов». Автор находит также нужным упомянуть про слухи «о будущих поджогах, подмётных письмах и т. д.». Наш корреспондент, ирбитский старожил И.В. Воробьёв, в 1936 г. сообщает: «В конце мая 1879 г. Ирбит[ь] действительно горела, несколько раз с перерывами через день, через два и т. д. Весь центр города — главным образом корпуса — сгорели до основания. Через некоторое время были выстроены вновь, и уже каменные. Причины пожара народная молва объясняла различно. То пожар возникал через поджоги со стороны тех, кто старался перевести ярмарку в другие пункты — Тюмень и проч., то подводили пожар под какие-то политические виды. Даже отмечались лица... Разумеется, всё это были никем не проверенные, не обоснованные слухи. Вернее всего причина пожара — в неосторожном обращении с огнём, а в последующие дни — вспышки на развалинах пожара».

Из приведённых выше материалов дата пожара устанавливается твёрдо — 1879 г. Попутно оба источника говорят о каких-то особых разговорах, связанных с пожаром, и об опасениях перевода ярмарки. Можно думать, что статья написана в год, следующий за 1879 г., т. е. в 1880 г. Есть ещё другая справка в самой статье: «В последних числах августа телеграф принёс известие, что государь император повелел комитету министров изыскать способ к немедленному сооружению участка сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью». Если верить специалисту вопроса А.А. Неопиханову (его книга «Железнодорожные пути Урала», Пермь, 1912 г.), вопрос о продолжении Уральской железной дороги от Екатеринбурга через Камышлов до Тюмени был решён комитетом министров ещё в 1875 г. Война 1877–1878 гг. его немного задержала, но в 1882 г. было принято окончательное решение, и к декабрю 1885 г. дорога на участке Екатеринбург–Тюмень отстроена.

Статья Мамина написана в этот интересный период 1880–1882 гг., борьбы двух городов, Тюмени и Ирбита, за железную дорогу. При этом дело здесь, конечно, не в «городах», а в различных социальных группах, отстаивавших тот или иной вариант железнодорожного строительства.

Спор о ярмарке — давний спор. Купечество Екатеринбурга и Тюмени «покушалось» на неё с начала XVIII стол[етия]. Главный начальник Уральских горных заводов, известный Татищев, так аргументировал свои «за» перевод ярмарки в Екатеринбург: 1) в Ирбитской слободе строений мало, 2) дорога Верхотурская делает околицу и неудобна, провоз по ней удорожает товары на 40%, 3) Верхотурские заводы утесняют торговцев. С переводом ярмарки в Екатеринбург: 1) сократится торговый путь, 2) купцы поедут Казанской дорогой, минуя Верхотурье, 3) товары могут сплавляться в Россию — по р. Чусовой, а в Сибирь по р. Исети, 4) в Екатеринбурге будет много новых домов, 5) торговые люди, присмотрясь к горному делу на месте, задумают сами заняться этим делом, 6) железо, выработанное в Екатеринбурге, будет продаваться тут же, без издержек на его перевозку, 7) Екатеринбург — ближе к башкирам, которые войдут вследствие этого в более тесные сношения с русскими.

Екатеринбуржцы — руководители Уральских горных заводов — возбуждали ходатайства о переводе ярмарки в 1720, 1722 и 1724 гг. (Чекан. Путеводитель по Уралу). В 1790 г., после первого ирбитского пожара, тюменцы и екатеринбуржцы снова ставили вопрос о ярмарке, но Ирбить благодаря покровительству Екатерины II отстояла ярмарку. Фактически её ликвидировала только Октябрьская революция. Однако борьба за ярмарку была очень напряжённой, особенно в период роста торгового капитала. Интересно при этом, как Татищев пытается перевести торговый капитал в качестве базы для крупной промышленности Петровской эпохи.

Статья Мамина живописует борьбу за ярмарку в начале 80-х годов. Мамин чувствует, что Ирбит умирает естественной смертью. Растут заводские промышленные центры, в них сосредотачиваются крупные капиталы. Там и быть ярмарке! «Настоящее» ярмарочное купечество легко сделает по железной дороге лишних 100 вёрст, а для сибирских купцов в Тюмень ездить ближе. Итак,

ориентация на Тюмень, одно только плохо — «река Тура, на которой стоит Тюмень, судоходна до Тюмени только в половодье; чтобы добраться до её судоходной части, говорят, придётся прибавить от Тюмени вёрст полтораста...». Значит, мало и Тюмени для того, чтобы этот железнодорожно-водный путь сделать по-настоящему транзитным. В несколько неясной форме, но Мамин отдаёт себе отчёт в общенациональном значении транзитных железнодорожных путей, в которых менее подчёркнут узкоклассовый интерес отдельных провинциальных групп буржуазии.

Он решительно выступает против ирбитской буржуазии. Что это за буржуазия? По словам Мамина, она даже минимального городского благоустройства не могла наладить: 1) город сгорел из-за отсутствия хорошего пожарного обоза, 2) улицы не мощены, 3) в самом Ирбите нет «ни одной сколько-нибудь твёрдой купеческой фирмы, а существуют домовладельцы, спекулирующие во время ярмарки своими квартирами, да существуют ещё владельцы Гостиного двора, спекулирующие торговыми помещениями. Неужели же в интересах этих тёмных людей стоит проводить такой железный путь...», Это мелкая буржуазия, мелкие спекулянты... В то же время, по словам Мамина, есть «настоящее ярмарочное купечество» — купцы петербургские, московские и сибирские.

В погоне за железной дорогой выявилась и другая группа капиталистов. Мамин говорит об информации «Екатеринбургской недели» (№ 41), сообщающей о южном варианте железной дороги — Екатеринбург — Каменский завод — Тюмень. Об этом хлопотали — по словам Мамина — екатеринбургские хлебо-торговцы, требуя, чтобы дорога «прошла через все мельницы, расположенные на этом протяжении по р. Исети (целых 23 мельницы)». Мамин иронизирует по поводу тех благ, «которые — по утверждению мукомолов — должны политься и на крестьян, и на купцов, и на железные дороги, и чуть ли даже не на самого короля зулусов Цетевайо, если только он умеет есть наш хлеб».

Пока Мамин критикует отдельные группы буржуазии, он, может быть, и прав, но отправной его пункт, его критические позиции очень неясны. Мамин выдвигает такой, например, тезис: «Едва ли железнодорожные пути важны для местностей исключительно земледельческих, где промышленность находится в зачаточном состоянии». Даже в передовых капиталистических странах строятся иногда общие и подъездные пути, а потом начинает организовываться какое-нибудь производство. Мы не говорим уже про социалистическое строительство, где строительство транспорта идёт наравне со строительством промышленности. Мамин же рассуждает так: от проведения железных дорог вырастут цены, рост цен не выгоден «ни крестьянину-пахарю, ни тем более фабричному рабочему». Значит, «чем дальше пройдёт дорога, тем лучше для крестьянина». Ошибка здесь в явном смешении интересов рабочих и интересов крестьян, во-первых, и интересов крестьянской буржуазии и крестьянской бедноты, во-вторых. Как несколько по-барски писал Алексей Толстой: «есть мужик и мужик», одному дорога раскрыла двери его амбаров, а другого закабалила ещё больше. Думать, что рост цен происходил только от железных дорог и потому последние «не нужны» для рабочего класса этих районов, было тем более неправильно, что железные дороги содействовали росту промышленных предприятий, облегчали передвижение и, в конце концов, способствовали росту пролетариата. Утверждения Мамина о вреде дороговизны правильны лишь частично и относятся, главным образом, к беднейшему крестьянству, к части рабочего класса и городского мещанства. Железные дороги (как признавал сам Мамин в романе «Хлеб») содействовали тому, чтобы стянуть «эти мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок», «создать на место бездны мелких благонамеренных живоглотов кучку крупных “столпов отечества”», «обобществить труд и повысить его производительность», «создать подчинение крупному капиталу» (Ленин). В 1894 г. в своей гениальной работе «Что такое дружба народа?» В.И. Ленин доказывал, что «это подчинение является прогрессивным — несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одичания — потому что оно будит мысль рабочего, превра-

щает глухое и неясное недовольство в сознательный протест». Мамин открыл это глухое недовольство, но свести весь результат Пермской железной дороги к тому, что она «ударил нас по карману», явно неправильно даже и с точки зрения низших социальных слоёв. От развития железнодорожного транспорта каждая из этих групп получила и ещё «что-то», кроме дороговизны. А страна в целом двинулась, несомненно, вперёд. «Вынес достаточно русский народ, вынес и эту дорогу железную, вынесет всё, что Господь ни пошлёт» («Железная дорога» Некрасова, 1865 г.). Теперь мы можем сказать, что «перенёс», а не «вынес», освободился от ярма капитализма и борется за торжество коммунизма. И кажутся нам далёкими и странными наивные рассуждения людей XIX в. вроде Араго, Тьера, Прудона, Мамина и других, сомневавшихся в том, что стало совсем обыденным.

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Из Екатеринбурга⁶

7-го ноября
[1880 года]⁷

Недавно мне случилось быть в Ирбители, — странный город, очень странный... Он лежит в слегка холмистой местности, при реках Ница и Ирбитель; страшный пожар, опустошивший в прошлом году больше половины города (теперь уже мало заметен), оставил, конечно, сильные следы, но город быстро выстраивается, дома растут как грибы, и ещё года два-три, и о страшном бедствии останутся только поучительные воспоминания. А в них, как увидим ниже, недостатка нет. Известно, что все пожары российских городов происходят по допущению божескому, и происходят как раз в то самое время, когда начальства нет в городе, пожарные машины испортились, бочки рассохлись, рукава пожарных машин лопнули и т.д., и т.д.; в Ирбители в совершенстве повторилась эта же самая картина, только с оригинальным (чисто русским) добавлением во вкусе щедринской «Истории одного города». Дело в том, что Ирбитель хотя и расположена на берегу рек Ирбители и Ницы, но от воды город отделён некоторым болотом, а через болото хорошей дороги, конечно, не было, а тут как на грех случился пожар, поднялась суматоха и кутерьма, половина пожарных бочек, конечно, оказалась негодной к употреблению, а другая половина засела в болоте... Город горит, как свеча, бочки засели в болоте — словом, произошло нечто беспримерное даже в истории российских пожаров; муки Танталя, который всё-таки сидел в воде, не могли идти ни в какое сравнение с муками ирбитских головотяпов и рукосуев, горевших от ногтей до волос.

— Даже после смешно было, — рассказывал мне один ирбитский старожил, — город горит с четырёх концов, мы бегаем, а поедет бочка за водой — в болоте и застрянет, да ещё и другим бочкам дорогу загородит. Один наш купец даже очень рассердился по этому случаю: засел в дому и не выходит. Службы горят у дому-то, а он всё сидит. Едва его силой вытащили, а он всё своё твердит: «Я честным трудом наживал дом-от, не должен гореть». А тут, на пожаре-то, какой-то полицейский увидал, что мужики несут куда-то олеандры, схватил один цветок да комлем-то и давай понужать мужиков, а сам приговаривает, чтобы помогали добро вытаскивать, а не цветы. После много смеялись...

Да, это был тяжёлый урон для Ирбители, но он его вынес со свойственным русскому городу смирением и начал быстро поправляться, а тут опять новая

⁶ Примечание Б.Д. Удинцева: Вся рукопись написана рукой Д.Н. Мамина. Воспроизводится основной текст. Всё зачёркнутое автором поставлено в круглых скобках.

⁷ Год вписан от руки Б.Д. Удинцевым.

беда навалилась, почище всякого пожара. В последних числах августа телеграф принёс известие, что государь император повелел Комитету министров изыскать способ к немедленному сооружению участка сибирской железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью, и ирбитцы сильно всполошились, предчувствуя страшную истину, что их город остается некоторым образом в стороне... 19 сентября ирбитская дума ассигновала 3000 р. на хлопоты по этому делу, а 27 сентября отправилась в Петербург целая депутация исправлять проведение железной дороги на Ирбит; едва успели депутаты выехать из Ирбита, как получен был второй бюллетень, гласивший, что Комитет министров единогласно признал необходимость немедленного сооружения железной дороги между Екатеринбургом и Тюменью. Депутаты продолжали следовать по направлению к Петербургу, за семь вёрст киселя хлебать, как говорили местные остряки, и вся эта история в настоящую минуту представляет собой открытый вопрос. Город по такому исключительному случаю разделился на партии, но всё дело разрешилось героически: «ждать» порешили все, хотя местные остряки и сравнивали депутацию ирбитчан в Петербург с походом аргонатов за золотым руном в Колхиду, а другие называли это ходатайство горчицей после ужина.

Но назвать эту экспедицию аргонатов после ужина горчицей будет едва ли справедливо, потому что ирбитское городское общество и ярмарочное купечество многократно хлопотали пред Правительством о необходимости провести железную дорогу именно на Ирбить. Даже были произведены подробные «изыскания местности» от Нижнетагильска, чрез Алапаевский завод, на Ирбить, и ещё в 1871 г. от имени ирбитского городского головы А.А. Дробинина была представлена, куда следует, подробная записка «об уральско-сибирской железной дороге между р.р. Чусовой и Ницей»; в этой записке ирбитское городское общество и ярмарочное купечество предлагали [построить] железную дорогу на средства купечества и без гарантии от правительства. Гораздо ранее, ещё в 1868 г., пермское городское общество ходатайствовало вместе с жителями Ирбита о проведении железной дороги по проекту Рашета; то же самое было сделано тюменским и тобольским городскими обществами. В одном из отчётов екатеринбургской городской думы сказано: «Исходя из того принципа, основанного на науке и вековом опыте, что экономическая жизнь и развитие страны не могут быть искажаемы и насилуваны ради каких-то фиктивных интересов, мы признаём, что г. Ирбить, для его ярмарки, ни в каком случае не должен быть обойдён железной дорогой». А сколько было адресов от ярмарочного купечества, красноречиво доказывавших, что г. Ирбить, как важный и веками установленный пункт и как связующее звено сибирской торговли с европейской, не может быть оставлен в стороне от главного направления сибирской железной дороги; наконец, в 1878 г. от ирбитского городского общества ещё раз представлены ходатайства гг. министрам путей сообщения и внутренних дел — и все эти трогательные хлопоты, все благородные усилия и потуги излюбленных мужей остались гласом вопиющего в пустыне. Неужели придётся ирбитчанам просканд[ир]овать на свежем пепелище Ирбита те стихи, которые декламировал ещё Сципион Африканский, со слезами на глазах смотревший на горевший Карфаген:

И погибнет священная Троя,
И град копыеносца Приама священный.

Итак, поток европейской цивилизации грозит в своём поступательном движении к востоку совсем обойти Ирбить, этот город, стоящий на берегу реки и сидящий без воды, с его историческим прошлым и двести лет существующей знаменитой ярмаркой, оборот которой в 1878 г. простирался за 50 мил. рублей. Гамлетовское «быть или не быть» не даёт спать обитателям Ирбита, а впереди зловеще мелькает не совсем приятная перспектива остаться в упразднении; хотя всяческие упразднения нынче в моде и из самого исторического города с самой исторической ярмаркой могут сделать в мгновение ока нечто совсем не историческое, но тем не менее, однако, Ирбить не хочет кануть в Лету и всеми

силами противится грядущему уничтожению. Ирбитчане, конечно, испугались неожиданного устранения с исторической сцены, но если взглянуть на дело серьёзно, этот вопрос совсем не новый, и ещё Сперанский задумывал перенести ярмарку в более удобное место и указывал на Тюмень, следовательно, это только вопрос времени, и днём раньше или позже Ирбита не миновать участи вчерашней театральной афиши, которая сегодня решительно никуда не годна. Самым большим утешением в настоящую минуту для ирбитчан может служить то обстоятельство, что хотя железной дорогой и соединят Екатеринбург с Тюменью, но этим будет достигнуто не соединение двух водных путей, а только соединение бассейнов Волги и Оби; р. Тура, на которой стоит Тюмень, как говорят старожилы, бывает судоходна до Тюмени только в половодье, а чтобы добраться до её судоходной части, говорят, придётся ещё прибавить от Тюмени вёрст полтора или, по крайней мере, 70 вёрст, до деревни Артамоновой, куда пароходы с грехом пополам могут проходить и в летнюю пору. Насколько верно последнее, я не ручаюсь, но очень многие говорят, что генерал Богданович не достигнет своей цели, если дорога будет проведена только до Тюмени.

Из всего сказанного выше можно вывести то заключение, что ирбитчане сильно хлопотали за проведение железной дороги именно через г. Ирбит, и что вышло как-то так, что ирбитчан всё-таки оттирают «от прогресса и цивилизации», но они упираются и не хотят сдаваться; теперь повернём медаль обратной стороной и посмотрим на дело с иной точки зрения. Едва ли кто сомневается в настоящее время в несомненной пользе железных путей, а также в том, что эти железные пути очень важны в стратегическом и торговом отношении, но едва ли в такой же степени они важны для местностей исключительно земледельческих, где промышленность находится в зачаточном состоянии. В 1868 г. в Сибири цены на ржаной хлеб стояли 6–7 коп. за пуд, в 1870 г. — 10–13 к. за пуд, баранина в барабинской степи стояла 10 к. за пуд, говядина 60–80 к. за пуд; в самой Ирбита и окрестных местах ещё в 1873 году рожь продавалась по 15–18 к. за пуд, а теперь, по последним известиям, в Ирбитском уезде, одном из самых хлебных уездов Пермской губернии, который главным образом снабжал своим хлебом горный округ Верхотурского уезда, — теперь в этой житнице ржаной хлеб после среднего урожая стоит 1 р. 15 к. за пуд, т. е. как раз в *семь раз дороже*, чем семь лет тому назад, и в три раза дороже, когда цены на ржаной хлеб стояли от 35–40 к. за пуд. Спрашивается, что будет дальше, и кто выиграет от такого страшного поднятия цен? Уж конечно не крестьянин-пахарь, а тем более не фабричный рабочий... Следовательно, интерес в проведении железной дороги до местного населения касается своей отрицательной стороной, т. е. чем дальше пройдет дорога, тем лучше для крестьянина, но совсем не то для заводчиков, крупных промышленников, местного купечества и приезжих купчиков, с большим трудом отвыкающих от насиженных мест. Ирбитская ярмарка сама по себе, помимо всякой железной дороги, конечно, имеет громадное значение и для местного населения, как громадный запрос на рабочие руки по перевозке товаров, но с проведением железной дороги и эти заработки должны пасть, потому что сила пара заменит живую силу рабочих. Отсюда прямое заключение, что проведение железной дороги не только не в интересах населения Ирбитского уезда, а идет в прямой вред этому населению; эта пресловутая дорога даже не в интересах ярмарочного купечества, а только в интересах маленькой, ничтожной в своём численном составе кучки коренных ирбитских купцов, скорее прасолов, чем купцов, потому что в Ирбите не существует ни одной сколько-нибудь твердой купеческой фирмы⁸, известной своими оборотами, а существуют домовладельцы, спекулирующие во время ярмарки своими квартирами, да существуют ещё владельцы гостинице двора, спекулирующие торговыми помещениями. Неужели же в интересах этих тёмных людей стоит проводить такой железный путь, который должен по миру пустить целый уезд; а что этот путь будет не в

⁸ В оригинале — формы; по-видимому, описка.

интересах настоящего ярмарочного купечества, посещающего ярмарку из одного поколения в другое, это больше чем легко доказать: купцам петербургским и московским купцам не расчёт сделать по железной дороге лишних сто вёрст, а для сибирских купцов в Тюмень ездить ближе и товары подвозить, следовательно, дешевле. Из-за чего же, спрашивается, сыр-бор разгорелся? Стыдно сказать, читатель, а грех утаить: инерция нас заела... Как же, помилуйте, двести лет ездили-ездили в Ирбит, а потом, здорово живёшь, поезжай куда-то в Тюмень... Одно — Ирбит, другое — Тюмень, тоже разница, всё равно что какой-нибудь старик привык ходить молиться в какую-нибудь одну церковь, а потом вдруг кто-нибудь на его место и встал, изволь-ка на другом месте приноровиться: то, да не то. Ведь насиженное местечко это Ирбит, и благоприятели есть у каждого, да и эти ирбитские младенцы уж очень плачут, подавай им вот целую дорогу, ни больше ни меньше, потому что им надо квартирантов... Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно, тем более что опыт с уральской горнозаводской дорогой, кажется, довольно убедительно ударил нас по карману... Нет уж, теперь шалишь, не проведёшь, — думает всякий, слушая жалкие слова ирбитчан. Недаром инициалы уральской горнозаводской железной дороги кем-то пророчески переведены (У.Г.Ж.Д.) — «унеси, господи, живого домой».

Что весь этот шум с ирбитской железной дорогой выеденного яйца не стоит, служит доказательством уже одно то, что то же обстоятельное екатеринбургское купечество, которое ещё так недавно распиналось за дорогу на Ирбит, теперь запело совсем другую песню. Так в № 41-м *Екатеринбургской недели*⁹ передаётся как слух, что «в среде некоторых здешних хлеботорговцев возникла мысль о ходатайстве перед правительством об изменении направления разрешённого ныне Екатеринбургско-Тюменского участка сибирской железной дороги. Изменение это предполагается в том смысле, чтобы дорога на первой же отсюда станции, Косулиной, повернула по направлению к Каменскому заводу, проходя через все мельницы, расположенные по р. Исети». Это ещё дальше от Ирбита. Это предполагается устроить в видах того, что железный путь хотя и удлинится на 30 вёрст, зато захватит в свой район целых 23 мельницы; далее следует вычисление тех благ, которые от такого удлинения пути неизбежно должны политься и на крестьян, и на купцов, и на железную дорогу, и чуть ли даже не на самого короля зулусов Цетевайю, если только он умеет есть наш хлеб. Вот вам и «принципы, основанные на науке и вековом опыте», и «насилование экономических сил страны», как кудряво выражалась во время оно екатеринбургская дума, отстаивая направление дороги на Ирбит. Что же это такое, — спросит наконец читатель. Да, в самом деле, что это такое? Мудрый Эдип, разреши... Ни дать ни взять, страница из Щедрина, где он рассказывает со свойственным ему юмором о постройке российских железных дорог: одной специально для провоза морошки, другой — для провоза рябчиков. Прямой вывод: нам остается построить такую дорогу, чтобы у ирбитских прасолов были квартиранты, чтобы ирбитский гостиный двор не стоял пустым, и чтобы, наконец, историческая слава Ирбита не померкла и не покрылась ржавчиной.

В заключение этой, может быть чересчур длинной, статьи можно сказать только то, что мы, излагая факты и выводя из них свои заключения, отнюдь не желаем кому-нибудь навязывать своих собственных мнений, а, положа руку на сердце, говорим не ирбитским прасолам, а населению Ирбитского уезда относительно выхлопываемой дороги на Ирбит: «Да идет мимо чаша сия»...

Публикация И.В. Югова и В.П. Лукьянина

⁹ И.В. Югов нашёл в интернете этот номер «Екатеринбургской недели», а в нём и статью, которую цитирует Д. Н. Мамин. Югов предполагает, что для этой газеты Мамин и писал свою корреспонденцию как отклик на ту публикацию, а почему газета не стала этот отклик печатать, читатель может поразмышлять сам.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТОЛСТЯКИ НА УРАЛЕ: ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА

ЭТО ПРО НАС...

Николай Крышук. Сохранить в облаке. — «Звезда», 2022, № 9.

В сентябре 2022 года петербургскому писателю Николаю Крышуку исполнилось 75. «Сохранить в облаке» — публикация, приуроченная аккурат к славной дате. Но что за материал перед нами? Подборка, цикл, серия заметок и мини-эссе — определить жанр оказывается совсем не просто. Сергей Боровиков в своё время успешно справился с аналогичной задачей, придумав для собственного цикла подобных записок название «В русском жанре». В заглавии же публицистической подборки Крышука — прямая отсылка к глобальной паутине: не желая забивать память компьютера или иного гаджета, мы сохраняем нужные папки и файлы на просторах интернета — в облаке — облачном хранилище. Да, на страницах «Звезды», по сути, увидел свет интернет-блог — записи, органично смотрящиеся в сетевом дневнике. Литераторы поколения Николая Крышука подобные блоги порой вполне успешно ведут. Так, многие ждут новых интернет-заметок Сергея Чуприна в одной из социальных сетей, а число подписчиков Дениса Драгунского во всё той же соцсети превышает совокупный месячный тираж ведущих литературных журналов нашей страны. Внутреннее устройство цикла «Сохранить в облаке» вновь заставляет вспомнить Дениса Драгунского — на сей раз сборники его коротких рассказов, обладающие заметной композиционной чертой: у каждой миниатюры — по два заглавия. Вто-

рое — индивидуальное, первое — повторяющееся и больше похожее на обозначение рубрики.

У Крышука таких условных рубрик пять. Под общим заголовком «Так начинают...» автор собрал воспоминания о детстве, его запахах, звуках, цветах. «Что в детстве цвет? Всё что-то неестественное и поэтому потрясающее. Фантики. Переводные картинки. Серпантин. Мандарины сравнил бы с мрачным рассветом. Но тогда ещё не было такой лёгкой фантазии. Знал их только на вкус. Брызги от мандариновой корки были потрескивающей щекоткой в носу. То есть морозом. Что естественно: мандарины — Новый год». А ещё детство — это, конечно же, книги. Об их роли в жизни ребёнка, только начинающего открывать для себя многообразие мира, Крышук хорошо скажет в миниатюре «Читатели». С помощью книг маленький человек сам конструирует окружающую его вселенную — и делает он это с помощью воображения. Приходит мысль, что те нынешние родители, что по первому капризу подсовывают малышам гаджеты с мультфильмами, не правы: в мультиках мир предстаёт перед зрителем уже в готовой форме — за тебя всё придумали аниматоры. Книга же, речь, язык требуют активной мозговой деятельности: писатель лишь даёт подсказки, а нужные картинки в голове ты рисуешь сам.

Впрочем, без киноискусства тоже никуда. В заметках под рубрикой «Из старой корзины» автор переходит от воспоминаний к наблюдениям и анализу. В сюжете «Кино» Крышук рассказывает о том, как мальчишкой бегал в кинотеатр, и делится хитрыми способами, позволявшими ему и его друзьям проникать на сеансы бесплатно. Ностальгия у родившихся в СССР точно возникнет. Поход в кино был приключением, настоящим чудом. А что теперь? «Теперь фильм можно достать из кармана. Это уже вообще не про нас. Страсть к кино пригасла, и некое ощущение волшебства пропало. Есть в прогрессе горьковатый привкус раскрытых тайн и ненужных возможностей». Прошлое тем не менее продолжает отражаться в настоящем. Вот ещё одно отличное замечание — из эссе «Жизнь дачная»: «Чувство родины,

однако, мало связано с историческими событиями и славными именами, и, я думаю, зря стараются строители новой национальной идеи. Работает только ближайшая память. Так, многие продолжают жить психологически в Советском Союзе. Спрашиваю на базаре: «Почём молодая картошка?» — «Иностранная, — отвечают, — тридцать, азербайджанская — тридцать пять»». Или обратим внимание на миниатюру «60 рублей», в которой прозаик говорит об одном счастливом совпадении из семидесятых: «Я был в поисках только что вышедшего в Большой серии “Библиотеки поэта” томика Мандельштама», приобрести который никак не получалось. И тут в «толкучке» на Литейном — та самая книга. Цена кусается — 60 рублей. Но — удача: в кармане только что полученный гонорар. Ровно 60 рублей...

Мандельштам в цикле «Сохранить в облаке» упоминается 30 с лишним раз, Пушкин — более 40, а ещё будут Набоков, Ахматова, Лермонтов, Бунин и другие. «Облако» Крышук буквально дышит литературой, она повсюду. Где-то автор уходит в литературоведение и критику, где-то просто философствует о том, с чем сталкивается любой писатель, какие ловушки его подстерегают. Психология творчества, языковое чутьё, типажи и характеры... Об этом — в рубрике «Автобиография текста». Здесь же — литературные шутки с приглашением присоединиться к размышлениям. «А. Г. позвонил со смешным вопросом, на который, как на все смешные вопросы, не сразу находится ответ: почему в массовом восприятии Есенин переплюнул Пушкина, а потом Высоцкий переплюнул Есенина?» И правда! Или вот: «Радия Погодина всю жизнь доставали тем, что он похож на Андрея Платонова. Лет в пятьдесят он решил наконец его прочесть».

Мыслям о людях — хороших и разных — посвящена рубрика «Люди. И фигуры». В ней можно встретить как общие рассуждения о человеческой природе, наших характерах и особенностях, так и истории о реальных знакомствах с замечательными людьми. Причём известные личности порой соседствуют с абсолютно безвестными. Сюжет «Пассионарность» — о единственной встрече рассказчика с Львом

Гумилёвым, случившейся в середине 1970-х. «В поезде» — житейская байка о странноватой попутчице. И тот, и другая оставили в памяти свой след. Всё это наше, это про нас.

Наконец, рубрика «Сентенции, реплики, наблюдения» вобрала в себя короткие — в одну, две или три строки — замечания афористичного толка.

«Сохранить в облаке» — образец писательского дневника — разве что дат в нём не хватает. Хотя даты создания отдельных заметок читатель при желании легко определит. Например, ближе к финалу автор вспоминает Михаила Яснова и обильно его цитирует. Крышук и Яснов дружили, много общались. Очевидно, что зарисовка появилась после смерти последнего. До собственного 75-летия совершенно чудесный поэт и переводчик Михаил Давидович Яснов, увы, не дожил совсем немного. О возрасте Крышук так или иначе говорит в нескольких сюжетах. «Алкеева строфа» начинается со слов: «Листал как-то старую записную книжку. Что-то вроде встречи с собой молодым, как в рассказе Борхеса. Понимание и даже сочувствие не гарантированы». В «Цене прорех» же прозаик объяснит, почему его «облако» получилось не цельным, а фрагментарным: «Пишу фрагментами не оттого, что ум с возрастом слабеет и не способен ухватить целое. От недоверия целому. Что тоже, впрочем, признак возраста».

Жизнь писателя — вечный самоанализ, самокопание, сопряжённое с постоянными наблюдениями и их фиксацией. На бумаге — в записных книжках или сразу в компьютере, в телефоне, в облаке — какая разница?! Главное — сохранить. А читатель у хорошего текста найдётся обязательно.

Станислав СЕКРЕТОВ

ГОВОРЕНИЕ, НАХОДЧИВОСТЬ, ИНТУИЦИЯ

Андрей Лебедев. Шестьдесят двенадцать парижских мест. — «Новый мир», 2022, № 8.

Трудно говорить о стилях отсутствующих или кажущихся. По крайней

мере, там, где правит бал ошеломительная ясность, выявить интонацию дробящуюся, сознательно алогичную становится едва ли возможно. Редкая грань: рассказ/воспоминание, поток/статика. Андрей Лебедев, живущий во Франции уже много лет, написал нечто исключительно французское.

Бертран Блие одобрительно ухмыляется: «Шестьдесят двенадцать парижских мест» — вольная эссеистика, не задерживающаяся ни на чём, кроме собственного дыхания. Мы скользим взглядом по явлениям как бы обычной жизни эмигранта, уже успевшего сбросить свою «первозданную» кожу. Теперь он — такой же француз, как повесившийся на фонаре Нерваль или тонкошей Валери.

И, разумеется, это «записки на манжетах» настоящего эмигранта: близкие по духу измышления можно отыскать и у Даниила Киша, не менее «французского» серба, и у, предположим, чересчур своевольного Даниэля Пеннака, умело превращающего каждый свой роман в абсолютную, не ведающую никакой самоцели игру.

Бег стиля: нас сразу же озадачивают джазовым подходом к нарративу. Никаких трепанаций, конструкций, транскрипций: одна сплошная фантазия, ограничивающаяся разве что усталостью пера. Путеводитель/анекдот: даётся место — сведения о месте — и обязательные, как бы невзначай вызволенные «подробности». По сути, Лебедев знакомит нас со своей обыденностью, со своим ритмом бытия.

«Gilles Ivan» звучит как «Жил Иван». Сказочный Иван-царевич, психогеографический владыка окрестных мест. Окрестные места — это сама улица Муфтар и район по соседству, излюбленные ситуационистами. Древняя римская дорога, в XX веке — Париж Хемингуэя и ситуационистов. У нескольких поколений советских людей это название неизменно откликается шуткой: «Ко мне, Мухтар!», по фильму с Никулиным в роли сыщика-милиционера и его служебной собакой Мухтаром».

Примерно такое развлечение нас и ожидает. Никаких резких изворотов мысли, сюжета (да и есть ли он здесь?), метода. Ассоциативность играет на руку убедительности, погру-

жённости в состояние жильца: Лебедев жонглирует топонимами, смеётся с любой случайной детали и нисколько не разочаровывается в увиденном. Его рассказ о «личной» Франции не имеет ничего общего с Францией реальной; это лунатическое блуждание — в первую очередь по собственной памяти.

Выписки из чужих книг, цитаты — много, много цитат! — мысли великих, помноженные на интимные наблюдения, катавасия прогулок (известно приводящая к выводам неожиданным, парадоксальным) — всё это и составляет природу лебедевской речи. Она лишает себя необходимости разъяснять и увлекать, а потому кажется предельно непринуждённой. Удача?

Местами всё это сильно напоминает сборку очередного затейливого механизма, упражнением в манере братства УЛИПО; но, впрочем, «Шестьдесят двенадцать парижских мест» остаются в фарватере реализма даже при столь явственной эклектике. Списки, реверсивные перечисления, синекдоха, удобная в раскрытии фантазии, буквальная винегрет из наименований; некрологи местности. В этом, наверное, обнаруживается большой талант Лебедева — он умеет живо описывать неживое.

«Магазин «Le cordon bleu» на rue Bleu. По-французски «cordon bleu» дословно «синий шнурок» (не «чулок»), а по сути, «кулинар». Кулинары на Синей улице — магазин держали армяне. В продавцах были только мужчины в синих халатах. Продавали здесь бабурму и оливки, узо и ракию, пахлаву и халву, а для русских клиентов держали бочковую сельдь, которую надо было отдельно попросить. Синий халат утвердительно кивал и удалялся за ней в подсобку».

Придать дыхание забытому, обветшалому — увлечь читателя обыкновенной последовательностью наблюдаемого — дано немногим. Восхищение, испытываемое нами от перечислений Грина в «Крысолове», барочных экфрасисов Микала Айваза или Юрия Андруховича крайне тяжело адаптировать для слога нарочито джазового, не привыкшего к постоянным обновлениям темы. Даже гинзберовские повторы в «Вопле» служат качественному вос-

хождению звука, синкопе, а не смене регистра.

Лебедев едва затрагивает эту зыбкую и толком не изученную материю — довольствуется нечастыми созвучиями, увлекает, но не погружает нас с головой в «парадиз мастерских и аркадию фабрик». Его вещественные некрологи служат реконструированию — прошлого, пришлого, дарованного невзначай и как бы со стороны, консервированию всех тех деталей, что составляют фундамент нашего общего существования.

Другое дело, что, преодолевая первые улочки и арабески, читатель быстро устаёт от предсказуемости здешней неординарности. Слишком долго речь идёт по прямой, не сворачивая и не петляя? Значит, в двух шагах от неё расположился новый список или внезапный синтаксический излом. Нечто в духе «Слюней дьявола» Кортасара, нарочитости ради нарочитости. Формальный выбор тщетно осуждать — его либо принимаешь, либо отклоняешь по первым же строкам, — но так и хочется подметить, что красоты предложенной «проэзии» заканчиваются там же, где и начались.

То, что в своё время обмануло Сашу Соколова (автора вышестоящего термина) и многих его последователей, покрыло ржавью и некоторые изыски лебедевской манеры. Декоративно-шкатулочная проза, посвящённая ничему и всему сразу, мало распространённая в родных пенатах и куда больше понятная в традиции американской или французской, где элегантно безделье уже много веков является отдельной дисциплиной, нуждается в принципиальном отстранении. Без него — священного и тяжёловесного приёма — аристократизм обрушивается в пустоту.

Иными словами, у них был Дэнтон Уэлч, а у нас был Василий Кондратьев. «Шестьдесят двенадцать парижских мест», в свою очередь, так и не осознают — даже к финалу, — чем они стремятся или пытались всё это время казаться. Вывернутым наизнанку путеводителем, каждая строка которого — зеркальная ловушка, преломление, сломанный взор? Пародией на пародии, так хорошо знакомые нам по канону метамодерна? Рывком в про-

стодушие, ощущающееся мучительней любой словесной игры?

Ясно одно: приёмы иссякают и вместо них водружается голая, неприглядная пустота. Рассказ интригует ровно до той поры, когда читателю становится ясно, что весь этот состав, подобно пелевинской жёлтой стреле, несётся в никуда из пульсирующего ниоткуда. Маршрут его заведомо лжив, а проносящиеся мимо артефакты резво смываются в застенчивый пунктир. Это по-французски, это стильно и технично, но — ничейно.

«Торговые пассажи, начинающиеся у Французской комедии, идущие к Национальной библиотеке и продолжающиеся за Большими бульварами. Небо по ту сторону стеклянных крыш — одного и того же цвета, независимо от времени года. Местная фауна, торговцы, словно родившиеся здесь и собирающиеся здесь же умереть, чтобы быть похороненными на каком-нибудь местном закрытом кладбище, тоже где-то в пассажах. Культура, не подозревающая о природе».

Кирилл ЯМЩИКОВ

КАЖДЫЙ САМ ПО СЕБЕ

Игорь Шумейко. Неконтактные племена. — «Нева», 2022, № 8.

Не сделаю открытия, если замечу: в 2022 году и в книгах, и в журнальных публикациях все труднее было находить «чистый вымысел». Его уверенно сменяют автофикшн и нон-фикшн. Апофеоз торжества документалистики — шорт-лист премии «Большая книга» — 2022, где большинство из десяти книг-финалистов — тоже нон-фикшн.

С автофикшном у меня как у критика отношения даже более сложные, чем с нехудожественной прозой. В «излиянии души» нет ничего предосудительного, а поделиться своим опытом, особенно если это опыт уникальный, для литературы неплохо. Но все же писатель должен уметь в литературном плане больше, чем поведать воспоминания или чувства либо описать забавный случай. В последние два года

я часто цитирую словарь В.И. Даля — писатель есть литератор, сочинитель, а сочинять — значит творить силою воображения.

Разумеется, настороженность повальное распространение автофикшна вызывает не у меня одной. В феврале 2022 года почти синхронно появились статьи «Почему автофикшн не нужен» Бориса Куприянова на ресурсе «Горький» и «Тотальная победа жанра автофикшн будет означать смерть литературы» Павла Басинского в «Российской газете». Оба автора аргументируют свои негативные ожидания от сегодняшнего процесса.

Вот почему я искала в журналах прозу более художественного свойства. И нашла: роман Игоря Шумейко «Неконтактные племена», опубликованный в «Неве» в журнальном варианте. Автор — журналист, статьи которого печатались в «Московском комсомольце», «Литературной газете», «Независимой газете», «Новой газете» и др. Его перу принадлежат документальные книги по различным историко-политологическим вопросам XX века. Выделяется среди его сочинений труд «Русская водка. 500 лет неразбавленной истории». Темы прошлого для Шумейко закономерны: с 2007 года он преподаёт отечественную историю в Московском государственном университете путей сообщения. Иными словами, писатель не раз подтверждал делом: ему есть что сказать в документальном дискурсе, и он это умеет.

И все же «Неконтактные племена» — не исследование и не реконструкция, а именно роман. Хотя и основанный на исторических фактах. «Неконтактными племенами» официально принято называть 172 амазонских племени, которые умудрились дожить до конца XX века без общения с внешним миром и перенимания веяний цивилизации. Эти племена взяты под покровительство ООН. В начале 1980-х годов до них впервые добралась экспедиция европейских экологов. Её признали одной из заявок движения «зеленых» о своем начале. Экспедиция в романе Шумейко упоминается, но интерпретирована едва ли не гротескно. Вообще весь текст мне показался гротеском, как и более ранний роман

автора «Вещество верь», где коллизия тоже сатирическая — один выдыхает вещество веры, другой на этом выхлопе строит пиар-кампании.

«Неконтактные племена» воздают должное другому значимому явлению современности: экологическому акционизму, перерастающему в терроризм. Оно не менее заметно в социуме, чем пиар или пропаганда, подчиняющая миллионы умов. Писатель старается раскрыть секреты того, как экологическое движение делает себя заметным. Шумейко явно не одобряет «зеленых» и их стратегии: «— Идем мы все такие, наготове. Потом медленнее, за «Кофе хаусом» — вообще давка. Еще пять минут, а ГУМ только показался. Спрашиваем передних: «Вы чего?» — «Да мы только вбежать, раздеться, нагишом сплясать ламбаду — протест против мусорного полигона Волоколамска». — «А те, перед вами?» — «Собираются лечь на брусчатку, сорок человек, выложиться буквами “Свободу Малявину!”» — «Так его ж освободили!» — «Да они еще со среды очередь занимали, — вон за теми, в красных шарфах». — «А тем чего?» — «Говорят, шарфы свяжут в один канат и, держась, пройдут на карачках». — «А они против чего?» — «Известное дело, супротив генно-модифицированного женского белья, оно к бесплодию ведет...» Есть и еще более выразительная сцена, но я до нее дойду своим чередом.

Роман построен дискретно, «вспышками», отчего пересказать его содержание одной фразой (простейший критерий понимания прочитанного) не так и легко. Но все же одна ключевая линия повествования прослеживается: приключения группы эко-террористов, во имя защиты окружающей среды планирующих подрыв магистрального газопровода. Это семь студентов Московского международного эколого-филологического университета (ММУЭФ), составляющих вместе с тем панк-рок-коллектив «Манифестомания» и студенческий универсальный театр, в котором уже поставлен панк-рок-сет по грибоедовскому «Горю от ума», демонстрирующий «полное переформатирование классики».

Внимание правоохранительных органов к подрывной (если не газопро-

вода, так устоев) деятельности молодых людей порождает сразу несколько сюжетных линий, связанных в причудливый клубок. Тут и развод ректора ММУЭФ Геннадия Ремизова, по совместительству отца бунтарки Елизаветы, с супругой и матерью бунтарки Еленой Петровной (она называет себя Линк и под молодежной кличкой проникает в панк-рок-группу, чтобы вразумлять и направлять). И апелляции к биографии Ремизова — у Шумейко он молодым тележурналистом был в составе амазонской экспедиции к «неконтактным племенам» и, единственный из всех, сумел понять их психологию и получить у вождя разрешение, даже радостное предложение посетить уникальные болота, чтобы помолиться и побороться там со злыми духами. И подковерные игры между сотрудниками университета, полные шпилек в адрес отечественного образовательного процесса, науки и высшей школы (ректору дочкины акции стоят работы, ибо за ним еще много грешков накопилось). И семейно-финансовая драма бизнесмена Павла Руслановича Бека, чья дочь Нина — один из лидеров «Манифестомании». И собственно отношения между членами этого артистического коллектива...

Но по мере приближения романа к финалу внимание автора сосредотачивается на «Манифестомании». Как иначе, если взрослые выдают экологические поползновения юношества за рекламные акции их альбома и вообще творческой деятельности?.. Молодые люди не противятся, потому что осознают возможные последствия понимания их всерьез — и боятся. Но под прикрытием столь роскошной ширмы, имитируя законопослушность, они продолжают готовить бабах. Ребята намерены устроить взрыв из петард, чтобы он был шумным во всех смыслах, но безобидным, а минутой позже распространить по соцсетям экологический манифест с вписанным пунктом: «Взрывом мы протестуем против незаконного увольнения нашего ректора». Прошу прощения за спойлер, но без него не получится упомянуть в рецензии кульминацию книги, она же — квинтэссенция авторского отношения к экологическому терроризму. Разумеется, на акции «что-то

пошло не так», и подготовленный заряд полетел в очко деревянного сортира возле газопровода, проложенного у черта на рогах. Всех акционистов обдало дерьмом. Символично, и автор не отказывает себе в удовольствии педалировать: «А ведь сколько раз они все бросались этим словом — бессечно! Казалось, верх выразительности и краткости — отреагировать на непонравившуюся песню, чью-то мысль резко и емко... И вот сегодня, в час тридцать семь пополудни, долгие перипетии экологической и творческой борьбы, заведшие в глухой угол Костромской губернии, впервые дали им ощутить на руках, одежде, лицах материальное наполнение популярной метафоры...»

Этим эпизодом писатель «пригвозждает» не только экологический терроризм, но и прочие приметы современного общественного сознания, делегированные им молодежи. Они полностью отказываются от идеалов, почему и переиначивают Грибоедова на панковский лад.

Впрочем, с духовными идеалами в этой книге и у старших все сложно. Роман буквально пронизан упоминаниями Достоевского с отсылками то к русской истории, то к интересу Запада к русскому классическому, а то к шаблонности «а-ля рюса», которым пичкают французского коллегу Ремизова Гийома. Он в нашей стране все время пьет и тянется к цыганам и прочим признакам русского загула. Как будто это и есть подлинная Россия.

Эффект от «фекальной» акции был, но кратковременный. «История постучалась в дверь «Манифестомании»: на новостных ресурсах появилось несколько сообщений о взрыве на магистральном газопроводе в Костромской области. А в самом финале романа выясняется цена сенсации и заодно уточняется время действия: «В китайском городе Ухань выявлен новый неизвестный коронавирус...» Вычитав такое в сети, манифестанты объявляют новостной контент отстой: «Им лишь бы свою ленту набить, а к следующему новостному часу никто эти сенсации и не вспомнит». Молодым людям пока еще невдомек, что в мир пришла настоящая беда, и никто не вспомнит как раз их дутую сенсацию.

Глобальный вывод из романа, течение которого осложняется множеством культурных символов и мемов, стихами Александра Еременко, Всеволода Емелина и самого Шумейко (некоторые поэтические строфы встречаются и в других публикациях автора), пародийной многозначностью, в целом довольно прост. Все мы «неконтактные племена», каждый сам по себе. Не только молодое поколение не имеет коммуникативных связей со взрослыми (это давно уже не озарение), но и все общество утратило единые ориентиры и ценности. Потому и так просто выдать одно явление за другое, полностью или частично ему противоположное. Дилемма истинного, ложного и кажущегося движет роман «Неконтактные племена» и замирает на многоточии открытого финала, потому что у нее нет не только решения — даже прогнозов возможности преодоления. Сегодня это часто происходит в художественной прозе: никто не в силах взять на себя профетические послылы Достоевского. Может быть, потому автофикшн и превалирует сейчас так явно над «сочиненной» литературой?..

Елена САФРОНОВА

Кровь, огонь и красный смех

Дарья Жданова. Сын. — «Новый мир», 2022, № 11.

Решение уйти — одно из самых сложных. Нужно взвесить все за и против. Собраться с духом. Найти в себе силы со всеми попрощаться. И покинуть пусть даже остывший, но такой привычный очаг. Ведь, как писал Сергей Есенин, «уйти — не подвиг, подвиг — не вернуться». Это будет справедливо как для юноши, вынужденного разорвать с некогда любимой девушкой, так и для сына, решившего покинуть свою мать.

Главный герой дебютной повести Дарьи Ждановой «Сын», которого окружающие называют то Дмитрием, то Митенькой, то Митей, устав содержать постаревшую мать, решает зажить самостоятельно. Стремление понятное и для молодого человека

даже необходимое; однако на долю героя выпало не самое простое время: на дворе 1925 год, в России установилась советская власть, что вызвало череду многолетних тяжёлых социальных кризисов. Вот как это описывает Митя: «Через год после смерти отца в нашей губернии начались волнения: не хватало еды; толпа солдаток, мужья которых пребывали на фронте, разгромила хлебные магазины и лавки. Я видел, как бьют людей, видел раненых казаков. Кровь и смута подкрадывались к нашим домам. /.../ Серьёзно отягощёла ситуацию бесконечная и кровопролитная смена власти: переворот Дутова, стачки заводчан, мятежи, приход к власти сначала белых, а потом красных. Мы видели затравленных, жалких офицеров и газетные листы, где писали, в сущности, об одном: о крови, которая заливает страну... Смерть ковыляла бок о бок с нами: случаи грабежей и расстрелов были нередкими: мне приходилось постоянно караулить дом».

Постоянное внутреннее напряжение, социальные волнения, состояние полной неопределённости, хорошо знакомое каждому русскому человеку, давят на героя, расшатывают его преданность матери, которую он вынужден содержать из сыновьего долга, в ущерб собственным интересам. И в какой-то момент он решает уйти, отправляется жить в Ялту, город, который, как ему кажется, остался «последним сосредоточением русской культуры и мысли». Перебравшись туда, Митя, однако, не до конца разрывает связывающую его с детством нить: это подтверждают приводимые между главами повести письма главного героя, которые он отправляет своей матери.

«Сын» — это чутко написанное, с явной любовью и уважением к литературному русскому языку, сбалансированное произведение, в котором можно предположить, автор делится и личным опытом. Но делится не для того, чтобы рассказать о себе или о своём поколении, спрятавшись за жанром исторической повести и используя соответствующую стилистику и контекст. Цель Дарьи Ждановой достойнее и серьёзнее — она обращается к художественной прозе, чтобы пого-

ворить о матерях и сыновьях, благе и грехе, боге и дьяволе.

В роли дьявола, в частности, выступает Николай Степанович, глава группы революционно настроенной интеллигенции, не признающей советскую власть. Хотя поначалу тот кажется чуть ли не ангелом, который берёт Митю под своё крыло, угощая его сладкими крымскими винами и предоставив ночлег. Николай Степанович знакомит молодого человека с хозяйкой, Лидией Михайловной, и тот ей очаровывается, медленно, но верно забывая бывшие принципы и собственную мать. Всё это — лишь для того, чтобы, прикрываясь красивыми словами («Я вижу свет в тебе. Не зря Коленька называет тебя сыном. Ты должен устранить эту вызывающую несправедливость! В тебе есть сила. Ты так же молод, здоров и готов...»), подчинить неопытного юношу своей разрушительной воле и заставить предать собственные интересы ради абстрактных идеалов, почти сгоревших в огне новой реальности.

Собственно, здесь мы подходим и к центральному конфликту повести Дарьи Ждановой «Сын». Вернее, к двум конфликтам: между сыновним долгом и свободой воли и между той же свободой воли и попаданием под чужое, разрушительное влияние. Мать зовёт героя, что естественно, сыном, она любит его и желает ему добра. Николай Степанович тоже называет героя сыном, но лишь для того, чтобы, завоевав его симпатию и лояльность, лишит воли и, впоследствии, жизни. Эти два конфликта соединяются в один: необходимость оборвать связь с собственным детством и зажечь самостоятельно, не завися ни от чьей воли, подлинно. То есть остаться совсем одному и при этом выжить среди гораздо более взрослых, опытных и злых людей, какими бы добрыми они ни казались.

Повесть «Сын» примечательна не только хорошо проработанным и

лишь кажущимся лёгким для понимания конфликтом, но и тем, как уверенно Д. Жукова владеет выбранной стилистикой. Её русский язык, лёгкий, красивый, но ещё пока чем-то сдерживаемый, напоминает стиль русских мастеров прозы начала XX столетия, но не раскрывается во всей своей ожидаемой сложности. Что, однако, никоим образом не мешает переместиться в прошлое, прогуляться вместе с Митей по улицам Ялты, оглядеться по сторонам и обнаружить внезапные, ненадолго ослепляющие, будто солнечный луч, параллели с днём сегодняшним.

В повести особенно чувствуется влияние Леонида Андреева. Собственно, финал «Сына», в котором раскрывается дьявольская сущность Николая Степановича и скрытый за его благими манерами безумный, инфантильный эгоизм, напоминает то, о чём писал Андреев в своём «Красном смехе»: «...Сейчас я только ещё схожу с ума и оттого сижу и разговариваю с вами, а когда разум окончательно покинет меня, я выйду в поле — я выйду в поле, я кликну клич — я кликну клич, я соберу вокруг себя этих храбрцов, этих рыцарей без страха, и объявлю войну всему миру. Весёлой толпой, с музыкой и песнями, мы войдём в города и сёла, и где мы пройдем, там всё будет красно, так всё будет кружиться и плясать, как огонь. Те, кто не умер, присоединятся к нам, и наша храбрая армия будет расти, как лавина, и очистит весь этот мир. Кто сказал, что нельзя убивать, жечь и грабить?..»

«Сын» Дарьи Ждановой — это история о желании молодых людей зажить самостоятельно и столкнуться с миром один на один. При этом они не в силах обрубить привычные социальные связи и потому неосознанно выискивают в незнакомых людях черты близких. А это часто приводит к крови, огню и красному смеху.

Александр РЯЗАНЦЕВ

ЗМЕИ, ПОЖИРАЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА

Юкико Мотоя. Брак с другими видами. Повесть, рассказы. / Пер. с яп. Д. Коваленина. СПб.: Polyandria NoAge, 2021.

В японской массовой культуре очень популярен жанр так называемой повседнежности. В произведениях этого жанра не происходит ничего поражающего воображение. Школьники слушают учителя в классе, ребенок нашел котенка, служащий после работы зашел в ресторан съесть лапши, девушка отнесла белье в прачечную — сюжет образован самыми заурядными событиями, в которых нет никакого драматического потенциала. Но такая бесхитрость вовсе не отталкивает зрителей и читателей. Наоборот, этот жанр прочно занял свое место в японском кино, анимации и литературе. Иногда бывает, что повседневный мир оказывается пронизываемым для разного рода странностей и мистики. О таком случае и хочется поговорить на примере Юкико Мотоя, лауреатки премии Акутагавы (2015), одной из самых престижных в Японии. Издательство «Polyandria NoAge» выпустило на русском сборник ее короткой прозы, в который вошла повесть «Брак с другими видами», а также рассказы «Собаки», «Баумкухен» и «Соломенный муж». При поверхностном взгляде может показаться, что Мотоя пишет о крушении идеалов современной семьи. Такое социальное прочтение действительно было бы уместно, если бы эта проза, например, сочилась обличениями и ненавистью к мужчинам. Однако похоже, что писательница скорее художественно осваивает тему человеческого отчуждения. Не семья рушится в ее прозе, а сам человек стремится к

чему-то совершенно другому. Иными словами, проблема касается вовсе не взаимопонимания супругов. Проблема в том, что наше «я» влечет к альтернативному миру, и в этом мире наше «я» ставит целью не обретение какого-то общепринятого счастья, а скорее отказ от человеческого.

В повести «Брак с другими видами» такое отчуждение приобретает зримую форму. Юкико Мотоя рассказывает историю молодой японки по имени Сан, которая четыре года назад вышла замуж. Когда пара только встречалась, героиня узнала, что у этого мужчины доход выше среднего, поэтому выбор сделала без колебаний. Теперь она играет роль счастливой домохозяйки, хотя иногда ее преследует чувство вины. Бывает, ей кажется, что она не заслужила такой жизни. До замужества она работала в компании, обслуживающей кулеры, и от большой нагрузки даже начала жаловаться на здоровье. Теперь все это в прошлом. В ее обязанности входят покупки в магазинах, стирка, уборка и готовка, и в общем-то в этом нет никакой головной боли. Сан находится на райском острове, а свою жизнь называет «бесшовной». Ее тянет в прошлое, но стоит вспомнить, с каким трудом там приходилось выживать, как она тут же теряет решимость и отказывается от борьбы. Чтобы искупить свою счастливую пассивность, она не прочь завести детей, но забеременеть не получается.

Сказать, что в этой семье царит взаимопонимание, тем не менее нельзя. После свадьбы муж решает чистосердечно открыть свое истинное лицо и объявляет супруге, что ему совершенно необходимо три часа в день смотреть телевизор. Кроме того, он говорит о том, что, приходя домой с работы, не хочет ничем грузиться. Очевидно, поэтому и по телевизору он смотрит самые обычные эстрадные шоу. Сан и сама замечает, что муж — это какой-то иной вид живого существа, которое умрет, если напряжется. Супруг совершенно не против, когда за него все делают другие, и от угрызений совести не страдает. Не то чтобы его признание было каким-то роковым, но Сан догадывается, что, скорее всего, именно из-за этого и распался первый брак мужа. Наверное, первая жена

как раз не выдержала этого истинного лица. Что касается Сан, то перед ней начинают открываться метаморфозы, те самые зримые проявления отчуждения. Она замечает, что ее лицо и лицо мужа становятся очень похожими. Объяснить этого нельзя, потому что невзрачная (как ей самой кажется) физиономия Сан не имеет ничего общего с чертами супруга. Более того, иногда на улице Сан видит, как глаза, нос и рот мужа как бы разъезжаются, превращая его лицо в лепешку. За советом, как с этим быть, Сан обращается к соседям и знакомым. И узнает, что явление это весьма известное. В действительности брак — это не союз мужчины и женщины, а их взаимное пожираение. Это две змеи, которые поедают друг друга, начиная с хвостов. Полученная информация запускает в голове Сан мягкую рефлексию, и она начинает задумываться о том, кто она. Она осознает, что между ней и мужем есть пустота, но не может придумать, чем ее заполнить. До замужества у нее был опыт с молодыми людьми, и уже тогда ей казалось, что они забирают у нее часть себя. Чего же тогда ожидать от брака? Всего того же, только гораздо сильнее. То, что брак не ощущается таким смертельным, вероятно, объясняется тем, что прежние контакты с мужчинами уже убили в ней все самобытное и мужу просто ничего не осталось.

Также «Брак с другими видами» рассказывает нам о том, что семейное счастье может разрушиться из-за мелочи. Например, у Сан есть соседка гораздо старше нее, которая совершенно намучилась со своим котом. Соседке казалось, что домашний питомец подарит ей гармонию, а тот начал мочиться по всей квартире. Уже расставили повсюду лотки, а результата нет. Кот живет у меня в доме или я живу в его туалете? — вопрошает соседка, которая в итоге принимает тяжелое решение отвезти животное в горы и там оставить. Разлад царит не только на уровне семьи, но и на уровне всей страны. Это не самое главное наблюдение писательницы, тем не менее она роняет слова о том, что сам современный ритм жизни, когда люди покупают все в супермаркетах, уничтожает общение между людьми. Соседка учит Сан

тому, что лучше закупаться на старых торговых улочках, воплощающих дух традиционной Японии, чем в безличных магазинах. Да, у торговцев чуть дороже, но там есть живой контакт, чем когда все покупки ты пробиваешь на одной кассе. И действительно, последовав этому совету, Сан вдруг почувствовала какую-то «глубину».

Впрочем, повесть Юкико Мотоя написана легко, и в ней нет реального ужаса, будь он бытовым или экзистенциальным. Мягкость интонации не позволяет радикализовать слова Сан и превратить их в политические заявления. Сан нельзя назвать феминисткой, скорее это просто ответственный человек, знающий цену своему счастью. Может, она и живет в достатке, но тем не менее она не транжира, потому что в магазине даже туалетную бумагу выбирает подешевле. Она удачно выскочила замуж, и в этом однозначно был расчет, но точно такой же расчет был и у мужа, надеявшегося заполучить жену, которая будет признательна ему за то, что ей теперь не надо работать. И нельзя сказать, что эту идиллию разрушил какой-либо серьезный конфликт. В отношениях между супругами в принципе нет напряжения. Здесь нет упрёков, криков, гнева и ярости. Мысли Сан блуждают, ничем не стесненные, и, stalkиваясь со странностями, рождают не панику, а всего лишь умильное удивление. Нет и трагедии, самая большая трагедия в том, что кот, как и у соседки, гадит мимо лотка, но в их случае это длится всего месяц. Когда с лицом Сан и лицом мужа начинают происходить превращения, девушку это тоже скорее удивляет, чем пугает. Нужно просто признать, что брак порождает что-то вроде гравитационного искажения. В нем таится колоссальная угроза для личности, но есть и притягательность, ведь нет ничего приятней, чем отдаться на волю гравитации. Поэтому институт брака писательница вовсе не хоронит. Она понимает, что это время, но не столько стремится его сбросить, сколько просто его осмыслить, понять его воздействие. У героев этой повести еще нет невроза. Они понимают, что если думать хорошие мысли, то можно создать себе вполне уютную жизнь. А метаморфозы происходят, по-видимому, просто потому,

что что-то должно случиться, когда слишком долго ничего не происходит. Ведь жизнь нашей пары — это именно жизнь, в которой вообще ничего нет. В этой семье невозможен даже обычный разговор, выходящий за пределы обсуждения телешоу. Муж не приемлет бесед о важном, по его мнению, жене просто хочется поговорить, а, по сути, сказать нечего.

В превращении супругов друг в друга, вероятно, не нужно искать тонкостей модернистского мироощущения. Скорее это обычная натурфилософия современного брака и иллюстрация народной поговорки «с кем поведешься, от того и наберёшься», чем попытка выудить какие-то глубинные смыслы психологии личности. К тому же в возможности быть съеденным супругом как будто нет ничего угрожающего. С одной стороны, это повлечет потерю тела и утрату личности, но с другой, это будет мистический по своей сути опыт объединения, о котором писал поздний Юнг. Как знать, если бы эта идея была доведена до логического конца, это позволило бы говорить о победе над отчуждением.

Темы, которые звучат в рассказах, следующих за повестью, отчасти те же. В рассказе «Собаки», который является визитной карточкой писательницы, девушка удаляется в деревню, где живет вместе с собаками в хижине своего знакомого. Наблюдая за причудливым поведением животных, героиня словно попадает в их царство, где людям места нет. Здесь снова речь идет об отчуждении и о том, что мир животных может заменить мир людей. В финале люди вообще как будто исчезают, но это не вызывает у героини тревоги. Приглушенная асоциальность девушки снова не звучит как памфлет или призыв, это как бы негромкий, но неотвратимый итог тех закономерностей, которые складываются в современной жизни. Мотоя показывает, что происходит, когда люди теряют контакт друг с другом.

Отчуждение испытывает и Томоко, героиня рассказа «Баумкухен». В светлом мире своей семьи ей вдруг на-

чинает казаться, что окружающие ее предметы кем-то подделаны и вообще все состоит из слоев, которые можно развернуть, как слои пирога. Все это подводит ее к переживанию чуждости, словно привычный мир стал если не врагом, то незнакомцем. И наконец, в рассказе «Соломенный муж» снова та же тема, что и в повести «Брак с другими видами», только на этот раз с криками, конфликтами и руганью. Девушка неудачно отстегивает ремень безопасности в машине, что приводит к повреждению салона и вызывает гнев мужа. Но по мере развития семейной сцены муж превращается в соломенную куклу, из которой сыплются музыкальные инструменты.

Если читатель хочет сохранить впечатление о прозе Юкико Мотоя как образце тихой и мягкой рефлексии, то ему лучше не читать послесловие переводчика Дмитрия Коваленина. Потому что переводчик говорит следующее: *«Итак, дорогие сограждане, в который уж раз заявляет миру Юкико Мотоя, современный институт брака сдох. В нашем сверхпотребительском гиперсоциуме, где человек человеку — просто набор услуг, такой законодательный акт, как «брачное обязательство», уже напоминает легализацию каннибализма»*. Здесь переводчик ссылается на другие произведения писательницы, где ее взгляды выражены более радикально. Но повторим: если судить только по этому изданию, проза Юкико Мотоя лишена острых углов, заусенцев социальной критики и каких-либо взрывных эмоций. Потому что даже в повести «Брак с другими видами» главная героиня заявляет, что быть сожранной мужем — это удовольствие. Как следствие, проза Мотоя полна самонаблюдений и размышлений, и даже если развитие событий, искаженных гравитацией обыденности, приходит к какому-то визуальному итогу, в этом тоже нет радикального разрыва с жизнью. Возможно, меняется форма существования, но сама жизнь продолжается.

Сергей СИРОТИН

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Эра выживания. Реж. Кристина Бужите, Бруно Сампер (2022). Франция, Литва, Бельгия.

Человек бессознательно боится будущего и ждет худшего. Подобные ожидания особенно сильны, когда он видит, что уже сейчас плоды его деятельности порочны. Из таких страхов вырос современный жанр антиутопии, где будущее изображается в чрезвычайно темных красках. Сегодня можно сказать, что антиутопии превратились в часть массовой культуры. Фактически кинопроизводители соревнуются только в том, кто покажет будущее еще более гнетущим, хотя, казалось бы, переплюнуть «1984» Оруэлла невозможно. В современных антиутопиях нет философии, нет рефлексии и осмысления, остались только эстетика и сюжеты со стандартной пустоватой динамикой, притом что главное послание неизменно: в будущем все будет очень плохо. В такой же парадигме снята европейская картина 2022 года «Эра выживания» (оригинальное название *Vesper*). Как бы ни было плохо, человек всегда надеется на лучшее, и в этом фильме тоже есть мечта. Но давящая реальность разрухи почти уничтожает зерно человечности. Кроме того, ряд сцен разрывает мелодраматическую логику повествования, которую ждешь в такого рода фильмах. Там, где кажется, что жизнь все равно восторжествует, потому что положительные герои в принципе не могут умереть, неожиданно все поворачивается иным образом, превращая историю в тяжелую, почти brutальную драму без надежды и сантиментов. В общем, «Эра выживания», развивающаяся преимущественно в эстетическом плане (потому что этический похоронен суровыми дарвиновскими

законами), производит очень сильное впечатление своей визуальной работой. Последовательное уничтожение надежды, потери, сам иерархический порядок вещей, который невозможно сломать, — все это давит на зрителя. Но разве не таким образом проявляется сила искусства?

Европейцы любят модную экологическую тему, поэтому ужасное будущее Земли в «Эре выживания» — это следствие именно экологического кризиса. Когда еще сохранялась надежда с ним справиться, ученые Земли сделали ставку на генную инженерию. К сожалению, искусственно созданные вирусы покинули стены лабораторий и попали в экосистему. В результате произошел коллапс, который изменил облик планеты до неузнаваемости. Почти все живое исчезло. Оставшиеся люди стали жертвами чудовищного по масштабу расслоения. Богачи обосновались в закрытых городах, называемых цитаделями, где можно более или менее сносно жить, а все остальные влачат голодное существование на серой земле, где вообще ничего нет. Трущобы, гнилые постройки, трупы каких-то полусъедобных зверей в почве, мрак вечной осени — так выглядит Земля после катастрофы, а голод — это ежедневная реальность тех, кто не смог попасть в цитадель. Единственный способ получить пищу — это вырастить семена, но их достать можно только в цитадели, обменяв, например, на кровь. Такой обмен единственный связывает богачей и остальных людей. Реальных человеческих контактов между ними нет, а вход в цитадели закрыт. Элита и чернь.

Среди тех, кому не повезло, главная героиня, тринадцатилетняя девочка Веспер. Она тоже существенную часть времени проводит, пытаясь выкопать что-нибудь съедобное из мертвой земли. Но не только. Среди ее увлечений есть место для занятий «синтетической биологией». В полуразрушенной лаборатории, которая похожа не на современное оборудованное помещение с ярким светом, а на мрачный каземат средних веков, она скрещивает генетические коды растений и получает новые виды. Получается безумно красиво. С помощью компьютерной графики удалось показать при-

чудливые создания, настоящие чудеса биотехнологий, сложную игру цвета и формы, дерзкую манифестацию неизвестной, но очень красивой биологической материи. Это не просто попытка заглянуть в будущее, это подлинное визионерство творцов, которые уже увидели будущее своими глазами. В общем, визуальная проработка в «Эре будущего» находится на высоте, пусть со времен франшизы «Чужой» и нельзя говорить о чем-то революционном. В фантастических фильмах компьютерные инженеры создают не столько *новые* миры, сколько *другие* миры, но все их можно привести к общему знаменателю, потому что сами архетипы жанра остаются неизменными. Если вернуться к Веспер, то она, конечно, занимается биологией не просто так. Ее заветная мечта научиться производить пищу. В мире будущего никому не нужны деньги. Всем нужна горсть семян или технология, позволяющая их вырастить в абсолютно враждебной постапокалиптической атмосфере Земли.

Мать Веспер была поражена вирусом и превратилась в бродягу. Таких скитальцев периодически можно видеть, их сгорбленные фигуры, одетые в черное тряпье, тащат за собой разный хлам. Отец Веспер, точнее, тело отца приковано к кровати. К нему подведены трубки, и какие-то мягкие, грязные и склизкие механизмы поддерживают его жизнь. Однако общение с отцом возможно, потому что его сознание было перемещено в способный летать дрон. Этот дрон — единственный живой собеседник Веспер, если не считать вынужденных контактов с дядей. Дядю зовут Ионас, и этот человек несет в себе выраженные черты отрицательного персонажа. Он живет на некотором отдалении от Веспер, во всяком случае, чтобы добраться до него, девочке нужно пройти через чашу. Ионас окружен детьми, но это не значит, что он любит их. Дети обуза, поскольку их нужно кормить, и дядя терпит их только потому, что может использовать. Он единственный в округе имеет канал связи с цитаделью, где обменивает кровь детей на семена. Взгляд Ионаса на жизнь жесткий и предельно прагматичный, в нем нет места чувствам. Может, таким и

нужно быть, чтобы выжить в суровом будущем, но жестокость Ионаса, его отталкивающая хозяйственность в вопросах получения выгоды и безверие, особенно на фоне желающей идти вперед Веспер, не позволяют почувствовать к нему симпатию.

Веспер живет надеждой однажды проникнуть в цитадель и изменить свою жизнь. И, кажется, такая надежда может осуществиться после того, как неподалеку падает транспортное средство, отправившееся из цитадели. Веспер в лесу находит его пассажирку, девушку Камелию. Теперь Веспер уверена, что пропуск в цитадель ей обеспечен, ведь она спасла жительницу закрытого города, а это непременно должны оценить. Однако события складываются непредсказуемым образом, что снова позволяет говорить об отходе от мелодраматических стандартов. Никто в этом фильме не добьется того осязаемого счастья, которое называют *happy end*.

Создателям «Эры выживания» удалось показать очень убедительную, тщательно прописанную визуальную версию будущего. Как мы уже говорили, парадигма антиутопии неизменна — все будет хуже некуда. Протяженные ландшафты бесплодной земли, зловещие черные леса, оборванные дети, копошащиеся в мусоре, и повсеместные следы разрушения, которые просто некому убрать, — таким будет мир после экологической катастрофы. И тем не менее это убожество разрухи причудливо соединяется с веяниями продвинутой технологической эпохи, где даже тринадцатилетняя девочка способна подручными средствами разделить фрагменты генетического кода. Это уже не цифровые, а биологические технологии, и они не просто дополняют жизнь, а в буквальном смысле поддерживают ее. Навыки биологического синтеза у человека становятся такими же обыкновенными, как навыки охоты у собак. Причем реальной победы над угрозами технологии пока не приносят, их еще следует развивать и совершенствовать, потому главная задача получить еду еще не решена. При желании здесь можно обнаружить истинно человеческое зерно. Несмотря на страдания и повальное умирание от голода, человек будущего не

превратился в призрак, боящийся собственной тени. Наоборот, его разум и желание поиска только обострились, во всяком случае, если судить по Веспер, которая упорно выводит новые виды растений.

Несомненно, что Веспер — это лучший представитель сохранившегося человечества. Однако создатели несколько отошли от изображения стандартного в таких историях героя-альтруиста, который бросает вызов порядку вещей и побеждает. Веспер больше напоминает реального человека, чем «избранные», образы которых штампуют в фантастических фильмах. Во-первых, Веспер довольно эгоистична. Где-то в далеком углу сознания у нее крутятся идеи об обеспечении едой всех нуждающихся, но в первую очередь она хочет попасть в цитадель ради себя и своего отца. То есть ее цель прежде всего добиться личной безопасности. По слухам, в цитадели никто ни в чем не испытывает недостатка, поэтому Веспер стремится стать частью элиты, а вовсе не возглавить праведный бунт обездоленных, как это обычно бывает в кино. Вероятно, и изыскания в области синтетической биологии она делает скорее для того, чтобы доказать свою полезность там. Во-вторых, Веспер весьма наивна. Они искренне полагают, что в цитадели ее примут и поймут, особенно после того как она поможет упавшей в лесу жительнице закрытого города. Отец эту наивность видит гораздо лучше и пытается вразумить дочь. В-третьих, Веспер не является носителем какой-либо исключительной морали. Если надо украсть еду, она украдет, не мучаясь угрызениями совести. Она не будет разводить философские дискуссии на тему того, что еда может потребоваться другим, пусть в фильме она и крадет как бы то, что ей и так

полагается. В общем, Веспер — это более живой тип персонажа, который не только без конца действует, но и сомневается, мечтает, ищет. За ее поиски она так и не будет вознаграждена до финальных титров и обретет в лучшем случае надежду, хрупкую и неуловимую, которая не способна гарантировать никакого реального изменения к лучшему. Сама нарративная структура картины не соответствует логике массовой культуры, которая всегда подразумевает какой-то зримый итог, который можно передать другому как «впечатление о фильме» или его «главную мысль». Здесь вместо ясного вывода только призрачное колебание серой атмосферы, в которой на мгновение как будто проступают очертания иного, лучшего будущего. И даже не будущего, а только его обещания. Так или иначе, ухватить его нельзя. Это не осязаемая жемчужина, рождающаяся из грязи, а как бы только лишь намек на преломление хода времени.

От европейского фильма, стартующего с экологической катастрофы и предназначенного для широкого экрана, ждешь очевидного послания и предостережения. Часто такие фильмы прочитываются как иллюстрация наказания за грехи. Удивительно, но в «Эре выживания» вообще не слышен голос судьбы. Эта история оторвана от алармистских веяний сегодняшнего дня. Чрезвычайно тщательная проработка деталей говорит о том, что создателям будущее было интересно именно как будущее, а не как наставительная басня о нашей порочности. В итоге получилась весьма самобытная антиутопия без каких-либо необычных глубинных смыслов, но и без утомительных банальностей жанра. Яркая, но гнетущая работа, о чем свидетельствует весьма низкий рейтинг, все-таки зритель привык видеть больше оптимизма.

С.В.С.

Павел Проскуряков

1. В каком возрасте вы начали сочинять стихи? Почему это произошло? Как вы относитесь к своим ранним опытам?

Первое стихотворение сочинил в 9 лет. Произошло это вот почему. В третьем классе моя первая учительница вдруг отправила меня на городской конкурс чтецов. Ни одного стихотворения наизусть я не знал. В детский сад не ходил и стихов не декламировал. Дома у нас были только две книги со стихами. Елизаветы Тараховской с балладой «Про коня» («Кони бились вместе с нами, Кони гибли на войне...») и стихотворным переложением сказки «По щучьему веленью». И «Василий Тёркин» Александра Твардовского с иллюстрациями О. Верейского. Я выучил «Про коня» и ночью, в кровати, полушёпотом подолгу читал балладу наизусть. Готовился. И победил на конкурсе чтецов. Недавно узнал, что Тараховская — это сестра Софии Парнок. Первое стихотворение сочинил в подражание балладе, оно было про войну. Когда всем дали задание выучить стихотворение и прочитать его перед классом, — я рассказал своё. Софья Павловна всё поняла и поставила пятёрку.

2. Назовите имена поэтов, русских и зарубежных, оказавших на вас наибольшее и благотворное влияние?

Начну с того, что после Тараховской я несколько раз прочёл «книгу про бойца», многие строфы из «Василия Тёркина» помню до сих пор и ценю эту поэму. Отец начал выписывать журнал «Урал», и в нём я не пропускал ни одного стихотворения. Удалось купить в книжном «Избранное» А. Блока и двухтомник А. Пушкина. Прочитал и стал мечтать о стезе поэта. Повторял про себя блоковское: «Подойди. Подползи. Я ударю — и, как кошка, ощерись ты...» Как-то застал пьяненького отца в моей комнате. Он сидел за письменным столом, читал книгу Есенина вслух и плакал (кто-то на неделю дал ему «Избранное»). Он ушёл спать, и я впервые прочитал Сергея Есенина. В институте по рукам ходили двухтомники Е. Евтушенко и Е. Винокурова. Стихи двух Евгениев мне не нравились. У Андрея Вознесенского увидел строки: «Божественно после парилки В реликтовом озере Рильке». Пошёл по библиотекам и понял, что библиотекари книг не читают. Рильке найти не удалось. Потом прочёл «Фауста» Гёте в переводе Пастернака и «Божественную комедию» Данте в переводе Лозинского. «Гамлета» и «Короля Лира». Всё это на меня оказало влияние, надеюсь, что благотворное. Но наибольшее: поэмы Пушкина и Лермонтова, «Тарас Бульба» Гоголя и «Война и мир» Толстого. «Илиада» и «Одиссея» в прозаическом академическом переложении издательства «Наука».

3. Различаете ли вы поэзию и литературное (иное) стихотворчество? Какие факторы влияют в большей степени на появление из-под вашего пера поэтических/стихотворных текстов — онтологические и социальные или какие-либо иные?

Делю стихи на хорошие, не очень, плохие и очень плохие, или никакие. Хочется читать только хорошие. И в принципе у меня такая возможность есть. На появление моих стихов влияют в основном онтологические факторы. А ещё: хорошие стихи, книги, фильмы, хорошая музыка. Как правило, сначала появляется одна или две строки, и я почти сразу чувствую — получится что-нибудь из этого или нет.

Иногда текст годик полежит, и из него вдруг созреет стихотворение, как помидор зелёный в валенке. Что такое социальные факторы — не очень понимаю.

4. Как вы относитесь к верлибру? Как бы вы определили прозапоэтический текст? Назовите имена поэтов, создающих верлибры, которые определялись бы как поэтические тексты. Пишите ли вы верлибры? Если да, то почему? Если нет, то почему?

В своё время не заметил, что «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и «Вольные мысли» А.А. Блока написаны верлибром — настолько это гармонично. Будучи студентом, в букинистическом отделе приобрёл «Листья травы» Уолта Уитмена и был поражён новизной и силой воздействия этой поэзии. Отношусь к хорошему верлибру хорошо. Не смогу дать определение прозапоэтическому тексту. Сколько ни разбивай прозу на отдельные короткие отрезки, — поэзии не получится. Но ведь есть же у нас стихи Юлии Кокорко. Верлибры иногда пишу, и некоторые из них опубликованы. Бывает, что пришедшие строки и сама тема требуют именно верлибра. Поэтому и пишу.

5. Категория «предназначение поэта» сегодня забывается и наукой, и читателем, и издателем. Каково, на ваш взгляд, предназначение поэта? Попытайтесь дать определение таким забываемым феноменам поэтического творчества, как «вдохновение», «пророчество», «невыразимое», «путь», «предназначение (поэта)», «поэтическая гармония», «тайная свобода», «поэтическая свобода», «энигматичность», «эвристичность», «экспериментальность», «поэтическая энергия», «духовность» и др.

Поэту, на мой взгляд, предназначено воспрепятствовать опрощению языка. Вдохновение — это сопричастность, благовещенье. Редко это бывает. С годами всё реже. Пророчество. В юности меня поразило пророческое стихотворение Блока: «Рождённые в года глухие Пути не помнят своего. Мы — дети страшных лет России... Испепеляющие годы...» — сочинённое им в 1914 году.

Невыразимое — это чудо жизни, чудо зрения, слуха и обоняния. Вселенная. Каждое хорошее стихотворение — шаг к познанию невыразимого. Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. И поэт идёт и находит, хотя и пишет вроде бы ни о чём. Путь поэта — запредельная искренность, правдивость. О гармонии я писал выше. Что такое тайная свобода, поэтическая свобода, энигматичность — я не знаю. Эвристичность. Осип Мандельштам писал: необычное — воздух поэзии. И с этим я согласен безоговорочно. Экспериментальность — это поиск новых смыслов. Поэтическая энергия — для меня необходимая составляющая поэзии. Духовность — без бога страшно жить.

6. Назовите ваши любимые стихи, созданные вами или другими поэтами.

Хороших стихов много. Их сотни. А может быть, тысячи. Не возьмусь привести исчерпывающий перечень. А моё собственное любимое стихотворение — это последнее по времени написания, если только оно получилось.

Андрей Ильенков

1. В каком возрасте вы начали сочинять стихи? Почему это произошло? Как вы относитесь к своим ранним опытам?

Сочинять начал в самом раннем детстве, когда читать и писать не умел, и первые свои стихи знаю только со слов старших. Так что почему начал, неизвестно. Разве что потому, что сочинять стихи вообще превесело. К своим ранним опытам отношусь скорее с археологической радостью. Лет с шестнадцати писал уже сознательно. Стихи получались очень (чрезмерно) красивые, хотя и плохие, но случались и удачи. Удачам рад до сих пор, к остальному отношусь как к историческому факту.

2. Назовите имена поэтов, русских и зарубежных, оказавших на вас наибольшее и благотворное влияние?

Ну, это, скорее, не поэты, а их отдельные стихотворения или даже строчки. Кто на меня повлиял? Да, собственно, все. Я по образованию филолог и могу

назвать большое множество имён и строчек (а то и отдельных слов). Только один пример: историю про Вещего Олега я сперва узнал со слов Владимира Высоцкого, потом Александра Пушкина, потом Николая Карамзина, потом Сергея Соловьёва, потом Бориса Акунина, а потом и сам на змей посмотрелся. Змей интереснее, чем литература о них.

3. Различаете ли вы поэзию и литературное (иное) стихотворчество? Какие факторы влияют в большей степени на появление из-под вашего пера поэтических/стихотворных текстов — онтологические и социальные или какие-либо иные?

Думаю, различаю. Но также думаю, что каждый человек полагает, что он различает, и каждый же нередко и ошибается. Факторы написания стихов могут быть разными. Конечно, и онтологические, и социальные, и иные. Метеорологические, сексуальные, медицинские, психологические. И просто графоманские: вдруг захотелось написать стихотворение.

4. Как вы относитесь к верлибру? Как бы вы определили прозопоэтический текст? Назовите имена поэтов, создающих верлибры, которые определялись бы как поэтические тексты. Пишете ли вы верлибры? Если да, то почему? Если нет, то почему?

Прочитую Александра Пушкина: «...что, если это проза, да и дурная?» И это, заметим, написано даже не про верлибр, а про вполне себе силлабо-тонический белый стих Василия Жуковского. Если серьёзно, к верлибру отношусь нормально, то есть равнодушно. Прозопоэтический текст я бы определил лаконично, но за нарушение федерального закона власти могут пожурить журнал «Урал», чего не надобно. Я, да, писал верлибры, но чего я только не писал. Сейчас не пишу и впредь не планирую. Почему не планирую? Ну, у меня и рифмованная силлабо-тоника получается, зачем же хуже, когда можно лучше.

5. Категория «предназначение поэта» сегодня забывается и наукой, и читателем, и издателем. Каково, на ваш взгляд, предназначение поэта? Попытайтесь дать определение таким забываемым феноменам поэтического творчества, как «вдохновение», «пророчество», «невывразимое», «путь», «предназначение (поэта)», «поэтическая гармония», «тайная свобода», «поэтическая свобода», «энигматичность», «эвристичность», «экспериментальность», «поэтическая энергия», «духовность» и др.

Предназначение поэта таинственно. С одной стороны, пользы от поэзии нет (ну, может быть, самая ничтожная, наподобие гонорара или людей насмешить), с другой — поэзия и поэты существуют многие тысячелетия. Даю определения. Вдохновение — солидарен с известным определением Пушкина. Пророчество — предсказание будущего; встречается часто, нередко это делают отнюдь не поэты, а любые люди, не говоря уже о собственно пророках. Невывразимое — либо объективно таковое, либо то, что конкретный автор не способен выразить; второе чаще. Путь (полагаю, поэта) — может быть пешком, может, например, на фрегате «Паллада». (На лайнере «Титаник», на линкоре «Севастополь», в самолёте Як-28 в небе над Берлином — нежелательно.) Лично для меня лучше всего пешком по городу, главное при этом — не забывать сочинять стихи. Поэтическая гармония — скорее метонимия; что такое гармония, знает любой выпускник музыкальной школы, я не выпускник. Тайная свобода — слова Блока, вообще-то противуречие. Свобода не таится. Поэтическая свобода — это то, что сейчас как минимум в России, а кажется, и во всём мире. Поэты никому не нужны, другими словами: «Свободны!» Энигматичность я выше назвал таинственностью, хотя точнее было бы назвать загадочностью. Эвристичность — это удачная экспериментальность, а последняя в поэзии неизбежна. Даже если ежегодно сажашь редиску на одну и ту же грядку, и то каждый раз это эксперимент, а уж о поэзии нечего и говорить. Поэтическая энергия — это, пожалуй, вопрос к эзотерикам (ЭНИО). Духовность и др. — можно, гм, разговаривать до бесконечности, до утра как минимум. Но именно разговаривать, а писать не берусь.

6. Назовите ваши любимые стихи, созданные вами или другими поэтами.

От сего воздержусь. Я бы собственных стихов назвал много, а уж других поэтов ещё больше. И кстати: ладно, если поэты уже умерли, но многие живы, а со многими я лично знаком. Забуду кого-нибудь, так он или она (оно, тоже такое бывает, хотя и неплохие люди) обидится.

Памяти Александра Кузьменкова

В конце минувшего 2022 года не стало критика и прозаика Александра Кузьменкова.

Александр Кузьменков долгие годы был постоянным автором журнала «Урал». В 2011 году и с 2013 по 2018 он вел у нас постоянную рубрику «Чёрная метка», где писал исключительно разгромные рецензии на ведущих, известных и даже пока только-только претендующих на известность русских писателей. Эти рецензии принесли ему славу, пусть и несколько скандальную. Несколько лет подряд Кузьменков был одним из самых популярных журнальных авторов (по данным литературного портала «Журнальный зал»). Он нередко опережал таких известных авторов, как Сергей Гандлевский, Александр Кушнер, Алексей Сальников, Дмитрий Данилов. Его критика в журнале «Урал» по художественной выразительности была сопоставима с хорошей прозой. Он превратился в настоящую звезду литературной критики. В 2018 году Александр Кузьменков прекратил сотрудничество с «Уралом» и почти не печатался в толстых журналах, предпочтя им сайты «Камертон» и «Альтерлит». Его последние журнальные публикации выходили в «Новом берегу» и «Крещатике», однако читатели не забывали и его многолетнее сотрудничество с «Уралом». Даже после ухода из журнала он еще несколько лет занимал высокие места в рейтинге самых читаемых журнальных авторов, нередко выходя даже на первое место. Александр Кузьменков был одним из самых читаемых и самых влиятельных критиков в современной русской литературе. Редакция журнала, даже не соглашаясь с критиком в оценках, не ограничивала его в свободе творчества, понимая, что Кузьменков — уникальное в своем роде явление. Со временем творчество Кузьменкова станет предметом литературоведческих исследований. Его уход — невосполнимая утрата. Редакция выражает искреннее соболезнование родным и близким Александра.

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2022 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- на любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам
Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития
Константин Богомолов — ответственный секретарь
Андрей Ильенков — зав. отделом прозы
Юрий Казарин — зав. отделом поэзии
Валерий Исаков — литературный сотрудник
Александр Зернов — литературный сотрудник
Татьяна Сергеенко — корректор
Юлия Кокошко — корректор
Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков

Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
Адрес электронной почты: editor.ural@mail.ru

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор
376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики
376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики
376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Подписано в печать 14.02.2023
Дата выхода в свет 27.02.2023
Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6
Тираж 1100 экз. Заказ № 7583
Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
<http://magazines.russ.ru/ural/>